

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

XXII международная научно-практическая конференция

(4–5 апреля 2019 г.)

Материалы конференции

Часть 1

Ответственный редактор Н.Н. Цуканов

Красноярск
СибЮИ МВД России
2019

Ответственный редактор

Н.Н. Цуканов, доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России)

Редакционная коллегия:

О.В. Евтихов, кандидат психологических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

А.В. Жильцов, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России);

А.Г. Калугин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

Ю.В. Леонтьева (Сибирский юридический институт МВД России);

С.М. Мальков, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

Е.Б. Мельников, кандидат химических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

В.В. Молоков, кандидат технических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

Е.В. Панов, кандидат педагогических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

В.В. Пономарева, доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России);

Н.А. Рябинин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

А.Б. Судницын, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

С.А. Чумаров (Сибирский юридический институт МВД России);

О.А. Юсупова, кандидат педагогических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России).

Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII международной научно-практической конференции (4–5 апреля 2019 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов ; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – ISBN 978-5-7889-0273-9. – Ч. 1. – 288 с. – ISBN 978-5-7889-0274-6.

В сборник включены тезисы докладов, сообщений и выступлений участников XXII международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики», прошедшей на базе Сибирского юридического института МВД России 4–5 апреля 2019 г.

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-7889-0273-9

ISBN 978-5-7889-0274-6 (ч. 1)

Federal State Public Educational Institution of Higher Education
«Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

ACTUAL PROBLEMS OF FIGHTING CRIME: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

XXIIth International Scientific-Practical Conference
(April 4–5, 2019)

Conference proceedings

Part 1

Editor-in-Chief Nikolay N. Tsukanov

KRASNOYARSK
SLI OF THE MIA OF RUSSIA
2019

Editor-in-Chief Nikolay N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia)

Editorial Board:

Oleg V. Yevtikhov, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Andrey V. Zhiltsov, Candidate of Law Sciences (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Aleksey G. Kalugin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Yuliya V. Leontyeva (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Sergey M. Malkov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Ye.B. Melnikov, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Vyacheslav V. Molokov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Yevgeny V. Panov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Nikolay A. Ryabinin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

A.B. Sudnitsyn, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Sergey A. Chumarov (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Olga A. Yusupova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia).

Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice : proceedings of the XXIIth International Scientific-Practical Conference (April 4–5, 2019) : in 2 parts / editor-in-chief Nikolay N. Tsukanov ; Federal State Public Educational Institution of Higher Education «Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation». – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2019. – ISBN 978-5-7889-0273-9. – P. 1. – 288 c. – ISBN 978-5-7889-0274-6.

The collection of proceedings includes abstracts of reports, speeches and presentations of the participants of the XXIIth International Scientific-Practical Conference «Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice» held at Siberian Law Institute of the MIA of Russia on April 4–5, 2019.

Proceedings are published in authors' versions.

ISBN 978-5-7889-0273-9.

ISBN 978-5-7889-0274-6 (p. 1).

Содержание

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Шаталов А.С.</i> Государственная стратегия борьбы с наркобизнесом: новшества, проблемы реализации и статистические казусы	9
<i>Цуканов Н.Н.</i> Общественная опасность административного правонарушения: к вопросу о состоятельности гипотезы	15

Секция

ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

<i>Жильцов А.В.</i> О некоторых вопросах применения административной ответственности, предусмотренной статьей 7.19 КоАП РФ	22
<i>Иванов А.Ю.</i> Особенности административной ответственности за нарушение пропускного режима охраняемого объекта (ст. 20.17 КоАП РФ)	25
<i>Куцкель М.В.</i> О некоторых проблемах применения примечания к статье 6.8 КоАП РФ	27
<i>Чесноков А.А.</i> К вопросу об обеспечении безопасности отдельных объектов публичного учета	30
<i>Фастович Г.Г.</i> Эффективность правоохранительной деятельности в борьбе с преступностью как критерий и качество функционирования государственного механизма	32
<i>Нагорный Н.Н., Ковалев С.М.</i> О важности установления субъективной стороны административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.3 КоАП РФ, для справедливого привлечения к ответственности	35
<i>Дизер О.А.</i> Совершенствование административно-правовой защиты общественной нравственности	36
<i>Дудина Н.А.</i> Открытость и публичность как принцип деятельности полиции в эпоху новых информационных технологий	39
<i>Будникова А.Б.</i> О необходимости усиления внутриведомственного взаимодействия между подразделениями ГИБДД и территориальными органами внутренних дел при выявлении фактов потребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача	42
<i>Шелехов С.И.</i> Проблема проведения контрольной закупки при осуществлении федерального надзора должностными лицами полиции	44
<i>Гарина О.В.</i> Нелегальная предпринимательская деятельность в сфере перевозок пассажиров и багажа легковым такси	46
<i>Пушкарев А.Л.</i> Реализация оружия, изъятого правоохранительными органами: отдельные проблемы правового регулирования	48
<i>Ильина М.Г., Данилова Р.В.</i> Правовые основания применения служебных собак сотрудниками полиции	51
<i>Чумарова Е.Ю.</i> Учетно-профилактическая деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел: проблема определения категорий несовершеннолетних, в отношении которых возможно осуществление индивидуально-профилактической работы	53
<i>Западнава Ю.А.</i> Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего лицами без определенного места жительства	56
<i>Бабин С.В.</i> К вопросу о необходимости сокращения дискреционных полномочий полиции в сфере государственного принуждения	58
<i>Скрябина О.Е.</i> О реализации правовых механизмов отказа от немедицинского потребления наркотиков на территории Республики Саха (Якутия)	61
<i>Шишкин П.Е.</i> О некоторых вопросах, возникающих при реализации сотрудниками органов внутренних дел полномочий по контролю за исполнением лицами, совершившими административные правонарушения, обязанностей, возложенных судом на основании части 2.1 статьи 4.1 КоАП РФ	64
<i>Кохан Р.Ю.</i> О перечне подразделений органов внутренних дел, сотрудники которых наделены правом направлять лиц на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения	66

<i>Виноградов А.М.</i> К вопросу о структурной реорганизации специализированной службы органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью в 90-е годы XX века	69
<i>Филипсон К.Ю.</i> Правопреемство при возмещении морального вреда, причиненного противоправным деянием	72
<i>Тепляшин И.В.</i> Условия успешного взаимодействия государства и общества в сфере укрепления законности и правопорядка	74
<i>Никитина И.Э.</i> Сотрудничество государств в борьбе с преступностью (на примере европейских стран)	76
<i>Пономарева В.В.</i> Принцип <i>ne bis in idem</i> : особенности происхождения и современного толкования	78
<i>Безруков А.В.</i> Президент Российской Федерации в механизме обеспечения единства государственной власти и противодействия преступности	83
<i>Жанхан Н.</i> Перспективы развития законодательных норм, регулирующих правовые и организационные основы участия граждан в обеспечении общественного порядка в Республике Казахстан	86
<i>Волкова В.Р.</i> Реализация мероприятий Национального плана противодействия коррупции на 2018-2020 годы	89
<i>Невирко Д.Д.</i> Проблемы усмотрения при привлечении государственных служащих к ответственности за коррупционные правонарушения	91
<i>Калашиников О.Д., Меркулов М.А., Шапошников Е.Л.</i> Роль органов внутренних дел, институтов гражданского общества, граждан, средств массовой информации в предупреждении коррупции на современном этапе	94
<i>Чугаев В.В.</i> К вопросу о моделях наделения дополнительными полномочиями как о механизмах, определяющих содержание правового статуса должностного лица	97
<i>Овсянников П.Ю., Сущенко П.В.</i> О правовом регулировании депутатского запроса как одной из основных форм реализации контрольной функции законодательной власти	99

Секция

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

<i>Шеслер А.В.</i> О необходимости согласованности уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики	101
<i>Косарев М.Н.</i> Уголовно-правовая политика противодействия терроризму	104
<i>Юсуфзода А.Х.</i> Некоторые пути повышения эффективности борьбы с терроризмом и экстремизмом	106
<i>Федорова Е.А.</i> Особенности состояния экономической преступности в Сибирском федеральном округе	109
<i>Диканова Т.А.</i> Состояние преступности в транспортной и таможенной сферах	111
<i>Шекк Е.А.</i> Региональный анализ состояния преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в России в 2018 г.	116
<i>Иванов В.Е.</i> Криминологические особенности преступности в Приморском крае (1985-1991 гг.)	120
<i>Серета И.М., Качурова Е.С.</i> О необходимости виктимологического изучения отдельных видов преступлений	123
<i>Писаревская Е.А.</i> Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних: отдельные вопросы правоприменения	124
<i>Клейменов М.П.</i> Модели коррупционной преступности	127
<i>Рябинин Н.А.</i> Запрет дарения в гражданском праве – противодействие коррупции или объективная необходимость	130
<i>Прокументов Л.М.</i> Понятие наркотизма в криминологической науке	133
<i>Рубцова М.В.</i> Проблемы борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков	135
<i>Бучаков С.А., Козловская М.Г.</i> Некоторые аспекты взаимосвязи незаконного оборота наркотиков, миграции и организованной преступности	138
<i>Берестов А.А.</i> К вопросу об общественной опасности преступности, связанной с хищением наркотических средств и психотропных веществ	140
<i>Басова Ю.Ю.</i> Современные подходы к формированию перечня угроз общественной безопасности	142

<i>Бочарникова Л.Н., Лебеденко К.Е.</i> Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг как угроза экономической безопасности.....	145
<i>Мартыненко С.В.</i> Криминологические причины формирования идеологии молодежного экстремизма и ее профилактика	147
<i>Тесленко А.В.</i> О некоторых мерах по совершенствованию борьбы с картелями (ст. 178 УК РФ)	151
<i>Пестерева Ю.С., Чекмезова Е.И.</i> Предупреждение истязаний на личностно-микросредовом уровне	154
<i>Шерстяных А.С.</i> Методы социальной инженерии, используемые при совершении преступлений в сети Интернет	156
<i>Пальчик М.В.</i> Криминологическая характеристика присвоения или растраты	158
<i>Винокуров В.Н.</i> Природа малозначительности деяния в уголовном праве	161
<i>Фисенко Д.Ю.</i> Проблемы правовой регламентации института административной преюдиции в действующем уголовном законодательстве	163
<i>Коваль А.В.</i> Глава органа местного самоуправления как субъект должностного преступления.....	166
<i>Дизер О.А.</i> Некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики провокации преступления.....	169
<i>Рогова Е.В.</i> Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и от наказания	172
<i>Тебиев Р.Р.</i> Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.....	174
<i>Майорова Л.В., Плошкина Я.М.</i> Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба.....	177
<i>Ужахов А.С.</i> Цели применения наказания по уголовному законодательству России	179
<i>Степашин В.М.</i> Параметры строгости уголовной репрессии	182
<i>Кузьменкова С.В.</i> К вопросу о реализации требований общих начал назначения наказания в виде ареста	185
<i>Леонтьева Ю.В., Овчинко О.А.</i> Отсрочка от отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ): ожидания и реальность	187
<i>Сурихин П.Л.</i> Системная ошибка в уголовном праве: понятие, сущность	190
<i>Перетолчин А.П.</i> Социальная обусловленность уголовной ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа	193
<i>Бархатова Е.Н.</i> Отграничение мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательства, от организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества	196
<i>Шинкевич Д.В., Кушкина О.В.</i> Некоторые особенности квалификации фактов хищения с банковского счета и электронных денежных средств	198
<i>Ермаков М.Г.</i> Современные способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ	202
<i>Тепляшин П.В.</i> Вопросы квалификации ограничения конкуренции по признакам «причинение крупного ущерба» и «извлечение дохода в крупном размере»	204
<i>Ступина С.А.</i> К вопросу о взаимосвязи норм гражданского права и уголовного законодательства при толковании признаков составов преступлений против собственности	205
<i>Тулиглов М.А.</i> К вопросу о совершенствовании уголовно-правовой охраны культурного наследия (на материалах Приморского края)	208
<i>Салахова Ж.В.</i> Преступления в сфере компьютерной информации	211
<i>Курсаев А.В.</i> Проблемы оптимизации ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста (статья 144.1 УК РФ)	214
<i>Максименко М.В., Петровская В.В.</i> Незаконная охота: криминологическая характеристика преступления и некоторые вопросы квалификации	217
<i>Акиев А.Р.</i> Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.....	219
<i>Ульянова В.В.</i> Проблемы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступлениями террористической направленности	223

<i>Креховец А.В.</i> Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с применением насилия	225
<i>Бельский А.Е.</i> К вопросу о содержании насилия, не опасного для жизни или здоровья, при захвате заложника	227
<i>Жукова Ю.В.</i> Социальная обусловленность уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию: исторический аспект	229
<i>Семенюк Е.В.</i> Некоторые вопросы в установлении повторности при квалификации преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ	233
<i>Григорян Н.Г.</i> Поощрительные уголовно-правовые нормы как эффективные средства борьбы со взяточничеством в Республике Армения	235
<i>Хилута В.В.</i> Иная личная заинтересованность как деструктивный признак должностных злоупотреблений	238
<i>Матвеев И.В.</i> Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями	241
<i>Гордеев Р.Н.</i> Момент окончания преступления, предусмотренного частью 5 статьи 291.1 УК РФ	243
<i>Быкова Е.Г., Яшков С.А.</i> Некоторые аспекты правовой оценки угрозы незаконного привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств	247
<i>Гарбатович Д.А.</i> Регламентация посткриминального неправомерного уголовно-правового деяния как средство уголовно-правовой политики в предупреждении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ	249
<i>Тюнин В.А.</i> Некоторые вопросы квалификации преступления, предусмотренного статьей 228 Уголовного кодекса Российской Федерации	252
<i>Токманцев Д.В.</i> Активное содействие изобличению лиц, совершивших наркопреступления, как одно из условий освобождения от уголовной ответственности ...	255
<i>Шеслер В.А.</i> К вопросу о возрасте субъекта преступления, предусмотренного статьей 229 УК РФ	258
<i>Винокуров М.В.</i> Ответственность за фальсификацию лекарственных средств по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года	260
<i>Попельницкий Е.В.</i> Некоторые проблемные вопросы применения статей 230.1 и 230.2 УК РФ	262
<i>Власов В.А.</i> К вопросу о совершении преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов	265
<i>Белецкий И.А.</i> Уголовная ответственность за закупку алкогольной продукции в крупном размере без цели сбыта	267
<i>Астахова А.О.</i> О проблемах практики применения статьи 314.1 УК РФ	269
<i>Мальков С.М.</i> К вопросу о систематизации преступлений против военной службы в уголовном законодательстве Российской Федерации	272
<i>Хрущев А.В.</i> К вопросу об объективной стороне нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими	274
<i>Крупин В.А.</i> К вопросу о предмете нарушения правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих	277
<i>Скиба А.П.</i> О результатах работы авторского коллектива по выявлению и анализу коллизий уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства России и ряда стран при освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного	279
<i>Урусов А.А.</i> Некоторые аспекты исполнения обязательных работ	282
<i>Андреева Ю.В.</i> Элементы контроля за обеспечением прав человека при исполнении уголовных наказаний	285

Шаталов А.С.,

доктор юридических наук, профессор
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Москва)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С НАРКОБИЗНЕСОМ: НОВШЕСТВА,
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ КАЗУСЫ**

В нынешних социально-экономических условиях борьба с незаконным оборотом наркотиков осуществляется в рамках единой Концепции государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации¹. Ее идеи нашли нормативное закрепление в действующем уголовном законодательстве и преследуют цель ограничения распространения наркотических средств не только на территории нашей страны, но и за ее рубежами. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации деятельность преступных организаций и группировок (в том числе транснациональных), связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, отнесена к числу основных угроз государственной и общественной безопасности.² Это можно считать вполне закономерным, поскольку незаконный оборот наркотиков помимо прямого вреда жизни и здоровью граждан наносит непоправимый ущерб институтам общества и государства, выражающийся в увеличении расходов бюджетов различных уровней, снижении качества жизни конкретных домохозяйств, ухудшении криминогенной ситуации. Незаконный оборот наркотиков является также одним из основных источников финансирования терроризма.

Анализ материалов уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, свидетельствует о том, что выбор преступниками способа их совершения практически всегда зависит от индивидуальной совокупности объективных и субъективных факторов. По этой причине нередко его сложно установить и точно охарактеризовать, например, тогда, когда он непосредственно связан с недостатками в учете, хранении или транспортировке наркотических средств. В связи с этим уместно обратить внимание на то, что при возбуждении, предварительном расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предметом которых являются наркотические, психотропные, сильнодействующие и ядовитые вещества, дознаватели, следователи и суды помимо всех прочих нормативных правовых актов должны руководствоваться:

– Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»;

– постановлениями Правительства РФ, которыми утверждаются перечни указанных средств, веществ, прекурсоров, растений, подлежащих контролю в Российской Федерации, списки сильнодействующих и ядовитых веществ, а также их значительные,

крупные и особо крупные размеры для целей статей УК РФ;

– Реестром новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен.³

Выступая 28 февраля 2019 г. на расширенном заседании коллегии МВД России, министр внутренних дел РФ В. Колокольцев отметил, что сейчас в сфере противодействия наркопреступности акцент сделан на борьбе с ее организованными формами, перекрытии каналов контрабанды, ликвидации сетевых схем сбыта и подрыве материальной базы наркобизнеса. Всего в 2018 г. были задокументированы свыше 200 тысяч наркопреступлений и установлены почти 96 тысяч лиц, их совершивших.⁴ Приведу четыре наиболее важных блока этих сведений в качестве символической «точки отсчета» для дальнейших размышлений:

во-первых, несмотря на предпринимаемые меры, сохраняются высокие показатели смертности, связанные с незаконным наркопотреблением. Так, в 2017 г. Российским центром судебно-медицинской экспертизы Минздрава России зафиксированы 5 811 случаев смертельных отравлений наркотиками⁵;

во-вторых, число лиц, допускающих потребление наркотиков как регулярно, так и эпизодически, сейчас составляет свыше 2 миллионов человек⁶, большая часть из которых – молодежь;

в-третьих, около 70% выявляемых преступлений по линии незаконного оборота наркотиков являются тяжкими и особо тяжкими;

в-четвертых, только в 2017 г.:

– объем изъятых запрещенных веществ превысил 24,4 тонны;

– были раскрыты 3 496 наркопреступлений, совершенных в составе организованных групп, 7179 наркопреступлений, совершенных с использованием интернет-технологий;

– зарегистрированы 167 преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков;

– в результате реализации комплекса мер по пресечению контрабанды наркотиков из КНР, стран Южной Америки, Европы количество фактов контрабанды наркотиков, уголовные дела о которых находились в производстве органов внутренних дел, составило 581;

– ликвидированы 109 подпольных лабораторий.

В результате предпринимаемых государством мер количество состоящих на учете наркопотребителей существенно снижается (например, в 2017 г. на 7,4% по отношению к 2016 г.), уменьшается число лиц с диагнозом «пагубное употребление наркотиков» (в 2017 г. на 20% по отношению к 2016 г.).

Очевидно, что определенные успехи в деле борьбы с наркопреступностью в нашей стране имеются. Тем не менее такие масштабы распространения немедицинского потребления наркотиков не дают повода для самоуспокоения и предполагают принятие соответствующих мер со стороны государства. Из их общего довольно внушительного числа можно выделить следующие двенадцать мер:

– Российская Федерация последовательно выполняет обязательства, закрепленные в базовых антинаркотических Конвенциях ООН, а также Политической декларации и Плана действий по налаживанию международного сотрудничества (так, в частности, при

участии России и содействии зарубежных партнеров по площадкам ШОС, ОДКБ и БРИКС не получил поддержки курс нарколиберального сообщества, цель которого – существенное ослабление действующей международно-правовой системы контроля над наркотиками, включая легализацию ряда запрещенных веществ, так называемых легких наркотиков⁷), в 2016-2017 гг. были заключены договоры и подписаны планы по борьбе с наркотрафиком с 17 государствами, с Управлением ООН по наркотикам и преступности, налажены тесные контакты по всему спектру вопросов противодействия глобальной наркоугрозе;

– в феврале 2018 г. Указом Президента РФ внесены изменения в Стратегию государственной антинаркотической политики, которые предусматривают (помимо прочего) комплекс мер по подрыву экономических основ наркопреступности;

– с учетом постоянного расширения российского наркорынка за счет появления синтетических аналогов принимаются меры по незамедлительному реагированию на новые психоактивные препараты;

– в уголовное и административное законодательство введены положения, побуждающие наркозависимых к прохождению курса лечения и реабилитации;

– на сегодняшний день в каждом субъекте Российской Федерации действуют государственные антинаркотические программы (они реализуются по двум основным направлениям: профилактика наркомании и лечение и реабилитация наркозависимых лиц);

– начиная с 2011 г. (с момента принятия Стратегии государственной антинаркотической политики) во Всероссийском институте повышения

квалификации МВД России обучение прошли около 2 тысяч представителей компетентных органов стран Центральной Азии, в том числе Афганистана и Пакистана (с 2015 г. такая работа была продолжена в рамках совместных с ООН проектов);

– в 2017 г. в Республике Никарагуа открылся Учебный центр Сибирского юридического института МВД России для специалистов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (его программа рассчитана на полицейских из латиноамериканских стран);

– создаются условия, при которых потенциальная прибыль преступников будет несопоставима со степенью риска для них (прежде всего путем установления механизма обращения в пользу государства наркодоходов по аналогии с порядком взыскания имущества, полученного в результате коррупционных преступлений);

– разрабатываются предложения по совершенствованию норм уголовного законодательства Российской Федерации в части дальнейшего побуждения наркозависимых к отказу от потребления наркотиков и добровольному обращению за медицинской помощью и реабилитацией (лица, совершающие преступления данной категории, в основном являются наркозависимыми, и меры уголовно-правового воздействия, применяемые к ним, должны носить не только карательный, но и профилактический характер, поэтому предлагается наделить суд правом отсрочить отбывание наказания осужденному, изъявившему желание пройти курс лечения, медицинскую и социальную реабилитацию до их окончания);

– пресекаются попытки изменения отношения к наркопотреблению в обществе, навязывания концепции «сни-

жения вреда», неотъемлемой частью которой является «метадоновая заместительная терапия», недопустимая в нашей стране;

– современное антинаркотическое законодательство Российской Федерации является одним из наиболее динамично развивающихся (общее число нормативных правовых актов в указанной сфере, принятых в разное время, насчитывает уже свыше 100 документов, а с учетом ведомственных и межведомственных соглашений и приказов их количество приближается к 1000), в повестке дня – вопрос об изложении действующего Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» в новой редакции (с учетом необходимости существенного расширения предмета его правового регулирования).

В связи с этим также важно отметить, что МВД России активно реализует полномочия по ограничению доступа к интернет-ресурсам, используемым для распространения запрещенной информации о наркотиках. Выступая в Совете Федерации, В. Колокольцев привел следующие данные: только в 2017 г. на рассмотрение в ведомство поступили порядка 50 тысяч электронных сообщений, по 20 тысячам из которых были приняты решения о блокировке соответствующего контента, прекращена деятельность 650 интернет-магазинов, предлагавших наркотические средства. Вся эта информация имеет самое непосредственное отношение к тому, о чем мы намерены говорить дальше.

4 декабря 2017 г. в Москве состоялась международная конференция «Парламентарии против наркотиков», в которой участвовали представители сорока двух стран. Анализ материалов этой конференции позволяет конста-

тировать, что примерно четверть миллиарда человек в мире в течение года употребляют наркотики. Из них около 30 миллионов относятся к категории так называемых проблемных потребителей. От наркотиков каждый год в мире умирают около 200 тысяч человек.

Эксперты ООН вынуждены констатировать существенный рост наркопотребления в мире. Это связано с беспрецедентным увеличением производства наркотиков. В Афганистане и Колумбии существенно превзойдены прежние показатели. Во многих странах наращивается производство синтетических наркотиков и новых психоактивных веществ. Вброс на рынок большого количества наркотиков приведет к падению цен. Результатом могут стать миллионы новых наркопотребителей, что обернется бесчисленными человеческими трагедиями, всплеском преступности и насилия, усугублением конфликтных ситуаций.

Торговля наркотиками питает организованную преступность. Доходы от наркотрафика формируют обширную финансовую базу для террористических и экстремистских организаций. Страны, через которые осуществляется контрабанда наркотиков, сталкиваются с ростом коррупции, насилия. Там, где наркопреступность сильна, она атакует государственные институты. При этом государства зачастую остаются один на один с этой проблемой, не в силах решить ее и перекрыть потоки наркотиков. Эти факты убеждают, что ситуация с наркопотреблением в мире продолжает оставаться тяжелой. Схемы производства и сбыта, транспортные и финансовые сети наркотрафика совершенствуются, скорость и масштабы распространения постоянно растут. Меняется и струк-

тура потребления: появляются новые синтетические препараты, их формулы постоянно обновляются, и национальные законодательства зачастую просто не успевают реагировать.

Более того, далеко не всегда национальные законодательства одинаково классифицируют одни и те же наркотические препараты. Наркопреступность этим пользуется: запрещенный в одной стране наркотик распространяется в другой, где он еще не относится к числу запрещенных. Для эффективной борьбы с наркоугрозой в глобальном масштабе требуются:

координация совместных действий;

выработка общих подходов в формате модельного законодательства;

совершенствование стандартов в области здравоохранения.

Необходимо провести анализ законодательства с тем, чтобы в будущем это позволило избегать ситуации, когда одна страна, изменяя свои законы, создает сложности и проблемы в соседних странах. Это касается в первую очередь либерализации и легализации так называемых легких наркотиков. Особенно важны совместные действия государств для предотвращения наркопропаганды и распространения наркотиков через Интернет, социальные сети, поскольку наркоторговцы все активнее переходят на анонимные мессенджеры и современные платежные системы. Нужно сказать, что в России уже действуют законы по противодействию пропаганде наркопотребления в СМИ и социальных сетях. В соответствии с их нормами возможна блокировка ресурсов, в том числе досудебная.

Ни для кого не секрет, что многие россияне, включая законопослушную их часть, являются в значитель-

ной степени интернет-зависимыми. По имеющимся у нас данным, не менее 87% пользователей компьютеров выходят в Интернет ежедневно. Неуклонный рост их числа и стремительное распространение новых информационных технологий не дает возможности полно, объективно, а главное, своевременно осмысливать криминальные новшества в киберпространстве и сопряженные с ними риски. Это не только новые вирусы, уязвимости и закладки, но и реальная угроза несанкционированного доступа, отсутствие приватности, утечка персональных данных пользователей сети, тотальный контроль российского рынка иностранными производителями и т.д., и т.п. Оценивая реальные и потенциальные риски, нужно понимать, что все современные девайсы, интернет-сервисы, теле- и радиоприспособления, транспорт, связь, промышленные комплексы прочно связаны с Интернетом и обновляются извне. Это значит, что и управляются они таким же путем.

Наблюдается устойчивая причинно-следственная связь между количественным разнообразием современных информационных технологий и качественными изменениями в структуре российской преступности. Повсеместное распространение и довольно быстрое развитие технологий такого рода формируют практически безграничные возможности для подготовки, совершения и сокрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков абсолютно новыми способами и средствами. В несколько не меньшей мере они позволяют разрабатывать и совершенствовать методические основы выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с помощью разнообразных компьютер-

ных и сетевых технологий. Однако по разным причинам это происходит очень медленно. Значительно быстрее пришло осознание того, что сама преступность (в том числе наркотическая) все больше и больше уходит в цифровую среду. Соответственно, правоохранительным органам государства необходимы новые научные методы борьбы с ней в киберпространстве и своевременного предотвращения ожидаемых ее проявлений.

В мире насаждается культ потребления, психология индивидуальности. Шоу, развлечения, призывы получить удовольствие любым образом, нежелание покидать «зоны комфорта» – все это серьезно провоцирует в том числе и интерес к наркотикам, особенно у молодежи.

Яркой особенностью современной ситуации является распространение «дизайнерских» наркотиков, а также массовое внедрение IT-технологий, активное использование схем бесконтактного сбыта наркотиков. Наркоманы чаще стали переходить на употребление синтетических психоактивных веществ, запретительный список которых вполне может стать бесконечным.

Борьба с наркопреступностью является проблемой международного масштаба, поскольку меры по предотвращению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков, не могут быть результативными лишь на национальном уровне. Возьмем на себя смелость утверждать, что эти преступления и в обозримом будущем будут выступать сопутствующим фоном общеуголовной преступности, существенных изменений в динамике и структуре которой, скорее всего, не произойдет. Ежегод-

ный рост общего объема наркопреступности будет стабильным, прежде всего за счет ожидаемого повышения эффективности выявления, раскрытия, расследования и пресечения правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков силами российской полиции. В структуре немедицинского потребления психоактивных веществ будут наблюдаться возрастание и замещение доли природных наркотиков (прежде всего опиатов и каннабиноидов) новыми психоактивными веществами синтетического происхождения. Будет неуклонно увеличиваться объем бесконтактного сбыта наркотиков с использованием интернет-ресурсов.

---

¹ Введена в действие постановлением Верховного Совета РФ от 22.07.1993 № 5494-1.

² О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683.

³ О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 30.

⁴ Выступление министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. URL: <https://мвд.рф/news/item/16022494>.

⁵ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2017 году. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1374113>.

⁶ Там же.

⁷ Важно отметить, что в мире взгляд на запретительную политику в отношении наркотических средств неоднозначен. Многие исследователи указывают (и это зачастую подтверждается историей), что запрет привел не к снижению, а к увеличению потребления (как, например, сухой закон) вышеозначенных препаратов из-за сверхприбылей незаконного оборота. Более того, иногда имеет место «миграция» с запрещенных (и от этого дорогих и криминально опасных) известных препаратов на не запрещенные – малоизученные, вновь изобретенные синтетические наркотические вещества. Кроме того, борьба с распространением наркотиков является благодатной почвой для коррупции и

злоупотребления властью во многих странах мира. Примером разрешительной политики в области немедицинского употребления некоторых видов наркотиков могут служить Нидерланды. Сторонники разрешения наркотиков указывают на резкое снижение потребления запрещенных тяжелых наркотиков (таких как героин) в сочетании с сохраняющимся или умеренно растущим потреблением разрешенных легких (таких как марихуана). Стоит заметить, что деление на тяжелые и легкие наркотики по степени их воздействия на организм неочевидно

вследствие малой изученности долговременного воздействия их на организм (так как сформировать для исследования достаточно большие группы регулярных легальных потребителей легких наркотиков в настоящее время в большинстве стран не представляется возможным).

¹ См.: Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2017 году.

¹ См.: Форма ежеквартальной статистической отчетности 1-АП за 2018 год (сведения о рассмотрении дел об административных правонарушениях).

Цуканов Н.Н.,

доктор юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: К ВОПРОСУ О СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ГИПОТЕЗЫ

В современной юридической литературе все более популярным становится тезис об общественной опасности административного правонарушения. Данный признак часто упоминается не только в административно-правовых источниках¹, но и учебниках по теории государства и права², теории уголовного права³.

Саму по себе идею единства правовой природы преступления и административного правонарушения нельзя назвать новой. Эта тема находит отражение в работах многих советских авторов⁴, хотя в советский период соотношение понятий «общественная опасность» и «общественная вредность» служило едва ли не основным критерием разграничения преступлений и административных правонарушений.⁵

Тем не менее речь по-прежнему идет о научной гипотезе, которая в своем естественном развитии может иметь весьма значительные научно-практические последствия, в частности, дать ответы на многочисленные вопросы: а) в каком объеме положения уголовно-правовой науки применимы к административно-деликтной сфере; б) можно ли утверждать, что уголовное законодательство и законодательство об административных правонарушениях соот-

носятся как общее и специальное; в) применимы ли (если да, то в каком объеме) достижения криминологической науки к области противодействия административным правонарушениям; г) может ли уголовно-процессуальное законодательство иметь отношение к правовой регламентации производства по делам об административных правонарушениях?

Факты, отражающие содержание и организацию применения уголовного и административно-деликтного законодательства, не проясняют ситуацию. С одной стороны, именно в силу того, что административные правонарушения признаются имеющими уголовно-правовую природу, Европейский Суд по правам человека допускает в случаях привлечения лица к ответственности в рамках производства по делам об административных правонарушениях применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.), которая понятием «административный проступок» не оперирует.⁶ Возбуждение уголовного дела по факту совершения противоправных действий является обстоятельством, исключаящим производство по делу об административном правонарушении (п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ). В структу-

ру Особенной части УК РФ возвращены статьи, устанавливающие уголовную ответственность за правонарушения с административной преюдицией. Административисты принимают за основу положения, связанные с элементами состава преступления, но этого оказывается недостаточно, например, при привлечении к административной ответственности юридического лица. С позиции принципов уголовного законодательства трудно объяснить многообразие несудебных субъектов, уполномоченных назначать административные наказания, а также установленные КоАП РФ правила привлечения к административной ответственности при слиянии нескольких юридических лиц, возможность назначения административного наказания юридическому лицу за превышение скорости (в порядке, установленном ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ).

Концепция противодействия административной деликтности сегодня интуитивно воспринимается и законодателем, и правоприменителем как задача реагирования (путем применения мер ответственности) на максимальное количество административных правонарушений. Увеличение объемов административно-юрисдикционной практики оценивается как движение в безусловно правильном направлении, как способ приблизиться к такому состоянию, при котором будет реализован принцип неотвратимости наказания. Однако при этом закон не обязывает правоохранительные органы раскрывать административные правонарушения (в отличие от преступлений) и ориентирует правоприменителя на возможность использования технологий упрощения производства по делам об административных правонарушениях, причем до готовности к отказу от принципа субъективного вменения.⁷

Разумеется, можно вспомнить о том, что само понятие «административное правонарушение» характерно далеко не для всех стран. Более того, в дореволюционной России в правовых источниках и научной литературе одновременно встречались термины «пре-

ступление» и «проступок», но речь шла все же о попытках классификации преступных деяний в рамках уголовного права. Наиболее значительная из таких попыток была предпринята в 1832 г., когда в Своде уголовных законов все преступления были формально распределены на уголовные, маловажные и проступки. При этом под преступлением понималось всякое деяние, запрещенное законом под страхом наказания, а под маловажными преступлениями и проступками – деяния, запрещенные под страхом телесного наказания или мер полицейского исправления. Тем не менее под административным разбирательством, как указывал М.В. Духовский, в законодательстве и юридической науке дореволюционной России понималось право исполнительного органа являться в роли судьи в разборе уголовных правонарушений.⁸

Весьма похожей является попытка законодателя включить в материю действующего уголовного закона понятие «уголовный проступок».⁹ При ближайшем рассмотрении оказывается, что речь идет о варианте дробления категории «преступления небольшой тяжести», при этом предложение никак не затрагивает законодательство об административных правонарушениях.

Назвать общественную опасность убедительным критерием разграничения преступления и административного правонарушения достаточно трудно. Сегодня эта категория служит скорее концентрированным средством оправдания отнесения того или иного правонарушения к административным или уголовным. Более жестко, но справедливо на этот счет высказывается В.К. Колпаков: «С помощью концепции вредности решались два важных политико-идеологических вопроса: во-первых, демонстрировался гуманизм уголовного законодательства, ведь из уголовно-правового пространства выводился огромный массив правонарушений; во-вторых, открывалась практически неограниченная возможность увеличивать количество составов правонарушений и субъектов юрисдикции. Таким образом, концепцию вредности ад-

министративного проступка можно считать своеобразным визажистом карательного сегмента советского права»¹⁰.

Фактически вопрос о разграничении решается исходя из целесообразности применения или неприменения мер уголовно-правового принуждения за данное правонарушение, использования той или иной процедуры привлечения к юридической ответственности, применения к лицам ограничений, обусловленных их привлечением к уголовной ответственности (в частности, судимость), установления ответственности исключительно на региональном уровне и т.д. Как отмечает С.М. Зырянов: «Ввести административный запрет, обеспеченный штрафной санкцией, много проще, нежели установить уголовную ответственность за еще одно противоправное деяние ... Расширение Особенной части УК РФ прямо противоречит уголовной политике Российской Федерации. В отношении административной ответственности подобных условностей не существует, административная политика не выработана, законодатель, как правило, не сопротивляется, принимая предложения субъектов законодательной инициативы об установлении или об усилении административной ответственности»¹¹. Вряд ли непостоянность общественной опасности послужила причиной вначале исключения из УК РФ нормы об уголовной ответственности за клевету¹², а затем восстановления этой нормы¹³.

Одно и то же нарушение правил дорожного движения может привести к причинению различного вреда здоровью пассажира транспортного средства. Причем ущерб как критерий разграничения ст. 12.24 КоАП РФ и ст. 264 УК РФ будет зависеть не только от действий нарушителя. Признак общественной опасности деяния в данном случае связан с исходным состоянием скелета, связок и мышечного корсета пострадавшего, техническими характеристиками транспортного средства, качеством дорожного покрытия и иными обстоятельствами, влияющими на механизм и тяжесть получения травмы. Сле-

дует согласиться с мнением А.Н. Дерюги: признать в этом случае разницу — значит признать случайные факторы, наличие или отсутствие которых фактически определяет признак общественной опасности.¹⁴ С другой стороны, во всех ли случаях можно говорить об общественной опасности таких административных правонарушений, как, например, управление транспортным средством водителем, не имеющим при себе документов на право управления им (ч. 2 ст. 12.3 КоАП РФ), или нарушение правил применения ремней безопасности или мотошлемов (ст. 12.6 КоАП РФ)?

Поскольку сам по себе термин «опасность» предполагает наличие угрозы, т.е. потенциальную возможность причинения вреда, а не только характеристику предусмотренного нормой причиняемого ущерба, постольку его применение для характеристики административного правонарушения, с этимологической точки зрения, является вполне допустимым. Основная сложность решения вопроса о том, присущ ли административному правонарушению признак общественной опасности, заключается, как ни странно, в неопределенности его юридического значения. Вполне справедливым по этому поводу выглядит наблюдение В.К. Колпакова, отмечающего, что «административно-правовая наука предлагает как минимум два доминирующих и наиболее корректно сформулированных варианта решения проблемы соотношения вредности и общественной опасности в определении материального признака административного деликта (административного правонарушения, административного проступка). Первый заключается в том, что понятие "общественная опасность" является общим (Л.В. Коваль). Характеристики общего — это а) степень и б) количество. Степень определяется удельным весом вреда. Количество определяется повторяемостью и рецидивом. Второй заключается в том, что общим является понятие "вредность" (Д.М. Бахрах). Рост или снижение удельного веса вредности образует со-

ответствующую степень общественной опасности»¹⁵.

Полагаем, что в этих условиях вывод о значении признания общественной опасности административного правонарушения требует рассмотрения как минимум двух вопросов: во-первых, насколько это утверждение соответствует действующему законодательству; во-вторых, какие юридические последствия оно влечет?

Исходя из содержания ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, ч. 1 ст. 10 КоАП РСФСР, ни общественная опасность, ни общественная вредность не являлись и не являются существенными признаками административного правонарушения (ст. 2.2 КоАП РФ не может служить убедительным доказательством обратного¹⁶).

Термин «общественная вредность административного правонарушения» фактически не используется действующим законодательством, в то же время словосочетание «общественная опасность административных правонарушений» в целом воспринимается судебными органами.¹⁷

Статья 15 УК РФ не исключает возможности признания административного правонарушения общественно опасным. Более того, ст. 14 УК РФ, с учетом построения формулировки, даже предполагает существование общественно опасных деяний, не запрещенных уголовным законодательством. Похожий вывод можно сделать и на основании ст. 19 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации («Правительство Российской Федерации осуществляет меры по ... борьбе с преступностью и другими общественно опасными явлениями»). На первый взгляд, можно предположить, что аналогичные примеры заложены в п. 2 ст. 15, п. 9 ст. 18, п. 4 ст. 21, п. 2 ст. 22 и других Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», однако в этом случае разница ме-

жду преступным и общественно опасным кроется в возрасте нарушителя.

В то же время в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от **общественно опасного посягательства...**» (выделено мною. – Н.Ц.). При этом речь идет только о деяниях, предусмотренных УК РФ.¹⁸ Под термином «общественно опасное деяние» нельзя, на наш взгляд, понимать административные правонарушения в случаях применения п. «в» ч. 2 ст. 37 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», п. 4 ч. 9 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», п. 1 ч. 2 ст. 274 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, п. 10 ст. 36 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», п. «з» ст. 13 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности», п. 1 ст. 2 Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 191-ФЗ «О передаче и принятии Российской Федерацией лиц, страдающих психическими расстройствами, в отношении которых имеется решение суда о применении принудительных мер медицинского характера». Если следовать этому аргументу, то административное правонарушение не может считаться общественно опасным. Ошибочен также промежуточный вариант, предполагающий, что некоторые административные правонарушения являются общественно опасными, а другие – общественно вредными.¹⁹

Чтобы рассматривать общественную опасность в качестве объективного критерия всех административных правонарушений, необходимо ответить на вопрос: идет ли речь о той же общественной опасности, о которой говорится в уголовном законодательстве? Если да,

то согласны ли представители уголовно-правовой науки с необходимостью поэтапного отказа от КоАП РФ? С тем, что общественно опасным деянием считается, например, бездействие юридического лица или нарушение правил благоустройства городов и других населенных пунктов, ответственность за которое устанавливается законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, при этом сами правила благоустройства регламентируются нормативными правовыми актами органов местного самоуправления? То есть в одном субъекте Российской Федерации или даже в одном муниципальном образовании определенное действие будет считаться общественно опасным (например, несвоевременная обрезка сухих веток, приклеивание объявлений на деревья, выпас скота на территории, занимаемой зелеными насаждениями, складирование вещей на крыше и т.д.), а в другом – нет.

По мнению А.Н. Дерюги, признак общественной опасности присущ административным правонарушениям и нуждается в нормативном закреплении, поскольку «необходимо однозначно показать отношение государства к административной деликтности как к звену цепи преступного поведения, дать возможность обосновать комплексный характер проблемы девиантного поведения, в конечном счете сформировать в обществе негативную оценку этому антисоциальному явлению. Только в этом случае административная политика государства может иметь положительный результат»²⁰. Однако этим же аргументом можно доказать и обратное. Признание уже предусмотренных законодательством административных правонарушений во всем их многообразии общественно опасными может размыть содержание этой категории, сделать ее безграничной, бессмысленной и даже вредной. Во-первых, следующим шагом должна стать постановка вопроса об общественной опасности дисциплинарных проступков, нарушений семейного законодательства и т.п. Во-вторых, от признания административного правона-

рушения общественно опасным оно не утратит своей массовости. Достаточно отметить, что в течение 2018 г. только в сфере безопасности дорожного движения были выявлены около 130 млн. административных правонарушений! Лучше ли от того, что общественно опасные деяния уже воспринимаются общественностью как привычные, вполне приемлемые? В-третьих, если административное правонарушение является общественно опасным, то не логична ли постановка вопроса о необходимости возложения на полицию задач по выявлению и раскрытию данных правонарушений? А если да, то уместной ли будет такая переориентация правоохранительных органов?

Административные правонарушения характеризуются огромным разнообразием. В частности, признавая общественную опасность административного правонарушения и рассматривая варианты реагирования полицейских организаций на множественность административных проступков, Ю.П. Соловей предлагает в законе реализовать основные принципы теории о так называемой формальной строгости административного взыскания по сравнению с наказанием, налагаемым в судебном порядке, и в соответствии с этой теорией налагать предупреждение или штраф только в минимальном размере, указанном в санкции соответствующей статьи. При этом протокол об административном правонарушении не составляется. Сам факт совершения правонарушения является достаточным для наложения административного взыскания; форма и степень вины для органа исполнительной власти (его должностного лица) в отличие от суда значения не имеют. Если лицо оспаривает на месте грозящее ему наказание или полиция считает необходимым применение к нему более строгих мер ответственности, составляется протокол и дело передается в суд. Суд в зависимости от результатов рассмотрения может применить любую, в том числе и наиболее строгую, из указанных в статье меру наказания.²¹ Подход не получил развития в законодательст-

ве, и на сегодняшний день, как мне кажется, упущены необходимые для этого условия, но он весьма интересен тем, что создает иной ракурс для взгляда на проблему. Если исходить из того, что предложенный вариант соответствует идее общественной опасности административного правонарушения, то уместен вопрос: в какой степени это соответствие касается всех административных правонарушений? Актуален ли такой порядок, например, для административных комиссий, налоговых органов или, скажем, Федерального органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный надзор в области использования атомной энергии? Ответ, очевидно, будет отрицательным. Можно предположить, что реализация предложенной теории обоснована лишь применительно к полиции, обладающей уникальным сочетанием организационно-правовых особенностей. Однако в таком случае уместно вести речь и о специфических моделях производства по делам об административных правонарушениях, адаптированных к особенностям иных правоприменителей, а процессуальная часть КоАП РФ перестает быть кодифицированной. При этом отсутствуют основания полагать, что предлагаемый порядок пригоден для всех подразделений полиции или всех административных правонарушений, отнесенных к компетенции полиции.

Полагаю, что само по себе отражение того или иного деяния в административно-деликтном законодательстве не свидетельствует об общественной опасности этого деяния. Если использовать единую с уголовно-правовой наукой терминологию, то термин «общественная опасность» – категория, не все юридические свойства которой могут быть применимы ко всему многообразию административных правонарушений. КоАП РФ не учитывает этот критерий, в законодательстве об административной ответственности отражаются деяния, которые снижают эффективность государственной управленческой деятельности. Административные пра-

вонарушения настолько неоднородны по своей природе, что, возможно, некоторые из них обладают признаком общественной опасности, но при этом не нашли отражения в УК РФ.

Состояние, при котором общественная опасность административного правонарушения скорее предполагается административистами в научной и учебной литературе, но не отражается в нормативных правовых актах, на протяжении многих лет сохраняет свою стабильность. Это утверждение фиксируется в учебной литературе и в целом может характеризоваться как привычное для правоприменительной среды, однако является слишком обобщенным и приблизительным для построения выводов, имеющих непосредственное юридическое значение. Полагаю, что закрепление признака общественной опасности административного правонарушения в КоАП РФ приведет к ненужному сосуществованию двух разновидностей общественной опасности (уголовно-правовой и административно-деликтной) и при этом не даст каких-либо ощутимых дополнительных возможностей для решения реальных практических задач.

---

¹ Макарейко Н.В. Административное право : учебник для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 166; Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Административное право России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. С. 331; Зырянов С.М. Еще раз об общественной опасности административного правонарушения // Административное право и процесс. 2017. № 6. С. 43-46; Дерюга А.Н. Общественная опасность – признак административного правонарушения? // Журнал российского права. 2011. № 8. С. 48-55; Россинский Б.В. Размышления о государственном управлении и административной ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 5. С. 6-24; Конджакулян К.М., Зограбян Г.М. Административное правонарушение: общественная вредность или общественная опасность: вопросы соотношения (сравнительное исследование) // Административное право и процесс. 2014. № 7. С. 45-48.

² Напр.: Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права : учебник. М.: Проспект, 2013. С. 704; Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права : учебник для бакалавров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. С. 506; Теория государства и права: курс лек-

ций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. С. 578.

³ Напр.: Боровиков В.Б., Смердов А.А. Уголовное право. Общая часть : учебник для прикладного бакалавриата / под ред. В.Б. Боровикова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; ИД Юрайт, 2016. С. 33; Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 61.

⁴ Напр.: Лунев А.Е. Административная ответственность за правонарушения. М.: Госюриздат, 1961. С. 45; Советское административное право. Общая часть. М.: Юридическая литература, 1962. С. 237-238; Шишов О.Ф. Преступление и административный проступок : учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1967. С. 32; Шергин А.П. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: вопросы теории и правоприменительной деятельности // Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: вопросы охраны социалистической собственности и общественного порядка : сборник научных трудов. Горький, 1985. С. 12; Милюков С.Ф. О социально-правовом единстве некоторых институтов административного и уголовного права // Там же. С. 32; Васильева Г.В., Студеникина М.С. Законодательство об административных правонарушениях : словарь-справочник для слушателей народных университетов. М., 1986. С. 5.

⁵ Весьма показательным на этот счет является определение, данное М.И. Еропкиным: «Административное правонарушение – виновное, малозначительное вредоносное антиобщественное деяние (действие или бездействие), нарушающее установленные в сфере государственного управления правила поведения». Еропкин М.И. Избранные труды / под общ. науч. ред. А.П. Шергина, В.Г. Татаряна. М.: Эксмо, 2010. С. 319.

⁶ См.: Лутц (LUTZ) против Федеративной Республики Германии : постановление Европейского Суда по правам человека от 25.08.1987 (жалоба № 9912/82) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 541-548.

⁷ Подр.: Цуканов Н.Н. Нарушил ли законодатель презумпцию невиновности лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении? // Государство и право. 2010. № 3. С. 104-109.

⁸ См.: Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел : монография / Н.Н. Цуканов ; научн. ред. Ю.П. Соловей. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2012. С. 15.

⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступ-

ка : проект Федерального закона № 612292-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.12.2018) // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Колпаков В.К. Вредность и общественная опасность административного правонарушения // Административное право и процесс. 2018. № 8. С. 7-11.

¹¹ Зырянов С.М. Еще раз об общественной опасности административного правонарушения // Административное право и процесс. 2017. № 6. С. 43-46.

¹² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ.

¹³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28.07.2012 № 141-ФЗ.

¹⁴ См.: Дерюга А.Н. Общественная опасность – признак административного правонарушения? // Журнал российского права. 2011. № 8. С. 55.

¹⁵ Колпаков В.К. Указ.соч. С. 10.

¹⁶ «Административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его **вредные последствия** (выделено мною. – Н.Ц.) и желало наступления таких последствий или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично». Как видно, термин «вредные» имеет отношение не к действию (бездействию), а к его последствиям. Кстати, не исключается возможность использования данного термина применительно к некоторым последствиям совершенных преступлений.

¹⁷ Напр.: определения Конституционного Суда РФ от 15.09.2015 № 1828-О, от 06.11.2014 № 2477-О, от 18.09.2014 № 1827-О, от 18.09.2014 № 1826-О, от 03.07.2014 № 1552-О, от 04.06.2013 № 900-О.

¹⁸ См.: О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19.

¹⁹ Бахрах Д.Н. Административное право России : учебник. М., 2010. С. 475.

²⁰ Дерюга А.Н. Указ. соч. С. 55.

²¹ См.: Туманов Г.А., Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации / науч. ред. Л.М. Колодкин. Омск: Изд-во ВМШ МВД РФ, 1993. С. 239; Соловей Ю.П. К вопросу о реформе законодательных основ административной ответственности // Законодательство об административных правонарушениях: современное состояние и пути совершенствования : материалы заседания круглого стола. Тула: Аквариус, 2014. С. 34.

Жильцов А.В.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ,
ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТАТЬЕЙ 7.19 КОАП РФ**

В целях противодействия нарушениям нормативно урегулированных правил учета и использования энергоресурсов в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях включена статья 7.19, которая в числе прочего предусматривает административную ответственность за самовольное подключение к электрическим сетям, а также самовольное (безучетное) использование электрической энергии, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

По данным ГУ МВД России по Красноярскому краю, в 2018 году в крае были выявлены (пресечены) 843 административных правонарушения, предусмотренных ст. 7.19 КоАП РФ (АППГ – 939) и составлен 741 протокол об административных правонарушениях (АППГ – 577). Вместе с тем, по данным ПАО «Красноярскэнергосбыт», лишь за 7 месяцев 2018 года сотрудниками компании были составлены 1243 акта о безучетном потреблении электроэнергии, что вдвое превышает показатели аналогичного периода прошлого года.¹ Очевидно, что количество фактов безучетного потребления электрической энергии значительно превышает указанные цифры.

Анализ статистических данных о применении административной ответственности, предусмотренной ст. 7.19 КоАП РФ, и правоприменительной практики территориальных органов МВД России, дислоцирующихся на территории Красноярского края (проведено интервьюирование 40 участковых уполномоченных полиции), свидетельствует о том, что кроме чрезвычайно высокой степени латентности данного вида про-

тивоправного поведения существуют нерешенные проблемы, снижающие эффективность реагирования на выявленные факты самовольного подключения к электрическим сетям и безучетного потребления электроэнергии. В связи с этим не вызывает сомнения необходимость анализа причин возникновения проблем правоприменения и выработки мер по их преодолению. В настоящей работе мы остановимся лишь на некоторых спорных вопросах, связанных с реализацией административной ответственности, предусмотренной ст. 7.19 КоАП РФ.

1. Вопрос о родовом объекте правонарушения, предусмотренного ст. 7.19 КоАП РФ.

На наш взгляд, родовым объектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.19 КоАП РФ, выступают общественные отношения в сфере электроэнергетики. В пользу данного подхода свидетельствует положение, закрепленное в ст. 3 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», согласно которому под электроэнергетикой понимается отрасль экономики Российской Федерации, включающая в себя в числе прочего экономические отношения, возникающие в процессе сбыта и потребления электрической энергии. Кроме того, учитывая, что юридический состав рассматриваемого административного правонарушения является формальным и не требует установления факта наступления вредных последствий, в частности установления факта причинения имущественного ущерба, можно предположить, что закрепление в законе ответст-

венности направлено на защиту установленного порядка подключения к электрическим сетям и учета потребляемой электроэнергии, а не имущественных интересов энергоснабжающей организации.

Вместе с тем административное правонарушение, предусмотренное ст. 7.19 КоАП РФ, находится в главе 7 кодекса «Административные правонарушения в области охраны собственности», а Особенная часть КоАП РФ содержит отдельную главу, включающую в себя административные правонарушения, посягающие на общественные отношения в сфере энергетики (глава 9), соответственно, приведенное выше заключение не согласуется с действующим законодательством.

Таким образом, можно констатировать, что законодатель однозначно определил в качестве родового объекта рассматриваемого административно-правового деликта общественные отношения в сфере собственности.

Законодательное закрепление административной ответственности за самовольное подключение к электрическим сетям и самовольное (безучетное) использование электрической энергии в главе 7 КоАП РФ вызывает вопросы, связанные с применением ряда процессуальных норм, закрепленных в КоАП РФ.

Во-первых, от родового объекта зависит срок давности привлечения к административной ответственности (ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ). Так, постановление по делу об административном правонарушении, родовым объектом которого являются отношения собственности и против порядка управления, не может быть вынесено по истечении двух месяцев со дня совершения административного правонарушения, а по делам об административных правонарушениях, рассматриваемых судьей, — по истечении трех месяцев. Одновременно с этим срок давности по делам об административных правонарушениях в сфере законодательства об электроэнергетике, энергосбережении и энергетической эффективности составляет один год.

Проведенное нами интервьюирование показывает, что почти половина

(46%) опрошенных участковых уполномоченных полиции убеждены, что срок давности привлечения к ответственности за правонарушения, предусмотренные ст. 7.19 КоАП РФ, составляет 1 год, при этом 11% респондентов выразили неуверенность в правильности такого подхода, но считают необходимым применение именно годичного срока давности. 43% считают, что после истечения двух месяцев со дня выявления (пресечения) данного административного правонарушения должно быть принято решение об отказе в возбуждении дела или прекращении производства.

Во-вторых, родовый объект является одним из важнейших правовых условий, позволяющих лицу, осуществляющему производство по делу об административном правонарушении, проводить административное расследование. Согласно ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ если после выявления административного правонарушения в области законодательства Российской Федерации об электроэнергетике осуществляются экспертиза или иные процессуальные действия, требующие значительных временных затрат, проводится административное расследование. Отметим, что по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественные отношения в сфере собственности, административное расследование может проводиться лишь при установлении данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение». Вместе с тем на вопрос о возможности проведения административного расследования по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 7.19 КоАП РФ, положительно ответили 75% респондентов, при этом не считают необходимым осуществлять расследование по данной категории дел 80% опрошенных участковых уполномоченных полиции.

В-третьих, согласно п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ отягчающим административную ответственность обстоятельством признается повторное совершение однородного административного правона-

рушения, то есть совершение административного правонарушения в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ за совершение однородного административного правонарушения.

2. Вопрос о возможности (необходимости) параллельного применения ст. 7.19 и 7.27.1 КоАП РФ.

Очевидно, что в большинстве случаев лицо, совершающее деяния, предусмотренные ст. 7.19 КоАП РФ, действует из корыстного мотива и причиняет материальный ущерб. Однако буквальное толкование диспозиции рассматриваемой нормы свидетельствует о том, что по законодательной конструкции состав административного правонарушения является формальным и для привлечения виновного лица к административной ответственности достаточно доказать наличие запрещенного законом деяния. Иными словами, законодатель не устанавливает в качестве обязательного элемента объективной стороны наступление общественно вредных последствий в виде причинения материального ущерба.

Здесь следует обратить внимание на то, что в диспозиции ст. 7.19 КоАП РФ оговорено условие применения рассматриваемого вида административной ответственности – действия не должны содержать уголовно наказуемого деяния. Выглядит очевидным, что речь идет о разграничении ст. 7.19 КоАП РФ и ст. 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием», однако, как говорилось выше, наличие (отсутствие) имущественного ущерба не влияет на квалификацию деяния в качестве правонарушения, предусмотренного ст. 7.19 КоАП РФ. В таком контексте возникает вопрос о необходимости привлечения лица, совершившего деяние в виде самовольного подключения к электрическим сетям, или потребителя (покупателя), совершившего действия (бездействия), которые привели к искажению данных об объеме потребления электрической энергии (мощности), к адми-

нистративной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 7.27.1 КоАП РФ) при условии, что указанные выше деяния повлекли причинение имущественного ущерба. Отметим, что указанный тезис косвенно подтверждается правовой позицией Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в соответствии с которой обман или злоупотребление доверием в целях получения незаконной выгоды имущественного характера может выражаться в несанкционированном подключении к энергосетям, создающем возможность неучтенного потребления электроэнергии (п. 22).

3. Вопрос о наличии (отсутствии) правовой возможности изъятия счетчика, в который внесены конструктивные изменения, позволяющие безучетно потреблять электроэнергию.

Согласно положениям ст. 27.1 и 27.10 КоАП РФ в целях пресечения административного правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении уполномоченное лицо вправе изымать вещи, явившиеся орудиями совершения или предметами административного правонарушения.

Традиционно в качестве предмета административного правонарушения понимаются вещи и иные блага и ценности материального и иного характера, по поводу которых возникают правоотношения, составляющие объект правонарушения, и воздействуя на которые правонарушитель причиняет вред этому отношению.² Исходя из этого, предметом административного правонарушения является не электросчетчик, носящий следы административного правонарушения, а электроэнергия. При таком подходе у правоприменителя нет права изъять соответствующий прибор учета, что исключает возможность приобщения его к материалам дела в качестве вещественного доказательства и не позволяет пресечь административное правонарушение.

В заключение отметим, что для устранения указанных выше и других проблем в понимании и применении нормы, устанавливающей административную ответственность за самовольное подключение к электрическим сетям, а также безучетное потребление электроэнергии и причинение этими действиями имущественного ущерба, целесооб-

разно произвести корректировку законодательства.

¹ «Красноярскэнерго» усилит борьбу с энерговоровством. NEWSLAB.RU. URL: <http://newslab.ru/news/852034>.

² Макарейко Н.В. Административное право : конспект лекций. 2009. URL: <http://textbook.news/pravo-administrativnoe/administrativnoe-pravo-konspekt.html>.

Иванов А.Ю.,

кандидат философских наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРОПУСКНОГО РЕЖИМА ОХРАНЯЕМОГО ОБЪЕКТА (СТ. 20.17 КОАП РФ)

В силу п. 7 ст. 2, ч. 3.1 ст. 5 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» одним из основных принципов противодействия терроризму является приоритет мер его предупреждения, в целях осуществления которых юридические лица обеспечивают выполнение требований антитеррористической защищенности в отношении объектов, находящихся в их собственности или принадлежащих им на ином законном основании. Применение ст. 20.17 КоАП РФ направлено в том числе и на предупреждение нарушений требований антитеррористической защищенности в отношении объектов, подлежащих охране в установленном порядке. Объектом административного правонарушения являются отношения в области обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Предметом данного посягательства выступают правила пропускного режима охраняемого объекта, которые регламентированы действующим законодательством.

К числу особенностей применения ст. 20.17 КоАП РФ можно отнести следующие.

Первое — перечень объектов, проникновение на которые будет признаваться противоправным и, как следствие, может являться основанием для применения мер административного

принуждения. Единого перечня объектов, подлежащих обязательной охране, в действующем законодательстве нет. Постановлением Правительства РФ от 14 августа 1992 г. № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» определяется перечень объектов, на которые частная охранная деятельность не распространяется. Например, здания, строения, сооружения, прилегающие к ним территории государственных органов Российской Федерации. Однако в нем отсутствуют объекты, подлежащие государственной ведомственной охране, перечень которых определен в ст. 8 Федерального закона от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране». Указом Президента РФ от 7 августа 2004 г. № 1013 «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации» определяется также свой перечень объектов, подлежащих охране.

Второе — субъекты, уполномоченные охранять объекты, проникновение на которые будет признаваться правонарушением, ограничены действующим законодательством. Так, в частности, охрана объектов, подлежащих обязательной охране, осуществляется:

— Федеральной службой охраны Российской Федерации, полномочия которой определяются Указом Президента РФ от 7 августа 2004 г. № 1013 «Вопро-

сы Федеральной службы охраны Российской Федерации»;

- государственной ведомственной охраной федеральных органов исполнительной власти, например Министерства энергетики Российской Федерации. Перечень федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных создавать ведомственную охрану, утвержден постановлением Правительства РФ от 12 июля 2000 г. № 514 «Об организации ведомственной охраны»;

- войсками национальной гвардии Российской Федерации. Согласно ст. 2 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» они осуществляют охрану особо важных и режимных объектов, объектов, подлежащих обязательной охране в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством РФ. Кроме того, в отличие от иных субъектов, осуществляющих функции по охране различных объектов в установленном порядке, войска национальной гвардии также осуществляют охрану имущества физических и юридических лиц по договорам, как и частные охранные организации;

- организации, специально учреждаемые для охраны объектов, в отношении которых установлены обязательные для выполнения требования к антитеррористической защищенности, имеющие лицензию, выданную федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере частной охранной деятельности, или его территориальным органом (ст. 11 Закона РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»). Следует отметить, что частная охранный деятельность не распространяется на объекты государственной охраны и охраняемые объекты, предусмотренные Федеральным законом от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране», а также на объекты, перечень которых утверждается Правительством РФ.

В отличие от указанных субъектов деятельность полиции ограничена направлениями, указанными в ст. 2 Феде-

рального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в числе которых нет такого направления, как обеспечение охраны объектов. Однако согласно Положению о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденному Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699, МВД России, являясь федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел, обеспечивает участие органов внутренних дел в мероприятиях по противодействию терроризму, в обеспечении правового режима контртеррористической операции, в защите потенциальных объектов террористических посягательств и мест массового пребывания граждан, а также безопасность и антитеррористическую защищенность объектов системы МВД России. Таким образом, в рамках своих полномочий полиция принимает участие в обеспечении безопасности объектов от противоправного проникновения, но не во всех случаях применяется ст. 20.17 КоАП РФ (см. п. 25 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции»). Охрана объектов системы МВД России обеспечивается в соответствии с приказом МВД России от 10 февраля 2017 г. № 58дсп «О мерах по обеспечению безопасности и антитеррористической защищенности зданий, сооружений, помещений и иных объектов территориальных органов МВД России».

Третье – субъекты, уполномоченные применять ст. 20.17 КоАП РФ, также ограничены действующим законодательством Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 23.3 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренные ст. 20.17 КоАП РФ, рассматривают уполномоченные должностные лица МВД России.

Протоколы об административных правонарушениях вправе составлять:

– должностные лица федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны (п. 54.1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ);

– должностные лица войск национальной гвардии Российской Федерации (в отношении объектов, охраняемых войсками национальной гвардии Российской Федерации) (п. 103 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ);

– должностные лица органов ведомственной охраны и организаций, военизированных и сторожевых подразделений организации, подведомственной федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации (п. 7 ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ).

Согласно сводной отчетности России за 2017 г., сотрудниками МВД России пресечены 2199 административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.17 КоАП РФ, при этом только по 1089 правонарушениям приняты соответствующие решения в рамках ст. 23.2 КоАП РФ (310 правонарушений рассмотрены в суде). Проанализировав судебную практику за 2018 г., можно отметить, что к числу распространенных проблем, влекущих прекращение производства, а также возвращения материалов на доработку, относятся:

– непредставление сведений о том, что территория, объект, где задержива-

ются физические лица, является охраняемыми объектами. В отдельных случаях физические лица, задержанные на охраняемом объекте, поясняют, что территория указанного объекта находится в открытом доступе, нет ограждений, предупредительных надписей и т.п. ;

– невнимательность при оформлении административно-процессуальных документов или незнание уполномоченными должностными лицами МВД России (полиции) содержания ст. 20.17 КоАП РФ: в протоколах об административных правонарушениях не всегда указана часть ст. 20.17 КоАП РФ, что является нарушением требований ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ об административных правонарушениях. Аналогичные ошибки можно обнаружить и в постановлениях должностных лиц об административных правонарушениях (например, решение Октябрьского районного суда г. Красноярска Красноярского края от 13 июня 2018 г. по делу № 12-180/2018).

С учетом изложенного выше правоприменительную практику органов внутренних дел в части применения ст. 20.17 КоАП РФ необходимо совершенствовать. Привлекая лицо к административной ответственности по ст. 20.17 КоАП РФ, необходимо установить факт того, что лицо находилось на охраняемом в установленном порядке объекте без соответствующего разрешения.

Куцкель М.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ 6.8 КоАП РФ

Распространение наркотических средств и психотропных веществ в современных условиях представляет значительную угрозу для безопасности государства, жизни и здоровья людей, будущих поколений. На протяжении последних лет сохраняется устойчивая тенденция роста правонарушений в сфере неза-

конного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Так, за 2018 год количество правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков выросло на 21,47% по отношению к 2017 году. В 2017 году наблюдался рост указанного показателя на 17,8%.¹ Данная тенденция особо актуализирует

как совершенствование существующих, так и разработку новых административно-правовых средств борьбы с незаконным оборотом наркотиков. В связи с этим считаем необходимым исследовать отдельные вопросы, связанные с привлечением к ответственности по ст. 6.8 КоАП РФ.

В соответствии со ст. 228 УК РФ, лицо, совершившее хотя бы одно из альтернативных действий, входящих в объективную сторону данного преступления, подлежит уголовной ответственности. В примечании 1 к статье указано специальное основание освобождения от уголовной ответственности, которое согласно п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 состоит из двух условий: добровольная сдача наркотических средств или психотропных веществ и активное способствование раскрытию или пресечению преступлений. При этом под добровольной сдачей следует понимать «выдачу лицом таких средств или веществ представителям власти при наличии у этого лица реальной возможности распорядиться ими иным способом». Также в указанном примечании сказано, что добровольной выдачей наркотических средств и психотропных веществ не является их изъятие при задержании лица либо при проведении следственных действий по обнаружению наркотических средств и психотропных веществ.

Нормативное положение, предусматривающее ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ содержится и в КоАП РФ, ст. 6.8 которого устанавливается ответственность за аналогичные деяния, совершенные в размере, не относящемся значительному, крупному и особо крупному. Можно сделать вывод, что данные нормы регулируют смежные общественные отношения, связанные с незаконным приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением, переработкой без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ. В ст. 6.8. КоАП РФ также имеется примечание, в котором сказано о возможности освобождения от административной

ответственности в случае, если лицо добровольно сдаст приобретенные им без цели сбыта наркотические средства или психотропные вещества. Однако в этом примечании не содержится положения, указывающего на обязательные условия добровольной выдачи.

Возникает закономерный вопрос о возможности применения при реализации примечания к ст. 6.8 КоАП РФ аналогии закона (примечание к ст. 228 УК РФ). Доктор юридических наук Н.Н. Цуканов, рассуждая о применении аналогии закона в производстве по делам об административных правонарушениях, говорит, что помимо перечня составов правонарушений материально-правовую сферу составляют правила квалификации, назначения наказаний, критерии элементов состава правонарушений и т.д., где использование аналогии гипотетически исключать нельзя.² На наш взгляд, такой тезис является верным. Дело в том, что для преодоления пробельности в праве могут быть использованы различные юридические способы. Однако в целях оперативного реагирования на возникающие при применении административного законодательства ситуации до внесения соответствующих изменений в части детализации добровольной сдачи наркотических средств в КоАП РФ применение аналогии закона является наиболее эффективным и целесообразным.

Такой позиции придерживаются и судебные органы. Так, в постановлениях по делам об административных правонарушениях, суды часто ссылаются на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» в части толкования сущности и условий применения добровольной сдачи наркотических средств и психотропных веществ.³

Можно сделать вывод, что аналогия закона в отношении примечания к ст. 6.8 КоАП РФ может иметь место. К примеру, норму о недопущении добро-

вольной сдачи наркотиков при отсутствии возможности распорядиться ими применительно к административному производству можно проследить в постановлении судьи Вышневолоцкого городского суда Тверской области от 8 декабря 2017 г. № 5-523/2017. Данным актом лицо было признано виновным в совершении правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.8 КоАП РФ. Из обстоятельств дела видно, что виновный в ходе личного досмотра добровольно выдал наркотическое средство гашиш, но данный факт не повлек за собой освобождения от административной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 6.8 КоАП РФ, а был признан обстоятельством, смягчающим ответственность. Из данного решения видно, что, несмотря на отсутствие в КоАП РФ норм, закрепляющих возможность применения аналогии закона, судебные органы нередко прибегают к использованию данного юридического средства.

В судебной практике встречаются и другие позиции, касающиеся сдачи наркотических средств. Так, постановлением Кировского районного суда г. Махачкалы № 5-261/2013 З.А. освобожден от административной ответственности, предусмотренной ст. 6.8 КоАП РФ, на основании п. 4 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ. Из обстоятельств дела следует, что в ходе личного досмотра З.А. добровольно выдал находящийся у него в кармане кофты коробок с веществом зеленого цвета растительного происхождения. Судом данный факт был признан добровольной сдачей наркотических средств.

Таким образом, очевидна разнородность правоприменения примечания к

ст. 6.8 КоАП РФ. Причиной этому является отсутствие прямого закрепления в ст. 6.8 КоАП РФ условий, касающихся признания сдачи наркотических средств и психотропных веществ добровольной. В целях исключения двойственного применения нормы считаем необходимым дополнить примечание к ст. 6.8 КоАП РФ следующим положением: «Не может признаваться добровольной сдачей наркотических средств или психотропных веществ, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, их изъятие при задержании лица либо при проведении процессуальных действий по обнаружению наркотических средств и психотропных веществ».

¹ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2017 году (выдержка). Государственный антинаркотический комитет. М., 2018. С. 2-3; Форма ежеквартальной статистической отчетности АП-1 за 2018 год (сведения о рассмотрении дел об административных правонарушениях).

² Цуканов Н.Н. О возможности использования аналогии в производстве по делам об административных правонарушениях // Закон и право. 2009. URL: <http://naukarus.com/ovozmozhnosti-ispolzovaniya-analogii-v-proizvodstve-podelam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah> (дата обращения: 30.01.2019)

³ Постановления Чаинского районного суда Томской области от 29.01.2018 № 5-5/2018, от 12.02.2018 № 5-10/2018, городского суда Республики Татарстан от 14.06.2018 № 5-667/2018, Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 31.01.2018 № 5(1)-19/2018; решения Нижнеудинского городского суда Иркутской области от 10.05.2018 № 12-107/2018, Октябрьского районного суда г. Белгорода от 16.03.2018 № 12-67/2018.

Чесноков А.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России,
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОГО УЧЕТА

Сегодня все важнейшие информационные ресурсы государства сосредоточены в базах данных. В первую очередь это касается различного рода реестров, которых в российском законодательстве упоминается более 30 видов. Наибольшее внимание и правовую регламентацию получили публичные реестры, при этом их эффективность обусловлена реализацией принципа внесения (публичности) и принципа публичной достоверности (бесповоротности).

Публичность означает необходимость фиксации всех учитываемых событий и действий, а также открытость для неограниченного количества членов общества и проявляется в наиболее важных правоотношениях. Данный термин не получил в юридической литературе должного освещения. Отдельные публикации¹ по этому вопросу не отражают многогранности его содержания.

Очевидно, что, используя сведения из официальных реестров, граждане должны быть уверены в их действительности и правовой надежности. Поэтому государство должно принять все необходимые меры для того, чтобы гарантировать своим гражданам правовую защищенность от преднамеренных или случайных нарушений их прав, связанных с недостоверностью полученной информации.

Принцип публичной достоверности применим не только к реестрам, но и к иным явлениям, например ценной бумаге, где, как отмечает М.М. Агарков, «... публичная достоверность исключает возможность возражений, основанных на отношениях, не получивших выражения в тексте бумаги»². В любом случае декларирование публичной достоверности по отношению к информационным ресурсам означает принятие

государством обязательств по формированию правовых и организационных гарантий ее полноценной реализации.

Экономическая суть принципа публичной достоверности проявляется в снижении до приемлемого уровня рисков участников нескольких последовательных правоотношений, кроме того, значительно уменьшается возможность совершения различного рода злоупотреблений и хищений.

Сегодня все чаще приходится констатировать, что без реализации принципа публичной достоверности существующие в России реестры теряют смысл, а цель обеспечения устойчивости оборота общественных отношений не достигается. Поэтому уже в 2009 году указанное правило было включено в Концепцию развития гражданского законодательства в Российской Федерации, а именно обозначены принципы проверки законности оснований регистрации, публичности реестра, презумпции его достоверности». Логичным следствием было введение в ГК РФ ст. 8.1 «Государственная регистрация прав на имущество», которая значительно укрепила гражданский оборот, введя некоторую защиту для лица, совершившего сделку и полагавшегося на публичную информацию. При этом такое лицо должно сохранять зарегистрированные за ним права в том виде, как эти права уже были записаны в реестр.

К сожалению, в публичных отраслях права значение публичной достоверности несколько размыто. Это даже звучит как каламбур. Сегодня проверка по реестрам еще не дает гарантии статуса добросовестного приобретателя. Взять хотя бы «гениальный» институт «неосмотрительность в выборе контрагента»³, изобретенный судебной прак-

тикой по налоговым делам, явно противоречащий отраслевому принципу добросовестности налогоплательщика и позволяющий взыскать неуплаченный налог с контрагентов, не представивших доказательств отсутствия грубой неосторожности в выборе делового партнера.

Недостатки правового регулирования публичной достоверности создают почву для злоупотреблений. Так, именно самостоятельное ведение реестров акционерными обществами с количеством акционеров менее 50 создало распространенную в «нулевых» годах схему рейдерства – силовой захват реестра, внесение в него изменений и последующее утверждение протокола общего собрания, на котором выбирается новый генеральный директор.

Конечно, в 2009 году принимается так называемый «антирейдерский пакет»⁴, что привело к установлению специального процессуального порядка разрешения корпоративных споров, их исключительной подсудности, появлению новых составов преступлений и, по оптимистичным прогнозам, к искоренению рейдерства как явления. Но из-за полумеры законодателя – возложения дополнительных регистрационных функций на нотариусов – открылась новая лазейка. Вероятно, не учитывался факт, что нотариусы, деятельность которых не обладает свойством прозрачности, тоже могут нарушить закон.

Например, достаточный резонанс в г. Барнауле получила неудавшаяся попытка рейдерского захвата отеля «Александр Хаус» (ООО «Алтэкс»). Следствие установило, что в 2014 г. М. предоставил в налоговую подложные документы, в том числе договор купли-продажи долей, заверенный нотариу-

сом. На их основании внесли изменения в ЕГРЮЛ и учредительные документы «Алтэкса». В результате М. приобрел права на его активы – отель «Александр Хаус» и земельный участок стоимостью более 66 млн. рублей. Затем он попытался перевести объекты недвижимости в собственность подконтрольной ему фирмы. Но это не удалось – документы из Росреестра изъяли правоохранительные органы.⁵

Сегодня приходится констатировать и отсутствие общей правовой регламентации реестров, правила ведения которых определяются конкретными ведомствами. Принятие же единых требований и принципов позволит не только создать предпосылки открытости, но и возможность создания единого информационного ресурса или оператора, например в рамках портала государственных услуг. Поэтому мы выступаем за принятие, например, закона «О публичных реестрах», который был бы важным шагом реализации публичной достоверности для правовой системы в целом.

¹ Цуканов Н.Н. О принципе публичности в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2008. № 4. С. 7-10.

² Агарков М.М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М.: БЕК, 1994. С. 201.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 17, ст. 1657; определение Верховного Суда РФ от 21.09.2016 № 309-КГ16-11417 по делу № А76-17369/2015 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 19.07.2009 № 205-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29, ст. 3642.

⁵ По материалам сайта СУ СК по Алтайскому краю. URL: <http://altai-krai.sledcom.ru> (дата обращения: 11.12.2018).

Фастович Г.Г.

Юридический институт Красноярского государственного аграрного университета

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ КАК КРИТЕРИЙ И КАЧЕСТВО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

В соответствии с Конституцией РФ правоохранительные органы занимают одно ключевых мест в деятельности государственного механизма современной России, выполняя ключевые задачи по обеспечению соблюдения конституционных прав и свобод человека. Степень эффективной деятельности государственного механизма, его преимущества и недостатки по сравнению с другими правовыми категориями находятся в прямой зависимости от деятельности государственных органов, где особое место отводится в правоохранительных структурах борьбе с преступностью. Правоохранительные органы в соответствии с действующим законодательством наделены рядом задач, которые осуществляются в рамках конкретных направлений (функций) правоохранительной деятельности. Можно говорить о том, что правоохранительная деятельность, как государственная или санкционированная государством деятельность, осуществляется с целью охраны и защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. В рамках такой деятельности осуществляется профилактика нарушений прав человека путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного конституционного порядка.

Правоохранительная деятельность включает в себя три составляющие: охрана существующего в государстве правопорядка, защита существующего правопорядка, предупреждение нарушений существующего в государстве правопорядка. Если деятельность органа государственной власти или иной организации связана только с одной или двумя составляющими, то он (она) вряд ли может быть причислен(-а) к числу правоохранительных, а выступает либо правозащитным, либо контрольно-

надзорным органом и др. Согласно точке зрения Р.В. Шагиевой, Б.В. Шагиева, правоохранительная деятельность по полноте своего содержания должна включать полный комплекс указанных составляющих.¹

Особое место в деятельности правоохранительных органов отводится их взаимодействию с институтами гражданского общества, а именно состоянию правового коэффициента доверия граждан к деятельности правоохранительных органов, который приводит к достижению социальных благ, законных интересов людей и обеспечивает гарантии правового порядка, развитие гражданского общества. Данное положение в полной мере находит отражение и в приоритетных принципах деятельности полиции. Так, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. «О полиции» закрепляет обеспечение законности, прав и свобод человека и гражданина, защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан. Одним из важнейших принципов, обеспечивающих права и свободы человека, выступает общественное доверие и поддержка граждан, реализация такого принципа нацелена на повышение доверия граждан к полиции и оптимизацию имиджа ОВД в целом.²

Стоит отметить, что на сегодняшний день правоохранительная деятельность охватывает различные сферы жизни современного общества от охраны конституционного (государственного) строя до охраны культуры и духовности общества. Решение проблем, связанных с обеспечением нормального функционирования экономики, осуществление внешней политики, создание условий для развития культуры, науки и образования и выполнение других важных функций также относится к многообразной и многоплановой деятельности правоохранительных органов.

Одним из важных аспектов эффективного взаимодействия правоохранительных органов и общества выступает определение институтов гражданского общества, заинтересованных в продуктивном взаимодействии с государством в противодействии коррупции, так как без формирования полноценного института общественного контроля и участия представителей гражданского общества в антикоррупционных механизмах едва ли можно эффективно бороться с коррупцией. Так, в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в перечне мер по профилактике коррупции закреплены такие меры, как формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, развитие институтов общественного контроля над соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции. Среди основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции обозначено создание механизма взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями по вопросам противодействия коррупции, а также с гражданами и институтами гражданского общества. Пока данный антикоррупционный механизм во многом декларативен. Для улучшения ситуации требуется, с одной стороны, повышение уровня правовой культуры граждан и государственных служащих, с другой – совершенствование качества правотворчества и реализации норм права. Так, граждане могут быть привлечены к организационно-управленческой деятельности государства через их участие в охране общественного порядка, где требуется соответствующий уровень и характер их правосознания и правовой культуры. Также нельзя недооценивать и тот фактор, что реализация эффективной модели противодействия коррупции является «лакусовой бумажкой» в определении эффективности или неэффективности деятельности государственного механизма в целом.

В юридической науке к частному механизму, обеспечивающему обратную связь государства и гражданского общества, относится правовой мониторинг. В рассматриваемой сфере он реализуется как систематическое отслеживание уровня коррупционности нормативных правовых актов и их проектов, определение динамики данного уровня. Осуществлением мониторинга занимаются не только органы публичной власти, но и общественные институты. Ведь без формирования полноценного института общественного контроля и участия представителей гражданского общества в антикоррупционных механизмах едва ли можно эффективно бороться с коррупцией. Потому российское государство и общество должны совместно формировать правовой механизм борьбы с коррупцией. Таким образом, участие в данном процессе представителей гражданского общества выступает одним из ключевых условий противодействия коррупции в России, основа которого – обратная связь государства с гражданским обществом.

При всей широте возможностей участия гражданского общества в противодействии коррупции, предоставляемых российским законодательством, нельзя не отметить их декларативность и неконкретность, равно как и неопределенность форм и механизмов их реализации. Особенно остро стоит вопрос обеспечения обратной связи с государством при реализации гражданских антикоррупционных инициатив. Как было отмечено участниками круглого стола «Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией» при Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: «В настоящее время расчет на то, что сама практика взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества определит механизмы прямой и обратной связи в порядке самоорганизации, не оправдался, полная свобода антикоррупционной общественной деятельности может порождать деструктивные проявления, политическую спекуляцию на теме

борьбы с коррупцией. В итоге мы наблюдаем либо пассивность общества в борьбе с коррупцией, либо неконструктивную критику государства и его институтов»³. Действительно, недостаточная четкость приоритетов и форм государственной политики по привлечению институтов гражданского общества к борьбе с коррупцией, отсутствие согласованного обеспечения обратной связи в этом вопросе снижает эффективность совместного противодействия коррупции. На наш взгляд, именно государство является тем правовым субъектом, который определяет формы взаимодействия гражданского общества и правоохранительных органов. Также важным аспектом эффективного обеспечения антикоррупционной политики выступает определение институтов гражданского общества, заинтересованных в продуктивном взаимодействии с государством в противодействии коррупции. Критерием определения может выступать заинтересованность граждан во взаимодействии, основанная на использовании органом государственной власти компетентности и возможностей (экспертных, мониторинговых, методических) институтов гражданского общества, определяемых сферой его деятельности. Эффективность такого взаимодействия будет определяться способностью того или иного института гражданского общества осуществлять мониторинг законодательства и правоприменения в соответствующей сфере правоотношений, а органа государственной власти – воспринимать и учитывать результаты такого мониторинга в своей профессиональной деятельности.

На наш взгляд, важно проводить правовую политику в сфере функционирования правоохранительных органов, органов внутренних дел. Следующие меры позволят повысить качество и эффективность работы ОВД в современной России:

– широкое использование технических средств и научно-технического прогресса в деятельности соответствующих подразделений (криминалистических, оперативно-розыскных, следственных и пр.);

– привлечение общественности к деятельности правоохранительных структур, что может быть выражено в формировании общественных советов при соответствующих органах, повышении качества их деятельности с последующим освещением в средствах массовой информации;

– системный мониторинг промежуточных результатов работы ОВД в конкретных сферах, использование представленной информации в специализированных учебных заведениях ведомственного назначения;

– привлечение к работе отдельных подразделений ОВД представителей научно-исследовательских институтов, независимых экспертов, юристов-ученых, специалистов в узких областях;

– качественное и широкое привлечение граждан к охране общественного порядка посредством участия народных добровольческих дружин и общественных объединений правоохранительной направленности в работе органов полиции и иных подразделений ОВД;

– использование передового зарубежного опыта в сфере противодействия коррупции и иных правонарушений в органах внутренних дел.

В итоге хотелось бы обратить внимание на то, что реформирование государственного механизма невозможно без эффективной и слаженной работы правоохранительных структур и органов внутренних дел в частности. Проводимые реформы в области государственного механизма должны быть целостными, системными и последовательными, в результате которых будет достигнута демократизация и эффективность государственного управления. Выработка новых методов работы государственных органов, осуществляющих свою деятельность в соответствии с принципами правового государства, позволит говорить об эффективности функционирования государственного механизма современной России.

---

³ Шагиева Р.В., Шагиев Б.В. Правоохранительная деятельность: проблемы теоретического обоснования // Административное и муниципальное право. 2014. № 8.

² Безруков А.В. Участие правоохранительных структур в обеспечении конституционного права граждан на манифестации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4.

³ Тихомиров Ю.А. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией :

научно-практическое пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013.

Нагорный Н.Н.,

кандидат философских наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Ковалев С.М.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**О ВАЖНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО
ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ЧАСТЬЮ 1 СТАТЬИ 20.3 КОАП РФ,
ДЛЯ СПРАВЕДЛИВОГО ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Предотвращение распространения общественных взглядов, идеологий, призывающих к агрессивным действиям, несомненно, имеет важное общественное значение. Функцию вышеобозначенной профилактики выполняет ст. 20.3. КоАП РФ «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами».

По нашему мнению, диспозиция данной статьи сформулирована некорректно, так как привлечение к административной ответственности возможно не только за пропаганду, т.е. распространение антисоциальных идеологий и взглядов (речь идет о нацизме, экстремизме), что и являлось целью принятия законодателем этой нормы, а за факт публичного демонстрирования (учитывается только объективная сторона данного правонарушения и не дается квалификация его субъективной стороне, что приводит к привлечению к ответственности невиновных лиц).

Лицо, которое осуждает нацизм и экстремизм, но демонстрирует их символику (например, для наглядной иллюстрации, визуализации критикуемых

взглядов), будет привлечено к ответственности по ст. 20.3. КоАП РФ. Будут считаться лицами, совершившими данное административное правонарушение, создатели кинофильма «Семнадцать мгновений весны» и других фильмов о Великой отечественной войне, показывающие борьбу против немецкого фашизма (нацизма), но публично демонстрирующие его символику. Получается, что право наказывает тех, кого не должно наказывать, и это приводит к абсурду, несправедливому привлечению к административной ответственности.

Поэтому мы согласны с авторами законопроекта, которые предлагают изложить диспозицию ч. 1 ст. 20.3 КоАП в следующей редакции: «пропаганда либо публичное демонстрирование в целях пропаганды нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда которых запрещена федеральными законами»¹. Нами выделены курсивом ключевые положения новеллы, в которых, как того требует правовая теория квалификации правонарушений, при оценке состава административного правонарушения учитываются характеристики его объективной и субъективной стороны.

Также в этом проекте федерального закона предусмотрено примечание, в котором говорится: «Положения настоящей статьи не распространяются на случаи использования нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда которых запрещена федеральными законами, в произведениях науки, литературы, искусства, а также в информационных, учебных и просветительских целях при условии отсутствия признаков пропаганды и (или) оправдания экстремизма»². Совершенно справедливо указано, что не должны привлекаться к ответственно-

сти ученые-историки, писатели, публицисты, изучающие и анализирующие нацизм и экстремизм.

Предложенный проект федерального закона (изменений в Кодекс об административных правонарушениях) должен быть принят в ближайшее время, что позволит изменить имеющуюся в настоящее время в некоторых случаях несправедливую практику привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ невиновных лиц.

---

¹ Проект Федерального закона № 390402-7 «О внесении изменений в статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.02.2018) // Справочно-правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 17.12.2018).

² Там же.

Дизер О.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Омская академия МВД России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Проблемы, связанные с защитой общественной нравственности в России и в мире, являются многоаспектными и приобретают все большую актуальность. К негативным социальным последствиям правонарушений в сфере общественной нравственности относятся морально-нравственная деградация общества и личности, разрушение физического и психического здоровья, института семьи, утрата традиций и духовных ценностей, распространение заболеваний, «сопровождающих» антисоциальное поведение, утрата нравственных скреп общества. Очевидно, что подобные правонарушения выступают в современных условиях крайне опасными факторами риска для общественной и личной безопасности.

К числу основных недостатков деятельности органов публичной власти в данной сфере следует отнести отсутствие целенаправленной государственной

политики по укреплению духовных основ общества, системы защитного законодательства, противодействующего самым антисоциальным явлениям, а не их последствиям, понимания пределов и содержания административно-правовых мер защиты общественной нравственности, формирование информационного общества без учета возможности его бесконтрольного влияния на состояние общественной нравственности.

При этом именно административное право располагает сегодня наиболее развитой и гибкой системой мер реагирования предупредительного, ограничительного, пресекающего, обеспечительного и наказательного характера, дифференцированной по силе, характеру и масштабам воздействия. Сказанное предопределяет приоритетность административно-правовой компетенции в выявлении угроз общественной нравственности и их нейтрализации.

Под административно-правовой защитой общественной нравственности следует понимать осуществление органами публичной власти функций по выработке и реализации государственной политики, направленной на создание благоприятных условий для дальнейшего развития общественных отношений, сформировавшихся под влиянием обычаев, традиций, норм морали и нравственности, складывающихся в местах, открытых для свободного посещения граждан (в том числе в киберпространстве с помощью технических средств), обеспечивающих физическое, психическое, социальное, духовное благополучие отдельных граждан и общества в целом, их нормативно-правовому регулированию, а также правоприменительных функций в указанной сфере.

Недостаточность условий для обеспечения административно-правовой защиты общественной нравственности от угроз, исходящих от антисоциального поведения, проявляется в отсутствии механизмов реализации функций по социальной реабилитации и ресоциализации граждан, ведущих антисоциальный образ жизни и страдающих заболеваниями, его сопровождающими. Проведение восстановительных мероприятий в отношении таких лиц должно быть выделено как самостоятельное направление государственной политики по защите общественной нравственности. Для ее реализации необходимо усовершенствовать организацию наркологических учреждений с учетом современных подходов к лечению и профилактике пьянства и алкоголизма, урегулировать порядок создания государственных и муниципальных реабилитационных центров для больных наркоманией и алкоголизмом, поддерживать негосударственные реабилитационные организации и движение самопомощи, способствующие их реадaptации.

С учетом положений Глобальной стратегии сокращения вредного употребления алкоголя Всемирной организации здравоохранения, утвержденной 19 мая 2010 г., необходимо сформировать принципиально новые подходы го-

сударственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации к смещению акцентов с преодоления негативных последствий потребления алкоголя на защиту прав граждан, выявление, предупреждение и уменьшение влияния причин и условий, способствующих потреблению алкогольных напитков населением.¹

Наиболее эффективными для предотвращения ущерба должны стать меры, направленные на ограничение доступности алкоголя для населения, особенно крепких напитков, — доступности экономической, пространственной, во времени, по возрасту и пр.

Государственная политика по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации должна обеспечиваться соответствующими организационными мероприятиями.

Главным недостатком существующей системы профилактики пьянства и алкоголизма является ведомственная разобщенность, отсутствие взаимосвязи в деятельности. Для координации работы в данном направлении и руководства ею необходимо создать межведомственный совет, функциями которого должны стать выработка и совершенствование мер государственной политики по защите общественной нравственности, исходящих от пьянства и алкоголизма; распространение информации о проводимых мероприятиях, научных и статистических исследованиях по проблеме; ежегодное представление Правительству Российской Федерации доклада о состоянии дел в рассматриваемой сфере с предложениями по улучшению профилактики, предупреждению пьянства и алкоголизма среди различных слоев населения.

Реализация предложенных мер будет способствовать более продуктивной защите общественной нравственности от угроз, исходящих от пьянства и алкоголизма.

Современная государственная политика по профилактике бродяжничества

и попрошайничества должна развиваться в двух основных направлениях. К числу основных перспективных организационных мероприятий следует отнести необходимость принятия Федерального закона «Об основах системы профилактики бродяжничества и попрошайничества», предусматривающего создание государственной системы профилактики бродяжничества и попрошайничества.

Ядром этой системы, выполняющим функции координации и контроля за соблюдением законодательства в рассматриваемой сфере, могут стать специально образованные постоянно действующие комиссии по профилактике бродяжничества и попрошайничества для обеспечения согласованных действий федеральных органов исполнительной власти, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления в области защиты общественной нравственности от угроз, исходящих от бродяжничества и попрошайничества.

Повышению результативности государственной политики по профилактике бродяжничества и попрошайничества будет содействовать ряд новых административно-правовых мер защиты: установление административной ответственности за бродяжничество и попрошайничество на федеральном уровне; принудительное лечение, помещение лица, занимающегося бродяжничеством и попрошайничеством, в специальные учреждения; направление на медицинское освидетельствование и медицинское освидетельствование на предмет определения степени состояния здоровья; доставление и оказание содействия в доставлении граждан, занимающихся бродяжничеством, в специальные учреждения органов внутренних дел, в специализированные учреждения для лиц, нуждающихся в социальной реабилитации, либо в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции.

Воздействие угроз общественной нравственности актуализируется в связи с формированием информационного

общества, сопровождающимся бесконтрольным саморазвитием сети Интернет. Общественная нравственность в этой связи как объект административно-правовой защиты все больше аккумулируется в сфере общественной и личной безопасности, действенным инструментом ее защиты в киберпространстве должны стать административно-правовые меры. Адекватность противодействия информационным угрозам в рассматриваемой сфере значительным образом зависит от качества государственного управления. С учетом изложенного в Государственную программу Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)» необходимо включить *подпрограмму «Защита общественной нравственности в информационном обществе»*.

Совершенствование защиты общественной нравственности должно сопровождаться введением такой меры, как принудительное лечение. В настоящее время сложились предпосылки для правовой регламентации отношений, связанных с установлением оснований для направления граждан в специализированные учреждения для их принудительной изоляции и медико-социальной реабилитации и ресоциализации. Федеральными законами от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» должны быть решены вопросы, связанные с организацией деятельности специализированных учреждений, правовым положением граждан, находящихся в них, иными отношениями, связанными с пребыванием граждан в указанных специализированных учреждениях.

Дополнение Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной про-

дукции» и принятие на его основе постановления Правительства Российской Федерации, устанавливающего административно-правовой статус учреждений для помещения лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, полномочия, объем оказываемых услуг, единый порядок содержания доставляемых лиц, позволили бы на более высоком качественном уровне единообразно

осуществлять деятельность по вытрезвлению граждан. Также подобный порядок может способствовать решению проблем, возникающих и при доставлении в медицинские организации граждан, нуждающихся в проведении медицинского освидетельствования.

---

¹ Глобальная стратегия сокращения вредного употребления алкоголя. Женева, 2010. 48 с.

Дудина Н.А.,

кандидат юридических наук,
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ОТКРЫТОСТЬ И ПУБЛИЧНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В ЭПОХУ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Наверное, вряд ли кто-либо будет отрицать, что современное общество живет в эпоху стремительного развития и использования средств информационных и коммуникационных технологий. Без информационных технологий сегодня не обходится практически ни одна из сфер жизни общества, не стала исключением и социально-правовая сфера. Пожалуй, смело можно утверждать, что понятия «юриспруденция» и «информационные технологии» весьма тесно связаны друг с другом. Так, реализуя отдельные конституционные гарантии для граждан Российской Федерации, законодатель предоставил возможность трансляции открытых судебных заседаний по радио, телевидению и в сети Интернет. Об этом свидетельствуют, в частности, нормы УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

В соответствии со ст. 15.1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» трансляция заседания, если оно открытое, может осуществляться только по решению суда, с учетом соблюдения интересов правосудия, обеспечения безопасности участников судопроизводства, предот-

ращения разглашения информации, отнесенной в установленном федеральным законом порядке к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну.

Это далеко не единственный пример неразрывной связи «информационных технологий» с правом. Так, относительно недавно принятый Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» ввел термин «телемедицинские технологии» – информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента.

С учетом динамики развития технологических и информационных процессов, примеров, свидетельствующих о симбиозе «права» и «высоких технологий», можно приводить достаточное количество и каждый из них может стать предметом отдельного рассмотрения.

Учитывая нашу профессиональную принадлежность и сегодняшнюю действительность, когда сотрудник органов внутренних дел вступает в правоотношения с гражданином и зачастую становится объектом повышенного внимания и в момент этих отношений, и уже после завершения, хотелось бы остановиться на некоторых проблемных вопросах.

Анализ фотографий и видеозаписей с участием сотрудников полиции, которыми в достаточном количестве заполнено интернет-пространство, а также анкетирование сотрудников¹ позволили прийти к следующим выводам.

Сотрудники полиции при обращении к гражданам не всегда могут четко и конкретно сформулировать основания обращения. Решение данной проблемы видится в восполнении сотрудниками полиции недостаточных знаний законодательства.

59% респондентов считают, что граждане, которые осуществляют видеосъемку при общении с сотрудниками полиции, нарушают законодательство Российской Федерации, поскольку делают это без разрешения последних, а также всячески их провоцируют.

Стоит отметить, что ч. 1 и 2 ст. 8 Федерального закона «О полиции» предусмотрено, что деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве, о производстве по делам об административных правонарушениях, об оперативно-разыскной деятельности, о защите государственной и иной охраняемой законом тайны, а также не нарушает прав граждан, общественных объединений и организаций. Граждане имеют право в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, получать достоверную информацию о деятельности полиции, а также непосредственно затрагивающую их права, за исключением информации, доступ к которой ограничен федеральным законом.

Напомним, что ст. 152.1 ГК РФ предусматривает охрану изображения гра-

жданина (в том числе его фотографии и видеозаписи, на которых он изображен), не устанавливая при этом запрет на получение такого изображения, но ограничивает обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина, которые допускаются только с согласия этого гражданина либо в случаях, перечисленных в законе, в частности, когда использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах.

Вместе с тем в соответствии с п.п. 1, 3 ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» фото и видео с изображением сотрудников полиции, позволяющие установить их личности, являются их персональными данными. Действия, направленные на запись, хранение и распространение, считаются обработкой таких данных.

Статьей 7 Федерального закона «О персональных данных» для лиц, получивших доступ к персональным данным, предусмотрена обязанность не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных. В данном случае речь идет о том, что гражданин, осуществив видео- или фотосъемку, не вправе, к примеру, публиковать такой материал на своих страницах в социальных сетях или пересылать кому бы то ни было без разрешения правообладателя (сотрудника полиции). В случае нарушении указанных норм административным законодательством предусмотрена ответственность по ст. 13.11 КоАП РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных». Таким образом, граждане при обращении к ним сотрудников полиции вправе осуществлять фото- и видеосъемку, но не вправе передавать полученные материалы третьим лицам.

Кроме того, в настоящее время рассматривается законопроект (принят в первом чтении) о внесении изменений в ст. 20.1 КоАП РФ – дополнении ее частью 3 следующего содержания: «Распространение в информационно-теле-

коммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации (материалов), предназначенной (предназначенных) для неограниченного круга лиц, выражающей (выражающих) в неприличной форме явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции РФ и органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до пяти тысяч рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток». Исходя из пояснительной записки к законопроекту², целью нововведения является обеспечение общественного порядка и уважения к обществу и государственным институтам в сети Интернет, являющейся общественным пространством, в которой также должны соблюдаться правила допустимого поведения.

Здесь как раз уместно говорить о тех видеоматериалах с участием сотрудников полиции, которые опубликованы в сети Интернет, содержащих нецензурные выражения и оскорбления со стороны граждан в адрес полицейских как в самом видео, так и в комментариях к нему.

Для сотрудников полиции, в свою очередь, как и для любого гражданина Российской Федерации, предусмотрены различные инструменты для защиты своих прав:

– право на судебную защиту в связи с неправомерными действиями лиц, вызвавшимися в несанкционированном использовании фото и видео с изображением сотрудника;

– в случае если действия лиц направлены на распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, образуют состав преступления, предусмотренного ст. 128.1 УК РФ «Клевета», – право на обращение в правоохранительные органы.

Еще один аспект, который нельзя обойти вниманием, – это «инициативное» поведение сотрудников органов внутренних дел в сети Интернет, в частности на своих страницах в социальных сетях. В условиях высокой популярности социальных сетей каждый отдельный сотрудник, на наш взгляд, причастен к созданию репутации ведомства, в том числе и в своих личных аккаунтах.

Однако 30% респондентов не согласились с таким тезисом, посчитав, что социальная сеть – это их личное виртуальное пространство, которое никак не связано со службой. Вместе с тем практике известны случаи, когда сотрудники привлекались к дисциплинарной ответственности за размещение на своих страницах «неэтичных» фотографий.³

Кроме того, законодатель предпринимает меры для создания «позитивного имиджа» государственной службы. В июне 2016 г. в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» были внесены изменения, касающиеся публикации госслужащими общедоступной информации в сети Интернет. В соответствии с законом гражданам, претендующим на замещение должностей государственной гражданской службы, необходимо представить представителю нанимателя сведения об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в сети Интернет, на которых они размещали общедоступную информацию, а также данные, позволяющие их идентифицировать.

¹ В анкетировании участвовали 45 участковых уполномоченных полиции, 50 сотрудников патрульно-постовой службы полиции, 12 сотрудников инспекции по делам несовершеннолетних.

² Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/606596-7/>

³ Родина Л.В. Регламентация поведения сотрудников правоохранительных органов и государственных служащих в социальных сетях как инструмент управления репутацией ведомства // Академическая мысль. 2018. № 2 (3). С. 37.

Будникова А.Б.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**О НЕОБХОДИМОСТИ УСИЛЕНИЯ ВНУТРИВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ГИБДД И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ФАКТОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЛИ
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ БЕЗ НАЗНАЧЕНИЯ ВРАЧА**

Правила дорожного движения Российской Федерации запрещают водителю управлять транспортным средством в состоянии алкогольного, наркотического, токсического опьянения. Обязанность по выявлению данных правонарушений возложена на подразделения ГИБДД МВД России. Однако в случае если у водителя транспортного средства установлено состояние наркотического опьянения, в его действиях может усматриваться состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.9 КоАП РФ «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача».

За 6 месяцев 2018 г. сотрудниками подразделений ГИБДД выявлены 10 652 водителя с признаками наркотического опьянения, установлено состояние наркотического опьянения и приняты решения о направлении в суд 7 811 дел об административных правонарушениях.¹ При этом за аналогичный период 2017 г. сотрудниками подразделений ГИБДД выявлены всего 476 фактов потребления лицами наркотических средств и психотропных веществ.² Данные показатели могут свидетельствовать о том, что сотрудники ГИБДД при выявлении фактов потребления наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача не направляют информацию об этом в органы внутренних дел для решения вопроса о привлечении к административной ответственности.

27 декабря 2018 г. приказом МВД России № 886 утверждено Положение о взаимодействии при осуществлении деятельности по предупреждению, пресечению, выявлению и раскрытию правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, пси-

хотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих или ядовитых веществ (далее – Положение о взаимодействии).

В п. 13.1 Положения о взаимодействии установлено, что подразделения ГИБДД «при направлении в суд материалов по делу об административном правонарушении по факту управления транспортным средством водителем в состоянии наркотического опьянения копии материалов дела направляют в соответствующий территориальный орган МВД России для принятия мер реагирования»³. Данная обязанность впервые закреплена на нормативном уровне, поскольку ни Административный регламент исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, утвержденный приказом МВД России от 23 августа 2017 г. № 664, ни ранее действовавший Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, утвержденный приказом МВД России от 2 марта 2009 г. № 185, такой обязанности не предусматривали.

Однако формулировка закрепленной обязанности нуждается в серьезной доработке.

Во-первых, Положение о взаимодействии обязывает направлять в территориальные органы копии материалов

только в момент направления дела об административном правонарушении в суд. Однако между установлением факта нахождения водителя в состоянии наркотического опьянения (который устанавливается актом медицинского освидетельствования на состояние опьянения) и направлением материалов дела об административном правонарушении в суд может пройти значительный промежуток времени, необходимый для реализации положений ст. 28.2 КоАП РФ (уведомление лица о дате и месте составления протокола об административном правонарушении, составление протокола, направление копии протокола лицу). В таком случае направление информации о выявленном факте незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ только при направлении материалов дела в суд повлечет затягивание сроков производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.9 КоАП РФ, что в последующем может привести к освобождению лица от административной ответственности за истечением сроков давности.

Во-вторых, формулировка «направлять в соответствующий территориальный орган МВД России» не конкретизирована, это может повлечь за собой необоснованную пересылку материалов из одного территориального органа в другой.

В-третьих, формулировка «копии материалов дела об административном правонарушении» предполагает, что должно быть откопировано все дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 12.8 КоАП РФ. Однако для привлечения к административной ответственности за незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ требуются копии документов, на основании которых можно установить факт и обстоятельства незаконного потребления, а также лицо, совершившее данное правонарушение. К таким документам будут относиться протокол направления на медицинское освидетельствование, акт медицинского освидетельствования,

объяснение лица, в отношении которого ведется производство по делу.

В-четвертых, п. 13.1 Положения о взаимодействии не учитывает ситуацию, когда водитель транспортного средства отказывается выполнить законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, при этом у водителя имеются признаки наркотического опьянения. Исходя из буквального толкования п. 13.1 Положения о взаимодействии, в этом случае обязанность направить копии материалов для принятия мер реагирования отсутствует. Это может повлечь за собой укрывательство административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.9 КоАП РФ, в которой также установлена ответственность за невыполнение законных требований уполномоченного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лицом, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно потребило наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача.

Полагаю, что для решения данных проблем следует внести изменения в п. 13.1 Положения о взаимодействии, изложив его в следующей редакции: «При получении акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения, свидетельствующего о наличии у водителя транспортного средства состояния наркотического опьянения, сотрудник ГИБДД обязан подготовить рапорт о выявлении административного правонарушения, подлежащий регистрации в установленном порядке. Данный рапорт и копии материалов дела об административном правонарушении, связанные с выявлением факта потребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, направляются в территориальный орган МВД России по месту потребления наркотических средств или психотропных веществ, а если место потребления не установлено – по месту выявления данного административного правонарушения для решений вопроса о

привлечении к административной ответственности. В случае невыполнения водителем транспортного средства законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения и при наличии данных, указывающих на потребление водителем наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, после оформления всех необходимых процессуальных документов по ст. 12.26 КоАП РФ водитель подлежит доставлению в территориальный орган МВД России по месту выявления правонарушения для решения вопроса о привлечении к административной от-

ветственности по ст. 6.9, ч.ч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ».

¹ Центр статистической информации ГИАЦ МВД России : электронный ресурс ведомственной сети МВД России. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt560_201806.007.txt (дата обращения: 28.01.2019).

² Там же. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt577_201806.015.txt (дата обращения: 28.01.2019).

³ Положение о взаимодействии при осуществлении деятельности по предупреждению, пресечению, выявлению и раскрытию правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих или ядовитых веществ : утв. приказом МВД России от 27.12.2018 № 886. URL: <https://мвд.пф/мвд/documents/20120328164545/item/15485197/> (дата обращения: 15.01.2018).

Шелехов С.И.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ПРОБЛЕМА ПРОВЕДЕНИЯ КОНТРОЛЬНОЙ ЗАКУПКИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО НАДЗОРА ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ПОЛИЦИИ

На протяжении десятилетий у должностных лиц органов контроля за оборотом наркотических веществ и их прекурсоров и в области обеспечения безопасности дорожного движения отсутствуют механизмы, позволяющие на начальном этапе возникновения правонарушений, не подпадающих под уголовные преступления, эффективно выполнять задачи по их выявлению и последующему пресечению.

С 2016 года по настоящее время государством проводится планомерная работа по совершенствованию законодательства, регламентирующего надзорные полномочия органов власти над подконтрольными субъектами. Основной задачей реформы является снижение административной нагрузки на деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей вне зависимости от формы их деятельности.

В целях снижения временных затрат и трудовых ресурсов на проведение внеплановых проверок, направленных на выявление предполагаемых правонарушений со стороны хозяйствующих

субъектов введен инструмент государственного контроля в форме контрольной закупки, позволяющей органу государственного контроля (надзора) создать ситуацию для совершения сделки в целях проверки обязательных требований при осуществлении деятельности организациями.

Однако в связи с отсутствием проработки данного вопроса по линии надзора в области безопасности дорожного движения и контроля за деятельностью юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, внесенных в таблицы II и IV списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681, должностные лица не имеют правовых оснований для использования рассматриваемого административного ресурса.

Проведение контрольной закупки сотрудниками Госавтоинспекции наиболее эффективно при проведении следующих надзорных мероприятий направленных на выявление:

- лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность и оказывающих услуги населению по перевозке пассажиров и грузов легковым такси без специального разрешения;
- нарушений требований законодательства в области технического осмотра транспортных средств;
- нарушений правил движения тяжёловесных и (или) крупногабаритных транспортных средств;
- нарушений правил перевозки опасных грузов.

Рассмотрение перечисленных направлений требует детального изучения всех аспектов деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Одним из показательных примеров, свидетельствующих о необходимости наделяния полномочиями сотрудников Госавтоинспекции на проведение контрольной закупки, является совершение дорожно-транспортного происшествия водителем, управляющим транспортным средством в целях оказания услуги легковым такси. Как правило, в результате происшествия водитель предоставляет договор аренды транспортного средства и в объяснении утверждает о факте использования автомобиля в личных целях. Изложенные обстоятельства позволяют поднадзорному субъекту игнорировать требования в области безопасности дорожного движения, чтократно повышает риск возникновения дорожно-транспортного происшествия или допуска к участию в дорожном движении водителя, находящегося в состоянии наркотического опьянения.

Использование инструмента государственного контроля в сфере оборота наркотиков в форме контрольной закупки обеспечит соответствующую доказательственную базу при выявлении административных правонарушений, посягающих на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, а именно:

– нарушения правил оборота инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ;

– нарушения правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров либо хранения, учета, реализации, перевозки, приобретения, использования, ввоза, вывоза или уничтожения растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоров, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.

Стоит особое внимание обратить на нерешенность данной проблемы на протяжении многих лет; так, в период функционирования Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков отсутствовал правовой способ проведения закупки наркотических лекарственных средств, психотропных лекарственных средств, лекарственных препаратов с малым содержанием наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, являющихся лекарственными препаратами, содержащими кроме наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров другие фармакологические активные вещества, в связи с чем предлагалось внести изменения в текст Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» – ввести статью 49-1 в части введения метода надзора в виде возможности проведения контрольной закупки вышеуказанных веществ.¹

Важнейшей причиной необходимости внедрения рассматриваемого метода в служебную деятельность управлений, отделов, отделений по контролю за оборотом наркотиков является невозможность проведения поверочной закупки в рамках осуществления оперативной деятельности, что не позволяет принять полный комплекс мер, направленных на выявление и пресечение административных правонарушений.

Разработка механизма проведения контрольной закупки по рассматриваемым

мым направлениям деятельности, по мнению автора, является перспективной формой осуществления государственного контроля (надзора). Расширение полномочий позволит усилить контроль за недобросовестными организациями, осуществляющими деятельность на территории Российской Федерации, и снизить риски негативных последствий – рост смертности населения и распространения прекурсоров наркотических средств, по-

зволяющих производить готовую продукцию для наркозависимых людей.

---

¹ Проблемы немедицинского потребления лекарственных средств и перспективные пути совершенствования административно-правовых средств его профилактики отчет о научно-исследовательской работе (закл.) / Н.Н. Цуканов [и др.]. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013. 41 с. № гос. рег. 01201351071. Инв. № 02201363545.

Гарина О.В.,

кандидат юридических наук

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

НЕЛЕГАЛЬНАЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ПЕРЕВОЗОК ПАССАЖИРОВ И БАГАЖА ЛЕГКОВЫМ ТАКСИ

Развитие перевозок пассажиров и багажа может быть разделено в соответствии с этапами существования Российского государства или транспортных средств. В Российской империи действовали Правила для легковых извозчиков 1897 г., постановление «О порядке вознаграждения легковых извозчиков, отправляющих свой промысел в экипажах, снабженных таксометрами» от 1903 г. и другие. Сегодня сотрудники ГИБДД, а в Империи чины полиции обеспечивали безопасность дорожного движения, привлекая к ответственности за езду в нетрезвом виде, по левой стороне дороги. Последний запрет был введен Иваном IV Грозным. Новый виток истории перевозок начался с приходом к власти Советов. Так, в г. Орле комиссару милиции поручалось «принятие мер к соблюдению извозчиками таксы»¹. Советский период истории мы разделяем на два – до Великой Отечественной войны и после. Несмотря на столь продолжительное существование, деятельность легкового такси до настоящего момента не получила четкого законодательного регламентирования.

Очередной этап развития деятельности легкового такси ознаменован принятием «Закона о такси» или Федерального закона от 21 апреля 2011 г.

№ 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Именно ст. 9 этого документа позволила легализовать перевозчиков и минимизировать количество «бордюрщиков». Разрозненность правовой базы таксомоторной деятельности обусловлена тем, что ряд ее положений урегулированы на федеральном уровне, другие – на региональном.

Перевозка пассажиров и багажа легковым такси затрагивает следующих субъектов: орган государственной власти, орган местного самоуправления, диспетчерская служба (агрегатор), индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, водитель, пассажир. Именно потребность последнего в следовании из пункта «А» в пункт «Б» делает его центральным элементом всей системы. Его как потребителя интересуют вопросы безопасности и комфорта, которые определяют качество оказываемой услуги. Законотворческая деятельность должна быть направлена на обеспечение этих характеристик.

Анализ нормативной правовой базы перевозок пассажиров и багажа легковым такси свидетельствует о возможности совершения противоправных действий вследствие наличия пробелов в праве.

Оформить лицензию (разрешение) на перевозку пассажиров и багажа легковым такси может индивидуальный предприниматель либо юридическое лицо. Современное законодательство позволяет «закрыть» ИП в любой момент, что влечет обязанность лица прекратить действие лицензии (разрешения). Добросовестный гражданин сделает то, что предписывает закон. Недобросовестный продолжит осуществлять таксомоторную деятельность. Выявить данный факт возможно путем сверки реестра выданных разрешений (лицензий) с реестром индивидуальных предпринимателей. Ясно, что в течение суток это не будет выявлено. Следовательно, лицо какое-то время будет оказывать услуги перевозки. В этом случае имеет место нарушение правовых норм в области предпринимательской деятельности.

Нарушения в сфере перевозок пассажиров и багажа легковым такси чаще имеют административный характер, нежели уголовный. В последнем случае это могут быть нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть человека, незаконное предпринимательство, причинившее крупный ущерб либо сопряженное с извлечением дохода в крупном размере.

Нелегальная таксомоторная деятельность носит как административно-правовой, так и уголовно-правовой характер.

Установить, имел ли место состав преступления, предусмотренный ст. 171 УК РФ, сложно. Причин этого явления несколько. Одна из них заключается в том, что в налоговую инспекцию могут предоставляться недостоверные сведения о доходах. Другая – в отсутствии взаимодействия между органом, выдавшим лицензию (разрешение), и органом, осуществляющим регистрацию индивидуальных предпринимателей и акционерных обществ, а также правоохранительными органами.

Конкуренция добросовестных и недобросовестных перевозчиков существовала всегда. Последние наносят ущерб местному бюджету, который недополучает доход в виде налогов. Методы борьбы с ними не всегда эффективны, но они не должны заключаться в

ужесточении проводимой политики в этом направлении – увеличении размера штрафных санкций, установлении необоснованных нововведений.

Увеличение количества добросовестных перевозчиков возможно в случае реализации мер, которые более выгодны для субъекта в экономическом плане. Самое главное – заинтересовать перевозчика в легальном характере его деятельности.

В г. Москве существует Реестр перевозчиков и служб заказа такси «Московское городское такси». Включение в него позволяет субъекту пользоваться преференциями: налоговые льготы, льготы на арендную плату, информационная поддержка и пользование стоянкой «Московское городское такси». Для внесения в Реестр к автомобилю легкового такси и его водителю предъявляются дополнительные требования: наличие медицинской справки о годности к управлению легковым такси; свободное владение русским языком водителем такси и знание им путей проезда по г. Москве; оснащение автомобиля электронным таксометром; использование автомобиля, соответствующего требованиям не ниже экологического класса 2 (евро-2); использование автомобиля серийного производства, имеющего левостороннее расположение руля и не менее четырех дверей.² Все это демонстрирует стремление местных властей заинтересовать перевозчика и агрегатора в законном характере их деятельности.

В ст. 14.1 КоАП РФ предусмотрена ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии). Сотрудники ГИБДД МВД России регулярно проводят операцию «Такси», проверяя наличие у водителей легкового такси лицензии на данный автомобиль, талона технического осмотра, путевого листа, полиса страхования автогражданской ответственности. Что касается путевого листа, то в нем должны быть отметки медицинского работника и механика. Технический осмотр автомобилей легкового такси проводится

раз полгода. Лицензия или разрешение выдается на конкретный автомобиль, и не всегда водитель и субъект получения этого документа совпадают.

Проблема заключается в том, что, проверяя наличие документов, инспектор ГИБДД не может знать, например, что индивидуальный предприниматель прекратил свою деятельность, а лицензия не была аннулирована. В этой ситуации лицо избегает административной ответственности. Осуществление деятельности при отсутствии лицензии (разрешения) наказывается административным штрафом. Его размер дифференцирован. Относительно полиса страхования автогражданской ответственности следует обращать внимание на цель использования автомобиля.

Агрегатор как участник таксомоторной деятельности предоставляет заказы индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу, который обладает лицензией (разрешением) на автомобиль легкового такси. Служба заказа, получив данные такого документа, передает водителю информацию о вызовах. Учитывая срок действия лицензии (разрешения) – пять лет, диспетчерская служба может быть и не в курсе прекращения деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица. Таким образом, агрегатор сам становится субъектом противоправной деятельности.

Законодатель не предусмотрел обязанность агрегатора проверять сведения о действительности лицензии (разрешения) в течение указанного срока, хотя она вытекает из того, что служба предоставляет заказы индивидуальным предпринимателям или юридическим лицам,

которые получили разрешительный документ на конкретный автомобиль.

Лицензия (разрешение) выдается на конкретный автомобиль, а субъект ее получения может не быть собственником транспортного средства. Такая ситуация создает возможность «продажи» лицензии. Негативные последствия такого действия заключаются в том, что в случае привлечения водителя легкового такси к административной ответственности, например за отсутствие путевого листа, на индивидуального предпринимателя или юридическое лицо накладывается административный штраф.

Таким образом, незаконное предпринимательство в таксомоторной деятельности может быть представлено перевозкой пассажиров и багажа легковым такси: 1) лицом, у которого отсутствует соответствующая лицензия (разрешение); 2) лицом, имеющим лицензию (разрешение), субъект получения которой ликвидирован; 3) лицом, купившим лицензию (разрешение).

Систематизировать деятельность такси возможно путем создания соответствующей материально-технической базы, разработки четкой правовой базы. Указанные обстоятельства являются залогом добросовестной деятельности перевозчиков и недопущения фактов незаконного предпринимательства в сфере перевозок пассажиров и багажа легковым такси.

---

¹ Орловские известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 19 мая. № 71.

² О такси в городе Москве : Закон г. Москвы от 11.06.2008 № 22 // СПС ГАРАНТ.

Пушкарев А.Л.

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

РЕАЛИЗАЦИЯ ОРУЖИЯ, ИЗЪЯТОГО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В ходе выработки и реализации государственной политики в области кон-

троля за оборотом оружия в Российской Федерации обозначилась проблема оп-

ределения дальнейшей правовой и фактической судьбы оружия, изъятого правоохранительными органами (органами внутренних дел и Федеральной службой войск национальной гвардии).

Оружейное законодательство предусматривает ряд оснований для изъятия оружия у его владельцев (законных и незаконных). В дальнейшем изъятое оружие оставляется на хранение в изъявшем органе. Срок такого хранения предусмотрен законом не для всех случаев его изъятия.¹ Подразумевается, что владельцы оружия своевременно предпримут необходимые меры к устранению препятствий к его владению.

Кроме того, «арсенал» правоохранительных органов пополняется за счет добровольно сдаваемого оружия и оружия, сдаваемого гражданами в рамках профилактических мероприятий по возмездной сдаче оружия, а также в рамках возбужденных уголовных дел.

Практика показывает, что далеко не все лица, имеющие право получить оружие назад, предпринимают для этого реальные шаги. Причинами этого могут являться нежелание проходить необходимые проверки, экзамены и иные бюрократические процедуры, незаинтересованность во владении оружием и т.д. На практике это приводит к скапливанию значительного числа оружия в правоохранительных органах. Очевидно, что осуществлять бессрочное хранение такого оружия нецелесообразно и затратно.

В связи с этим и возникает вопрос определения дальнейшей судьбы этого оружия в рамках действующих норм права. По этой причине решением проблемы не может быть быстрое «освобождение» комнат хранения оружия от накопившихся экземпляров изъятого оружия путем его утилизации. Это нарушает права собственников оружия, пусть и не самых добросовестных и расторопных, а также лишает бюджет небольших, но все-таки доходов. Имеется негативная для правоохранительных органов судебная практика, связанная с возмещением собственнику убытков, связанных с незаконным уничтожением (утилизацией) гражданского оружия.

К настоящему времени по данной проблеме накоплен определенный объем научных исследований² и судебной практики. Однако этот опыт надлежащим образом не обобщен, многие положения дискуссионны, судебная практика противоречива.

В рамках указанной проблемы необходимо выделять целый ряд взаимосвязанных вопросов, требующих теоретического изучения, в частности:

- соблюдение гражданского законодательства в области права собственности;

- установление круга наследников гражданского оружия;

- обеспечение сохранения оружия, имеющего культурную ценность;

- обеспечение реализации с публичных торгов оружия, имеющего коммерческую ценность, и перечисление вырученных средств в доход федерального бюджета;

- проведение оценки оружия, предназначенного для реализации с публичных торгов³;

- соблюдение антимонопольного законодательства при реализации изъятого оружия с публичных торгов.

В настоящей статье мы хотим остановиться на вопросе обеспечения антимонопольного законодательства при реализации с публичных торгов изъятого оружия.

Данный аспект проблемы не должен недооцениваться. Антимонопольное законодательство чрезвычайно важно для организации предпринимательского (рыночного) оборота и чувствительно для самих предпринимателей. Круг участников рынка оборота очень узкий. Появление нового «игрока» в лице правоохранительного органа, стремящегося реализовать достаточно большой объем оружия по относительно невысокой цене, не останется незамеченным и негативно скажется на уровне продаж и прибыли оружейных магазинов. В связи с этим необходимо будет ожидать попытки ограничить такую форму распоряжения изъятым оружием через обращение в прокуратуру и судебные органы. Высокая вероятность пристального

прокурорского и судебного контроля требует от правоохранительных органов, решившихся на такой способ распоряжения изъятым оружием, строгого соблюдения норм закона.

При публичной реализации изъятого оружия нельзя обойтись без обращения к услугам профессиональных участников оружейного рынка – оружейных магазинов. Требуются выставочные площади, организация рекламы и сбыта. Самостоятельно реализовывать оружие правоохранительные органы не имеют права.

Для соблюдения прав и законных интересов участников рынка оборота гражданского оружия, выполнения антимонопольного и антикоррупционного законодательства выбор продавца изъятого оружия должен проводиться в форме публичного конкурса. К сожалению, в отдельных случаях имеет место произвольный выбор магазина для реализации отдельного экземпляра оружия или определенной партии. Данная практика должна быть признана противоречащей действующему законодательству.

Следует поддержать специалистов⁴, указывающих на необходимость разработки и принятия единых законодательных норм, устанавливающих административно-правовой режим хранения и дальнейшего движения (реализации, утилизации, передачи в органы министерства культуры или Росимущества) изъятого и добровольно сданного оружия, в которых прямо предусмотреть обязательность проведения историко-культурной экспертизы и оценки стоимости экземпляров оружия, а также процедуры конкурсного отбора продавцов оружия для его публичной продажи.

Определенным ориентиром в правовом регулировании рассматриваемой проблемы может быть Положение об учете, оценке и распоряжении имуществом, обращенным в собственность го-

сударства.⁵ Логичным местом закрепления порядка распоряжения изъятым оружием могут быть приказы правоохранительных органов, посвященных его приему.⁶

---

¹ Об оружии : Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 03.08.2018), ст. 27.

² См., напр.: Егорова Н.Э., Трифонова Т.А., Шашин Д.Г. Использование ОВД права на обращение в судебные органы с заявлением о принудительном отчуждении оружия и патронов к нему : учебное пособие. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2014; Карпычев М.В., Пчелкин А.В. Практические аспекты реализации оружия, изъятого полицией у граждан // Научный портал МВД России. 2015. № 1. С. 66-73.

³ Об оценочной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 03.08.2018), ст. 8.

⁴ См., напр.: Титов С.Д. Добровольная сдача гражданского оружия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 10. С. 381-382; Белоконов А.В., Бунова О.В. Административно-правовое регулирование взаимодействия органов внутренних дел с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в организации добровольной сдачи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ // Актуальные вопросы публичного права. 2014. № 3. С. 13-20.

⁵ О порядке учета, оценки и распоряжения имуществом, обращенным в собственность государства : постановление Правительства РФ от 29.05.2003 № 311 (ред. от 14.12.2017); О порядке реализации имущества, обращенного в собственность государства, и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 10 сентября 2012 г. № 909 : постановление Правительства РФ от 30.09.2015 г. № 1041 (ред. от 26.09.2017).

⁶ Об утверждении Порядка осуществления приема изъятого, добровольно сданного, найденного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ : приказ МВД России от 17.12.2012 № 1107; Об утверждении Порядка приема изъятого, добровольно сданного и найденного огнестрельного, газового, холодного и иного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ в войсках национальной гвардии Российской Федерации : приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 15.01.2018 № 9.

Ильина М.Г.,

кандидат юридических наук,
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России

Данилова Р.В.

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ СОБАК СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

В соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») сотрудник полиции имеет право на применение специальных средств лично или в составе подразделения (группы) в случаях и порядке, предусмотренных законом. Закон о полиции является хотя и не единственным, но основным нормативно-правовым актом, регламентирующим соответствующее полномочие полиции.¹ Таким образом, законодатель уполномочил сотрудников полиции применять меры государственного принуждения для выполнения задач, стоящих перед полицией.

Применение специальных средств является правом сотрудника полиции и предполагает его посягательство в сферу основных гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод граждан. Данные действия могут повлечь причинение вреда здоровью человека и его имуществу, нанести моральный вред.

По мнению А.И. Дурнева, эти полномочия являются действенными средствами, направленными на защиту законных интересов граждан и сотрудников полиции от общественно опасных посягательств со стороны лиц, которые грубо и сознательно нарушают закон и правопорядок.² Как показывает практика, решение оперативно-служебных задач по ключевым направлениям деятельности полиции невозможно без применения специальных средств.³ Действующее законодательство не содержит понятия и не раскрывает признаки специальных средств.

В теории существуют разные мнения относительно определения специальных средств, но в нашем исследова-

нии мы придерживаемся точки зрения С.Н. Чмырева, который к специальным средствам относит состоящие на вооружении полиции и применяемые ею в случаях и порядке, предусмотренных законом, технические изделия (устройства, предметы, вещества), основным назначением которых является оказание прямого принудительного физического воздействия на человека или какие-либо материальные объекты.⁴

Особое место в системе специальных средств, применяемых сотрудниками полиции, занимают служебные животные. Несмотря на то что в тексте ФЗ «О полиции» не раскрывается перечень животных, которые могут выступать в качестве служебных, в приказе МВД России от 19 апреля 2010 г. № 292 «О некоторых вопросах продовольственного обеспечения и обеспечения кормами (продуктами) штатных животных подразделений (организаций, учреждений) в органах внутренних дел Российской Федерации в мирное время» (вместе с «Порядком продовольственного обеспечения отдельных категорий сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и иных категорий лиц в мирное время») определены штатные животные подразделений (организаций, учреждений) органов внутренних дел Российской Федерации, к которым относят: верховых и вьючных лошадей, лошадей для транспортировки грузов, жеребят, верблюдов, ослов и оленей.

В соответствии с данным приказом отдельную категорию составляют служебные собаки. В правоохранительной деятельности сотрудники полиции, а именно специалисты-кинологи применяют служебных собак разного назначения: розыскных, патрульных, конвой-

ных, караульных, собак-детекторов и специальных.⁵ Основными направлениями применения служебных собак как специального средства являются розыск людей, поиск и обнаружение наркотических средств и взрывчатых веществ, поиск трупов, караульная, конвойная и одорологическая службы.

Кроме того, служебные собаки оказывают помощь в раскрытии преступлений. Так, при обнаружении оставленных следов преступника собака, благодаря ее способности дифференцировать запахи, способствует раскрытию преступлений, правонарушений, поиску без вести пропавших, обнаружению схронов оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, а также наркотических средств.

Только с помощью служебных собак можно узнать правильное направление ухода преступника с места преступления, а также места укрытия преступников и их задержание.

Собаки являются важным специальным средством для обнаружения вещественных доказательств в ходе следовой работы. Например, при обследовании местности можно обнаружить краденые вещи в местах укрытия, вещи, потерянные преступником в спешке ухода с места преступления.

Правовые основания применения служебных собак как специальных средств закреплены ст. 21 ФЗ «О полиции». В зависимости от повода для применения такого специального средства допускается возможность использования в конкретном случае собаки соответствующего специального назначения.

Патрульные и конвойные служебные собаки применяются для отражения нападения на гражданина или сотрудника полиции, освобождения насильственно удерживаемых лиц, захваченных зданий, помещений, сооружений, транспортных средств и земельных участков, пресечения сопротивления, оказываемого сотруднику полиции, задержания лица, застигнутого при совершении преступления и пытающегося скрыться, и задержания лица, если это лицо может оказать вооруженное сопротивление. Именно данные категории

служебных собак обладают навыками преследования, сильного захвата, удержания и охраны задержанного.

Розыскные и патрульные служебные собаки, обладая навыками обыска местности в целях обнаружения взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия, боеприпасов и наркотических средств, применяются для пресечения преступления или административного правонарушения. Для выявления лиц, совершающих или совершивших преступления или административные правонарушения, собаки данного назначения используются в связи с наличием у них способностей поиска человека по направлениям его подхода и отхода к месту происшествия, обнаружения следов правонарушителя.

Для доставления в полицию, конвоирования и охраны задержанных лиц, лиц, заключенных под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы, лиц, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста, а также в целях пресечения попытки побега, в случае оказания лицом сопротивления сотруднику полиции, причинения вреда окружающим или себе применяются розыскные, патрульные и конвойные служебные собаки. Применение служебных собак этих категорий обусловлено наличием у них навыков обследования помещения и местности, обозначения и удержания скрывшихся лиц, а также задержания лиц, пытающихся совершить побег, и отражения нападения на сотрудника ОВД.

Для защиты охраняемых объектов, блокирования движения групп граждан, совершающих противоправные действия, применяются караульные служебные собаки, так как у них четко выражены агрессия, острое чутье и умение ограничивать передвижение лиц, которые незаконно проникли на охраняемый объект, а также имеется навык защиты и охраны.

Кроме того, действующее законодательство предоставляет сотруднику полиции возможность применять специальные средства и в тех случаях, когда разрешено применение огнестрельного оружия.

Еще одно основание применения специального средства в соответствии со ст. 23 ФЗ «О полиции» – для пресечения побега из мест содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений или побега из-под конвоя лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы, а также для пресечения попытки насильственного освобождения указанных лиц. В данном случае используются служебные собаки такого назначения, как конвойные и караульные.

Таким образом, ФЗ «О полиции» содержит исчерпывающий перечень правовых оснований для применения служебной собаки как специального средства.

¹ Цуканов Н.Н. О соотношении норм Закона «О полиции» и УК РФ в регулировании права сотрудника полиции применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие // Административное право и процесс. 2012. № 3. С. 68-71.

² Дурнев А.И. Особенности правового регулирования, условия и пределы применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы // Наука и практика. 2014. № 4. С. 129.

³ Грозан Е.Н. О некоторых аспектах правового регулирования применения сотрудниками полиции специальных средств // Политика и право. 2014. № 5. С. 66.

⁴ Чмырев С.Н. К вопросу о законности применения специальных средств сотрудниками полиции // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1. С. 273.

⁵ Сильников А.М. Виды специальных средств, состоящих на вооружении ОВД, и их классификация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 3. С. 67.

Чумарова Е.Ю.,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**УЧЕТНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ
КАТЕГОРИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ВОЗМОЖНО
ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ**

В соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – закон № 120-ФЗ) индивидуальная профилактическая работа – это деятельность по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально-опасном положении, а также по их социально-педагогической реабилитации и (или) предупреждению совершения ими правонарушений и антиобщественных действий.

Исходя из этого нормативного понятия, можно сформулировать следующее понятие индивидуальной профилактической работы инспектора подразделения по делам несовершеннолетних ОВД (далее – ПДН) – это нормативно

регулируемая система комплексных мер по осуществлению индивидуального профилактического воздействия и контроля в отношении лиц, состоящих на учете ПДН, с целью своевременного предупреждения совершения ими правонарушений и антиобщественных действий, а также организации их социально-педагогической реабилитации.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим индивидуально-профилактическую работу инспектора ПДН, является приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845, которым утверждена Инструкция по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации (далее – Инструкция).

Задачами ведомственного нормативного регулирования индивидуально-профилактической работы инспектора ПДН являются:

- повышение эффективности деятельности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в целом;

- формирование организационных и тактических основ индивидуально-профилактической работы ПДН;

- определение компетенции инспекторов ПДН, их прав, обязанностей, а также форм и методов контроля при осуществлении индивидуально-профилактической работы;

- установление основных направлений взаимодействия ПДН с другими подразделениями ОВД, государственными органами и общественными организациями при осуществлении индивидуально-профилактической работы.

В нормах закона № 120-ФЗ перечисляются категории несовершеннолетних, в отношении которых индивидуальная профилактическая работа проводится всеми органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, и ПДН в частности (пп. 4-14 п. 1 ст. 5, пп. 1 п. 1 ст. 21). При этом в соответствии с Инструкцией профилактическому воздействию ПДН подлежат следующие категории несовершеннолетних (п. 2.1.1):

- а) потребляющие наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, либо употребляющие одурманивающие вещества, алкогольную и (или) спиртосодержащую продукцию;

- б) совершившие правонарушение, повлекшее применение меры административного взыскания;

- в) совершившие правонарушение до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность;

- г) освобожденные от уголовной ответственности вследствие акта об амнистии или в связи:

- с примирением с потерпевшим,
- с деятельным раскаянием,

- с назначением судебного штрафа, а также в случаях, когда признано, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем принудительных мер воспитательного воздействия;

- д) совершившие общественно опасное деяние и не подлежащие уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством;

- е) обвиняемые или подозреваемые в совершении преступлений, в отношении которых избраны меры пресечения, не связанные с заключением под стражу;

- ж) условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания, освобожденные от наказания вследствие акта об амнистии или в связи с помилованием;

- з) которым предоставлена отсрочка отбывания наказания или отсрочка исполнения приговора;

- и) освобожденные из учреждений уголовно-исполнительной системы Федеральной службы исполнения наказаний, вернувшиеся из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа (далее – СУВУЗТ), если они в период пребывания в указанных учреждениях допускали нарушения режима, совершали противоправные деяния;

- к) освобожденные из учреждений уголовно-исполнительной системы, вернувшиеся из СУВУЗТ, если после освобождения (выпуска) находятся в социально опасном положении и (или) нуждаются в социальной помощи и (или) реабилитации;

- л) осужденные за совершение преступления небольшой или средней тяжести и освобожденные судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия;

- м) осужденные условно, осужденные к обязательным работам, исправительным работам или иным мерам наказания, не связанным с лишением свободы.

Анализ соответствующих норм закона № 120-ФЗ и Инструкции позволяет отметить различия в перечнях катего-

рий несовершеннолетних, в отношении которых проводится индивидуально-профилактическая работа. Например, в законе № 120-ФЗ ничего не говорится о несовершеннолетних, потребляющих новые потенциально опасные психоактивные вещества, освобожденных от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), и, напротив, указано на необходимость проведения индивидуально-профилактической работы в отношении несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки (пп. 7 п. 1 ст. 5), а также обвиняемых или подозреваемых в совершении преступлений, в отношении которых избраны меры пресечения, предусмотренные УПК РФ (пп. 9 п. 1 ст. 5). В то же время в Инструкции речь идет исключительно о несовершеннолетних, в отношении которых избраны меры пресечения, не связанные с заключением под стражу (пп. «е» п. 2.1.1). Отдельные вопросы вызывает норма закона № 120-ФЗ, предусматривающая, что ПДН должны осуществлять индивидуально-профилактическую работу в отношении несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях (пп. 9.1 п. 1 ст. 5).

Позволим предположить, что такие различия между нормативными правовыми актами, регламентирующими схожие правоотношения, стали возможными вследствие упущений в законотворческом процессе, которые выразились в невнесении отдельных положений изменившегося законодательства в смежные нормативные правовые акты¹, а также обусловлены различным характером рассматриваемых правовых норм.

Так, ст. 5 закона № 120-ФЗ, перечисляющая категории лиц, в отношении которых проводится индивидуально-профилактическая работа, адресована всем субъектам системы профилактики

безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, то есть носит общий характер, а п. 2.1.1 Инструкции касается деятельности специализированных подразделений ОВД и является специальной нормой. В теории права специальная норма имеет преимущество перед общей нормой при условии, что они содержатся в нормативных правовых актах одинаковой юридической силы. В рассматриваемых нами спорных ситуациях конкурируют нормы закона и подзаконного нормативного правового акта, более того, в пп. 1 п. 1 ст. 21 закона № 120-ФЗ без каких-либо изъятий указано, что ПДН проводят индивидуально-профилактическую работу в отношении несовершеннолетних, указанных в пп. 4-14 п. 1 ст. 5 этого нормативного правового акта.

Учитывая, что индивидуально-профилактическая работа, включающая возможность постановки на профилактический учет и ведение банков данных о гражданах², может ограничивать права и свободы человека, полагаем, что подобные коллизии в некоторых случаях могут привести к признанию действий сотрудников ПДН незаконными, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ любые ограничения прав и свобод человека могут быть основаны исключительно на федеральном законе.

Полагаем, что в закон № 120-ФЗ необходимо внести изменения и дополнения, соответствующие актуальному состоянию российского законодательства, которые должны учитывать специфику деятельности ПДН и исключить применение мер, ограничивающих права и свободы несовершеннолетних, только на основании подзаконного нормативного акта, поскольку целесообразность не может противоречить законности.

¹ См., напр.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 03.02.2015 № 3-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

² О полиции : Федеральный закон от 07.03.2011 № 3-ФЗ, ст. 17.

Западнава Ю.А.

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЛИЦАМИ БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА

Детствосбережение является одним из основных национальных приоритетов Российской Федерации.¹ Защита прав и интересов каждого несовершеннолетнего, создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, являются одними из главных приоритетов национальной политики России. Поэтому законодатель предусматривает уголовную (ст. 156 УК РФ), административную (ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ) и семейно-правовую ответственность (ст. 69, 73 СК РФ) за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Использование методов воспитания, существенно нарушающих права и свободы несовершеннолетних – лишение пищи, полноценного сна, отказ от оказания медицинской помощи, принуждение к непосильному физическому труду, эксплуатация – нарушает нормаль-

ное развитие несовершеннолетнего в процессе его воспитания.

Особую тревогу вызывают перечисленные деяния, совершенные в отношении несовершеннолетних лицами без определенного места жительства.

Бродяги либо лица без определенного места жительства по разным причинам ведут криминогенный образ жизни и непосредственно связаны с преступностью, они «активно питают преступность выступают в качестве ее благоприятного фона, влияют»² на общество, а также, что является немаловажным, вовлекают в свой образ жизни несовершеннолетних, по отношению к которым не исполняют своих обязанностей по воспитанию.

Так, на территории России информацию о совершенных преступлениях лицами без определенного места жительства в динамике можно представить в виде таблицы:

Годы	Количество совершенных преступлений ³					
	всего	особо тяжких	тяжких	средней тяжести	небольшой тяжести	ст. 156 УК РФ
2017	9112	723	2566	3196	2642	4
2016	10071	896	2867	3520	2788	2
2015	10957	976	3220	3784	2977	2
2014	10542	1099	3154	3431	2858	8

Несмотря на выявленную тенденцию снижения количества преступлений, совершенных лицами без определенного места жительства, проблема остается достаточно острой.

Данная категория граждан представляет значительную социальную проблему для общества и государства в целом. Отсутствие определенного места жительства, наличие различных заболеваний, проживание в неудовлетворительных санитарных условиях и злоупотребление приемом алкогольной продукции, а также наличие детей у

этой категории лиц негативно сказываются на состоянии общественного порядка и оперативной обстановки в целом.

В силу отсутствия постоянного места жительства у бродяг отсутствует постоянное место работы, и средства к существованию они зачастую добывают противоправным путем (попрошайничество, хищения, мошенничества и т.д.). При отсутствии должного реагирования органов опеки и попечительства несовершеннолетние вынуждены скитаться вместе с родителями.

При этом следует заметить, что причины, по которым они ведут такой образ жизни, различны: отсутствие работы и места проживания, пьянство и алкоголизм, гедонизм, исключение социально полезных связей (конфликты в семье, смерть родных), неэффективная помощь государственных органов в отношении лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, и т.д. В большинстве случаев лица без определенного места жительства являются лицами с пониженной социальной ответственностью, в частности относятся к категории лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Законодатель определил, что выявление лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации (в том числе лиц, страдающих заболеваниями наркоманией и алкоголизмом, лиц без определенного места жительства), является одним из основных направлений реализации профилактики правонарушений.⁴ Поэтому эффективное воздействие государственных субъектов профилактики на лиц, относящихся к указанной категории — это важный аспект в решении проблемы.

Опыт некоторых регионов России показывает, что социальная проблема лиц без определенного места жительства, а также лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, на сегодняшний день успешно решается. Так, организована работа следующих центров:

- краевое государственное автономное полустационарное учреждение социальной защиты «Камчатский комплексный центр по оказанию помощи лицам без определенного места жительства и занятий и социальной реабилитации граждан»;

- государственное бюджетное учреждение «Центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий» Курганской области;

- бюджетное учреждение Орловской области «Центр социальной адап-

тации для лиц без определенного места жительства и занятий»;

- государственное автономное учреждение Краснодарского края «Краснодарский центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий»;

- областное государственное учреждение социального обслуживания «Владимирский центр реабилитации для лиц без определенного места жительства и занятий» и другие.

Центры по социальной реабилитации лиц без определенного места жительства и лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, оказывают комплекс социально-бытовых, социально-медицинских, социально-педагогических, социально-психологических, социально-экономических, социально-правовых и иных услуг.

Полагаем, что создание на территории всех регионов России центров социального обслуживания лиц без определенного места жительства и занятий и лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, положительно повлияет на состояние оперативной обстановки на территории страны, будет способствовать оказанию адресной помощи в отношении каждого человека, в том числе имеющего несовершеннолетних детей (которые, как правило, не желают расставаться со своими родителями).

¹ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства : Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 23, ст. 3309.

² Антонян Ю.М. Криминология : учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012. С. 501.

³ Данные 2014-2017 гг. с учетом статистических показателей Крымского федерального округа // Официальный сайт ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации». Раздел 1. Форма 492. URL: <http://10.5.0.16> (дата обращения: 31.01.2019).

⁴ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ, п. 7 ч. 2 ст. 6.

Бабин С.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОКРАЩЕНИЯ ДИСКРЕЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПОЛИЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Роль права во всех аспектах жизни современного российского государства чрезвычайно высока, особенно в сравнении с предыдущими периодами его истории. Вслед за динамичными преобразованиями в экономической, политической и общественной сферах жизнедеятельности в области государственного строительства активно модернизируется отечественная правовая система. Подлинный смысл приобретает идея о возможности планомерного развития, достижении стабильности и благосостояния только при условии обеспечения государством базовой потребности в безопасности, ключевыми элементами которой являются общественный порядок и правопорядок.

Государству присуща правоохранительная функция, равно как и право принуждать, придающее смысл понятию «власть».¹ Государственное (административное) принуждение, с одной стороны, совершенно легитимно, так как признается обществом в качестве необходимого инструмента обеспечения порядка, спокойствия и безопасности, но, с другой стороны, отношение к нему всегда весьма чуткое и болезненное в связи с наличием широких возможностей для произвола представителей власти. Пожалуй, наиболее актуальными в этом смысле являются вопросы применения мер государственного принуждения полицией, потому что она является самой многочисленной вооруженной силой, осуществляющей правоохранительную деятельность в публичных местах.

Реализуя свои компетенции в области административной юрисдикции и при решении задач охраны и обеспечения общественного порядка и безопасности, полиция использует широкий перечень мер принудительного характера в целях предупреждения и пресечения правонарушений, обеспечения произ-

водства по делам об административных правонарушениях, привлечения виновных лиц к административной ответственности и исполнения административных наказаний.² Особые свойства полицейских мер принуждения, возможность применять многие из них непосредственно, действуя в том числе в рамках административного усмотрения, характеризуют качество так называемой «полицейской силы», всегда граничат с властным произволом и потому сама эта «сила» подвержена серьезному влиянию текущей конъюнктуры, обусловленной внутренними политическими процессами и настроениями в обществе.

В России за прошедшее столетие политические, социальные, экономические и культурные традиции менялись многократно, а периоды относительно стабильного развития были непродолжительными, поэтому, несмотря на свою очевидную значимость, исторически отечественный институт государственного принуждения слабо проработан и систематизирован. На рубеже XIX-XX веков, в эпоху зарождения и первого «расцвета» в нашей стране политического экстремизма и терроризма определенные политические и интеллектуальные элиты самым серьезным образом препятствовали усилению полицейских функций государства. Например, В.М. Гессен, говоря о недопустимости «усугубления политического гнета», в то же время отмечал «неопределенность, многочисленность и разбросанность полицейских правил», приводящие к «произволу или бесполезному стеснению для населения»³.

После «правового нигилизма» 1990-х годов в российском обществе резко увеличилась потребность в так называемом «правовом государстве». Однако даже в этом стремлении отечественной правовой системе не удалось избе-

жать влияния либерального популизма, что приводило к принятию, например, таких решений, как ограничение сотрудников ДПС ГИБДД семью основаниями для остановки транспортных средств и полный запрет на проведение освидетельствования водителя на состояние алкогольного опьянения на месте его задержания.

В последние годы государством сделано многое для того, чтобы, с одной стороны, очистить сферу компетенций полиции от несвойственных ее правоохранительному предназначению задач, а с другой — усилить ее функционально-силовой компонент. Принятый в 2011 г. Федеральный закон «О полиции» довольно подробно и точно регламентирует полицейскую деятельность, а кроме того, он вобрал в себя большое количество мер принудительного характера из подзаконных актов. Отвечая современным потребностям в решении задач законодательства об административных правонарушениях, модернизируется КоАП РФ. Это, безусловно, позитивный процесс, но, с другой стороны, резко возрос уровень требований к законности деятельности полиции.

По нашему мнению, сложившаяся в основном под влиянием многочисленных новелл Федерального закона «О полиции» система регламентации полицейской деятельности имеет явный перекос в сторону превалирования принципов деятельности полиции над ее функциональной составляющей. Полагаем, что принцип — это основополагающая идея, он не должен непосредственно вторгаться в практику выполнения каких-либо процедур. Вместе с тем изложенные во второй главе закона статьи-принципы деятельности полиции абсолютно конкретны, за нарушение отдельных положений, содержащихся в них, следует прямая юридическая или дисциплинарная ответственность, хотя при этом они полностью соответствуют духу и букве международного права, определяющего базовые полномочия должностных лиц по поддержанию правопорядка. Европейский Суд по правам человека при оценке действий должно-

стных лиц в ходе применения мер принудительного характера всякий раз указывает на то, что «применение силы» должно осуществляться соразмерно законной цели, которую нужно достичь, а также с достаточной степенью разумности в конкретных обстоятельствах, не допускающей превышения необходимых пределов силового воздействия.

Указанная позиция, пожалуй, излишне буквально воспринятая Федеральным законом «О полиции», казалось бы, однозначно ставит отечественного законодателя перед необходимостью жестко сократить любую возможность для административного усмотрения сотрудников полиции при реализации ими своих принудительных полномочий. Этого требует даже не столько необходимость обеспечения высокого уровня законности работы полиции и оптимального баланса между публичными и частными интересами, сколько существующая сейчас угроза эффективности решения правоохранительных задач.

В настоящее время законодателю, суду и административной науке сложно ответить на вопрос: каким образом сотрудник полиции, действуя зачастую в обстановке цейтнота при обеспечении общественной безопасности, задержании преступников, защите себя или иных лиц и даже в более простых ситуациях, должен оценивать уровень обоснованности и понятности своих действий и определять границы беспристрастности. Исходя из этого, полагаем, что пришло время серьезного совершенствования технико-юридической составляющей ключевых понятий и норм, действующих в области полицейского принуждения. Следует пересмотреть всю совокупность принудительных полномочий полиции, но в настоящей работе мы полагаем необходимым указать лишь на некоторые из имеющихся проблем.

В частности, в ст. 14 Федерального закона «О полиции» появилось новое для российского права понятие — «фактическое ограничение свободы передвижения лица», с которым теперь увязывается начало исчисления срока задержания по большинству из указанных

здесь же оснований. Вместе с тем любое ограничение свободы является мерой принуждения, а это значит, что к таковым относятся, например, остановка транспортного средства, остановка пешехода, доставление лица по основаниям ст. 27.2 КоАП РФ и п. п. 13, 14 и 15 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции», включая различные варианты доставления в медицинские организации для проведения медицинского освидетельствования, и многие иные действия полицейских.

Статья 14 Федерального закона «О полиции», по сути, также ввела понятие «полицейского задержания», которым следует признать задержание лица по восьми из имеющихся в данной норме тринадцати оснований с составлением протокола в соответствии с ч. 14 рассматриваемой статьи. Отсутствие дефиниций «полицейского задержания» и «фактического ограничения свободы передвижения лица» само по себе является примером технико-юридической недоработки закона, однако в контексте рассматриваемой нами проблемы также дает представление о широте административного усмотрения полиции. Без разграничения этих двух понятий в совокупности с понятием «доставления» сложно ответить на следующие вопросы:

- является ли фактическим ограничением свободы передвижения лица, совершившего, например, мелкое хулиганство, обращение к нему сотрудника полиции с требованием прекратить правонарушение;

- возникает ли уже на этом этапе обязанность сотрудника полиции объявить правонарушителю права задержанного лица, если сотрудником уже принято решение о необходимости его административного задержания?

Если предположить, что права задержанного лица объявляются задерживаемому только в момент юридического оформления этой принудительной меры, то тогда законом необходимо определять правовой статус доставляемого (доставленного) лица, потому что такое лицо оказывается необоснованно урезанным в правах с момента фактически-

го ограничения свободы передвижения до составления протокола о задержании, а этот период может быть очень протяженным.

Нам также хотелось бы обратить внимание на проблемы правовой регламентации применения сотрудниками полиции досмотра как меры принуждения, направленной на пресечение преступлений и административных правонарушений, обеспечение производства по делам об административных правонарушениях, а также используемой в целях обеспечения личной и общественной безопасности. Законом предусматривается единый порядок проведения личного досмотра физических лиц, досмотра находящихся при них вещей, а также транспортных средств в административно-процессуальных и пресекательных целях, однако его регламентация в КоАП РФ носит общий характер и наделяет полицейских излишне большим объемом административного усмотрения.

Помимо этого п. 16 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции» как норма, наделяющая полицию правом на осуществление пресекательного досмотра, содержит лишь основания его проведения при отсутствии цели, что формально наделяет сотрудников полиции правом применять эту серьезную, глубоко вторгающуюся в область личных прав меру принуждения, например, в отношении любого лица, официально являющегося владельцем гражданского оружия любого вида, просто по факту наличия сведений об этом в соответствующем банке данных.

Наружный досмотр, применяемый полицией в целях обеспечения личной и общественной безопасности, по своему характеру, безусловно, является принудительным и ограничивает права досматриваемых на неприкосновенность и свободу передвижения едва ли менее иных его видов, однако до настоящего времени он лишь в общих чертах урегулирован приказами МВД России, а потому представляет собой аномальную неправовую форму государственного принуждения и ставит полицейского в

довольно затруднительное положение всякий раз, когда он вынужден выбирать между собственной безопасностью, безопасностью иных лиц и строгими правилами обеспечения законности своей деятельности.

По нашему глубокому убеждению, сокращение объема административного усмотрения позволит устранить парадоксальную ситуацию, при которой правовые нормы, регламентирующие принудительные полномочия полиции, допускают широкую дискрецию при их применении, а нормы-принципы, содержащиеся во 2 главе Федерального закона «О полиции», ставят полицейских в положение, при котором их дей-

ствия в границах административного усмотрения могут быть признаны недостаточно обоснованными, понятными или беспристрастными со всеми вытекающими из этого юридическими и дисциплинарными последствиями.

¹ Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право : учебник для вузов. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2007. 816 с.

² Каплунов А.И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12.

³ Гессен В.М. Исключительное положение. СПб.: издание Юридического книжного склада «Право», 1908. 418 с. Доступ из справочной правовой системы «ГАРАНТ».

Скрябина О.Е.,

кандидат физико-математических наук

Управление по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Саха (Якутия)

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ОТКАЗА ОТ НЕМЕДИЦИНСКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Распространение наркотиков и последствия наркомании создают существенную угрозу населению, подрывают экономический потенциал, негативно сказываются на демографической ситуации. Наркоманы наиболее подвержены риску вовлечения в преступную среду. Приобретение запрещенных веществ становится фоном для совершения других тяжких преступлений, как против собственности, так и личности. Необходимо также отметить факт вовлечения наркопотребителями в свой круг до 10-15 человек в год, что позволяет определить наркоманию как проблему, носящую эпидемический характер.

В апреле 2012 г. Фондом общественного мнения (далее – ФОМ) проведен опрос населения, в ходе которого на вопрос о принудительном лечении наркозависимых абсолютное большинство респондентов (80%) дает положительный ответ. Кроме того, на вопрос: «Следует ли ввести уголовную ответственность за употребление наркотиков?» – 62% опрошенных ответили утверди-

тельно, 21% выступили против, 17% затруднились ответить. Те, кто ответил положительно, считают, что это поможет отказаться от приема, 8% из них полагают, что наркоманы – потенциальные преступники, такое же количество опрошенных дали ответ: «ограничит вовлечение людей», 6% отмечают опасность наркоманов для общества, 5% ответили: «уменьшит наркоманию». Из тех, кто высказался против введения уголовной ответственности за употребление наркотиков, 11% считают, что «наркоманов следует лечить», 2% полагают, что «тюрьма не поможет», еще 2% предлагают наказывать за распространение, но не за употребление.

Если ранее в уголовном законодательстве существовала возможность назначения принудительных мер медицинского характера в отношении наркозависимых лиц, совершивших преступление, то после 8 декабря 2003 года этот вид понудительного лечения отменен. В действующем законодательстве предполагается лишь добровольное ле-

чение таких лиц. Однако уровень критичности к своему пагубному состоянию у наркозависимых снижен либо отсутствует, в связи с чем проблемным остается вопрос мотивации лиц, имеющих наркотическую зависимость, к лечебно-диагностическим мероприятиям с последующей реабилитацией и ресоциализацией.

В настоящее время наиболее эффективным методом остается применение правового понуждения наркопотребителей к прохождению реабилитации в рамках административного и уголовного судопроизводства.

В этих целях вступил в силу Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающий изменения, регулирующие порядок лечения и реабилитации лиц, признанных больными наркоманией, а также введение административной ответственности за уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании, а также медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотиков или психотропных веществ без назначения врача.

Согласно п. 3 ст. 54 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» на больных наркоманией, находящихся под диспансерным наблюдением и продолжающих потреблять наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо уклоняющихся от лечения, а также на лиц, привлеченных к административной ответственности и нуждающихся в лечении от наркомании, по решению суда может быть возложена обязанность пройти лечение от наркомании.

Указанная обязанность в виде диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача в медицинской организации и (или) учреждении социальной реабилитации (далее – обя-

занность) возлагается судьей на основании ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ.

Норма положений ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ не отягчает административную ответственность и не ухудшает положение лица, привлекаемого к административной ответственности. Целью данной нормы является оказание наркологической помощи больным наркоманией и лицам, периодически употребляющим наркотические средства, поэтому отсутствие отягчающих обстоятельств по делу не исключает возложение предусмотренных данной статьей обязанностей.

Возложение обязанностей в соответствии с ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП не связано с согласием лица, в отношении которого ведется дело об административном правонарушении. Закон связывает с добровольным согласием лица лишь случаи освобождения от административной ответственности по основанию, предусмотренному примечанием к ст. 6.9 КоАП РФ.

За 2018 г. МВД по Республике Саха (Якутия) выявлены 642 административных правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков, в том числе немедицинское потребление наркотиков – 492, из которых по ст. 6.9. КоАП РФ 480 фактов, ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ – 12.

Судами Республики Саха (Якутия) правовая возможность возложения на лицо, признанное больным наркоманией либо потребляющее наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, обязанности с применением положений ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ применена в 252 случаях, что составляет 51,2% от общего количества рассмотренных материалов об административных правонарушениях рассматриваемой категории.

Порядок контроля за исполнением лицом, признанным больным наркоманией либо потребляющим наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, возложенной на него судом при назначении административного наказания обязанности определен Правилами, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2014 г. № 484.

Основанием для постановки лица на учет в уполномоченном органе является вступившее в законную силу постановление суда. После получения из суда копии постановления медицинская организация и (или) учреждение социальной реабилитации в течение трех дней направляют в уполномоченный орган указанную копию с отметкой о начале исполнения лицом обязанности. В день поступления копии постановления суда в уполномоченном органе осуществляется регистрация лица в журнале учета лиц, на которых возложена обязанность, и заводится учетная карточка, о чем уполномоченный орган в течение трех дней направляет уведомление в медицинскую организацию и (или) учреждение социальной реабилитации.

По состоянию на 1 января 2019 г. в МВД по Республике Саха (Якутия) на учете состояли 417 лиц, на которых судом возложена обязанность в соответствии с ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ. Из состоящих на учете исполняют обязанность 377 человек, находятся в местах лишения свободы и СИЗО 7, уклоняются от исполнения обязанности 33, к административной ответственности по ст. 6.9.1 КоАП РФ привлечены 65.

В целях привлечения к административной ответственности, предусмотренной ст. 6.9.1 КоАП РФ, осуществляется розыск лиц, уклоняющихся от возложенной в соответствии с ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ обязанности, в том числе в рамках различных оперативно-профилактических операций и мероприятий («Административный участок», «Быт», «Условник-228» и др.).

По итогам проведенных мероприятий в 2018 г. к административной ответственности за уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании, а также реабилитации (медицинской или социальной) привлечены 65 правонарушителей.

В рамках уголовного судопроизводства правовое понуждение к лечению от наркомании регламентируются ст. 72.1 и 82.1 УК РФ.

В соответствии со ст. 72.1 УК РФ в дополнение к назначенному основному наказанию суд может возложить на осужденного, признанного больным наркоманией, обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. При этом указанная обязанность возлагается только в том случае, если основным наказанием являются: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы или ограничение свободы.

Статья 82.1 УК РФ предусматривает возможность предоставления отсрочки отбывания наказания осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые преступление, предусмотрено ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании и другие медико-социальные мероприятия, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения, но не более чем на пять лет.

Применение положений ст. 72.1 и 82.1 УК РФ, как и использование возможности уголовно-правового института принудительного лечения больных наркоманией, является исключительной прерогативой суда. В свою очередь, органы предварительного следствия МВД по Республике Саха (Якутия) при расследовании уголовных дел, в том числе о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков, в целях установления наличия либо отсутствия у лица заболевания наркоманией и возможности в дальнейшем судами принимать решения в соответствии со ст. 72.1 и 82.1 УК РФ назначают и проводят судебные психиатрические экспертизы. По результатам уголовных дел, возбужденных органом внутренних дел, Якутским городским судом вынесены три обвинительных приговора с применением положений ст. 82.1 УК РФ и один — ст. 72.1 УК РФ.

Шишкин П. Е.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПОЛНОМОЧИЙ ПО КОНТРОЛЮ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЛИЦАМИ,
СОВЕРШИВШИМИ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ОБЯЗАННОСТЕЙ,
ВОЗЛОЖЕННЫХ СУДОМ НА ОСНОВАНИИ ЧАСТИ 2.1 СТАТЬИ 4.1 КоАП РФ**

Проблема немедицинского потребления наркотических средств, психотропных веществ, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее – наркотиков) в Российской Федерации продолжает оставаться актуальной. Так, за 9 месяцев 2018 г. на территории Российской Федерации сотрудниками органов внутренних дел были выявлены 121 479 административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков, по которым были составлены 108 537 протоколов об административных правонарушениях (89,3% от общего количества выявленных административных правонарушений), и 75 349 лиц, совершивших правонарушения (69,4% от общего количества лиц, привлекавшихся к административной ответственности за совершение указанных правонарушений), были направлены на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. В отношении 33 868 лиц из указанных на основании ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ судом была возложена обязанность прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотиков без назначения врача. Общий процент возложения указанной обязанности составил 41,5, что свидетельствует о невысокой эффективности данного административно-правового средства противодействия немедицинскому потреблению наркотиков.

В соответствии с ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ и Правилами контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) меди-

цинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, утвержденными постановлением Правительства РФ от 28 мая 2014 г. № 484 (далее – Правила контроля), контроль за исполнением лицом обязанности возлагается на органы, должностными лицами которых составляются протоколы об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена ст. 6.9.1 КоАП РФ.

Несмотря на появление в прошлом году нового нормативного правового документа – приказа МВД России от 26 февраля 2018 г. № 111, утвердившего Порядок организации работы в органах внутренних дел Российской Федерации по осуществлению контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности, остаются нерешенными ряд проблем в данной области. Указанный Порядок возложил обязанность по осуществлению контроля за исполнением наркопотребителем обязанности на должностных лиц подразделений по контролю за оборотом наркотиков (далее – сотрудники подразделений ОНК) территориального органа МВД России на районном уровне по месту жительства наркопотребителя, а при отсутствии подразделения ОНК на районном уровне – на сотрудника подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориального органа МВД России на региональном уровне.

При осуществлении контроля за указанной категорией лиц в настоящее время возникают ряд проблемных вопросов.

Во-первых, существует проблема снятия с учета лиц, не исполняющих рассматриваемые обязанности, в особенности по учетным делам 2014-2015 гг., если лица не исполняют возложенную на них на основании ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ обязанность, и прекращения контроля за ними в подразделениях ОНК. Проблема обусловлена отсутствием в п. 13 Правил контроля в качестве основания для снятия с учета вышеуказанных лиц истечение какого-либо срока. Необходимо отметить, что ГУНК МВД России была предпринята попытка разрешения указанной проблемы, и в территориальные органы МВД России на региональном уровне был направлен Алгоритм порядка снятия с учета отдельных категорий лиц, на которых судом при назначении административного наказания возложены обязанности в порядке ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, в котором сотрудникам ОНК территориальных органов МВД России предлагается обращаться в суды с заявлениями с просьбой отмены постановления в части выполнения возложенной на лицо обязанности для снятия его с учета на основании ч. 1 ст. 31.9 КоАП РФ. С данной позицией сложно согласиться, так как ч. 1 ст. 31.9 КоАП РФ применяется в части исполнения постановления о назначении административного наказания, а рассматриваемые нами обязанности являются иными мерами административно-правового воздействия в целях противодействия незаконному обороту и немедицинскому потреблению наркотиков.¹ Данная позиция представителей правоохранительного органа достаточно понятна с практической точки зрения, но, на наш взгляд, кажется не в полной мере соответствующей нормам действующего законодательства, необходимо вносить соответствующие изменения в п. 13 Правил контроля либо отдельную норму в КоАП РФ.

Во-вторых, проблемой является возложение рассматриваемой обязанности на несовершеннолетних, достигших возраста административной ответственности, совершивших правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков,

а также допустивших немедицинское потребление наркотиков. В соответствии с ч. 1 ст. 23.2 КоАП РФ дела об административных правонарушениях несовершеннолетних рассматриваются комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — КДНиЗП), но на основании ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ рассматриваемые обязанности вправе возлагать только судьи. КДНиЗП вправе направлять указанные дела об административных правонарушениях для рассмотрения судьей на основании ч. 2 ст. 23.1 КоАП РФ. Однако, как поясняют опрошенные сотрудники подразделений по контролю за оборотом наркотиков, КДНиЗП данным правовым инструментом почти не пользуются — в 2018 г. судьям в целях возложения в отношении несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения, рассматриваемой обязанности на всей территории Российской Федерации были направлены только 55 дел об административных правонарушениях. Указанные факты свидетельствуют о недостаточном внимании или неосведомленности сотрудников КДНиЗП о наличии данных правовых инструментов и возможности при их помощи воздействия в отношении несовершеннолетних в целях недопущения фактов немедицинского потребления наркотиков, а в целом противодействия наркоугрозе среди подростков на территории России.

В-третьих, проблемой в сфере контроля за исполнением обязанности, возложенной в соответствии с ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, является несвоевременная постановка на учет лиц данной категории, что отмечается Генеральной прокуратурой РФ: «результаты проведенной проверки УМВД по Ульяновской области показали, что при поступлении судебных решений сотрудниками управления по контролю за оборотом наркотиков лица соответствующей категории несвоевременно ставятся на контроль»². Как поясняют опрошенные сотрудники ОНК, часто несвоевременная постановка на учет лиц указанной категории обусловлена тем, что поста-

новление судьи направляется в подразделение ОНК территориального органа МВД России на районном уровне либо региональном уровне лицу, составившему протокол об административном правонарушении, а указанное должностное лицо несвоевременно передает сотрудникам подразделения ОНК. Данные факты подтверждаются статистическими сведениями МВД России: например, за 6 месяцев 2018 г. на территории Российской Федерации в области оборота наркотиков сотрудниками подразделений ОНК были выявлены 16 937 правонарушений, из них по ст. 6.8 – 2167 (+355 АППГ), по ст. 6.9 – 11 313 (+3639 АППГ), по ст. 6.9.1 – 3639 (+1426 АППГ), а при этом за аналогичный период сотрудниками подразделений УУП были выявлены 38 371 (+2195 АППГ) административное правонарушение, из них по ст. 6.8 – 2167 (+355 АППГ), по ст. 6.9 – 11313 (+3639 АППГ), по ст. 6.9.1 – 3639 (+1426 АППГ).³ Кроме того, данная проблема усложняется тем, что в ряде территориальных органов МВД России на региональном уровне, например в ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, отсутствуют подразделения по контролю за оборотом наркотиков на районном уровне. Указанная проблема свидетельствует о существенных недостатках в организации внутриведомственного взаимодействия между подразделениями территориальных ор-

ганов МВД России в сфере осуществления контроля за указанными лицами.

Разрешение обозначенных проблем, на наш взгляд, позволит существенно повысить эффективность контроля за лицами, совершившими преступления, в отношении которых были применены рассмотренные административно-правовые средства побуждения к прохождению диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации, в первую очередь в целях предупреждения и своевременного выявления фактов немедицинского потребления наркотиков, а также в целом противодействия незаконному обороту и немедицинскому потреблению наркотиков.

---

¹ Цуканов Н.Н. Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: новое в административно-деликтном законодательстве и прогнозируемые проблемы правоприменительной практики // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 1(14). С. 10.

² Письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19.03.2018 № 32/1-33-2018.

³ Шишкин П.Е. О некоторых вопросах усиления внутриведомственного взаимодействия подразделений полиции территориальных органов МВД России при реализации мер побуждения лиц, совершивших административные правонарушения, к прохождению диагностики, лечения от наркомании, медицинской и (или) социальной реабилитации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4.

Кохан Р.Ю.

Управление по контролю за оборотом наркотиков
УМВД России по Псковской области

**О ПЕРЕЧНЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, СОТРУДНИКИ КОТОРЫХ
НАДЕЛЕНЫ ПРАВОМ НАПРАВЛЯТЬ ЛИЦ НА МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ
НА СОСТОЯНИЕ НАРКОТИЧЕСКОГО ОПЬЯНЕНИЯ**

Несмотря на предпринятые шаги по организации взаимодействия основных служб и подразделений полиции в сфере контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ¹, на

уровне территориальных органов внутренних дел требуются дальнейшие меры для координации противодействия немедицинскому потреблению наркотиков. Именно в подразделениях полиции

городского и районного звена сложилось мнение об исключительной компетенции подразделений по контролю за оборотом наркотиков в области противодействия немедицинскому потреблению наркотиков. Вместе с тем анализ законодательства указывает на несоответствие такой позиции ведомственной нормативной базе.

Перечень подразделений полиции, сотрудники которых наделены правом применять медицинское освидетельствование, предусмотренное ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», непосредственно раскрыт в диспозиции ч. 2 статьи. Во-первых, это «должностные лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность», то есть руководители и сотрудники оперативных подразделений органов МВД России, должностными регламентами которых предусмотрено осуществление оперативно-розыскной деятельности. Во-вторых, это должностные лица органов дознания, то есть начальник органа дознания – начальник органа внутренних дел, заместитель начальника полиции органа внутренних дел, начальник подразделения дознания органа внутренних дел, дознаватели. В-третьих, это должностные лица, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении. Список таких лиц является обширным (он включает руководство и сотрудников 16 служб), как легко убедиться, и содержит первые две категории.²

В случае направления лица на медицинское освидетельствование в порядке ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» речь идет о применении сотрудником меры административного предупреждения, носящей профильный профилактический антинаркотический характер. Полномочия по применению таких мер относятся к специальным полномочиям сотрудника полиции, которые он выполняет по занимаемой должности. Таким образом, возможность применения мер медицин-

ского освидетельствования, рассматриваемых как элемент профилактической антинаркотической работы, определяется кругом должностных обязанностей – то есть положением о подразделении, в котором проходит службу сотрудник, и фактическим должностным регламентом. Для того чтобы сотрудники подразделений полиции имели полномочия по направлению лиц на медицинское освидетельствование в порядке ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», необходимо, чтобы в функции соответствующих подразделений полиции входили задачи, относящиеся к профилактике незаконного потребления наркотических средств, а должностные регламенты содержали соответствующие права и обязанности.

Такой прямой компетенцией по проведению работы по профилактике незаконного потребления наркотических средств обладают:

- сотрудники подразделений по контролю за оборотом наркотиков (п. 10.30 Положения о главном управлении по контролю за оборотом наркотиков МВД России³);

- сотрудники подразделений участковых уполномоченных полиции (п. п. 37.20, 37.31 Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции⁴);

- сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних (п. 2.1.1а Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних⁵);

В случае направления лица на медицинское освидетельствование в порядке статьи 27.12.1 КоАП РФ речь идет о применении мер обеспечения производства по делам об административном правонарушении.⁶ Такие меры имеют право принимать сотрудники подразделений полиции, наделенные правом производства по делам об административных правонарушениях, в том числе непосредственно относящихся к немедицинскому потреблению наркотических средств, психотропных веществ, потреблению новых потенциально-опасных

психоактивных веществ (ст. 6.9, чч. 2, 3 ст. 20.20, ст. 20.22 КоАП РФ).

В соответствии с приказами МВД России, регламентирующими соответствующие направления деятельности подразделений, производство по делам об административных правонарушениях такой категории могут, помимо вышеперечисленных, возбуждать и вести:

- сотрудниками подразделений ГИБДД (п. п. 6.7, 6.9 Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения⁷);

- сотрудниками подразделений по организации применения административного законодательства (п. 21 Приложения № 2 Типового положения о подразделениях организации применения административного законодательства и подразделениях по исполнению административного законодательства⁸);

- начальник дежурной части; заместитель начальника дежурной части; начальник дежурной смены; старший оперативный дежурный; оперативный дежурный (п. 6 Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан⁹).

Важным, однако в настоящее время нормативно не определенным является вопрос о возможности направления лица на медицинское освидетельствование в порядке статьи 27.12.1 КоАП РФ:

- должностными лицами строевых подразделений патрульно-постовой службы;

- должностными лицами подразделений организации охраны общественного порядка на улицах и при проведении массовых мероприятий;

- сотрудниками подразделений по организации административного надзора;

- должностными лицами подразделений организации дознания;

- сотрудниками оперативных подразделений органов полиции (не относящихся к подразделениям по контролю за оборотом наркотиков).

Несмотря на то что актами МВД России в качестве функций указанных подразделений не предусмотрено производство по делам об административных правонарушениях, непосредственно относящихся к немедицинскому потреблению наркотических средств либо относящихся к действиям лица в состоянии наркотического опьянения, действовавший до 1 ноября 2017 г. приказ МВД России от 5 мая 2012 г. № 403 допускал такие функции и, следовательно, предоставлял возможность направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения в порядке ст. 27.12.1 КоАП РФ.

С учетом актуальности вопросов противодействия немедицинскому потреблению наркотиков представляется необходимым, чтобы указанными подразделениями исполнялись функции по направлению лиц на медицинское освидетельствование на состояние опьянения в порядке ст. 27.12.1. КоАП РФ. Для этого целесообразно на территориальном уровне в положениях о подразделениях и должностных регламентах сотрудников указанных подразделений закрепить задачи и полномочия по производству по делам об административных правонарушениях, непосредственно относящихся к немедицинскому потреблению наркотических средств, психотропных веществ, потреблению новых потенциально-опасных психоактивных веществ (ст. 6.9, чч. 2, 3 ст. 20.20, ст. 20.22 КоАП РФ).

---

¹ Об утверждении Положения о взаимодействии по осуществлению деятельности по выявлению, предупреждению пресечению и раскрытию правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : приказ МВД России от 27.12.2018 № 886.

² О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание : приказ МВД России от 30.08.2017 № 685.

³ Положение о Главном управлении по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 23.04.2016 № 209.

⁴ Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции : приказ МВД России от 31.12.2012 № 1166.

⁵ Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 15.10.2013 № 845.

⁶ Цуканов Н.Н. Статья 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и статья 27.12.1 КоАП РФ: к вопросу о соотношении оснований направления на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XX международной научно-практической конференции (20-21 апреля

2017 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. С. 81-84.

⁷ Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения : приказ МВД России от 23.08.2017 № 664.

⁸ Об утверждении Типовых положений о подразделениях организации применения административного законодательства и подразделений по исполнению административного законодательства : приказ МВД России от 29.12.2012 № 1156.

⁹ Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан : приказ МВД России от 30.04.2012 № 389.

Виноградов А.М.

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ СЛУЖБЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В 1930-е годы в Союзе ССР сложилась необходимость создания специализированного органа по борьбе с преступностью в экономике. Советской экономике в годы индустриализации, с учетом колоссальных затрат материальных и человеческих ресурсов, требовалась надежная государственная защита от расхитителей государственного и общественного имущества, преступной деятельности должностных лиц, спекуляций.

16 марта 1937 года приказом наркома внутренних дел СССР № 00118¹ в составе НКВД создан специализированный орган по борьбе с преступностью в советской экономике, вошедший в структуру рабоче-крестьянской милиции – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией – ОБХСС ГУРКМ НКВД СССР, который стал возглавлять Ратнер Самуил Викторович, капитан госбезопасности.

ОБХСС был сформирован как специализированный орган в системе орга-

нов внутренних дел, осуществляющий правоохранительную функцию государства в сфере экономики в форме оперативно-розыскной деятельности.

Пресечение, выявление, раскрытие преступной деятельности в экономике, документирование ее требует особенной профессиональной компетенции (специальных познаний и навыков).

Профессиональная экономическая преступность является высоколатентной, продуцируется профессионально подготовленными, интеллектуально развитыми людьми, тщательно и умело скрывающими свою преступную деятельность.

Для выявления и документирования такой преступной деятельности требуются как общие оперативно-розыскные навыки, так и хорошие знания экономики, особенностей тех или иных видов экономической деятельности, необходима специальная профессиональная компетенция.

В Советском Союзе сложилась эффективная система противодействия экономической преступности силами специализированного органа, сформировался штат профессионально подготовленных сотрудников, имеющих достаточный опыт борьбы с преступной деятельностью в советской экономике – хищениями государственного и общественного имущества, спекуляцией, должностными преступлениями, фальшивомонетничеством, контрабандой и др.

Но в условиях становления рыночных отношений и частной собственности на средства производства эта система стала малоэффективной, а профессиональная компетенция сотрудников – недостаточной.

Россия в 1990-е годы переживала глубокий экономический кризис, порожденный процессами системной трансформации и реформами. ВВП резко сокращался, сокращались основные фонды, сокращались вложения в будущее общества (науку, здравоохранение, образование, развитие производства), доходы государства падали, а доходы частных лиц быстро увеличивались. Это была эпоха первичного накопления капитала частными лицами путем присвоения (законного и незаконного) государственной и общественной собственности разрушенного Союза ССР и молодой России.

Экономика России из производящей превращалась в экономику сырьевого экспорта и импорта дешевого заграничного ширпотреба. Большая доля экономической деятельности осуществлялась нелегально, что позволяло частным лицам незаконно присваивать общественные и государственные ресурсы, увеличивая собственное благосостояние во вред обществу и государству.

Экономика России становилась криминальной и полуполюгальной. По мнению А.К. Модемова, «... в середине 90-х гг. XX века отечественные специалисты констатировали факт наступления в России эпохи всеобщей криминализации экономики и экономических отношений...»². Изменялись криминальные угрозы в экономике, формы и

субъекты преступной деятельности – массово возникали организованные преступные формирования.

Система противодействия экономической преступности, сложившаяся в советской экономике, была малоэффективна и объективно неприменима в рыночных условиях (за исключением общих навыков оперативно-розыскной деятельности), требовалось формирование новой профессиональной компетенции сотрудников, которая не могла возникнуть одномоментно.

Слабая эффективность работы подразделений по экономическим преступлениям, отмеченная в решении Коллегии МВД РФ от 21 июля 1992 года, объективна, порождена не отсутствием желания у сотрудников исполнять свой служебный долг, но болезнью переходного периода – отсутствием опыта противодействия, достаточных сил и средств для борьбы с экономической преступностью, нормативной правовой базы, объективным отсутствием оперативных позиций на предприятиях частной собственности, которые предстояло наработать.

Таким образом, в 1990-е годы в Российской Федерации сложилась острая необходимость создания специализированного органа по борьбе с преступностью в экономике в новых – рыночных – условиях ее функционирования.

В феврале 1992 года МВД СССР и МВД РСФСР были объединены в МВД Российской Федерации.

Приказом МВД РФ от 10 февраля 1992 года № 35 Бюро по преступности в экономике криминальной милиции МВД СССР и БЭП МВД РСФСР соединены в новый орган внутренних дел по борьбе с экономической преступностью – Главное управление по экономическим преступлениям МВД РФ.

ГУЭП МВД России был сформирован как специализированный орган в системе органов внутренних дел, осуществляющий правоохранительную функцию государства в сфере экономики в форме оперативно-розыскной деятельности.

Первым начальником ГУЭП МВД России (1992-1995 гг.) назначен Солта-

ганов Вячеслав Федорович, генерал-полковник милиции.

Но работа органа, осуществляющего выявление и пресечение преступлений оперативно-розыскными методами, в этот период осложнялась отсутствием уголовного закона, устанавливающего преступное и наказуемое в условиях рыночной экономики в России. УК РСФСР, действовавший до 1997 года, несмотря на изменения и дополнения, не соответствовал новой практике экономических отношений.

В январе 1997 года вступил в силу УК РФ, содержащий раздел VIII «Преступления в сфере экономики», в котором глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» — самая большая по числу статей, многие из которых новы для российского законодательства и правоприменителя.

В этом же 1997 году ГУЭП МВД РФ переименовано в Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями — ГУБЭП МВД РФ, которое возглавил (1997-1998 гг.) Сардак Иван Григорьевич, генерал-лейтенант милиции.

ГУБЭП МВД РФ предстояло в короткие сроки выработать и реализовать в практике оперативно-розыскной деятельности методики выявления, пресечения и раскрытия таких новых экономических преступлений, как лжепредпринимательство, незаконная банковская деятельность, регистрация незаконных сделок с землей, незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, фиктивное банкротство, неправомерные действия при банкротстве, злоупотребления при эмиссии ценных бумаг и др.

Приказом министра внутренних дел от 6 ноября 1997 г. № 730 установлено, что головной службой в системе МВД России по организации оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями в сфере экономики, отнесенных к компетенции подразделений по экономическим преступлениям, по которым предварительное следствие обязательно, а также по борьбе со взя-

точничеством, является ГУБЭП МВД России.

ГУБЭП были проанализированы наиболее криминогенные объекты и отрасли экономики в регионах, определены приоритеты в оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступной деятельностью в экономике:

— выявление опасных и особо опасных преступлений в кредитно-финансовой системе, на рынке ценных бумаг, объектах топливно-энергетического комплекса, в сфере оборота подакцизной продукции, драгоценных металлов и камней, а также совершаемых в ходе приватизации;

— укрепление оперативных позиций на этих направлениях.³

В это же время в главке внедряется единая база данных оперативной информации.

Таким образом, в 90-е гг. XX века в Российской Федерации продолжался процесс реформирования органов внутренних дел. Учитывая состояние преступности в социально-экономической сфере, большое значение имела и необходимость структурной реорганизации специализированного органа по борьбе с экономической преступностью, осуществляющей правоохранительную функцию государства в экономике в форме оперативно-розыскной деятельности. Процесс реформирования способствовал совершенствованию форм и методов противодействия преступности в условиях рыночной экономики, знания и опыт сотрудников нарабатывался в повседневной деятельности.

¹ Тишков С.В., Алабердеев Р.Р., Латов Ю.В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности (к 70-летию ОБХСС/ДЭБ) // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 1. С. 51-80.

² Моденов А.К. Методология формирования механизма противодействия криминализации экономики России в условиях глобализации : авторефер. дис. ... докт. экон. наук : 08.00.05. СПб., 2005. С. 3.

³ МВД РФ URL : https://xn--blaew.xn--plai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jeconomicheskoi_bezop/Istorija (дата обращения : 01.11.2018) С. 797.

Филипсон К.Ю.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ПРАВОПРЕЕМСТВО ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЯНИЕМ

Несмотря на то что институту компенсации морального вреда посвящены многочисленные научные исследования, остаются нерешенными многие проблемные вопросы, связанные не только с определением размера компенсации морального вреда, но и с переходом прав и обязанностей по возмещению морального вреда в порядке универсального правопреемства.

Рассмотрим возможность правопреемства в случае компенсации морального вреда, причиненного противоправным деянием.

Правопреемство в гражданском процессе регламентировано ст. 44 ГПК РФ: «В случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина) суд допускает замену этой стороны ее правопреемником».

Но следует отметить, что в ст. 220 ГПК РФ указано, что суд прекращает производство по делу, если после смерти гражданина, являвшегося одной из сторон по делу, спорное правоотношение не допускает правопреемство.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» правопреемство невозможно по требованиям, связанным с возмещением вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, так как в соответствии со ст. 1112 ГК РФ указанные требования не входят в состав наследства и носят личный характер исполнения.

Статья 151 ГК РФ закрепляет, что если гражданину причинен моральный вред, то суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

В связи с этим в теории и на практике возникает вопрос: освобождаются ли наследники причинителя вреда от компенсации морального вреда, причиненного жизни и здоровью.

В соответствии с п. 1 ст. 418 ГК РФ обязательство прекращается смертью должника, если исполнение не может быть произведено без личного участия должника либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью должника.

Можно говорить о том, что законодатель ограничивает возможность компенсации морального вреда по причине личного характера обязательств, возникающих между потерпевшим и причинителем вреда. Законодательная точка зрения находит подтверждение и в судебной практике. Приведем в пример позицию Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, сформулированную в определении от 3 февраля 2012 г. № 53-В11-19 следующим образом: «В соответствии с положениями п. 1 ст. 418 Гражданского кодекса Российской Федерации обязательство прекращается смертью должника, если исполнение не может быть произведено без личного участия должника либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью должника. Исполнение обязательства по компенсации причиненного морального вреда может быть исполнено лично должником, так как неразрывно связано именно с его личностью. Правопреемство в данном случае действующим законодательством не предусмотрено. По смыслу ст. 1112 ГК РФ в состав наследства не входят обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя или не подлежащие передаче наследникам в силу закона, в связи с чем такие обязанности не могут признаваться долгами наследодателя, приходящимися на наследников».

Мы частично согласны с позицией законодателя и выработанной судебной практикой в том, что обязанность по компенсации морального вреда полностью связана с личностью. Действительно, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» размер компенсации морального вреда зависит от личности правонарушителя. Так, суд обязан при вынесении решения учитывать степень вины ответчика, а также его имущественное положение.

В то же время соглашаемся с точкой зрения А.А. Ягельницкого, который утверждает, что «личный либо обезличенный характер обязательства правильное определить исходя из содержания обязательства, из тех действий, которые должны быть совершены обязанным или управомоченным лицом, но не из оснований его возникновения»¹.

Таким образом, перед нами стоит вопрос: что входит в содержание обязательств по компенсации морального вреда и носит ли указанное содержание личный характер?

В соответствии со ст. 151, 1099, 1100, 1101 ГК РФ компенсация морального вреда является денежным обязательством, в связи с чем содержание обязательства по компенсации морального вреда носит имущественный характер, выражающийся в действиях потерпевшего по уплате определенной денежной суммы, и не имеет тесной связи с личностью правонарушителя.

На наш взгляд, нет никаких препятствий для наследников исполнить обязательство по компенсации морального вреда в порядке универсального правопреемства.

Для определения возможности правопреемства в случае компенсации морального вреда также необходимо получить ответы на следующие вопросы: в чем сущность природы компенсации морального вреда? направлено ли оно на наказание причинителя, и тогда только причинитель вреда обязан восстановить нарушенное право? или все-

таки компенсация морального вреда в первую очередь направлена на восстановление нарушенных прав?

Отвечая на поставленные вопросы, необходимо определить цель гражданско-правовой ответственности.

Все виды публично-правовой ответственности, такие как уголовная либо административная, имеют штрафной или карательный характер и тесно связаны с личностью правонарушителя. Особенности карательной ответственности заключаются в том, что она не может быть исполнена другим лицом — не причинителем вреда.

В соответствии со ст. 1 ГК РФ целью гражданско-правовой ответственности является восстановление прав, а не наказание правонарушителей. В связи с этим гражданским законодательством устанавливается правило, что не всегда обязательство по компенсации морального вреда возникает непосредственно у его причинителя.

Приведем пример из судебной практики. В результате ДТП скончался человек. Виновником аварии суд признал водителя, по найму работающего у индивидуального предпринимателя. Непосредственный причинитель вреда нарушил Правила дорожного движения, что повлекло по неосторожности смерть человека (ч. 3 ст. 264 УК РФ). Водитель во время ДТП был на служебном автомобиле, который принадлежит его работодателю. Супруга погибшего обратилась в суд с иском к ИП о компенсации морального вреда в размере 2 млн руб. Позиция нижестоящих судов: Белореченский районный суд Краснодарского края удовлетворил иск частично — на 500 000 руб. Он решил, что ИП как владелец источника повышенной опасности обязан возместить не только материальный ущерб, но и компенсировать моральный вред, причиненный его работником при исполнении трудовых обязанностей (ст. 150, 151, 1099-1101, 1068, 1079 ГК РФ). Судебная коллегия по гражданским делам Краснодарского краевого суда отменила это решение и полностью отказала в иске. По ее мнению, если вступившим в законную силу

приговором суда установлена вина водителя в совершении преступления, компенсация морального вреда не подлежит взысканию с работодателя.

Полагаем, что позиция Судебной коллегии по гражданским делам полностью противоречит гражданскому законодательству и целям гражданско-правовой ответственности. На наш взгляд, позиция нижестоящего суда полностью соответствовала одному из главных принципов гражданского права – обеспечению восстановления нарушенных прав. Верховный Суд РФ изучил обстоятельства дела и установил, что выводы суда апелляционной инстанции основаны на неправильном применении норм действующего законодательства. По мнению Верховного Суда РФ (определение от 10 апреля 2018 г. по делу № 18-КГ18-29), на работодателя как на владельца источника повышенной опасности возлагается обязанность по возмещению не только имущественного, но и морального вреда, причиненного его работником при исполнении трудовых обязанностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что компенсация морального вреда носит некарательный характер, направлена на восстановление нарушенных прав потерпевшего и может быть исполнена не только причинителям вреда. Полагаем, что если причинитель вреда, обязанный возместить моральный вред, умер, то его обязанность по выплате денежной компенсации за причиненный

вред как имущественная обязанность должна переходить к его наследникам в целях восстановления нарушенных нематериальных прав потерпевшего.

На наш взгляд, позиция отечественного законодателя по выявленной нами проблеме противоречит одному из главных принципов гражданского права – обеспечению восстановления нарушенных прав.

Для разрешения выявленных проблем необходимо внести существенные изменения в нормы как процессуального, так и материального права.

Считаем целесообразным ст. 383 ГК РФ изложить в следующей редакции: «Переход к другому лицу прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований об алиментах, за исключением требований о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, не допускается». Также необходимо внести соответствующие пояснения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» о допустимости правопреемства в случаях компенсации морального вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина.

---

¹ Ягельницкий А.А. К вопросу о неразрывной связи права с личностью: преемство в праве требовать компенсации морального вреда и вреда, причиненного жизни или здоровью // Вестник гражданского права. 2013. № 2.

Тепляшин И.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

УСЛОВИЯ УСПЕШНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

В правовой жизни государства и российского общества формируется практика системного и активного участия граждан и их объединений в противодействии преступности и укреплении законности и правопорядка. Дан-

ные вопросы конвертируются в систему развития процесса сотрудничества государственного механизма и гражданского общества.

В представленной сфере складывается система средств и форм осуществ-

ления интересов государства и общества, формируется юридическая практика правового регулирования общественных отношений. Так, законодатель нормирует действие таких институтов, как, например, общественный контроль (включая активно развивающееся функционирование общественных наблюдательных комиссий и иных форм общественного контроля в сфере исполнения уголовных наказаний¹), независимая общественная экспертиза, создание и деятельность общественных советов при правоохранительных органах, участие граждан в охране общественного порядка.² Современная юридическая наука также уделяет необходимое внимание вопросам общественного присутствия при осуществлении организационно-правовых мероприятий в области профилактики преступного поведения и содействия правоохранительным структурам.³

В контексте анализа данных вопросов следует показать содержательные составляющие законности и правопорядка через их дефинитивное установление.

Так, законность можно понимать как правовой режим, складывающийся в результате системного и последовательного действия законодательства, легитимных правовых предписаний, посредством их полного соблюдения и гарантирования со стороны общественных, государственных и иных публичных структур на соответствующей суверенной территории.

В свою очередь, правопорядок — это модель упорядоченности социальных и правовых отношений, формируемая в условиях когерентного взаимодействия между государственными и общественными институтами и обусловленная результатом претворения в жизнь организационно-правовых требований, связанных с историческим, политическим, управленческим опытом и практикой правового регулирования в конкретной области.

Полагаем, что общественность, как самостоятельная и автономная единица политической системы общества, имеет большое организационное, профилактическое и идеологическое значение в

формировании законности и укреплении правопорядка.

Базовыми условиями перехода к правовым основам развития системного общественного присутствия в сфере законности и правопорядка могут выступить:

- оперативность развития российского законодательства в сфере частного-государственного партнерства;

- развитие научно-технического прогресса и укрепление позиций информатизации при предоставлении государственных услуг;

- формирование новых стандартов и правовых норм деятельности государственного аппарата (государственных служащих, должностных лиц, экспертов);

- изменение модели взаимодействия бизнеса и государства, установление новых стандартов культуры в области предпринимательства;

- формирование среднего класса с учетом экономического развития российского общества и государства;

- формирование управленческих ценностей в условиях включения в механизм правотворческой и правоприменительной деятельности общественных структур (общественных советов, инициативных групп, независимых экспертов);

- унификация (кодификация) российского законодательства в области общественного контроля и мониторинга.

Предложенные установочные требования во многом являются объективными и обусловленными системным отношением со стороны юридической науки. Стоит заметить, что динамика современного правового исследования вопросов правопорядка и законности имеет различные аспекты, главным образом связанные с их качественным, отраслевым, технологическим развитием.⁴ Эти обстоятельства следует учесть при формировании правовой культуры и правовых установок российских общественников, активистов, общественных объединений правоохранительной направленности, а также в процессе претворения ими своих интересов и стремлений в организационно-правовой сфере.

В итоге правовая технология поступательного развития области сотрудни-

чества государства и общества в правоохранительной сфере сегодня сформирована, но требует необходимого научного, правоприменительного, информационно-идеологического сопровождения со стороны активных участников механизма укрепления правопорядка и законности. При этом воплощение основ конституционного строя в систему социального управления, учет перспективных направлений организационно-технологического развития общества и понимание реального общественного мнения имеют решающее значение в формировании цивилизованной и эффективной модели партнерства общественных и государственных структур.

---

¹ Мальков С.М., Шеслер А.В., Тепляшин П.В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. С. 31-32.

² Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон от

21.07.2014 № 212-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (ч. 1), ст. 4213; Об участии граждан в охране общественного порядка : Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 14, ст. 1536.

³ Кожевников В.В., Колбина В.А. Общественная (социальная) экспертиза законопроектов в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4 (49). С. 12-18; Новиков Д.О. Нормативно-правовое регулирование участия населения в охране общественного порядка: сравнительный анализ опыта России и Казахстана // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 2. С. 45-51.

⁴ См., напр.: Безруков А.В. Конституционно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка в России // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 30-34; Киричек Е.В. Взаимодействие полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 28-33.

Никитина И.Э.,

доктор юридических наук

Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции
Российской Федерации (г. Москва)

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН)

В современном мире преступность уже давно не имеет границ. Новые технологии позволяют ей охватывать все большее количество территорий и людей, заполняя при этом информационное пространство, пропагандируя чуждые демократическому обществу устои и навязанные идеалы, разрушающие общечеловеческие ценности.

В связи с этим государствам и институтам глобального управления следует прислушиваться к советам «мудрецов», которые по поручению Генерального секретаря ООН подготовили доклад по угрозам и вызовам, где в том числе поставили неотложные задачи перед ООН и ее государствами-членами.¹ В частности, необходимо уг-

лубление сотрудничества в рамках интеграционных и межправительственных объединений, поскольку именно от состояния и согласованности действий государств зависит развитие упреждающих и стратегических подходов в борьбе с преступностью. Интеграционные и межправительственные объединения призваны решать спорные проблемы, возникающие между странами, содействовать конструктивному диалогу и укреплению сотрудничества, направленного на эффективное противодействие глобальным угрозам и обеспечение миропорядка и безопасности.

Практика показала, что одним из путей повышения эффективности сотрудничества государств в борьбе с

преступностью стало сближение правовых основ правоохранительной деятельности, проведение совместных исследований, создание совместимых баз данных криминалистической и иной информации и организации межгосударственного обмена информацией.

В целях достижения указанных целей интеграционные и межправительственные объединения разрабатывают рекомендации, правила и стандарты.

В 2017 году Комитет министров Совета Европы принял рекомендацию CM/Rec(2017)6, касающуюся применения «специальных методов расследования» в отношении тяжких преступлений, включая террористические акты, в которой дается международно-правовое определение негласных оперативно-розыскных мероприятий.

Под «специальными методами расследования» понимаются методы, применяемые компетентными органами государств в уголовном судопроизводстве в целях предупреждения, раскрытия и расследования, уголовного преследования и пресечения тяжких преступлений, направленные на сбор информации скрытыми способами, чтобы «не насторожить» разрабатываемых лиц.

К компетентным органам государств относятся судебные, прокурорские и следственные органы, которые в соответствии с национальным законодательством государств участвуют в принятии решений о проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий, надзоре за их проведением или выдачи разрешений на их проведение в уголовном судопроизводстве.

С учетом гарантий прав человека Совет Европы считает, что применение негласных методов расследования возможно при наличии достаточных данных о совершенном тяжком преступлении или подготовленном, или готовящемся конкретным лицом или конкретными лицами, или неустановленными лицами или группой лиц.

Совет Европы призывает государства-члены максимально использовать существующие договоры в сфере оперативно-розыскной деятельности при рас-

следовании финансовых преступлений и преступлений в области высоких технологий (киберпреступлений) как на национальном, так и на международном уровне. По возможности государствам-членам следует усилить взаимодействие путем достижения дополнительных соглашений, в том числе и с частным сектором, чтобы эффективно вести борьбу с преступностью, включая терроризм, при этом уделяя особое внимание возможным юрисдикционным проблемам, связанным с использованием «специальных методов расследования» в сети Интернет.

Деятельность Совета Европы в дальнейшем будет направлена на поощрение государств-членов к подписанию, ратификации и имплементации соответствующих конвенций², к применению иных инструментов обеспечения международного сотрудничества по уголовным делам, таких как: обмен информацией; расследование финансовых преступлений и преступлений в сфере высоких технологий; контролируемые поставки; негласные методы расследования; объединенные следственные бригады; трансграничные операции и тренинги.

Перед государствами-членами поставлена задача лучше использовать возможности международных органов (ООН, Совет Европы; Европейский Союз; ОБСЕ; СНГ; Глобальный форум по борьбе с терроризмом; Интерпол; международные суды и трибуналы) для обмена опытом, дальнейшего углубления сотрудничества и обобщения «передовой» практики применения «специальных методов расследования».

Правоохранительным органам государств-членов рекомендуется с учетом национального законодательства развивать межгосударственный обмен информацией по уголовным делам и оперативным опытом работы, модернизировать и совершенствовать базы данных и учетов.

Приведем пример из практики сотрудничества стран Европейского союза в сфере оперативно-розыскной деятельности.

В. был объявлен в розыск Португалией за незаконный оборот наркотиков в соответствии со ст. 26 Шенгенской информационной системы II оповещения. В июне 2016 году Великобритания получила сведения от Национального пограничного целевого центра (National Border Targeting Center) о том, что разыскиваемое лицо прибудет в аэропорт Лутона. Необходимые документы были отправлены в диспетчерский пункт аэропорта, и субъект был арестован на основании Европейского ордера на арест. Задержанный В. предстал перед Вестминстерским магистратским судом (Westminster Magistrates Court) и был экстрадирован в Португалию в течение двух недель после прибытия в Великобританию.³

Таким образом, сотрудничество правоохранительных органов государств необходимо развивать и усиливать для эффективного противодействия криминальным угрозам современности. Мировое сообщество столкнулось с новыми и сложными угрозами безопасности, которые становятся все более разнообразными и интернациональными, а также все более перекрестными и межсекторальными по своему характеру, что требует эффективного и скоординированного ответа на европейском уровне.

¹ См.: Никитина И.Э. Сотрудничество европейских государств в борьбе в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности в рамках интеграционных и межправительственных объединений : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 3.

² Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20.12.1988; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 09.12.1999; Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000; Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003; Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16.05.2005 с дополнительным Протоколом от 22.10.2015; Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 08.11.1990; Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и от финансирования терроризма от 16.05.2005; Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999; Второй дополнительный протокол к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 08.11.2001; Международная конвенция по киберпреступности от 23.11.2001 и дополнительный Протокол, касающийся криминализация действий расистского и ксенофобского характера, совершаемых с помощью компьютерных систем.

³ URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/710802/FINAL_INTERNAL_SECURITY_CO MBINED.pdf.

Пономарева В.В.,

доктор юридических наук, профессор
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ПРИНЦИП NE BIS IN IDEM: ОСОБЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И СОВРЕМЕННОГО ТОЛКОВАНИЯ

Принцип *ne bis in idem* стал неотъемлемой частью современного национального законодательства большинства стран, включая Российскую Федерацию. Классическая правовая доктрина понимает принцип права как основополагающее начало, формирующее соответствующую отрасль права и *ne bis in idem* рассматривает двояко: в материально-правовом аспекте как запрет привлечения лица к ответственности за одно и то же правонарушение; в процессуально-правовом ас-

пекте как недопустимость принятия повторного решения по ранее рассмотренному делу. Достаточно интересно, используя историко-правовой анализ, попытаться исследовать зарождение принципа «не дважды за одно», его рецепцию иными уголовно-правовыми системами, а также закономерности наполнения одного и того же принципа различным правовым содержанием.

Итак, следует начать с того, что достоверных сведений о его происхож-

дении в современном виде нет. Общепринято считать, что первоначально принципы уголовного права были сформулированы и обоснованы римскими юристами.¹ Действительно, правовые максимы общеизвестны: *nulla poena sine lege* (нет наказания без закона), *nullum crimen sine lege* (нет преступления без закона) и др.

Но вот что любопытно. В фундаментальной энциклопедии римского права Милана Бартошека², авторитетнейшего историка и знатока римского права, *ne bis in idem* как принцип не упоминается вовсе! Более того, в 1998 г. общие принципы международного уголовного права были систематизированы в Римском Статуте Международного Уголовного Суда. В третьей части данного правового акта, озаглавленной «Общие принципы уголовного права» (ст. 22-33), принципа «*ne bis in idem*» нет.

Итак, точных сведений о происхождении уголовно-правового принципа «не дважды за одно» нет, отсутствуют свидетельства того, что в писаном праве он был закреплён, достоверно определить источники его происхождения невозможно. В легисакционном гражданском процессе ранней римской республики был известен иной запрет «*bis de eadem re ne sit actio*» (лат., да не будет два иска по одному и тому же делу), адресованный судье-претору скорее как этическое предписание защиты правового порядка, а не фиксированный правовой запрет, отступление от которого недопустимо. Интересующая нас формула римского права звучит совершенно иначе: «*nemo debet bis puniri pro uno delicto*» (лат., никто не должен дважды нести наказание за одно преступление).

Более того, основным началом средневекового права с его юридическим партикуляризмом, архаическими кутюмами, феодальным «правом сильного» и инквизиционным уголовным процессом принцип *ne bis in idem* был органически чужд. И даже в Великой хартии вольностей 1215 г. (как, впрочем, и в последующих памятниках средневекового права Англии) он отсутствовал.

Вместе с тем в каноническом праве знание о римской максиме сохранилось. Сообразно основам христианской морально-этической догматики Грациан утверждал, что Бог не наказывает за одну провинность дважды. На практике, впрочем, это не исключало многократность наказания одного и того же лица в рамках одного судебного процесса, поскольку декреталями Иннокентия III в начале XIII в. был введен инквизиционный процесс, а поиск истины стал его приоритетной целью. В силу этого принцип «не дважды за одно» оказался перекрыт другой максимой: «правда не может быть связана со сроком» и формулой «*absolution ab instantia*» (оставление подсудимого в подозрении). Вполне закономерно, что и Каролина 1532 г. не содержит никакого уголовно-правового запрета, схожего с принципом «не дважды за одно».

Близкое, но отнюдь не тождественное по смыслу правило появилось, вероятно, в социально-правовой среде Испании³, в *Habeas Corpus act* в 1679 г. и в судебной практике Англии (апелляция в случаях предыдущей судимости или оправдательного приговора),

Близкое к современному определение принципа «не дважды за одно» сформулировано в законодательных актах британских колоний «никто не должен быть осужден гражданским правосудием за одно и то же преступление, правонарушение, нарушение» и в качестве пятой поправки Билля о правах стало частью Конституции США. В весьма неудачной формулировке появился этот принцип в Конституции Франции 1791 г. и вполне закономерно исчез из текста Конституции 1793 г., как и ряда последующих конституционных актов Франции. Это позволяет полагать, что из римского права была заимствована скорее лаконичная форма, нежели ее нормативное юридическое содержание. Не ранее XVII-XIX вв. принцип *ne bis in idem* стал плодом европейской юридической мысли эпохи Просвещения как результат закрепления объективно сложившейся или желательной практики реализации правовых

норм, оформился в виде правового предписания общего характера и соединил формально закрепленный уголовно-правовой запрет с идеальным ценностно-нормативным образом правовой действительности. Судебная практика того времени свидетельствовала, что действие принципа «не дважды за одно» имело исключительно внутригосударственный характер. Статья 7 Уголовного кодекса германского рейха 1871 г. гласила: «При привлечении лица к уголовной ответственности, суд обязуется учесть наказание, ранее понесенное за границей за одно и то же деяние, в пользу подсудимого».

Несомненно, что и большую часть XX в. этот принцип понимался национальной (внутригосударственной) правовой мыслью исключительно в узком смысле как уголовно-правовой запрет, что подтверждается формулировкой ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, а именно: «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление». Для сравнения процитируем п. 3 ст. 103 Основного закона ФРГ, в котором принцип *ne bis in idem* сформулирован схожим образом: никто не может быть наказан дважды/несколько раз за одно и то же преступление. Отметим как немаловажный факт, что в ныне действующей Конституции Республики Беларусь этот принцип не закреплен до сих пор. Соответственно, одна из насущных задач — практические шаги по гармонизации начал уголовного права двух стран в рамках Союзного государства России и Беларуси в контексте поэтапно организуемого единого юридического пространства и закрепление принципа «не дважды за одно» в его современном определении и с учетом сложившейся судебной практики.

На рубеже XX-XXI вв. Конституционный Суд РФ предложил *расширительное* толкование запрета двойного наказания, констатируя переход от отраслевого к общеправовому принципу, указав: в силу своей конституционно-правовой природы этот принцип *не подлежит ограничению*.⁴ Запрет двойной ответственности стал одним из

принципов всех основных отраслей российского права. Например, п. 5 ст. 4.1 КоАП РФ: «никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение», п. 2 ст. 108 НК РФ: «никто не может быть привлечен повторно к ответственности за совершение одного и того же налогового правонарушения». Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению в отношении лица, в отношении которого имеется вступивший в законную силу приговор по тому же обвинению или постановление (определение) суда о прекращении дела по тому же основанию. В соответствии с ч. 2 ст. 6 УК РФ и п. 9 ч. 1 ст. 5 УПК РФ уголовное дело может быть возбуждено только после отмены судебных решений в порядке судебного надзора либо в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Резюмируя, отметим, что недопустимость «удвоения юридической ответственности» базируется на общепризнанных принципах и стандартах международного права и распространяется на все виды юридической ответственности, что в полной мере соответствует вышеуказанной правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Однако препятствием на пути совершенствования основ уголовного законодательства России служит то обстоятельство, что запрет двойной ответственности, сформулированный российским законодателем, не вполне соответствует буквальному толкованию п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. определившего: «никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны». Хотя в отличие от России ст. 4 Протокола 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод для Республики Беларусь юридически не обязательна, однако ее положения, как, впрочем, и практика Европейского Суда

по правам человека, может быть использована в качестве источника права в силу схожести норм национального (белорусского и российского) и (в меньшей степени) наднационального европейского права. Выявленные разночтения в определении запрета двойной ответственности в национальном законодательстве, международных правовых актах детерминировали вариативность и непоследовательность толкования принципа *ne bis in idem*.

Проблемы современного применения принципа «не дважды за одно» порождены тем, что его одновременно, параллельно и самостоятельно толкуют как высшие национальные судебные органы, так и органы международного правосудия, такие как Международный уголовный суд, Европейский Суд по правам человека, суд Европейского союза и пр. Поискам оптимальной дефиниции принципа *ne bis in idem* объективно препятствуют такие факторы, как неспособность национальных правовых систем, принадлежащих к разным правовым семьям, преодолеть разночтения основополагающих понятий деяния, вины, окончательного решения и др.⁵ От проблем исключительно в сфере национального уголовного права и процесса на рубеже XX-XXI вв. перешли к осмыслению проблем отграничения уголовной и административной ответственности в сфере налоговых правонарушений и преступлений. Из сферы внутригосударственной проблемы действия запрета двойной ответственности перешла на качественно иной уровень — межгосударственных правоотношений в сфере экстрадиции, преступлений международного характера, совершенных на территории нескольких стран и пр.

Так, противоречивую оценку юридического сообщества вызвало решение Европейского Суда от 11 февраля 2003 г. Суд сослался на ст. 54 Шенгенской Конвенции 1990 г., целью которой являлось предотвращение уголовного преследования лица за одно и то же деяние, осуществлявшего право на свободное передвижение по территории нескольких стран — членов ЕС, и прин-

цип *ne bis in idem* и истолковал его *расширительно*: «окончательное осуждение» может быть оглашено не только решением суда, но и решением органа, назначенного для участия в отправлении уголовного правосудия. Прямо противоположную позицию относительно смысла запрета двойной ответственности занял тот же Европейский Суд в своем недавнем решении от 20 марта 2018 г., применил *ограничительное* толкование принципа *ne bis in idem* и аргументировал тем, что подобное ограничение было абсолютно необходимым для защиты финансовых интересов и финансовых рынков ЕС.⁶

Итак, анализ судебной практики по уголовным делам и научных исследований позволяет утверждать, что нет ни единого понимания, ни единообразного толкования и применения рассматриваемого принципа. Различность его определения детерминирована множественностью научных подходов к вопросам квалификации деяния. Так, в постановлении Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 2019 г. по делу № 14939/03 «Золотухин против России» указано, что в каждом случае соблюдения принципа *ne bis in idem* необходимо учитывать три критерия, а именно: тождество признаков самого деяния, нарушителя и охраняемых социальных интересов. Отсутствие последовательности в применении этого принципа подтверждается судебной практикой. Так, вступившие в сговор с неустановленным лицом П. и З. ворвались в квартиру к А. с целью завладения деньгами и наркотическими средствами и применили к А. насилие, опасное для жизни и здоровья. В апелляционном определении суда г. Белгорода было указано, что каждый из осужденных совершил два преступления — хищение наркотических средств и разбой (ч. 3 ст. 30, п. «в» ст. 229 УК РФ, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ).

Иная правовая позиция содержится в апелляционном определении суда г. Петрозаводска. Подсудимые К., К. и А. при совершении разбойного нападения на потерпевшего высказали требование выдачи наркотических средств. Суд

указал, что в действиях подсудимых отсутствовала реальная совокупность преступлений, а требования о выдаче наркотических средств полностью охватываются диспозицией состава разбоя и не требуют дополнительной квалификации. Следует согласиться, что в данном случае имеет место идеальная совокупность преступлений, ибо одним деянием (разбойным нападением) совершены два преступления. Важно отметить, что здесь возможно наглядно проследить и материальный, и процессуальный аспект принципа «не дважды за одно», т.е. запрет пересмотра судебного решения без наличия определенных обстоятельств, а именно отсутствия представления прокурора.

Резюмируя, следует отметить, что в доктрине и практике уголовного права дискуссионным остается вопрос происхождения, единообразного толкования и применения принципа «не дважды за одно». Вместе с тем полагаем, что не противоречит вышеуказанному принципу осуждение одного и того же лица за одно и то же деяние, причинившее вред различным общественным отношениям по совокупности преступлений, поскольку соответствует целям и общим началам уголовного законодательства Российской Федерации.

---

¹ Малиновский А.А. Принципы уголовного права (сравнительно-правовой анализ) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 4.

² Бартошек М. Римское право : понятия, термины, определения : пер. с чеш. / спец. науч. ред., авт. предисл. и коммент. З. М. Черниловский. М.: Юрид. лит., 1989. 447 с.

³ В испанской литературе XVII в. можно найти отсылку к правилу «не дважды за одно» у Сервантеса, описывавшего поступки хитроум-

ного дворянина Дон Кихота Ламанчского: «... сеньор Дон Кихот! Ведь если побежденный вами рыцарь исполнил ваше приказание ... значит, он чист перед вами и не заслуживает нового наказания, пока не совершит другого преступления».

⁴ По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П.

⁵ Одним из старейших упоминаний о ней является высказывание афинского государственного деятеля Демосфена, который, выступая перед народным собранием, утверждал в 355 г. до н.э., что «закон запрещает тому же мужчине дважды судить по тому же вопросу», «законы не позволяют дважды выступать с одним и тем же обвинением, или требованием отчета, или тяжбой, или иным подобным делом против одного и того же человека». См. Демосфен. Речи : в 3 т. М.: Памятник исторической мысли, 1994. Т. 1. С. 18.

⁶ URL: <http://curia.europa.eu/juris/celex.jsf?celex=62015CJ0524&lang1=en&type=TXT&ancre=> (дата обращения: 27.02.2019). Правовая позиция Европейского Суда по правам человека заключается в возможности ограничить принцип *ne bis in idem* с целью защиты финансовых интересов ЕС и его финансовых рынков так долго, насколько такое ограничение будет абсолютно необходимым для достижения вышеназванных целей. Согласно правовой позиции Суда национальное законодательство, допуская удвоение судебного процесса и уголовного наказания, должно преследовать общий (публичный) интерес, установить четкие и очевидные правила для лиц, которые могут стать участником подобных процессов и оказаться привлеченными дважды к уголовной ответственности.

Безруков А.В.,

доктор юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Президент Российской Федерации является исходным организационно-координационным началом в деятельности конституционных органов публичной власти, консолидирует работу всех государственных органов в направлении *обеспечения единства государственной власти, укрепления конституционного правопорядка и противодействия преступности*. Эффективное обеспечение единства государственной власти и укрепление правопорядка являются взаимосвязанными функциями Президента России, способствующими как снижению рисков и угроз правопорядку, так и эффективной организации противодействия преступности в целом.

Исходя из положений Конституции РФ и конституционного законодательства, перед главой государства стоит задача обеспечивать его устойчивость, суверенитет, территориальную целостность, безопасность и конституционный правопорядок. В рамках реализации этих полномочий Президент РФ осуществляет координацию органов государственной власти, в том числе силовых структур, и вправе использовать различные согласительные процедуры в случае разногласий между ними, что позитивно сказывается на укреплении конституционного правопорядка и эффективности противодействия преступности в целом.

Президенту РФ принадлежит решающая роль в обеспечении не только единства государственной власти, но единства российского государства в целом. Исследователями обращается внимание на то, что Президент РФ как гарант государственного единства: 1) обеспечивает верховенство федеральной Конституции и законов, единство правового пространства России, 2) руково-

дит органами обеспечения обороны, правопорядка и безопасности, 3) координирует взаимодействие органов публичной власти федерального, регионального и муниципального уровней, обеспечивает их системное единство, 4) играет ключевую роль в определении стратегического курса развития российского государства, 5) обеспечивает консолидацию основных общественных сил вокруг базовых общенациональных ценностей.¹

Президент России как гарант Конституции РФ призван обеспечить единство государственной власти и согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ).² Для этого он наделен обширными конституционными полномочиями, позволяющими ему оказывать существенное влияние на состав, структуру, организацию и деятельность органов государственной власти в России, отменять (ч. 3 ст. 115 Конституции РФ) или приостанавливать (ч. 2 ст. 85 Конституции РФ) действие актов органов исполнительной власти. Причем последние «образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации» (ч. 2 ст. 77 Конституции РФ), федеральные органы исполнительной власти могут создавать свои территориальные органы, по согласию друг с другом федеральные и региональные исполнительные органы государственной власти могут делегировать осуществление части своих полномочий с одного уровня государственной власти на другой (ст. 78 Конституции РФ).

Из положений Конституции РФ следует, что Президент РФ занимает особое место в системе органов государственной власти, не входит непосредственно ни в одну из ее ветвей, а скорее

условно становится над ними.³ Доминирующее положение Президента РФ в системе разделения властей позволяет некоторым ученым говорить о президентском конституционализме, определяя Президента РФ в качестве фактора осуществления и развития конституционализма в стране, что в сочетании с функцией гаранта Конституции придает ему роль сильного государственно-правового инструмента конституционных преобразований.⁴

Таким образом, Президент РФ в государственном механизме занимает ключевое место, исходя из его конституционных характеристик как гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина (ст. 80 Конституции РФ). Обеспечение конституционного правопорядка выражается в консолидированной работе государственного аппарата, правоохранительных органов, эффективной реализации Конституции РФ и законодательства. И с учетом того что именно Президент России оказывает существенное влияние на органы исполнительной власти, которые максимально задействованы в обеспечении правопорядка и противодействии преступности, то и в таком механизме их взаимодействия заметно возрастает роль главы государства как арбитра и координатора их функционирования.

Помимо оказания воздействия на различные органы государственной власти, Президент РФ как гарант Конституции РФ непосредственно участвует в обеспечении конституционного правопорядка посредством: собственной нормотворческой и организационно-управленческой деятельности⁵; разрешения правовых споров между органами государственной власти (ч. 1 ст. 85 Конституции РФ); осуществления конституционного контроля посредством отмены (ч. 3 ст. 115 Конституции РФ) или приостановления действия актов органов исполнительной власти (ч. 2 ст. 85 Конституции РФ); реализации права законодательной инициативы (ч. 1 ст. 104 Конституции РФ) и отклонения федеральных законов, в том числе в случае если, по его мнению, они не со-

ответствуют Конституции РФ или повлекут нарушение правопорядка (ч. 3 ст. 107 Конституции РФ).

Президент является гарантом конституционного правопорядка, проводимых преобразований, в том числе в правоохранительной сфере. Ему непосредственно подчинены правоохранительные структуры (МВД, ФСБ, СК, ФСВНГ и др.), руководство которых он назначает и освобождает от должности, осуществляет нормативно-правовую регламентацию их организации и деятельности. По сути, все стратегические организационно-правовые преобразования отдельных правоохранительных структур санкционированы указами Президента РФ. Целый комплекс президентских указов направлен на обеспечение стабильности функционирования государства, обеспечение и укрепление национальной безопасности и конституционного правопорядка.⁶

Расширяются кадровые полномочия Президента России в правоохранительной сфере и системе обеспечения правопорядка непосредственно в Конституции РФ. В обновленной редакции главы 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура» к компетенции Президента РФ отнесены вопросы назначения и освобождения от должности прокуроров субъектов России (по представлению Генерального прокурора РФ), а также иных прокуроров (ст. 129 Конституции РФ). Следует разделить мнение ученых о том, что такой подход свидетельствует не о причислении прокуратуры к системе власти Президента РФ, а об усилении гарантий подчиненности руководящего состава органов прокуратуры публичным (всеобщим) интересам в противовес определенным образом понимаемым ведомственным, служебным интересам.⁷

Осуществляя непосредственное руководство органами правопорядка, глава государства единолично принимает оперативные решения, направленные на устранение внутренних и внешних угроз конституционному правопорядку и национальной безопасности. Обеспечивая единство государственной власти,

Президент РФ определяет стратегию и основные направления развития государства, консолидирует общественные силы в направлении обеспечения правопорядка и конституционной законности.

Одной из основных форм координационной деятельности правоохранительных органов являются координационные совещания, созываемые под руководством соответствующих прокуроров (ч. 1 ст. 8 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»). По особо резонансным делам такие совещания проводятся под руководством Президента РФ, что свидетельствует о его ключевой роли в укреплении правопорядка. Приоритетами в борьбе с преступностью на таких совещаниях Президент РФ определил профилактику преступлений, усиление скоординированной и согласованной работы силовых структур, необходимость концентрации усилий как на интеграцию всех уровней публичной власти, так и на объединение общества.⁸

Анализ состояния преступности в России и оценка деятельности правоохранительных органов по обеспечению правопорядка дается главой государства при участии в работе коллегий Генпрокуратуры РФ, МВД России и других силовых ведомств.⁹ В 2018 г. на коллегии МВД России Президент России обратил внимание на необходимость повышения качества работы дознания и следствия, эффективности противодействия экстремизму, обеспечение безопасности в общественных местах.¹⁰

Следовательно, прямая взаимосвязь между Президентом России и подведомственными ему правоохранительными органами, непосредственно обеспечивающими конституционный правопорядок, наиболее явственно показывает его консолидирующую роль в государственном механизме, важнейшей задачей которого является противодействие преступности.

Таким образом, деятельность Президента РФ создает достаточные конституционно-правовые основания и условия для консолидированной работы всех органов государственной власти, включая правоохранительные структу-

ры, в направлении обеспечения единства государственной власти, конституционного правопорядка и эффективной организации противодействия преступности силовыми структурами. Обозначенные направления предметно во многом совпадают, органично взаимосвязаны и взаимообусловлены, системно определяют магистральные направления деятельности главы государства, способствуя укреплению конституционного правопорядка и снижению числа противоправных проявлений.

¹ Панов А.А. Президент Российской Федерации как гарант государственного единства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 10-11.

² Подр.: Левакин И.В. Государственное единство России: теоретико-правовое исследование : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003; Панов А.А. Указ. соч.; Радченко В.И. Конституционные основы государственной целостности Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003; Государственное единство и целостность Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы) /отв. ред. Б.С. Эбзеев. М., 2005.

³ О конституционно-правовом статусе Президента РФ см., напр.: Суворов В.Н. Конституционный статус Президента Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000; Колобаева Н.Е. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007.

⁴ Кравец И.А. Конституционное право как метатрасла: роль конституции и основ конституционного строя в межотраслевой гармонизации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 6-7.

⁵ Например, издание президентских указов, направленных на обеспечение правопорядка и/или защиту прав и свобод граждан или их отдельных категорий. См.: О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка : Указ Президента РФ от 11.12.2010 № 1535; О создании Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом : Указ Президента РФ от 25.05.2011 № 678.

⁶ В числе таких актов Военная доктрина Российской Федерации, утв. Президентом РФ от 25.12.2014 № Пр. 2976; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683.

⁷ См.: Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Конституционализация прокурорского надзора в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 16-17.

⁸ Владимир Путин провел совещание по вопросам борьбы с преступностью. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/27032> (дата обращения: 30.01.2018).

⁹ Выступление министра внутренних дел РФ В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2019 г.

URL: <https://mvd.ru/document> (дата обращения: 13.03.2019).

¹⁰ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56949> (дата обращения: 13.03.2019).

Жанхан Н.,

магистр юридических наук

Карагандинская академия МВД РК имени Б. Бейсенова (Республика Казахстан)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В настоящее время все большее внимание уделяется процессам, связанным с совершенствованием законодательства. Именно поэтому в представленной статье проведен анализ актуального вопроса перспектив развития законодательных норм, регулирующих правовые и организационные основы участия граждан в обеспечении общественного порядка. Методология исследования – анализ научной литературы по заданной проблеме, а также практического отечественного опыта.

Современное общество развивается совершенно другими темпами по сравнению с тем, что было даже 10-15 лет назад. Гражданское общество имеет свою определенную позицию и старается высказывать и реализовывать ее в политической и социальной деятельности. Данная тенденция свидетельствует о высокой степени развития гражданской позиции. Все это ведет к тому, что участие граждан проникает в разнообразные аспекты деятельности властных и правоохранительных структур. Это касается и обеспечения правопорядка.

Участие жителей государства в охране социального порядка, активное взаимодействие с правоохранительными органами – важный критерий сформированного гражданского социума. При этом государственные органы обязаны обеспечивать участие институтов гражданского социума в таком процессе, а

граждане обязаны проявлять инициативу к подобной деятельности, показывая повышенный уровень правовой культуры и правового сознания.¹

Главным актом, который регламентирует деятельность граждан по обеспечению общественного порядка в Казахстане, считается Закон Республики Казахстан от 9 июля 2004 г. № 590 «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка»², в котором регламентируется добровольное оказание содействия органам внутренних дел.

Добровольное оказание содействия со стороны граждан – это в любом случае положительный опыт для властей Республики Казахстан, потому как объем работы служащих зачастую гораздо больше их возможностей и участие граждан в данном вопросе – это положительная тенденция.

Рассмотрим особенности добровольного оказания содействия органам внутренних дел со стороны граждан Республики Казахстан:

– нет установленной способности участия в обеспечении общественного порядка определенных правоохранительных органов, кроме органов внутренних дел. Иными словами, граждане имеют право принимать участие исключительно в данном направлении;

– добровольные дружины могут быть задействованы исключительно в процессе охраны государственной границы, во

всех других ситуациях отсутствуют специализированные требования к учредителям коллективных объединений по обеспечению общественного порядка;

– личное участие включает в себя только формы, пресекающие уголовные и административные правонарушения. Непосредственная охрана порядка вероятна лишь при коллективном участии людей. Обозначенный подход помогает обеспечивать безопасность граждан, которые содействуют полиции;

– в Республике Казахстан более обширный список ограничений для лиц, которые претендуют на участие в обеспечении общественного порядка.

Все эти особенности свидетельствуют о том, что в Казахстане имеются свои особые порядки реализации участия граждан в обеспечении общественного порядка.

Значимое различие в законодательном регулировании работы людей, которые активно помогают полиции, наблюдается в ограничениях при осуществлении работы и правах. Кроме общих ограничений по присвоению полномочий работников правоохранительных органов, в Казахстане имеется множество запретов на привлечение подобных лиц в качестве понятных при проведении процессуальных деяний.

В соответствии с законом Казахстана помощники полиции имеют право в исключительных ситуациях применять физическую силу, а также задерживать и доставлять в правоохранительные или иные органы государственной власти правонарушителя.

Совокупность применяемых государством мер и методов защиты прав и свобод человека во множестве ситуаций оказывается недостаточно результативной, и требуются дополнительные социальные механизмы обеспечения правового порядка, в частности за счет привлечения граждан к обеспечению общественного порядка вместе с правоохранительными органами.

Правительство Республики Казахстан для исполнения задач, которые связаны с руководством и контролем за работой советов общественных пунктов

охраны порядка, их информационным и правовым, методическим обеспечением, организацией взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления, общественными объединениями, организациями, учреждениями в области обеспеченности общественного порядка в городе, создает совет общественных пунктов охраны порядка.³

Требуется сказать, что в большинстве нормативно-правовых актов, которые регламентируют работу правоохранительных органов, отмечается важность взаимодействия с населением, что вызывается вместе с другими причинами острой потребностью в активизации работы по укреплению доверия населения Республики Казахстан к правоохранительным органам в общем и полиции в частности.

Доверие населения государства к правоохранительным органам значительно сократилось, и данное обстоятельство вызывает озабоченность исполнительной, судебной властей, а также в разных социальных объединениях.

Среди главных угроз, с которыми борется правительство Казахстана, являются терроризм, экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и других организаций, которая направлена на нарушение единства и территориальной целостности Республики Казахстан.

Общественный порядок – адекватная работа социальных взаимоотношений, отсутствие рисков и угроз, которые способны нарушать нормальную жизнедеятельность граждан и их прогрессивное социальное и профессиональное развитие, создающее обстановку спокойствия и защиты личности и собственности физических и юридических лиц. Социальный порядок формирует все важные условия для обеспеченности общественной безопасности, делая зависимым определенные правовые категории.

Народные дружины формируются в Казахстане по инициативе людей, которые изъявляют желание принимать участие в защите Государственной границы Республики Казахстан под контролем

представителей подразделений воинских частей Пограничной службы.⁴

Народные дружины способны принимать участие в обеспечении общественного порядка лишь после внесения их в реестр региона. Порядок создания и ведения регионального реестра народных дружин утверждается приказом на том уровне, на котором и создается определенная информация.

Казахстан обязывает при участии в обеспечении общественного порядка иметь при себе удостоверения и символику (эмблемы) для граждан, участвующих в обеспечении общественного порядка.

Органы государственной власти Казахстана выделяют определенные финансовые средства для материального и технического обеспечения работы народных дружин и граждан, участвующих в обеспечении общественного порядка, представляют гражданам необходимые помещения, технические и материальные средства для осуществления деятельности по защите Государственной границы Республики Казахстан, защиты населения страны, предупреждения и пресечения уголовных и административных правонарушений и разъяснительной и правовой работы по профилактике правонарушений.

В Казахстане действуют различные некоммерческие объединения жителей правоохранительной направленности, которые обладают собственными специфическими особенностями в их правовом статусе. К ним нужно причислить советы общественных пунктов охраны порядка, общественные молодежные организации в обеспечении общественного порядка.

Самой значимой в стране представляется форма личного участия граждан – институт внештатных работников полиции. Представленная форма обширно применяется как в службе подразделений полиции в обеспечении общественного порядка, так и в службе крими-

нальной полиции. Службе местной полиции особую помощь оказывают внештатные участковые инспектора, дорожно-патрульная полиция, инспектора подразделений и иные.⁵

Также население оказывает помощь подразделениям правоохранительных органов, которые занимаются предупреждением преступности. Данные добровольцы соединены в ассоциации содействия предупреждению преступности, предотвращению разбойных нападений на финансовые организации, предупреждению преступных деяний.

На данный момент правоохранительные органы считаются составной частью аппарата управления в области охраны правового порядка и общественной безопасности, на них в полной мере распространяются закрепленные законодательством социальные и правовые принципы государственного управления: соблюдение и уважение прав и свобод гражданина, законность, беспристрастность, открытости и публичность, социальное доверие и поддержка населения.

---

¹ Об участии граждан в охране общественного порядка : Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ // Российская газета. 2014. № 77.

² Об участии граждан в обеспечении общественного порядка : Закон Республики Казахстан от 09.07.2014 № 590. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000590>.

³ Беркинбаев Н.С. Преступность в Республике Казахстан в постсоветский период : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 193 с.

⁴ Об утверждении Правил привлечения граждан к защите Государственной границы Республики Казахстан в пределах пограничного пространства : постановление Правительства Республики Казахстан от 27.08.2013 № 866. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000866>.

⁵ Об утверждении Правил привлечения граждан к мероприятиям по обеспечению общественного порядка их форм и видов, не связанным с контрольными и надзорными функциями: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 27 нояб. 2004 г. № 641. URL: http://adilet.zan.kz/kaz/docs/V040003326_

Волкова В.Р.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕРОПРИЯТИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ПЛАНА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ НА 2018-2020 ГОДЫ

Коррупция в настоящее время представляет собой одно из самых частых нарушений закона. В последние несколько лет большую огласку получили дела высокопоставленных чиновников, попавшихся на получении взятки. Среди самых известных можно выделить дела Алексея Улюкаева, Евгении Васильевой, Дмитрия Захарченко и Александра Реймера. Все эти события показали, что необходим новый план борьбы с коррупцией. Именно поэтому 29 июня 2018 года Президентом РФ был подписан Указ № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы».

Мероприятия, указанные в плане, направлены на совершенствование отечественного законодательства в области коррупции, в том числе устранение пробелов и коллизий, повышение эффективности формирования антикоррупционного сознания, а также международного авторитета Российской Федерации; всего в плане законодательно закреплены 8 основных направлений.

Подпункт «б» пункта 1 национального плана предусматривает внесение Правительством РФ в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов, охватывающих многие направления деятельности. Срок выполнения данного положения законодательно был установлен до 1 ноября 2018 года. Целью данных законопроектов должны являться правовое регулирование ограничений и запретов служащих, получающих вознаграждение и подарки за осуществление своей деятельности, а также формирование однотипных мер по установлению организациями антикоррупционных обязанностей и запретов в отношении определенных категорий работников, в том числе разработка критериев отнесения юридических лиц к созданным для выполнения постав-

ленных перед федеральными государственными органами, государственными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления задач организаций.

На данный момент существуют две группы таких юридических лиц: 1) государственные корпорации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, Фонд социального страхования РФ, Пенсионный фонд РФ, иные организации, создаваемые Российской Федерацией на основании федеральных законов; 2) организации, создаваемые для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами.¹ На работников данных организаций распространен ряд ограничений и запретов, установленных для государственных служащих в целях противодействия коррупции (например, запрет на получение подарков от физических и юридических лиц). Также существуют предложения по совершенствованию антикоррупционных стандартов для работников государственных корпораций, государственных внебюджетных фондов и других организаций, целью которых является выполнение задач, поставленных перед федеральными органами государственной власти. Помимо этого предлагается распространить данные положения на работников хозяйственных обществ и публично-правовых компаний.

Законопроекты предлагают внесение изменений в положения о порядке получения подарков отдельными категориями служащих. По действующему законодательству госслужащим разрешено принимать и оставлять у себя подарки на сумму до 3 тысяч рублей, полученные при проведении протокольных мероприятий, других официальных мероприятий, в служебных командировках, за исключением подарков, изго-

товленных из драгоценных металлов или камней. Новый законопроект корректирует положение о стоимостном параметре, с учетом установления законом особенностей регулирования дарения подарков лицам при исполнении ими должностных обязанностей. Предполагается, что служащие смогут принимать в качестве подарков полиграфическую продукцию с логотипом организации и цветы. Также допустимы будут ценные подарки, полученные в качестве поощрения (награды) от ведомства, в котором работает служащий, или от вышестоящего органа и организации, а также других органов в порядке, установленном нормативно-правовыми актами.

В качестве еще одного нововведения предлагается внести в Федеральный закон «О противодействии коррупции» норму о дисциплинарной ответственности (выговор и предупреждение о неполном должностном соответствии) лиц, замещающих государственную должность федерации, государственную должность субъекта Российской Федерации или муниципальную должность, за совершение ими коррупционного правонарушения, так как по действующему закону предусмотрена только одна мера ответственности – увольнение. Не рекомендуется принимать подарки от друзей и знакомых, если в отношении этих лиц должностное лицо осуществляет функции государственного (муниципального) управления, чтобы исключить сомнения в честности и объективности при осуществлении полномочий.

Другим законопроектом, внесенным в Государственную Думу РФ, является законопроект об ответственности парламентариев за непредотвращение конфликта интересов.² В соответствии с данным законопроектом предлагается внести поправки в Федеральный закон «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы». Конфликт интересов – личная заинтересованность лица, основанная на родственных, имущественных или корпоративных отношениях, которая позволяет депутату или сенатору извлечь определенную выгоду. В случае несо-

блюдения запретов и ограничений, порядка информирования о возникновении личной заинтересованности, а также непредставление либо представление неполных или недостоверных сведений об имуществе, имущественных обязательствах, доходах и расходах к депутату ГД РФ или же к члену СФ РФ применяются меры ответственности (предупреждение либо освобождение от руководящей или иной должности в СФ РФ, ГД РФ без прекращения полномочий члена СФ или депутата ГД). Непосредственно порядок применения данных мер ответственности регулируется регламентом палат Федерального собрания Российской Федерации.

Еще один законопроект предлагает ввести антикоррупционные ограничения для Уполномоченного по правам человека в РФ. По данному законопроекту Уполномоченному запрещено при осуществлении своих полномочий принимать любые вознаграждения, не предусмотренные законодательством, в том числе ссуды, оплату отдыха, транспортных расходов, а также подарки от физических или юридических лиц. Для Уполномоченного по правам ребенка в РФ, а также Уполномоченного по защите прав предпринимателей в России такие ограничения новым законопроектом пока не предусмотрены.

По мнению Председателя Комитета по безопасности и противодействию коррупции Пискарева В.И.³, данные законопроекты непосредственно направлены на реализацию Национального плана противодействия коррупции на несколько ближайших лет. Ведь данные законопроекты предусматривают варианты комплексного совершенствования законодательства в антикоррупционной сфере, предполагается, что положения данных документов помогут устранить пробелы и коллизии в действующем законодательстве.

---

¹ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6228.

² О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы : Указ Президента

РФ от 29.06.2018 № 378 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 27, ст. 4038.

³ Официальный сайт Правительства РФ.
URL: <http://government.ru>.

Невирко Д.Д.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ПРОБЛЕМЫ УСМОТРЕНИЯ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

На протяжении последних 20 лет вопросы противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы не теряют актуальности. Данная проблема неоднократно поднималась Президентом РФ на расширенных заседаниях коллегии Министерства внутренних дел РФ и Генеральной прокуратуры России.¹ При этом, несмотря на то что антикоррупционное законодательство Российской Федерации постоянно совершенствуется,² многие антикоррупционные процедуры признаются не вполне эффективными,³ таким образом, все еще остаются определенные сферы, требующие пристального внимания.

Одной из существенных проблем в рассматриваемой сфере является дифференциация антикоррупционных мер, на что неоднократно указывалось в научной литературе.⁴

В частности, проблемным вопросом является усмотрение при вынесении решения о применении к государственному служащему дисциплинарных взысканий. В настоящее время ни Федеральный закон «О противодействии коррупции» ни законы, регламентирующие порядок прохождения службы в различных органах государственной власти, не дают четкого представления о дифференциации дисциплинарных взысканий за коррупционные правонарушения. Все это не способствует единообразному применению законов антикоррупционной направленности.

Первой попыткой унификации правоприменительной практики в рассматриваемой сфере можно считать подго-

товку «Обзора практики по рассмотрению в 2012-2013 годах дел по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2014).⁵ Однако данный обзор затрагивает только небольшую часть проблемных аспектов, связанных с привлечением к дисциплинарной ответственности. В целях устранения выявленных пробелов в 2015 году были подготовлены «Методические рекомендации по привлечению к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции».⁶ Однако уже через несколько месяцев в письме Минтруда России от 21 марта 2016 г. № 18-2/10/П-1526 «О критериях привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения» данное ведомство рекомендовало использовать «Обзор практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции» вместо вышеупомянутых рекомендаций. Учитывая, что в рассматриваемый период значительных изменений в антикоррупционное законодательство не вносилось,

подобные действия Минтруда России наводят на мысль об отсутствии четких представлений, касающихся критериев при выборе дисциплинарных взысканий за коррупционные правонарушения.

Анализ нормативно-правовой базы, а также судебной и административной практики приводит к выводам о следующих основных проблемах, связанных с применением дисциплинарных взысканий за коррупционные правонарушения.

Во-первых, различие в подходах, связанных с правовой природой взысканий за нарушение антикоррупционного законодательства. Так, представители различных территориальных подразделений МВД России в ходе судебных заседаний неоднократно указывали, что увольнение сотрудника в связи с утратой доверия не является мерой дисциплинарного взыскания, в связи с чем соблюдение процедуры наложения дисциплинарного взыскания не требуется. Несмотря на то, что в своем определении от 14 марта 2014 г. № 72-КГ13-12 Верховный Суд РФ однозначно высказался о дисциплинарном характере взысканий, практику несоблюдения процедуры и сроков наложения дисциплинарных взысканий за совершение коррупционных правонарушений в территориальных органах МВД России удалось остановить только после внесения в Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» изменений в части установления особого порядка привлечения сотрудников органов внутренних дел к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения.

К сожалению, многие ученые и правоприменители «забывают» о правовой позиции Верховного Суда РФ, согласно которой в части, не урегулированной специальными нормами, при наказании должностного лица за коррупционное правонарушение следует руководствоваться общими положениями закона, касающимися привлечения к ответст-

венности за дисциплинарные проступки в целом. Например, в литературе высказывается довольно спорное мнение о том, что к процедуре увольнения в связи с утратой доверия «не применяются требования, касающиеся порядка применения дисциплинарных взысканий, а именно не действует правило "одного взыскания за одно нарушение", то есть увольнение возможно, даже если сотрудник ранее имел дисциплинарное взыскание за соответствующее нарушение»⁷. Еще более спорным (если быть точнее, в корне неверным, противоречащим законодательству и существующей судебной практике) является утверждение о том, что «увольнение возможно независимо от того, когда (пять, десять лет назад, в начале карьеры сотрудника и проч.) было допущено нарушение, поскольку таковое является безусловным основанием для утраты доверия к нему и влечет невозможность продолжения им службы»⁸.

Во-вторых, отсутствие нормативно закрепленных критериев, которыми представитель нанимателя может руководствоваться при выборе дисциплинарного взыскания. Разумеется, неразумно требовать от законодателя включения в текст законов всех типовых ситуаций, связанных с коррупционными правонарушениями, однако полагаю, что наиболее строгие меры ответственности (в первую очередь увольнение в связи с утратой доверия) следует урегулировать более детально, что особенно актуально в связи с внесением в Федеральный закон «О противодействии коррупции» норм, связанных с ведением реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия.

Вышеуказанный «Обзор практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции», подготовленный Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, не решает

данную проблему по двум причинам. Во-первых, содержание обзора не соответствует его названию. Так, в нем рассматриваются ситуации, касающиеся выполнения государственными служащими обязанностей, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии коррупции». Вопросы предотвращения и урегулирования конфликта интересов не получили должного освещения. Данная проблема частично была устранена с помощью обзоров, подготовленных Генеральной прокуратурой Российской Федерации (которые в основном касаются вопросов квалификации коррупционных нарушений).⁹

Таким образом, правила, касающиеся квалификации коррупционных правонарушений и выбора взысканий за их совершение в настоящее время содержатся в Федеральном законе «О противодействии коррупции», федеральных законах, регламентирующих порядок прохождения службы в отдельных государственных органах (например, Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), обзорах судебной практики, рекомендациях Минтруда России, рекомендациях и обзорах Генеральной прокуратуры России, письмах руководителей соответствующего органа государственной власти.

Подобное обилие актов, которыми руководствуются комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов и представители нанимателя при выборе соответствующего взыскания за коррупционное правонарушение, приводит к существенным различиям в судебной и административной практике не только в различных регионах, но и в рамках одного органа государственной власти. Полагаю, что без решения данной проблемы невозможно говорить об эффективности антикоррупционной деятельности.

¹ Выступления Президента РФ В.В. Путина на расширенных заседаниях коллегии МВД России 09.03.2017 (URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54014>), 15.03.2016 (URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515>), 04.03.2015 (URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47776>); выступление Президента РФ В.В. Путина на заседании коллегии Генеральной прокуратуры России 14.03.2017 (URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54035>).

² Так, Федеральным законом от 03.08.2018 № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции» изменен порядок привлечения должностных лиц к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, уточнен круг должностных лиц, которым кредитными организациями выдается информация о счетах, вкладах и операциях по ним; Федеральным законом от 11.10.2018 № 362-ФЗ изменен порядок проведения антикоррупционной экспертизы; Федеральным законом от 06.02.2019 № 5-ФЗ уточнены полномочия государственных органов в рамках международного сотрудничества в сфере антикоррупционной деятельности.

³ Невирко Д.Д. К вопросу об эффективности процедур контроля над расходами лиц, занимающих государственные должности в контексте эффективности борьбы с коррупционными правонарушениями // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XX международной научно-практической конференции (20-21 апреля 2017 г.) : в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017.

⁴ Братановский С.Н., Зеленев М.Ф. Виды и особенности мер по противодействию коррупции на государственной и муниципальной службе // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 2; Невирко Д.Д. Указ. соч.

⁵ Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2014. № 9.

⁶ Письмо Минтруда России от 13.11.2015 № 18-2/10/П-7073.

⁷ Батрова Т.А., Корнеева О.В. Конкуренция «отрицательных» оснований увольнения сотрудников органов внутренних дел: алгоритм решения проблемы // Журнал российского права. 2017. № 5.

⁸ Там же.

⁹ О направлении памятки по вопросам привлечения к юридической ответственности за неприятие мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов : информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 21.04.2017. URL: <http://www.genproc.gov.ru/anticor/met/inf/>; Обзор практики реализации прокурорами полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответст-

вию расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 29.02.2016 № 86-13-2016/Ип1713-16. URL: <http://www.genproc.gov.ru/anticor/met/inf/>; О результатах анализа докладных записок по итогам работы органов прокуратуры в области противодействия коррупции за 2016 год : информационное письмо Генеральной прокуратуры Рос-

сийской Федерации от 11.04.2017 № 86-13-2017/Ип3633-17. URL: <http://www.genproc.gov.ru/anticor/met/inf/>; О результатах прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в I квартале 2017 г. : информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 02.06.2017. URL: <http://www.genproc.gov.ru/anticor/met/inf/>.

Калашников О.Д.,

кандидат юридических наук, доцент
Нижегородская академия МВД России

Меркулов М.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Нижегородская академия МВД России

Шапошников Е.Л.,

кандидат юридических наук, доцент
Нижегородская академия МВД России

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА, ГРАЖДАН, СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ КОРРУПЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Коррупция как социальное явление присуща всем странам и государствам, независимо от их экономического развития, и различается лишь масштабами. Подменяя собой верховенство закона, она подрывает эффективность государственного управления. Нарушая принципы равенства и социальной справедливости, коррупция ведет к искажению условий конкуренции и затрудняет экономическое развитие.¹

Для ее эффективного предупреждения необходима продуманная государственная политика, проводимая при участии институтов гражданского общества и средств массовой информации.

Президент РФ Владимир Владимирович Путин, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 9 марта 2018 года, отметил, что нельзя снижать темпов в борьбе с коррупцией, активнее выявлять тех, кто наживается за казенный счет, кто использует свое служебное положение или полномочия для незаконного обогащения, незамед-

лительно реагировать на жалобы людей о разного рода вымогательствах.

К наиболее коррумпированным сферам относятся: сфера здравоохранения, жилищно-коммунальное хозяйство, образование, государственные закупки.

За 2017 год на территории Российской Федерации зарегистрированы 29 634 преступления коррупционной направленности (-10% по отношению к 2016 году).² Вместе с тем за январь-ноябрь 2018 года наблюдается рост количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности на территории Российской Федерации на 2,3%, по сравнению с аналогичным показателем прошлого года. За данный период были зарегистрированы 28 911 преступлений коррупционной направленности на территории Российской Федерации.³

Несмотря на относительно стабильную динамику по ежегодному количеству зарегистрированных преступлений коррупционной направленности на территории Российской Федерации, в рей-

тинге индекса восприятия коррупции стран мира, который составляет международная неправительственная организация Transparency International, наша страна занимает далеко не лидирующее место.

Индекс ранжирует страны по шкале от 0 (самый высокий уровень коррупции) до 100 (самый низкий уровень коррупции).

В 2017 году Россия заняла 135-е место из 180. Рядом с Россией – Парагвай, Киргизия, Мексика, Папуа – Новая Гвинея.⁴

Уже третий год подряд Россия набирает 29 баллов, то есть положение в индексе остается стабильным, а изменения места (в 2015 году – 119, в 2016 году – 131) связаны с переменами в других странах и с включением или исключением некоторых стран из индекса.

Самые лучшие показатели у Новой Зеландии и Дании, занявших первое и второе место в рейтинге и набравших 89 и 88 баллов соответственно.

В 2017 году средний размер взятки и коммерческого подкупа в Российской Федерации составил 357 тыс. рублей (в 2016 году – 247 тыс. рублей).⁵ Для сравнения: средний размер взятки в Нижегородской области составил 1 млн 390 тыс. рублей.

В 2017 году общая сумма полученных в России взяток выросла в три раза, составив 6,7 млрд руб. По мнению правозащитников, эти деньги – «верхушка айсберга», а рост объема выявленных взяток обусловлен несколькими уголовными делами в отношении высокопоставленных чиновников.

В последние годы борьба с коррупцией перестроилась с низшего уровня на средний и высший.

Классическая взятка уходит в прошлое. Коррупция приобрела формы оффшорных транзакций и операций с криптовалютами, конфликта интересов и трудоустройства родственников в коммерческие структуры.

Сумма выявленных взяток говорит в первую очередь об эффективности работы органов внутренних дел в этом направлении.

В десятку самых коррумпированных регионов России по данным статистики за 2017 год вошли: г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Самарская область, Ростовская область, Новосибирская область, Республика Башкортостан, Омская область, Ханты-Мансийский автономный округ.⁶

Наибольшую роль среди служб и подразделений органов внутренних дел в борьбе с коррупцией выполняют сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, подразделения собственной безопасности, сотрудники подразделений информации и общественных связей.

Задачи органов внутренних дел по борьбе с коррупцией определяются в соответствии с Национальным планом противодействия коррупции на 2018-2020 годы (утвержден Указом Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378).

За последние годы сотрудниками органов внутренних дел в регионах Российской Федерации проведены большое количество мероприятий по профилактике коррупции, в том числе во взаимодействии с институтами гражданского общества, гражданами, средствами массовой информации, а также по правовому просвещению граждан и организаций в области предупреждения коррупции.⁷

В субъектах Российской Федерации активно проводятся профилактические антикоррупционные акции.

МВД Кабардино-Балкарской Республики совместно с волонтерами Многофункционального молодежного центра Министерства просвещения, науки и по делам молодежи, членов Общественного совета при МВД Кабардино-Балкарской Республики, общественной организацией «Федеральный комитет по борьбе с коррупцией» проводится профилактическая акция «Взяток не даю! Взяток не беру!». В ходе акции водители и пешеходы получают от организаторов акции специальные пояснительные брошюры, в которых разъясняется ответственность за совершение коррупционных преступлений.

Активную роль по выявлению фактов коррупции в Чувашской Республике играет общественная организация «Комитет по борьбе с коррупцией». С ее участием органами внутренних дел были выявлены факты коррупции в области здравоохранения, образования, государственных закупок, а также «коррупционеры» среди государственных служащих, работников правоохранительных органов и чиновников в сфере образования, медицины.

В Республике Татарстан органами внутренних дел широко освещаются в средствах массовой информации меры, применяемые в борьбе с коррупцией. Среди них можно отметить материалы о создании общественных советов при министерствах и муниципалитетах республики, цель которых – отслеживание расходов должностных лиц и публикация в СМИ информации о подозрительных тендерах, проведение конкурса видеороликов «Коррупция в объективе», а также введение обязательной проверки на детекторе лжи для кандидатов в заведующие казанскими детсадами.

В регионах на плановой основе организуются «горячие линии» по вопросам противодействия коррупции в целях установления обратной связи с населением.

В Нижегородской области на постоянной основе проводится акция «Генерал на связи». Так, 3 октября 2018 года начальник Главного управления МВД России по Нижегородской области генерал-майор полиции Кулик Юрий Павлович принимал звонки от жителей Нижнего Новгорода и области. Руководитель Управления провел прямую телефонную линию с населением по вопросам предупреждения коррупции, в том числе соблюдения дисциплины и законности личным составом органов внутренних дел. В работе прямой телефонной линии с гражданами принимал участие представитель Общественного

совета при Главном управлении МВД России по Нижегородской области.

Большую роль в предупреждении коррупции выполняют общественные советы при главных управлениях МВД России по субъектам Российской Федерации.

В Нижегородской области такую работу проводит Общественный совет при Главном управлении МВД России по Нижегородской области. Материалы о работе совета активно публикуются в средствах массовой информации.

Таким образом, активная работа по борьбе с коррупцией ведется сразу по нескольким направлениям – органы внутренних дел активно сотрудничают со средствами массовой информации, показывая широкую информационную открытость, проводятся научно-практические семинары и круглые столы, посвященные проблемам коррупции, нормой становятся тематические акции по антикоррупционной пропаганде и антикоррупционному просвещению граждан.⁸

---

¹ Ивановский З.В. Коррупция как системный фактор // Латинская Америка. 2017. № 2. С. 12.

² Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 15.01.2019).

³ Там же.

⁴ Страны с самым низким и самым высоким уровнем коррупции. URL: <http://stattur.ru/journal/20170617/> (дата обращения 17.01.2019).

⁵ Кризис бьет по карману: размер взяток в РФ увеличился. URL: <https://zslv.ru/obshchestvo/66990-krizis-bet-po-karmanu-razmer-vzyatok-v-rf-uvlichilsya.html> (дата обращения: 16.01.2019).

⁶ Десять самых коррумпированных регионов России. URL: <https://investfuture.ru/news/id/10-samyh-korrumpirovannyh-regionov-rossii> (дата обращения: 10.01.2019).

⁷ Долгова А.И. Реагирование на коррупцию: практика противодействия в России и направления оптимизации борьбы // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. А.И. Долговой. М., 2015. С. 14.

⁸ Братановский С.Н., Зеленев М.Ф. Необходимость системного подхода к противодействию коррупции на государственной и муниципальной службе // Государство и право. 2017. № 1. С. 103.

Чугаев В.В.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О МОДЕЛЯХ НАДЕЛЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ
КАК О МЕХАНИЗМАХ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА
ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА**

На сегодняшний день понятие и содержание правового статуса должностного лица в науке разработаны в недостаточной степени. Наибольшее внимание получили понятие и содержание правового статуса личности. Следует заметить, что отождествление понятий «правовой статус личности» и «правовой статус должностного лица», на наш взгляд, невозможно по причине принципиального несоответствия сущности данных субъектов права. Если применительно к личности, как более широкой категории, справедливо будет утверждение о высокой степени диспозитивности содержания правового статуса, то содержание статуса должностного лица, которому государство непосредственно или в лице уполномоченных субъектов предоставляет определенные организационно-распорядительные полномочия, сохраняя за собой реальную возможность контроля за их применением, подчинено разрешительному типу правового регулирования.

А.В. Жильцов в качестве одного из обязательных элементов правового статуса любого государственного органа определяет стоящие перед ним цель и задачи, которые формулируются исходя из социальных потребностей граждан и организаций и подлежат закреплению в статусном нормативном правовом акте.¹ Б.М. Лазарев в числе важнейших элементов правового статуса любого государственного органа выделяет его компетенцию, под которой традиционно понимается «система полномочий (прав и обязанностей) этого органа, носящих внешневластный характер»².

На наш взгляд, содержание правового статуса главы государства, как набор его структурных элементов, должно включать: порядок наделения полномо-

чиями, функции и вытекающие из них полномочия, правосубъектность, механизм реализации полномочий, порядок прекращения полномочий, порядок привлечения к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение полномочий.

В контексте нашего исследования представляет интерес не способ наделения полномочиями, а порядок наделения (присвоения) дополнительными полномочиями, прямо не предусмотренными нормативными правовыми актами. На сегодняшний день можно сформулировать две основные интересующие нас модели наделения (присвоения) должностного лица дополнительными полномочиями: принятие специального акта конституционного характера, что обусловлено волей компетентного правотворческого субъекта и является формальным ограничением расширения объема полномочий главы государства, и самостоятельное присвоение полномочий.

Несмотря на то что дисбаланс государственно-властных полномочий может привести к некоторой узурпации власти, в определенных условиях не вызывает сомнения необходимость существования института «сильного должностного лица». В связи с этим оптимальным будет использование второй из названных моделей. В то же время с целью соблюдения режима законности, на наш взгляд, должны быть соблюдены ряд условий: наличие пробела в праве, то есть данное полномочие не должно сложиться как полномочие другого властного субъекта; рациональное и обоснованное присвоение полномочий в том смысле, что это не должно создавать открытого противостояния властных субъектов; как правило, подобное при-

своение должно быть одобрено представительным органом либо принято его молчаливым согласием; эффективность выполнения задач, связанных с присвоенным полномочием.

Подобная модель наделения государственными полномочиями обладает большей эффективностью на первых стадиях развития системы государственного управления и при достаточном внешнем обоюдном контроле способна оптимизировать объемы распределенных полномочий среди органов государственной власти, что позволит исключить факты фиктивного выполнения возложенных обязанностей и повысить эффективность как политических, так и основанных на них правовых актов.

Результатом использования данной модели является возникновение особой разновидности полномочий – дискреционных. По мнению профессора В.М. Капицына, данное понятие можно раскрыть как «возможность верховной власти принимать решения об использовании полномочий в целях сохранения влияния на общественные процессы в национальных интересах, когда с точки зрения нормативной определенности и правовой связанности этих решений они могут выходить за рамки формально понимаемого права»³. Сущность данного явления может быть определена через наличие в процессах управления обществом и государством так называемых полуправовых и полуадминистративных методов⁴, способствующих реализации функций, отвечающих государственным и общественным интересам. Совершение волевых актов, выходящих за рамки правового регулирования, также возможно и по мнению В.А. Малхозова.⁵

Следует заметить, что, несмотря на наличие определенного сходства с правонарушением, использование дискреционных полномочий представляется совершенно иным государственно-правовым явлением. В формальном составе использования дискреционных полномочий фактически отсутствуют признаки общественной вредности и противоправности, и, несмотря на разрешительный характер деятельности органов и

должностных лиц государственной власти, отсутствие данных признаков не позволяет отнести данное явление к категории «правонарушение». Кроме того, по мнению Г. Кельзена, такие понятия, как «право», «государство» и «политика», отстоят друг от друга, а действия власти, противоречащие тем или иным ограничениям закона, не отражаются в правовом поле, а относятся к сфере допустимого политического произвола.⁶

Таким образом, можно выделить признаки, характеризующие явление дискреционной власти: 1) существование в силу умолчания «закона»⁷, когда определенным или совокупностью нормативных правовых актов определен лишь общий круг полномочий управляющего субъекта без их конкретизации, либо те случаи, когда закон предусматривает определенные полномочия, не закрепляя при этом ответственность за их превышение; 2) усмотрение субъекта⁸, то есть существование волевого поведения должностного лица, а в нашем случае главы государства, совершать то или иное деяние; 3) легитимность государственной власти⁹ – одно из основных, на наш взгляд, условий функционирования государственной власти (видимая легитимность), позволяющая облекать властное решение, не предусмотренное правом, в квазиправовую форму. Подобные действия могут неоднозначно толковаться с точки зрения законности, но в странах, использующих в качестве источника права конституционное соглашение, вполне могут облекать в правовую форму отдельные отношения; 4) эффективность решений дискреционной власти¹⁰ тесно связана с явлением легитимности и на сегодняшний день воплощена в философии управления различных государств мира. Цели, достигнутые в результате принятия неправового решения, в некоторых случаях, например когда на первый план ставятся эффективность и оперативность, позволяют облекать отдельные волеизъявления в правовую форму.

---

¹ Жильцов А.В. Административная ответственность за неуплату административного штрафа в срок установленный законом, и роль

полиции в механизме ее применения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Омск, 2014. С. 86.

² Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. М.: Юридическая литература, 1972. С. 26-27.

³ Капицын В.М. Государственная дискреция как проблема конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 3. С. 2.

⁴ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 41.

⁵ Малхозов В.А. К вопросу о феномене власти главы государства // История государства и права. 2008. № 6. С. 12.

⁶ Кельзен Г. Чистое учение о праве : пер. с нем. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН, 1987. С. 47-48.

⁷ Гегель. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 231.

⁸ Капицын В. М. Указ. соч. С. 3.

⁹ Там же. С. 2.

¹⁰ Хабибуллин А.Г., Рахимов Р.А. Политическая субъектность как характеристика современного российского государства // Государство и право. 1999. № 12. С. 24.

Овсянников П. Ю.,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Сущенко П. В.

Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕПУТАТСКОГО ЗАПРОСА КАК ОДНОЙ ИЗ ОСНОВНЫХ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Конституция Российской Федерации не содержит правовых норм, регулирующих такую форму парламентского контроля, как депутатский запрос, и не выделяет среди функций парламента контрольную функцию. Однако в юридической литературе существует устойчивое мнение о наличии данной функции у Федерального Собрания Российской Федерации.¹ И депутатский запрос является довольно распространенной формой реализации данной функции.²

Нормативное закрепление депутатского запроса содержится в ряде нормативно-правовых актов. Так, депутатский запрос указывается в п. 8 ст. 5 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» как одна из форм осуществления парламентского контроля. При этом в данном положении термин «депутатский запрос» используется как родовое понятие для форм деятельности представителей обеих палат Федерального Собрания: запросов членов Совета Федерации и запросов депутатов Государственной Думы.

Кроме того, анализ указанной выше статьи, содержащей перечень форм

парламентского контроля, свидетельствует о том, что депутатский запрос является уникальной формой парламентского контроля, поскольку реализуется непосредственно конкретными депутатами Государственной Думы, членами Совета Федерации, а не всем парламентом или его структурными подразделениями.

Статья 8 Федерального закона «О парламентском контроле» содержит перечень должностных лиц, которым может быть направлен депутатский запрос и по каким вопросам: «Председателю Правительства Российской Федерации, членам Правительства Российской Федерации, Генеральному прокурору Российской Федерации, Председателю Центрального банка Российской Федерации, руководителям иных федеральных государственных органов, государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации или органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию указанных органов и должностных лиц». Стоит отметить, что

в юридической доктрине указывается на избыточность данного перечня.³

Более детальная регламентация депутатского запроса регулируется ст. 14 Федерального закона 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и заключается в следующем:

- запрос направляется самостоятельно и не требует оглашения на заседании соответствующей палаты;

- устанавливается общий срок для дачи ответа на запрос – 30 дней, если иной срок не согласован с инициатором запроса;

- инициатору запроса предоставляется право принимать непосредственное участие в рассмотрении поставленных им в запросе вопросов;

- ответ на запрос должен быть подписан тем должностным лицом, которому направлен запрос, либо лицом, временно исполняющим его обязанности.

При этом в рассматриваемой статье дважды указывается на необходимость соблюдения ст. 18 данного закона, которая говорит о недопустимости вмешательства депутата Государственной Думы, члена Совета Федерации в оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную деятельность органов дознания, следователей и судебную деятельность.

Несмотря на закрепление в двух федеральных законах, процедура депутатского запроса остается слабо урегулированной. При этом регламенты Государственной Думы и Совета Федерации никак ее не конкретизируют. Так ч. 4 ст. 47 Регламента Государственной Думы лишь дублирует положения закона.⁴

Вместе с тем ученые обращают внимание и на проблему правового регулирования запросов, направляемых депутатами законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также представительного органа муниципального образования.⁵

Особое внимание уделяется тому, что депутат после получения ответа на

соответствующий запрос не должен просто ограничиться принятием его к сведению. В случае если депутатский запрос, имеющий общественное значение, исполнен неудовлетворительно должностным лицом (адресатом запроса), результат ответа должен быть рассмотрен на заседании представительного органа власти с принятием соответствующего решения, вплоть до выражения недоверия должностному лицу. Общественную значимость такого запроса определяют сами депутаты большинством голосов.⁶

Безусловно, для органа исполнительной власти или органа местного самоуправления такое решение представительного органа может иметь только рекомендательный характер.

Таким образом, представляется, что правового регулирования требуют основания направления запроса, его содержания, требования, предъявляемые к ответу на запрос. Кроме того, помимо проблем с законодательным регулированием, широко отмечается проблема низкой эффективности практической реализации депутатского запроса.⁷

---

¹ Авакьян С.А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. Т. 2. С. 443.

² Парламентское право России : монография / под ред. Т.Я. Хабриевой; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Издание Государственной Думы, 2013. С. 291.

³ Краснов М.А. Способен ли депутатский запрос быть средством парламентского контроля? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 4. С. 16-32.

⁴ О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-III ГД (ред. от 20.09.2018).

⁵ Васильев В.И. Депутатский запрос на муниципальном уровне: проблемы правового регулирования // Местное право. 2016. № 5. С. 3-12.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ Михайлова Н.Н. К вопросу, о проблемах реализации депутатских запросов в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 63-66.

Шеслер А.В.,

доктор юридических наук, профессор
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О НЕОБХОДИМОСТИ СОГЛАСОВАННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Состояние уголовно-правовой политики во многом влияет на состояние уголовно-исполнительной политики, т.к. последняя представляет политику исполнения уголовных наказаний, содержание которых определяется уголовным законом. Это предполагает необходимость тесной взаимосвязи уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики.

Отсутствие такой взаимосвязи приводит к тому, что меры, направленные на реализацию одной из политик, оказываются неэффективными или вообще не получают практического воплощения. В частности, отсутствие необходимых условий для исполнения предусмотренных уголовным законом ряда уголовных наказаний привело к наличию в уголовно-исполнительной политике отложенных наказаний. Обязательные работы, ограничение свободы и арест с момента вступления в силу УК РФ имели характер таких наказаний. Сегодня таким остается в основном наказание в виде ареста. Оно применяется только к отбывающим его на гауптвахте военнослужащим (ч. 3 ст. 54 УК РФ). Принудительные работы, установленные Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. (ст. 53.1 УК РФ), стали применяться с 1 января 2017 г.

Свидетельством отсутствия взаимосвязи уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики является также попытка реализации принятой распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Ключевой задачей данной концеп-

ции был отказ от коллективного содержания осужденных. Это предполагало замену существующей системы исправительных учреждений, в которой тюрьма является одной из разновидностей этих учреждений, тюрьмой как основным видом учреждения, где должно было отбываться наказание в виде лишения свободы. Кроме того, для определенной категории осужденных к лишению свободы предусматривалось отбывание ими наказания в колонии-поселении, а для несовершеннолетних осужденных к лишению свободы – в воспитательных центрах. Сохранялись лечебно-исправительные и лечебно-профилактические учреждения для выполнения специальных задач.

В результате уже первых практических шагов по реализации этой концепции оказалось, что переход от коллективного содержания осужденных в существующих исправительных учреждениях к покамерному содержанию в условиях тюрьмы оказался невозможным. Для такой масштабной реформы необходимо было наличие примерно 400 тюрем. Это предполагало строительство новых учреждений или переоборудование в тюрьмы существующих исправительных учреждений. Такие мероприятия оказались не по силам бюджету Российской Федерации.

Сложившаяся ситуация привела к тому, что стали осуществляться мероприятия, необходимые только при переходе уголовно-исполнительной системы к тюремному содержанию осужденных. В частности, прогрессивная система отбывания наказания, предусматривающая улучшение условий отбывания на-

казания в зависимости от активного правопослушного поведения осужденных, начала вытесняться социальными лифтами, в основе которых лежало пассивное правопослушное поведение осужденных. Для такого поведения не было необходимости в самостоятельных организациях осужденных, которые прекратили существование в связи с исключением ст. 111 из УИК РФ Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. В условиях тюрьмы при покамерном содержании осужденных, где нет возможности проявить социальную активность, такой шаг был бы логичным, однако исправительные учреждения не перестали функционировать, поэтому в результате администрация мест лишения свободы лишилась поддержки со стороны позитивно настроенных к исправлению осужденных.

В условиях тюрьмы логично было бы усилить плотность надзора за осужденными внутри учреждения. Поэтому нужна была иная система охраны. В результате была принята Концепция развития охраны учреждений уголовно-исполнительной системы до 2020 года. Ее суть состояла в переходе на прогрессивные способы охраны. Такие способы предполагали: переход на оперативный способ охраны (активное применение инженерно-технических средств охраны и наблюдения, создание резервных групп, выдвигающихся к месту срабатывания этих средств); снятие с постов караульных собак, сокращение их численности и затрат на их содержание; оптимизацию численности персонала охраны. В связи с тем, что уголовно-исполнительная система не перешла к тюремному содержанию осужденных, в действительности реформирование охраны состояло в сокращении количества ее сотрудников и сокращении числа служебных собак.¹

Замена существующей системы исправительных учреждений тюрьмой предполагала развитие системы наказаний, альтернативных лишению свободы. Это положение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года во мно-

гом реализовано. Об этом свидетельствуют данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в соответствии с которыми обозначилась тенденция снижения удельного веса осужденных к лишению свободы среди всех осужденных к реальному отбыванию наказания.² На первый взгляд это может показаться разумной гуманизацией уголовно-правовой политики. Однако это было бы разумно при переходе уголовно-исполнительной системы к тюремному содержанию осужденных к лишению свободы. Режим отбывания наказания в тюрьме является более жестким, чем в иных исправительных учреждениях. Не все категории осужденных, которые сегодня отбывают лишение свободы в этих учреждениях, должны были оказаться в результате реформы в тюрьме, а только те, кому в соответствии с действующим уголовным законом судом определяется его отбывание в исправительном учреждении особого режима или в тюрьме (ст. 58 УК РФ). Соответственно, остальным категориям осужденных должны были назначаться наказания, альтернативные лишению свободы. Однако отказ от коллективного содержания осужденных не состоялся. Это означает, что осужденным, которым необходимо было назначать лишение свободы, назначались иные виды наказаний. Конечно, польза от такой карательной практики существует, однако в основном для бюджета Российской Федерации, который понес меньше затрат на содержание осужденных к лишению свободы. Сомнительно, что это принесло пользу для реализации целей наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ) и целей уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации (ч. 1 ст. 1 УИК РФ).

В целом получилось, что уголовно-исполнительная система не перешла к тюрьме, однако начали реализовываться мероприятия, которые должны быть осуществлены при таком переходе. Получается, что стратегическая задача концепции в виде отказа от коллективного содержания осужденных не выполнена, однако необоснованно стали осуществляться мероприятия, характер-

ные для тюремной системы отбывания наказания в виде лишения свободы.

Не случайно в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года распоряжением Правительства РФ от 23 сентября 2015 г. № 1877 были внесены изменения, главное из которых состояло в исключении из текста Концепции подраздела 2 раздела III, предусматривающего реформирование системы учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Исключением этого раздела была отменена суть указанного реформирования, т.к. именно в этом разделе предусматривался отказ от коллективного содержания осужденных и замена существующей системы исправительных учреждений тюрьмами, колониями-поселениями, воспитательными центрами. В декабре 2015 г. решением директора ФСИН России были упразднены комиссии исправительных учреждений по социальным лифтам, поэтому эта система изменений условий отбывания наказаний осужденных практически перестала действовать, и продолжает действовать прогрессивная система отбывания наказания.

Вместе с тем осталась проблема, связанная с обеспечением режима отбывания наказания осужденных к лишению свободы при отсутствии их достаточной трудовой занятости. Острота этой проблемы вновь была обозначена в Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025 годы)». Мало того, в этом документе не только указано на сложности обеспечения режима отбывания наказания осужденных, но и определен более широкий спектр проблем, обусловленных тем, что значительная часть осужденных не занята работой: не имеют возможности в должной степени возмещать ущерб, причиненный преступлением, оказывать материальную помощь своим семьям, покупать продукты питания, одежду и другие предметы, не запрещенные правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. Именно поэтому поиск оптимальной модели содержа-

ния осужденных продолжается. Не случайно в изменениях, внесенных в текст Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, указывалось на необходимость создания условий для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях, прежде всего в воспитательных колониях. В связи с этим перспективными становятся модели исправительных учреждений гибридного типа с несколькими видами режима («мультирежимные» учреждения).³

Однако данные мероприятия уголовно-исполнительной политики станут возможными только при ее согласованности с уголовно-правовой политикой, в частности при внесении необходимых изменений в уголовное законодательство. Причем вносимые в уголовное законодательство изменения должны быть, в свою очередь, согласованы с уголовно-исполнительной политикой. Однако такого согласования до сих пор не происходит. Например, в Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025 годы)», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р (далее – Концепция), отмечается, что Федеральными законами от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и от 23 июля 2013 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в статью 86 Уголовного кодекса Российской Федерации» увеличены сроки наказания за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и сроки погашения судимости за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. На первый взгляд это разумно и вполне соответствует такой задаче уголовно-правовой политики, как обеспечение адекватности уголовного законодательства актуальным криминальным угрозам и ведущим тенденциям в развитии преступности, которая закреплена в Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации. Однако такие изменения в законодательстве

привели к росту численности осужденных в исправительных учреждениях (прежде всего строгого режима и лечебных исправительных учреждениях, в исправительных учреждениях для осужденных, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы). В Концепции отмечается, что в настоящее время система исправительных учреждений и их территориальное расположение не позволяют в полном объеме осуществить законодательно закрепленный принцип отбывания осужденными наказания в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены (ч. 1 ст. 73 УИК РФ). Кроме того, рост численности осужденных в исправительных учреждениях может привести к ухудшению условий отбывания наказания, к нарушению прав, свобод и законных интересов осужденных. Эти последствия пришли в противоречие с такими задачами, закрепленными в Концепции развития уголовно-исполни-

тельной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р (в ред. от 23 сентября 2015 г. № 1877), как развитие системы наказаний, альтернативных лишению свободы, а также гуманизация условий содержания лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Все вышеизложенное означает, что в уголовной политике необходимо исключить рассогласованность уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики.

---

¹ Мальков С.М., Шеслер А.В., Тепляшин П.В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации. Красноярск, 2018. С. 14-18.

² Анализ этой тенденции см.: Шеслер А.В. Уголовно-правовая политика. Новокузнецк, 2018. С. 54-57.

³ См.: II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : рекомендации. Рязань, 2015. С. 3.

Косарев М.Н.,

кандидат юридических наук, доцент

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

Уголовно-правовая политика противодействия терроризму

Одной из глобальных угроз безопасности в современном мире выступает такое социальное негативное явление, как терроризм.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации одним из источников современных угроз государственной и общественной безопасности России называет деятельность террористических и экстремистских организаций, направленную на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населе-

ния, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации¹.

Учитывая общественную опасность терроризма, которая включает в себя комплексное нарушение основ общественной безопасности, следует отметить, что большинство проявлений терроризма являются уголовно наказуемыми. Если обратиться к статистике регистрируемых преступлений террористического характера в Российской Федерации, несмотря на продолжающийся рост, их

количество, несомненно, не велико: в 2008 г. — 642; в 2009 г. — 654; в 2010 г. — 581; в 2011 г. — 622; в 2012 г. — 637; в 2013 г. — 661; в 2014 г. — 1128; в 2015 г. — 1538; в 2016 г. — 2227; в 2017 г. — 1871. Из них динамика зарегистрированных террористических актов, предусмотренных статьей 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), за вышеуказанный период выглядит следующим образом: 2008 г. — 10; 2009 г. — 15; 2010 г. — 31; 2011 г. — 29; 2012 г. — 24; 2013 г. — 31; 2014 г. — 33; 2015 г. — 8; 2016 г. — 25; 2017 г. — 37.²

Однако совершение даже одного террористического акта позволяет запустить процесс дезорганизации государственных и социальных институтов, а также причинить прямой и косвенный ущерб значительной части членов общества в общегосударственных масштабах. В связи с этим обратим внимание на проводимую уголовно-правовую политику противодействия терроризму в России.

Характеризуя современный этап вышеназванной государственной политики, отметим тот факт, что системная работа в этом направлении началась с криминализации отдельных террористических деяний в 1994 г. до создания действующей в настоящий момент общегосударственной системы противодействия терроризму, представляющей собой совокупность субъектов противодействия терроризму и нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.³

Говоря об уголовно-правовых мерах в сфере борьбы с терроризмом, назовем такие их характеристики, как повышение санкций за террористические деяния, создание специальных институтов в уголовном праве, связанных с ответственностью за террористическую практику, а также активную работу по криминализации новых проявлений

терроризма и совершенствование уже имеющихся уголовно-правовых норм. При этом рост количества зарегистрированных преступлений террористического характера объясняется включением в УК РФ норм с двойной превенцией, криминализирующих деяния предотвращающие осуществление террористического акта.

Проводя анализ реализуемых в Российской Федерации антитеррористических мер, надлежит зафиксировать тот факт, что количество зарегистрированных террористических актов снизилось в разы; максимальное их количество было зафиксировано в 2003 г. (561 преступление⁴), при этом из регистрируемых деяний, предусмотренных ст. 205 УК РФ, в настоящее время большинство выявляются и пресекаются на стадии неоконченного преступления.

Несмотря на заявленный прогресс в противодействии терроризму, следует отметить, что данное социальное негативное явление постоянно видоизменяется в силу политических, экономических, правовых, информационных, технологических и других процессов, происходящих в современном мире.

Так, по нашему мнению, следует обратить внимание на направления совершенствования уголовно-правовой политики по противодействию терроризму, включающие в себя описание общественных отношений, связанных с современным состоянием терроризма, их анализ и соответствующее совершенствование уголовного законодательства:

— информационная сфера. Развитие информационных технологий качественно видоизменяет террористическую деятельность и тем самым повышает ее общественную опасность (например, воздействие на информационные системы, критическую информационную инфраструктуру для причинения максимального вреда, а также быстрое и массовое распространение устрашающего воздействия при совершении любого террористического акта и т.д.);

— сфера средств массового поражения. Получение и применение обще-

опасных средств, предметов и материалов (военного и (или) гражданского назначения), позволяющих причинять комплексный массовый ущерб (например, химические, биологические, радиоактивные вещества, ядерные материалы, а также объекты их использования и т.д.);

– научно-технологическая сфера. Появление и внедрение в общественную жизнь новых технологий, которые могут быть использованы в террористической деятельности (например, робототехника, высокоскоростной транспорт, нанотехнологии, генная инженерия и т.д.).

Таким образом, уголовно-правовая политика по противодействию терроризму должна носить системный, наступательный и прогностический характер, который позволит максимально

эффективно обеспечить безопасность личности, общества и государства.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2019).

² Состояние преступности в Российской Федерации // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 25.01.2019).

³ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации : утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2019).

⁴ Состояние преступности в Российской Федерации // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 25.01.2019).

Юсуфзода А.Х.,

кандидат юридических наук, доцент
Академия МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе)

НЕКОТОРЫЕ ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

Изменение геополитической ситуации в мире в конце XX века, которое выразилось, в частности, в усилении террористической угрозы, поставило вопросы международной и региональной безопасности в разряд важнейших приоритетов международной политики.

В настоящее время остро стоит проблема стремительного распространения религиозного радикализма, что повлияло на общественно-политическую, духовно-идеологическую обстановку, особенно в странах Центрально-Азиатского региона. Как показывает практика, сегодня радикализм превратился в плацдарм для развития международного терроризма и насильственного экстремизма, которые являются одними из глобальных проблем человечества.

В Центральной Азии деятельность террористических и экстремистских организаций в каждой стране региона име-

ет свои особенности. За годы независимого развития государства Центральной Азии столкнулись и сталкиваются, хотя и в разной степени, с деятельностью экстремистских радикалов, для которых наиболее приемлемыми становятся силовые методы борьбы, делающих ставку на дестабилизацию обстановки.

Финансирование, обучение, распространение соответствующей литературы, деятельность иностранных проповедников – все это в комплексе обеспечивает существование и определенную привлекательность экстремистской идеологии среди наиболее уязвимых слоев населения.

Понимая особую значимость необходимости совместных усилий по противодействию терроризму, Республика Таджикистан вступила в международную систему борьбы с глобальными вызовами и угрозами и является активным

участником антитеррористических программ ООН на национальном и региональном уровнях. Осознавая, что успех борьбы с терроризмом и экстремизмом зависит от объединения усилий мирового сообщества, Таджикистан подписал более тридцати двусторонних и многосторонних соглашений в этой области.

Международный терроризм представляет для всех государств мира угрозу системного и долгосрочного характера. Поэтому принятые ООН нормативные правовые акты по борьбе с международным терроризмом служат основой для организации международного и регионального сотрудничества, так как тенденция развития терроризма по всему миру дала серьезный импульс созданию новых международных организаций, прежде всего региональных.

Одним из первых встало на этот путь Содружество Независимых Государств (СНГ).

В силу своего геополитического положения в условиях современной международной ситуации государства – участники СНГ оказались на переднем крае борьбы с международным терроризмом, создав необходимую правовую базу и институты сотрудничества на региональном уровне в целях борьбы с терроризмом, такие как Совет министров внутренних дел государств – участников СНГ, Антитеррористический центр, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений, созданных на основании Решения совета глав правительств СНГ.

Необходимо отметить, что гарантом повышения эффективности противодействия международному терроризму и обеспечения безопасности в регионе служит сотрудничество, сложившееся в рамках Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества. Государства – участники СНГ активно сотрудничают между собой, а также с другими государствами и международными организациями в борьбе с терроризмом.

В рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества Республи-

кой Таджикистан совместно с другими государствами региона и дальнего зарубежья активно осуществляются комплексные мероприятия по установлению и задержанию лиц, причастных к деятельности международных террористических и экстремистских организаций. Например, в результате тесного взаимодействия с правоохранительными органами Российской Федерации только в 2016-2017 гг. предотвращены четыре террористических акта. Установлены и перекрыты порядка сорока источников финансирования терроризма.

Кроме того, в результате принятых действенных мер возвращены на Родину более ста граждан Республики Таджикистан из числа участников, а также лиц, которые обманным путем были завербованы и подготовлены для участия в вооруженных формированиях и военных действиях на территории Сирии, Ирака и Афганистана.

Всем известно, что ныне центром активизации террористических организаций являются страны, в которых происходят вооруженные конфликты.

Наиболее актуальной угрозой для стран СНГ и Европы является неспокойная обстановка в Исламской Республике Афганистан, где продолжают функционировать ряд религиозно-экстремистских центров и организаций, лагерей террористической и диверсионной подготовки, контрабанды наркотиков и оружия.

Несмотря на принимаемые меры Правительством Афганистана и мировым сообществом, мирное население Афганистана систематически подвергается террористическим атакам.

Лидерами международной террористической организации «Исламское государство» рассматриваются все возможные меры по перемещению театра боевых действий в страны Центрально-Азиатского региона. Нестабильность в Афганистане рассматривается как основной плацдарм дислокации и осуществления террористической деятельности.

В настоящее время эмиссары террористической организации «Исламское государство», с учетом сегодняшней об-

становки в регионе, сменили поле действия, отправляя завербованных рекрутов, возвратившихся из боевых действий в Сирии и Ираке, в Афганистан.

Согласно принятой 21 декабря 2017 г. Резолюции Совета безопасности ООН № 2396¹ можно поддерживать на постоянной основе обмен информацией о лицах, пересекающих государственные границы стран региона и других стран, в целях отслеживания и пресечения каналов переправки рекрутов и возвращающихся боевиков. С учетом повышения уровня террористической активности во всем мире и глобализации всех процессов, происходящих в мировом сообществе, мониторинг перемещений боевиков был бы очень своевременным.

К сожалению, тенденция к обострению ситуации в Афганистане приобретает устойчивый характер. Под влиянием деятельности международных террористических организаций это государство остается источником повышенной террористической опасности и наркоугрозы.

Боевики и вооруженные формирования «Движения Талибан», «Джамоата Ансоруллох», «Исламского движения Узбекистана», «Исламского движения Восточного Туркестана» и «Исламского государства», активизируя наступательные действия, расположились на линии государственной границы Афганистана с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном.

Для стран Центральной Азии потенциально опасными участками являются нестабильные провинции Бадахшан, Кундуз, Джаузджан, Фаряб и Тахар. Эти провинции становятся аналогом Северного Вазирстана, в котором наблюдается скопление различных радикальных вооруженных формирований с организацией тренировочных баз для боевиков из разных государств региона под черными флагами «Исламского государства». Немалую часть этих группировок составляют иностранные наемники и боевики, имеющие опыт боевых действий в Сирии и Ираке.

В таких условиях Таджикистан, имеющий границу с Афганистаном про-

тяженностью в тысяча четыреста километров, находящуюся под пристальным контролем и охраной, ежедневно сталкивается с попытками нарушения своей государственной границы.

В качестве пути повышения эффективности борьбы с терроризмом предлагается ряд рекомендаций, которые могут способствовать снижению уровня террористической опасности в регионе и в мире:

- необходимо сформулировать единое универсальное конвенциональное понятие терроризма и международного терроризма, имеющее обязательную силу для всех государств – членов Организации Объединенных Наций;

- поддержать инициативу Генерального секретаря ООН о создании специализированного учреждения – Единого подразделения по борьбе с терроризмом под эгидой ООН для координации международных мероприятий по предотвращению террористических актов, ведению единого учета и розыска террористов;

- приравнять акты терроризма к преступлениям против человечности, а то и к военным преступлениям, в том числе с отнесением преследования преступников, совершивших террористические атаки, к компетенции Международного уголовного суда;

- совместно с универсальными и региональными организациями разработать и осуществить меры адаптации национальных законодательств к существующим условиям реального положения дел в сфере борьбы с международным терроризмом.

В заключение хочется привести слова лидера нации, Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона: «Мы всегда должны иметь в виду, что терроризм и террористов нельзя разделять на своих и чужих, злейших или мстящих, хороших или плохих. Наоборот, как я не раз подчеркивал, террорист не имеет ни родины, ни религии, ни веры, ни нации»².

---

¹ Резолюция 2396 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8148-м заседании

21.12.2017. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2396\(2017\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2396(2017)) (дата обращения: 30.01.2019).

² Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от

22.12.2017. URL: <http://www.president.tj/ru/node/16772> (дата обращения: 30.01.2019).

Федорова Е.А.,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В системе правоохранительных органов основным инструментом оценки эффективности деятельности являются криминологические исследования, направленные на анализ состояния преступности и выработку мер профилактического воздействия в целях снижения и контроля за уровнем преступности в регионах и в России в целом. Однако практически не исследуются региональные особенности преступности, в том числе малоизученной является криминогенная ситуация экономической преступности в Сибирском федеральном округе.

Исследования региональных особенностей экономической преступности позволяют выявить локализацию отдельных преступлений в Сибирском федеральном округе (далее – СФО) и определить индивидуальные подходы к профилактике преступности в регионе.

Решающим комплексом факторов, определяющим индивидуальные, неординарные черты экономической преступности в округе, являются факторы, связанные с географией региона, его протяженностью, особенностями административно-территориального деления, политическими, ландшафтными, экономическими, социальными и культурными особенностями округа. А экономический потенциал региона обуславливает тот факт, что хозяйственные, транспортные, торговые, культурные, административные и другие функции имеют свою территориальную привязанность, свой рисунок, и это, в свою очередь, определяет ярко выраженную

территориально-географическую дифференциацию криминологической обстановки в регионе.

Результаты анализа состояния экономической преступности в Сибирском федеральном округе за последние пять лет свидетельствуют о положительной динамике по основным показателям, но в целом криминогенная ситуация остается напряженной.

В настоящее время основными вызовами и угрозами экономической безопасности являются нарастание геополитической нестабильности, неустойчивость развития мировой экономики, обострение глобальной конкуренции, уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы, легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, неэффективная защита права собственности, недостаточно эффективное государственное управление, высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере¹; увеличивается количество преступлений, связанных с нецелевым использованием бюджетных средств; в сфере государственного оборонного заказа, жилищно-коммунального комплекса, здравоохранения и образования, автодорожного хозяйства, связанных с приватизацией государственного имущества и реализацией государственных непрофильных активов, рейдерство.

Значительное количество преступлений в сфере экономики совершаются в организованных формах. Вместе с тем в

официальной статистической отчетности данный показатель не выделяется.

По мнению экспертов, в настоящее время в организованных формах чаще всего совершается незаконное присвоение активов – это одно из основных направлений деятельности экономической преступности: в сфере финансовых услуг составляет около 67%, что вполне ожидаемо для сектора, занимающегося деньгами, дающего большие возможности для мошенников.²

Особенностью экономической преступности сегодня также является ее слияние с киберпреступностью (встречается чаще, чем взяточничество и коррупция), это становится гораздо большей угрозой, чем когда-либо. Например, различные виды интернет-мошенничества, связанные с получением доступа к конфиденциальным данным (логинам и паролям) с персональных компьютеров пользователей, в том числе клиентов банка путем проведения массовых рассылок электронных писем от имени банка, использования поддельных всплывающих окон или электронных сообщений, замаскированных под законное банковское обслуживание через Интернет.³

Отличительной чертой экономической преступности, в том числе и в Сибирском федеральном округе, является ее высокая латентность. Причем некоторые данные официальной статистики об экономических преступлениях являются несопоставимыми и неполными.

Так, в структуру экономической преступности входят преступления против собственности, и они составляют большую часть массива экономической преступности. Анализ статистических данных за последние пять лет о зарегистрированных преступлениях против собственности в округе соответствует общероссийской динамике поступательного снижения данных показателей в течение всего периода за исключением значительного их увеличения в 2015 г. Так, в 2017 г. на территории СФО зарегистрированы 207 331 преступление (-5,8%), в 2016 г. – 220 097 (-12,1%), в 2015 г. – 250 528 (-8,9%).

Структурный анализ преступлений против собственности в округе показывает, что основное место (подавляющее большинство преступлений и в общем количестве зарегистрированных преступлений на территории СФО) составляют кражи, данная тенденция соответствует общероссийским показателям.

Структура преступлений против собственности в СФО в основном соответствует структуре преступлений против собственности в РФ. А преступления в сфере экономической деятельности учитываются в рамках статистической отчетности о преступлениях экономической направленности, которые существенно отличаются по структуре и массиву от преступлений, входящих в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ.

Всего на территории округа в 2017 г. зарегистрированы 11 654 преступления экономической направленности, в Российской Федерации – 105 087 преступлений данной категории, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений на территории СФО составил 3,2%, а в России – 5,1%. Анализ статистических данных показывает, что в 2017 г. в СФО по сравнению с 2016 г. на 7,6%, а по России на 3,4% снизилось число выявленных преступлений экономической направленности.

Доля преступлений экономической направленности в Сибирском федеральном округе в 2017 г. от общего количества зарегистрированных преступлений составила 3,2%, что ниже общероссийского показателя на 1,8%.

Наиболее подверженными криминальным посягательствам экономической направленности в последние пять лет были оборонно-промышленный комплекс, сфера закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, строительство (в том числе жилищное), а также содержание автомобильных дорог, здравоохранение, образование и наука, культура. К основным способам злоупотреблений при заключении и исполнении государственных и муници-

пальных заказов можно отнести аффилированность работников органов государственной власти и самоуправления с субъектами предпринимательской деятельности, а также ограничение конкуренции, воспрепятствование предпринимательской деятельности при организации и проведении конкурсных процедур, в том числе путем завышения стоимости работ и использования «фирм-однодневок». Например, среди преступлений против собственности экономической направленности значительное количество хищений осуществляется способом, при котором в ходе подготовки государственного или муниципального контракта в техническое задание вносятся специфические позиции, исключающие возможность конкурентной борьбы среди поставщиков, а также применение механизмов, позволяющих обойти обязательные требования закона о проведении аукционов посредством дробления муниципального

(государственного) заказа на несколько запросов котировок, проведение которых возможно при меньшей цене контракта.

Таким образом, несмотря на существенное снижение количественных показателей, состояние экономической преступности в Сибирском федеральном округе остается напряженным, поскольку возрастает сложность экономических преступлений и для их совершения все шире используются кибертехнологии, а механизм противодействия им недостаточно эффективен. Это ставит под угрозу экономическую безопасность и, как следствие, национальную безопасность округа и всей страны.

¹ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208.

² Трунцевский Ю.В. Современные корпоративные угрозы финансовому сектору // Юридический мир. 2016. № 8. С. 36-39.

³ Там же. С. 36-39.

Диканова Т.А.,

доктор юридических наук

Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В ТРАНСПОРТНОЙ И ТАМОЖЕННОЙ СФЕРАХ

Транспорт и внешнеторговая деятельность – это приоритеты экономической политики России. В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. поставлена задача развития транспортных коридоров «Запад – Восток» и «Север – Юг», увеличения мощностей морских портов, развития Северного морского пути, увеличения пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей, создания единого цифрового транспортного пространства. Требуется сделать перевозки более безопасными, удобными, доступными, снизить издержки, расширить экспортные и транзитные возможности. В связи с этим в развитие транспорта вкладываются значительные бюджетные средства. Внешнеэкономи-

ческая деятельность – прибыльнейший бизнес, экономика России носит ярко выраженную внешнеторговую направленность. Неудивительно, что две указанные сферы стали исключительно привлекательны для мошенников и других экономических преступников. Кроме того, транспорт – источник повышенной опасности. Неосторожные преступления, нарушения правил безопасности движения и эксплуатации на транспорте имеют порой большие негативные последствия, чем умышленные преступления. В связи с этим требуется уделять первостепенное внимание анализу состояния преступности в указанных сферах, выявлять факторы, влияющие на показатели статистики, в том числе реформирование контроля и др.,

ориентировать специализированные правоохранительные органы на транспорте: органы внутренних дел на транспорте, СК на транспорте, транспортных прокуроров на борьбу с наиболее распространенными и опасными преступлениями.

В 2018 г. на транспорте (железнодорожный, внутренний водный, морской, воздушный) зарегистрированы 38 605 преступлений. Значительный удельный вес составили тяжкие и особо тяжкие преступления – 9413, или примерно четверть всех зарегистрированных преступлений на транспорте. Однако все же острие уголовной репрессии направлено на преступления небольшой тяжести – их 20 626, или более половины всех зарегистрированных на транспорте. Преступлений, совершенных в особо крупном и крупном размерах, – 13 317, или 34,5%. В 2018 г. на транспорте совершены 1610 фактов мошенничества (ст. 150-159.6 УК РФ), или 4,2%; 12 649 краж, или 32,8% от общего числа зарегистрированных преступлений, в том числе 956 краж грузов на водном, воздушном и железнодорожном транспорте, что на 11% меньше, чем в 2017 г. Особенно распространены кражи грузов на автотранспорте. Количество преступлений экономической направленности на транспорте – 5702, или 14,8% от общего количества зарегистрированных преступлений; коррупционной – 2456, или 6,4%, экологической – 1517, или 3,3%, террористического характера и экстремистской направленности – 8 преступлений.

Тенденции преступности: практически не измененное в сравнении с 2017 г. общее количество зарегистрированных преступлений (-0,1%); значительный рост особо тяжких (на 8,2%), преступлений коррупционной направленности (на 13,2%), экологических преступлений (на 7,7%). Снизилось число тяжких (на 12,9%), налоговых (на 16,7%) преступлений (их всего зарегистрировано 359).

На 8,4% снизилось число преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд с обвинительным заключением. Снижение данного показателя

относительно экологических и преступлений коррупционной направленности соответственно на 12,2% и 13,5%.

Большой разрыв между числом зарегистрированных краж и краж, дела о которых направлены в суд с обвинительным заключением: последний показатель – 4586 преступлений – за год снизился на 12,6%. Напротив, возросло число краж, дела о которых прекращены либо вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (их 1612, что на 37,9% больше). Негативными показателями являются и рост краж, дела о которых приостановлены, – на 5,3% (всего таких преступлений 5987).

По 3140 преступлениям уголовные дела были прекращены судом по нереабилитирующим основаниям, что на 63,6% больше, чем в 2017 г. Вынесены 874 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, что на 17,7% больше, чем в 2017 г.

В возбуждении уголовных дел отказано из-за истечения сроков давности по 598 преступлениям, по которым установлены лица, их совершившие, и 816, или на 16,5% больше, преступлений, по которым лица, их совершившие, не установлены. То есть значительная часть преступлений выявляется с большим опозданием. По-прежнему высокий уровень преступлений, уголовные дела о которых приостановлены. Так, по 12 889 преступлениям дела приостановлены впервые (на 3,8% больше, чем в 2017 г.).

Преступления на транспорте причиняют большой ущерб: по оконченным уголовным делам – более 4,3 трлн руб., 299,1 млн руб. – по материалам об отказе в возбуждении уголовных дел, по приостановленным делам – 2,7 трлн руб.

От преступлений на транспорте погибли 225 чел. – на 27,1% больше, чем в 2017 г. Выявлены 21 351 лицо, совершившее преступление, что на 3,7% меньше, чем в 2017 г.

Транспорт используется для незаконного оборота наркотиков, оружия. Так, количество зарегистрированных на транспорте преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, пси-

хотропных и сильнодействующих веществ, — 9961, или 25,8%; оружия — 1180, или 3,06%. Вместе с тем отмечается снижение этих показателей соответственно на 7,9 и 3,4%.¹

Специфичными для транспорта являются нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного, воздушного транспорта (ст. 263 УК РФ). За первое полугодие 2018 г. выявлены 45 преступлений (в сравнимом периоде — 44).

Такие преступления часто влекут за собой многочисленные человеческие жертвы. Так, 11 февраля 2018 г. самолет Ан-148, вылетевший из аэропорта Домодедово в Орск, потерпел крушение. На борту самолета были 65 пассажиров и 6 членов экипажа. Произошел ряд аварийных происшествий с яхтами и прогулочными теплоходами, катамаранами: суда вылетали на берег, садились на мель, сталкивались и т.д. 11 июня 2018 г. в акватории Волги в Центральном районе г. Волгограда прогулочный катамаран «Елань-12» с пассажирами на борту столкнулся с баржей, буксируемой судном «Капитан Вечеркин». На катамаране справляли день рождения; судно следовало на большой скорости, без бортовых огней и необходимых разрешений. Капитан катамарана не заметил встречных судов, не сбавил ход и не отвернул катамаран. Катамаран на полном ходу врезался в правую скулу одной из барж и практически поднырнул под нее. Большая часть пассажиров находилась в помещениях и не смогли покинуть тонущее судно, погибли 11 человек. К спасательной операции привлекались 1400 человек, 55 единиц техники, 12 плавсредств. Возбуждено уголовное дело по ст. 263 УК РФ.

Автотранспорт остается наиболее аварийным видом транспорта. Выявлены 9699 преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ. Самое распространенное преступление — нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ), зарегистрированы 36 560 преступлений.

Что касается статистики ДТП, то в 2018 г. зарегистрированы 126 тыс. ДТП

— существенно меньше, чем в 2017 г., однако количество погибших значительно возросло — на 16,6 тыс. человек, из них 582 ребенка. В целом по количеству аварий Россия среди других стран занимает одно из первых мест. Из автотранспорта самый опасный — мотоцикл, далее — личный автотранспорт. В 2018 г. произошли несколько крупных происшествий с участием междугородних автобусов. Например, в Воронежской области столкнулись два автобуса, в результате пострадали 17 человек, 5 погибли. Всего из-за аварий с участием междугородних автобусов — более 600 погибших, более 13 тысяч пострадавших. Растет число ДТП с участием велосипедистов (данные официальной статистики отсутствуют). Общее количество детей, пострадавших в ДТП, 7 500 (меньше, чем в 2017 г.).

Причины аварий — нарушение правил дорожного движения, плохое состояние дорожного полотна, возросший износ автопарка из-за кризиса и ухудшение покупательной возможности населения, старение водителей, нарушение правил пешеходами. Относительно маршрутных такси, автобусов (дополнительно): работа на износ, вождение в пьяном виде, конструктивные недостатки маршруток.

Регистрируется весьма незначительное число таких преступлений, как недоброкачественный ремонт, приведение в негодность транспортных средств, совершение действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 266-268 УК РФ).

Преступность в сфере ВЭД и таможенной сфере — это, в основном, контрабанда (ст. 200, 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ), уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ), валютные преступления (ст. 193 и 193.1 УК РФ), легализация имущества, полученного преступным путем (ст. 174 и 174.1 УК РФ), и преступления, связанные с использованием в сфере ВЭД фирм-однодневок (ст. 173.1 и 173.2 УК РФ). Таможенные органы выявляют

большинство вышеназванных преступлений, проводят дознание или осуществляют неотложные следственные действия.

Отмечается невысокий уровень этих преступлений, его снижение. В 2018 г. зарегистрировано преступлений, предусмотренных: ст. 194 УК РФ – 382; ст. 226.1 – 1141, в том числе контрабанды оружия – 168, ст. 229.1 – 630, ст. 193 – 395.

Отмечается снижение числа зарегистрированных уклонений от уплаты таможенных платежей на 29%, контрабанды наркотиков – на 11,4%; рост преступлений, предусмотренных ст. 226.1, – на 27,1%; ст. 193 – 100% (из-за усиления контроля со стороны ЦБ России).

Количество расследованной контрабанды – 613, из них 24 преступления совершены организованными группами или преступными сообществами, что на 29,4% меньше, чем в 2017 г. Из выявленных преступлений, предусмотренных ст. 193 УК РФ, два совершены указанными группами лиц.

Согласно статистике таможенных органов² возбуждены 42 уголовных дела о контрабанде алкогольной продукции или табачных изделий (ст. 200.2 УК РФ), в 2017 г. – 46; о контрабанде валюты (ст. 200.1 УК РФ) – 62, в 2017 г. – 49 (их изучение показывает, что, как правило, речь идет о преступлениях, не связанных с предпринимательской сферой); по ст. 193 УК РФ – 195 дел, в 2017 г. – 135, по ст. 193.1 УК РФ – 159, в 2017 г. – 97 дел. Осуждаются по данным статьям – единицы. С 2014 г. таможенные органы проводят неотложные следственные действия по делам о легализации имущества, приобретенного незаконным путем. Ими возбуждены в 2018 г. 2 уголовных дела по ст. 174.1 УК РФ. По ст. 173.1 УК РФ возбуждены 149 дел, в 2017 г. – 171. Примерно в два раза меньше возбуждено уголовных дел по ст. 173.2 УК РФ.

Тревогу вызывает ситуация с контрабандой наркотиков. Наркодельцы, традиционно направляя основной поток контрабанды наркотиков, в том числе афганского героина, в Россию через Казахстан, получили возможность везти наркотики крупными партиями, маски-

руя под обычный груз, поскольку с Казахстаном нет таможенной границы и отсутствует таможенный контроль (эта страна входит в ЕАЭС). Теперь к афганскому героину присоединились потоки китайского героина, которые идут и через Казахстан, и другими путями, наводняя Сибирь и Дальний Восток.

За последние два года смертность от «белого китайца» – синтетического героина, производимого в Китае, – на Среднем Урале возросла в 4 раза. В СМИ сообщается, что у китайских наркодилеров их «партнеры» во Владивостоке за биткойны покупали до 16 тонн спайсов и искусственного героина в месяц и маскировали под обычные сыпучие грузы: рис и т.д. Один грамм «китайца» приблизительно равен 1 килограмму героина. Аналог этого наркотика – карфентанил – мощнее героина в 5 раз. Это самые опасные наркотики в мире. Одну китайскую преступную группировку, занимающуюся контрабандой «белого китайца», работающую под маской «фармацевтической фирмы», раскрыли правоохранительные органы США. Из электронных писем этой «фармацевтической фирмы» в Россию шли предложения о поставках ежемесячно до 18 тонн наркотиков под видом риса.³

Как показывает изучение уголовных дел о контрабанде наркотиков, в подавляющем большинстве случаев речь идет о преступлениях одиночек, например наркоперевозчиков-глотателей из Таджикистана или лиц, которым через Интернет предлагается делать закладки наркотиков и собирать деньги за них (примерно за 10 тыс. в день). Часто наркодельцы используют для этого школьников, которых в силу их возраста нельзя привлечь к уголовной ответственности. Органы предварительного расследования в ряде случаев не принимают никаких мер (в частности, не направляют международные ходатайства) по выявлению организатора контрабанды.

Для контрабанды оружия, наркотиков используется «черный Интернет», в который можно входить анонимно. Эта технология была создана для общения с

американскими разведчиками в разных странах. Со временем данной линией стали пользоваться преступники, распространяющие наркотики, детские порнографические материалы, убийства под закон, в настоящее время и криптовалюту.

Уклонению от уплаты таможенных платежей и контрабанды ценных пород леса способствуют: недостатки в контроле в сфере лесозаготовок, отсутствие таможенного контроля за источниками происхождения экспортируемой древесины, единообразного подхода таможенных органов при классификации древесины, отсутствие приборов для идентификации древесины, «уход» участников ВЭД от фактического контроля (досмотра).⁴

Актуальной проблемой остается крупномасштабная контрабанда ценных водных биоресурсов (ВБР).

Выявлен ряд транснациональных преступных групп, занимающихся незаконным ввозом и реализацией драгоценностей (действовала в течение 6 лет); уклонением от уплаты таможенных платежей при экспорте ценных ВБР (десятков тонн живого краба в Китай с заявлением таможене недостоверных сведений, с занижением таможенной стоимости более чем в 2 раза; группа действовала в нескольких регионах Дальнего Востока, использовались подложные документы, фиктивные фирмы).

Счетная палата РФ сделала вывод, что большинство особых экономических зон неэффективны, прежде всего это портовые и туристско-рекреационные ОЭЗ.⁵ Весьма вероятно, что в ОЭЗ реализовались схемы по использованию таможенных преференций не по назначению, а в целях уклонения от уплаты таможенных платежей.

Прогноз состояния преступности в рассматриваемых сферах неутешительный. Можно ожидать роста аварийных происшествий на транспорте, что обусловлено такими факторами, как дальнейшее старение транспорта, проблемы с комплектующими для техобслуживания и ремонта, предбанкротное состояние ряда транспортных организаций, нарушения при использовании субсидий, выделенных на капитальный ре-

монт, непроведение его в должном объеме и т.д. Эти нарушения отмечены в 2018 г. Счетной палатой РФ.⁶ Это также замена так называемого «тотального» контроля на риск-ориентированный.

Весьма вероятен рост хищений, мошенничества с бюджетными средствами, в значительных объемах выделяемыми на развитие транспорта. Проверки Счетной палаты РФ показывают нарушения бюджетного законодательства при проведении строительства и ремонта на объектах транспорта: приемка и оплата работ при отсутствии документации, подтверждающей их выполнение; работ, не соответствующих контрактам, завышение стоимости контрактов, нарушения законодательства о закупках и т.д.⁷ Ситуация усугубляется тем, что проводимая в 2015-2018 гг. реформа системы ценообразования и сметного нормирования в сфере строительства не достигла цели — сохраняется риск значительного завышения сметной стоимости объектов.

Нет оснований прогнозировать снижение масштабов внешнеторговой и таможенной преступности по причинам: политики, направленной на ослабление контроля в сфере ВЭД и валютного контроля; либерализации правил ведения ВЭД из-за перехода на электронный контроль при отсутствии мер, направленных на выявление связанных с этим новых рисков и угроз; сокращения численности таможенных органов, в том числе подразделений дознания (например, по Северо-Западному региону в 2016 г. было сокращение в три раза); ненадлежащего исполнения таможенными органами своих обязанностей по контролю правильности классификации товаров, таможенной стоимости; недостатков при применении системы управления рисками⁸; отсутствия контроля со стороны государства за расчетами, проводимыми в криптовалютах. Латентная преступность будет увеличиваться, показатели уголовной статистики уменьшаться.

Представляется необходимым осуществлять мониторинг состояния преступности, выявлять влияние новелл нормативной базы на преступность, разрабатывать при необходимости предло-

жения по корректировке законодательства; проводить работу, направленную на повышение квалификации работников правоохранительных органов на транспорте, разрабатывать методики расследования, особенно экономических и неосторожных преступлений, в условиях изменений в системе контроля, а значит, и выявления преступлений, перехода контроля на электронный, что особенно характерно в настоящее время для таможенной сферы.

¹ Экспресс-информация по транспорту «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений за январь-декабрь 2018 г.».

² Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы за 2018 год. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27110:-2018-&catid=54:2011-01-24-16-31-26 (дата обращения: 29.01.2019).

³ Как полиция США случайно помогла МВД РФ перекрыть наркотрафик «Белого китаица». URL: https://life.ru/t/1156030/kak_politsiya_ssha_sluchaino_pomogla_mvd_rf_pieriekryt_narkotrafik_bielogho_kitaitsa (дата обращения: 29.01.2019).

⁴ Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка организации таможенного контроля и соблюдения мер таможенно-тарифного регулирования при экспорте ле-

са...», п. 3.1.0.7 Плана работы Счетной палаты РФ на 2018.

⁵ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг эффективности экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг эффективности использования бюджетных ассигнований федерального бюджета при создании и функционировании в 2017 г. ОЭЗ, созданных в соответствии с Федеральным законом от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», п. 3.7.0.18 Плана работы Счетной палаты РФ на 2018.

⁶ См. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка использования субсидий, предоставленных в 2017 году и истекшем периоде 2018 года бюджетным учреждениям, подведомственным Федеральному агентству морского и речного транспорта на проведение капитального ремонта гидротехнических сооружений и иных объектов недвижимого имущества), п. 3.9.0.9 Плана работы Счетной палаты РФ на 2018 г.

⁷ Там же.

⁸ Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка деятельности таможенных органов по предоставлению льгот по уплате НДС при ввозе на территорию РФ технологического оборудования, аналоги которого не производятся на территории РФ, в 2016–2017 годах и истекшем периоде 2018 года», п. 3.1.0.8 Плана работы Счетной палаты РФ на 2018.

Шекк Е.А.

Научно-исследовательский институт
Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ В РОССИИ В 2018 г.

Одним из наиболее проблемных видов преступности продолжает оставаться незаконный оборот наркотиков. Последствием ликвидации органов ФСКН России стало существенное снижение общего количества зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Между тем данные социологических опросов свидетельствуют, что в обществе возрастают требования к формированию государственной политики, направленной на разработку конкретных мер по профилактике и борьбе с наркоманией, и это устойчивый тренд на протяжении уже более 10 лет.

Вследствие структурных изменений в правоохранительной сфере в 2016 г. заметно снизилось количество зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (на 15,1%). В 2017 г. отмечалось увеличение количества выявленных наркопреступлений на 3,7% (208 681) при общем снижении преступности на 4,7%, что могло расцениваться как усиление работы органов МВД по борьбе с наркопреступностью после кадровых перестановок, однако в прошедшем 2018 г. вновь наблюдалось снижение анализируемого показателя на 4,0% до 200 306

преступлений. Иными словами, фактически абсолютные данные о количестве

наркопреступлений в 2018 г. остались близки к показателю 2016 г. (рис. 1).

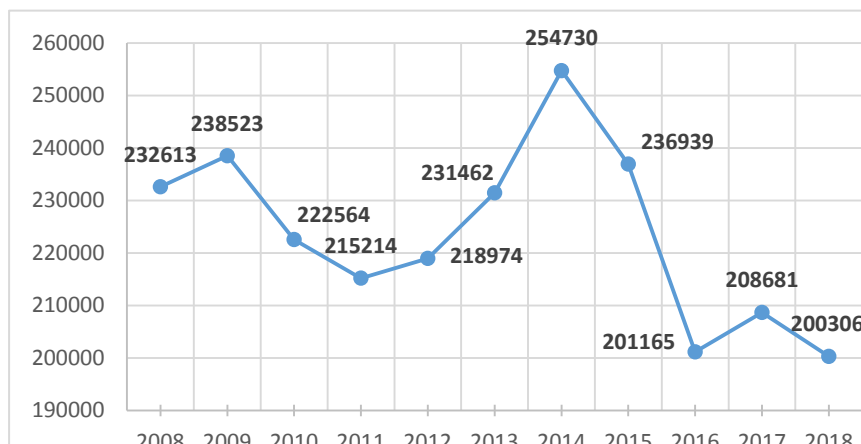

Рис. 1. Динамика количества выявленных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в Российской Федерации в 2008-2018 гг.

При этом криминологические и социологические исследования не подтверждают динамику снижения наркопреступности. По данным опроса экспертов из числа надзирающих прокуроров около половины из них (49,4%) считают, что статистика не отражает реального состояния преступности в этой сфере. Более половины респондентов (50,6%) оценивают эффективность деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков как среднюю и почти половина респондентов (49,4%) — как низкую.¹ Таким образом, при сохранении комплекса негативных факторов часть преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков по-прежнему не находит отражения в статистической отчетности и входит в состав латентной преступности.

Согласно данным опроса, проведенного ВЦИОМ, 78% россиян в настоящее время считают незаконный оборот серьезной проблемой и одобряют введение уголовной ответственности за употребление наркотиков, а более половины (52%) респондентов полагают, что в последние годы людей, употребляющих наркотики, в России стало больше.²

Анализ состояния наркопреступности невозможен без анализа регионального распределения выявленных преступлений этого вида. Так, каждое тре-

тье (33,1%) преступление в сфере незаконного оборота наркотиков в 2018 г. выявлено в девяти субъектах Российской Федерации: в г. Москве — 17107 (8,5%), г. Санкт-Петербурге — 11497 (5,7%), Челябинской области — 8024 (4,0%), Московской области — 7970 (4,0%), Краснодарском крае — 7170 (3,6%), Ростовской области — 6069 (3,0%), Свердловской области — 6041 (3,0%), Республике Башкортостан — 5577 (2,8%) и Приморском крае — 4901 (2,4%).

Несмотря на общее снижение, в 33 субъектах Российской Федерации, напротив, наблюдался рост количества выявленных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. В 13 регионах рост был заметным и составлял более 10%. Кроме того, в Республике Коми рассматриваемый показатель увеличился в 2,4 раза, в Республике Ингушетия — в 1,6 раза и в 1,4 раза в Псковской области и Чукотском автономном округе. В связи с этим следует констатировать неравномерное снижение показателей наркопреступности в Российской Федерации.

Уровень криминальной нагрузки на население от преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в 2018 г. составил 136,4 преступлений на 100 тыс. населения страны (142,1 в 2017 г., 137,3 в 2016 г. и 162,0 в 2015 г.). При этом уровень криминальной нагрузки от рас-

смаатриваемого вида преступлений в 5 раз больше, чем от насильственных преступлений, таких как убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование и хулиганство (уровень криминальной нагрузки от них составляет 25,4).

Следует заметить, что криминальная нагрузка на население страны от наркопреступлений распределена неравномерно. Так, 10% населения страны проживают в регионах с высоким уровнем криминальной нагрузки: от 191,8 в Красноярском крае до 334,9 в Республике Тыва (средний уровень – 236,5 преступлений на 100 тыс. населения).

Десятая часть населения, напротив, проживает в регионах с низким уровнем криминальной нагрузки: от 49,6 в Республике Адыгея до 79,5 в Архангельской области. Средний уровень криминальной нагрузки в этой группе регионов – 64,3 преступлений на 100 тыс. населения.

Децильный коэффициент криминальной нагрузки на население составляет 3,7 раза. Дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню криминальной нагрузки на население от преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков намного ниже критического значения (10).

Обращает на себя внимание криминальная ситуация, сложившаяся в Республике Тыва, где уровень криминальной нагрузки на население от преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков настолько велик (334,9), что по данному показателю этот регион нарушает статистическую однородность всей совокупности субъектов Российской Федерации. Причем такая же ситуация наблюдалась и в 2017 г., что в целом можно расценивать

как повод для проведения дополнительного криминологического исследования в данном регионе.

Кроме того, еще четыре региона следует отнести к группе с высоким уровнем анализируемого показателя – это г. Санкт-Петербург – 264,5 преступлений на 100 тыс. населения; Приморский край – 263,5; Еврейская автономная область – 260,7 и Магаданская область – 248,0. В 2017 г. во всех этих субъектах Российской Федерации (за исключением г. Санкт-Петербурга) уровень криминальной нагрузки на населения от преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков был настолько велик, что по данному показателю эти регионы нарушали статистическую однородность всей совокупности субъектов Российской Федерации.

Структура преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков последние три года имеет тенденцию к изменению за счет увеличения доли преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ и, напротив, уменьшения доли преступлений, совершенных без цели сбыта (ст. 228 УК РФ).

Соотношение преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ представлено на графике (рис. 2). В совокупности преступления, предусмотренные этими статьями, составляют 97% преступлений в сфере незаконного

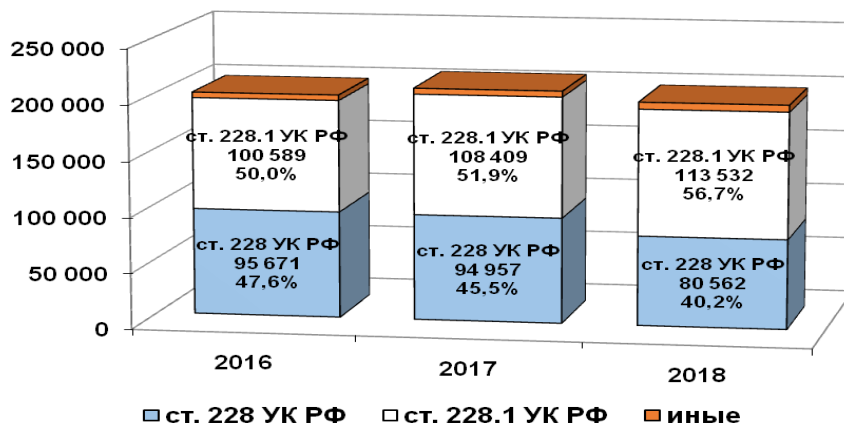

Рис. 2. Доля преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ, в структуре преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в Российской Федерации в 2016-2018 гг.

оборота наркотиков. При этом остальные составы преступлений представлены в структуре наркопреступности незначительно.

В 2018 г. количество преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ, снизилось на 15,2% — с 94 957 до 80 562 преступлений. Удельный вес таких преступлений в структуре преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в 2018 г. составляет 40,2%, что меньше показателя 2017 г. на 5,3% (45,5% в 2017 г., 47,6% в 2016 г. и 46,0% в 2015 г.).

Каждое третье (34,2%) такое преступление было выявлено в девяти субъектах Российской Федерации: Краснодарском крае — 4685 (5,8%), г. Санкт-Петербурге — 4235 (5,3%), г. Москве — 3760 (4,7%), Ростовской области — 3117 (3,9%), Московской области — 2891 (3,6%), Приморском крае — 2499 (3,1%), Челябинской области — 2352 (2,9%), Свердловской области — 2078 (2,6%) и Алтайском крае — 1935 (2,4%).

Уровень криминальной нагрузки на население по преступлениям, предусмотренным ст. 228 УК РФ, — 54,8 преступлений на 100 тыс. населения (64,7 в 2017 г.).

Причем в десяти субъектах Российской Федерации данный показатель настолько велик, что по нему эти регионы нарушают статистическую однородность всех субъектов России: Республика Тыва — 254,9; Еврейская автономная область — 229,0; Амурская область — 186,5; Магаданская область — 136,7; Приморский край — 130,6; Республика Бурятия — 128,0; Республика Калмыкия (Хальмг Тангч) — 126,4; Забайкальский край — 123,6; Республика Северная Осетия — Алания — 121,0; Карачаево-Черкесская республика — 108,9.

В 2018 г. количество преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, увеличилось на 4,7% с 108 409 до 113 532 преступлений. Удельный вес этих преступлений в структуре преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в 2018 г. составляет более половины — 56,7% с тенденцией к увеличению. Так, в 2017 г. он составил 51,9%; в 2016 г. — 50,0% и в 2015 г. — 51,0%.

Анализ регионального распределения по данному показателю показывает, что каждое третье (33,5%) такое преступление выявляется в шести субъектах Российской Федерации: г. Москве — 13 024 (11,5%), г. Санкт-Петербурге — 7150 (6,3%), Челябинской области — 5447 (4,8%), Московской области — 4929 (4,3%), Свердловской области — 3800 (3,3%) и Республике Башкортостан — 3656 (3,2%). Уровень криминальной нагрузки на население по преступлениям, предусмотренным ст. 228.1 УК РФ, составляет 77,3 преступлений на 100 тыс. населения, что несколько выше, чем в 2017 г. (73,8).

Следует особо отметить, что в Республике Коми данный показатель настолько велик (181,2), что по нему регион нарушает статистическую однородность всех субъектов Российской Федерации. В группе регионов с высоким уровнем криминальной нагрузки на население от рассматриваемых преступлений находится один субъект Российской Федерации — это Челябинская область, где данный показатель равен 155,9.

Кроме того, девять субъектов Российской Федерации следует отнести к группе со значением данного показателя выше среднего. Это г. Санкт-Петербург — 133,6; Ханты-Мансийский автономный округ — 124,9; Мурманская область — 124,6; Курганская область — 120,6; Оренбургская область — 120,2; Кемеровская область — 119,0; Приморский край — 114,1; Калужская область — 114,0 и Пермский край — 112,4.

Основной массив регионов Российской Федерации (54 субъекта) относятся к группе со средним значением уровня криминальной нагрузки на население по преступлениям, предусмотренным ст. 228.1 УК РФ, в диапазоне от 42,1 в Калининградской области до 104,9 в Республике Удмуртия.

Девятнадцать субъектов Российской Федерации следует отнести к группе со значением данного показателя ниже среднего: Тверская область — 40,2, Краснодарский край — 40,1, Ульяновская область — 39,9, Белгородская об-

ласть – 39,4, Республика Тыва – 39,2, Республика Алтай – 38,5, Волгоградская область – 37,4, Вологодская область – 36,9, Липецкая область – 34,1, Чукотский автономный округ – 32,4, Республика Саха (Якутия) – 32,0, Забайкальский край – 26,9, Карачаево-Черкесская республика – 20,81, Кабардино-Балкарская Республика – 20,3, Республика Ингушетия – 19,3, Республика Бурятия – 17,0, Республика Адыгея – 14,1, Республика Калмыкия – 12,3 и Республика Дагестан – 11,7.

В группе регионов с низким уровнем криминальной нагрузки на население от рассматриваемых преступлений один субъект Российской Федерации – Чеченская республика (3,27).

Сохраняются проблемы в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Особые сложности закономерно вызывают преступления, связанные со сбытом наркотиков, их производством и пересылкой. Удельный вес преступлений этого вида, уголовные дела о которых приостановлены из-за неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, от числа зарегистрированных в 2018 г. составил более половины (64,1%). Следует констатировать, что до сих пор не удалось сформировать единообразную практику возбуждения уголовных дел в отношении неустановленных сбытчиков, что является существенной проблемой реагиро-

вания на наркопреступность в целом и предполагает необходимость продолжения скоординированной межведомственной работы на данном направлении.

О сохраняющихся проблемах в организации системного противодействия наркопреступности свидетельствует тот факт, что остальные составы преступлений представлены в структуре наркопреступности незначительно. В частности, в 2018 г. доля выявленных фактов контрабанды наркотиков составляет 0,3% (630 преступлений), что на 11,4% меньше, чем в 2017 г. Чуть более половины этих преступлений (54,1%; 341) окончены расследованием, уголовные дела по ним направлены в суд. Удельный вес выявленных фактов притоносодержательства составляет 0,8% (1589 преступлений), незаконного культивирования наркосодержащих растений – 0,6% (1204 преступления).

В заключение следует еще раз подчеркнуть неоднократно высказываемый учеными-криминологами тезис о том, что повышению эффективности в противодействии наркопреступности способствует реализация принципа комплексного воздействия на все слагаемые наркопреступности.

---

¹ По репрезентативной выборке опрошены 83 сотрудника прокуратур субъектов Российской Федерации.

² URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116282> (дата обращения: 16.02.2019).

Иванов В.Е.

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ (1985–1991 гг.)

В современном мире борьбе с преступностью уделяется большое внимание как в России, так и в других развитых странах. Изучение преступности вызывается практическими потребностями предупреждения и пресечения преступлений, искоренения порождающих их причин. Анализ преступности в опреде-

ленные периоды истории помогает избежать многих ошибок в будущем.

Социальное самочувствие жителей Приморья в перестроечные годы было особенно сложным. Одним из факторов роста неудовлетворенности стало распространение преступлений. Особенно быстро увеличивалось количество

убийств, покушений на убийство, нанесений тяжких телесных повреждений и изнасилований. В 1989 г. СССР занимал 6 место в мире по умышленным убийствам, смертность от убийств составляла 12,4 на 100 тыс. жителей, в РСФСР — 13,8. Для сравнения: во Франции этот показатель равнялся 1,1, в Германии — 1,0, в Англии — 1,04. Даже в Северной Ирландии, где в те годы шли кровавые столкновения, индекс количества убийств был почти в 3 раза ниже (4,72), чем в среднем по СССР. Хотя антиалкогольная кампания 1985-1987 гг. и дала ощутимые результаты (за 3 года количество преступлений снизилось почти на 60%, в том числе убийств, покушений на убийство, телесных повреждений, изнасилований стало меньше на 28,6%), с ее окончанием преступность вновь начала расти, в Приморье с 1987 по 1991 гг. она увеличилась в 5,5 раза.¹

Специфика противодействия преступности в крае состояла в том, что в 1985-1991 гг. преступность преимущественно складывалась под влиянием антиалкогольной кампании. Усиление антиалкогольного законодательства положительно сказалось на криминальной обстановке в стране в целом и в регионе в частности. В СССР с 1985 г. по 1987 г. количество преступлений по линии уголовного розыска сократилось почти в 1,5 раза, а «пьяная» преступность — на 37,5%. Аналогичная картина была и в Приморском крае. Так, в 1985 г. по сравнению с 1984 г. количество зарегистрированных убийств в Приморье снизилось на 2,7%.

Однако успех был временным. К концу перестройки руководство государства оказалось неспособно противостоять не только отдельным видам преступлений, но и преступности в целом.²

Чем же вызвано данное явление? А дело в том, что порожденный в период застоя правовой нигилизм, взгляд на право, как на инструмент принуждения, запрета, вольное обращение с законом, накопившиеся проблемы в экономике и социальной сфере привели ко многим последствиям. В то же время широко-масштабные политические, экономиче-

ские, социальные мероприятия, проводимые в период «перестройки», остались по существу не реализованными. Также не стоит забывать и тот факт, что на Дальнем Востоке, в том числе и в Приморском крае, было сосредоточено большое количество исправительных учреждений. Все эти процессы усложняли оперативную обстановку в крае. И, как следствие, только за 1989 г. в крае совершены свыше 26 тысяч преступлений, или на 11,8% больше, чем ранее. Из общего числа совершенных правонарушений почти 16 тысяч, или 60%, — это корыстные посягательства, в частности, были обворованы 3,5 тысячи квартир. Почти 80% лиц, совершивших преступление, были членами конкретных трудовых коллективов.³

Также повышался уровень преступности среди несовершеннолетних. За девять месяцев 1990 г. преступность среди несовершеннолетних возросла: в Кавалеровском и Спасском районах — в два раза, в Красноармейском — более чем в три раза.

По данным правоохранительных органов края, в 1988 г. в приемники-распределители были доставлены 1317 несовершеннолетних беспризорных, в 1989 г. — 1545.

Можно назвать много факторов, способствовавших росту детской преступности: неполные семьи, социальная незащищенность матерей-одиночек, алкоголизм, наркомания. Но главная причина в другом: в пылу политической борьбы и в наступившем политическом и экономическом хаосе дети оказались никому не нужны.⁴

В период «перестройки» процветает черный рынок и теневая экономика, вызванные дефицитом товаров народного потребления. Попыткой борьбы с таким видом преступности стали законы «О государственном предприятии» (1987 г.) и «О кооперации» (1988 г.).

По мнению разработчиков, эти законы должны были сделать сбыт продукции легальным и привести к сокращению издержек. Но на практике произошло обратное: образовалась благоприятная среда для дальнейшего усиления

ния позиций теневого сектора и, следовательно, дальнейшего роста корыстных, хозяйственно-корыстных и должностных преступлений в сфере экономики.

Легальность кооперативов и частной инициативы вместо снижения количества экономических преступлений привела к обратному результату. Вал таких преступлений в регионе продолжал нарастать. Только за 1989 г. их увеличение составило 5%⁵.

В середине 1980-х гг. власть и общество начали осознавать наступление новой угрозы социальной стабильности и общественному порядку: стало наблюдаться увеличение численности людей, употреблявших и производивших наркотические средства. Это опасное явление быстро распространялось по всем регионам страны.⁶

Начиная с 1987 г. уровень наркотизации населения в Приморском крае превышал аналогичные показатели по России в 3-4 раза, В 1990 г. в Приморье возбуждены 732 уголовных дела, в 1991 г. – 766.

В борьбе с этим явлением власти использовали те же методы, что и в борьбе с алкоголизмом, – привлечение к административной и уголовной ответственности и принудительное лечение. Причем лечение осужденных было обязательным и проводилось в специальных колониях.

Однако, несмотря на увеличение количества наркоманов в регионе, число привлеченных к уголовной ответственности снижалось. Органы правопорядка оказались не в силах противостоять столь широкомасштабному и губительному явлению. Завершающим актом в борьбе с распространением наркомании стало создание в 1991 г. в системе органов внутренних дел самостоятельной службы противодействия незаконному обороту наркотиков.

Рост преступности заставлял руководство страны искать новые пути и методы борьбы, которые фактически являлись повторением прошлого советского опыта. Правда, политическое руководство отреагировало на напряженную ситуацию созданием новых сило-

вых подразделений. В 1987 г. были организованы подразделения специального назначения (спецназ). В октябре 1988 г. в структуре МВД СССР создали отряды милиции особого назначения (ОМОН), на которые возлагались задачи по охране общественного порядка, когда проводились общественно-политические, спортивные, культурно-зрелищные или другие мероприятия. Они должны были действовать и во время стихийных бедствий, эпидемий, крупных производственных аварий, катастроф и других чрезвычайных обстоятельств, предупреждать причины групповых нарушений общественного порядка, массовых беспорядков, участвовать в мероприятиях по задержанию вооруженных преступников.

Таким образом, период с 1985 по 1991 годы характеризуется значительным повышением уровня преступности в Приморском крае. Политика гласности вынесла на повестку дня такие виды преступности, как наркомания и организованная преступность (до этого неизвестные широкой общественности). Если говорить о противодействии преступности, то она велась в основном старыми бюрократическими методами, например путем создания новых ведомств.

---

¹ Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг. // История Дальнего Востока России / под общ. ред. В.Л. Ларина ; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2016. Т. 3. Кн. 5 С. 856.

² Там же. С. 859.

³ Красное знамя. 1989. 2 февраля.

⁴ Красное знамя. 1990. 21 октября.

⁵ Крушанова Л.А. Экономическая преступность в России и ее проявления на Дальнем Востоке (1985-1991 гг.) // В зеркале перестройки: к осмыслению российской трансформации : сборник научных статей. Владивосток, 2015. С. 172.

⁶ См.: Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI вв.). Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации / А.С. Ващук [и др.]. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 256; Вачаев Н.А., Вихляева Г.Н., Шабельникова Н.А. Состояние криминогенной обстановки в Приморском крае и особенности предупреждения региональной преступности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в

Сибирском регионе : материалы международной научно-практической конференции (Красноярск, 5-6 февраля 2004 г.) / Сибирский юриди-

ческий институт МВД России ; отв. ред. В.И. Горобцов. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2004. Ч. 1. С. 292-295.

Середа И.М.,

доктор юридических наук, профессор
Иркутский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Качурова Е.С.,

кандидат юридических наук
Иркутский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

О НЕОБХОДИМОСТИ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Борьба с преступностью всегда была и остается стратегической задачей государства. Одним из наиболее важных показателей оценки эффективности правоохранительных органов является возможность противодействия преступности и удержание ее на минимальном уровне. Обнадеживающая тенденция снижения уровня насильственных преступлений в большинстве развитых стран мира не обошла и Россию, где также зафиксировано снижение статистических показателей зарегистрированной преступности. Однако причины позитивных изменений никак не связаны с увеличением социальной ответственности граждан или умением противостоять преступнику в криминальной ситуации. Скорее, процесс коррелирует с понижением агрессивности человека в целом – отсутствие войн, размеренный образ жизни, низкая физическая активность. Возможно, снижение связано с длительностью сроков отбывания наказания и изоляцией осужденных за тяжкие преступления. Однако в век инноваций и современных технологий в мире, где человек вынужден искать новые способы заработка и источники получения доходов, преступники также перестраиваются и создают компьютерные схемы для совершения преступлений. Киберпреступность создает угрозу каж-

дому пользователю системы Интернет стать жертвой преступления.

Глобальная виктимизация современного общества ставит под угрозу безопасность государства, порождает страх граждан за основные, охраняемые законом интересы, блокирует способность сопротивляться криминальным проявлениям. В современной России сформировался значительный по численности класс граждан с низкой способностью осознавать пределы криминальной опасности и необходимости ей противостоять. Не веря в возможность изобличения преступников, граждане обреченно взирают на совершение противоправных действий, негласно становясь не только свидетелями, но и жертвами большинства преступных посягательств, сами порой обладая определенной криминальной деформацией в стремлении обогатиться любой ценой.

Данная проблема имеет сложный многоплановый характер и требует комплексного криминологического подхода к ее решению. Одним из неотъемлемых направлений такого подхода является развитие виктимологии и, как следствие, выработка виктимологических мер противодействия преступности.¹

В связи с этим изучение личности потерпевших от преступлений, их поведения в предкриминальной и крими-

нальной ситуациях, а также виктимогенных факторов, которые этому способствуют, позволит значительно повысить эффективность предупреждения преступности.

Криминологическая виктимология является одним из перспективнейших направлений развития современной криминологической науки. Необходимость рассмотрения преступности и отдельных ее видов в виктимологическом аспекте обусловлена наличием взаимосвязанных вопросов о значении и роли «жертвы» в механизме совершения преступных деяний, возможном виновном поведении потерпевших и в целом адаптационным кризисом современного общества, не способного защитить себя и свою собственность, возлагая всю ответственность на правоохранителей.

Большинство способствующих совершению преступлений детерминант при детальном рассмотрении выявляют провокационное или неосмотрительное поведение жертв преступлений. Многие граждане в России являются носителями потенциальной виктимности в силу своих личностных черт, возраста, алко-

зависимости, особенностей поведения, служебной деятельности, невнимательности и безразличия к институтам гражданского общества.

В совокупности – это проблема выработки активной социально одобряемой модели поведения, когда каждый берет на себя полномочия субъекта профилактики преступности.

При всей значимости превентивной деятельности правоохранительной системы, направленной, в основном, на изобличение и наказание виновных в совершении преступлений, представляется необходимым дополнить и разнообразить сложившуюся систему профилактики мерами, направленными на работу с реальными и потенциальными потерпевшими, а именно с теми качествами и особенностями личности жертв, которые в итоге и приводят их обладателей в криминальные ситуации.

---

¹ Репецкая А.Л., Качурова Е.С. Виктимологическая характеристика потерпевшего от насильственных преступлений, совершенных в местах лишения свободы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 2. С.17-21.

Писаревская Е.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Новокузнецкий институт (филиал)
Кемеровского государственного университета

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В криминологической науке принято выделять основные направления предупреждения рецидивной преступности несовершеннолетних. К таковым относят:

– определение и закрепление в действующем российском уголовном законодательстве эффективной системы наказаний для несовершеннолетних, а также практику назначения судами справедливого наказания, воспринимаемого несовершеннолетними осужденными в качестве наказания;

– практику исполнения наказания органами уголовно-исполнительной

системы в соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством, устранение из работы по исполнению наказаний формализма и некомпетентности;

– организацию эффективной системы административного надзора за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, контроля за лицами, отбывающими наказание, не связанное с лишением свободы, а также системы оказания социальной помощи лицам, отбывшим наказание.

Особенностью профилактики рецидивной преступности несовершеннолетних в целом, на наш взгляд, является ее реализация в рамках системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. При этом состояние криминогенной ситуации в Российской Федерации в настоящее время обуславливает необходимость интенсивного развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в целом и рецидивной преступности несовершеннолетних в частности.

В текущий момент в Российской Федерации реализуется Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 22 марта 2017 г. № 520-р. В разделе 5 Концепции обоснованно отмечается, что меры профилактического воздействия предусматривают: раннее предупреждение правонарушений, непосредственное предупреждение правонарушений и предупреждение повторных правонарушений.

При этом в плане мероприятий данной Концепции в качестве одного из основных направлений ее реализации обозначено *развитие эффективной модели системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних*. По нашему мнению, изначально вызывает вопрос корректность формулировки названия этого направления. Ведь прежде чем говорить о «развитии эффективной модели...», необходимо определиться с тем, что это за модель, а также с тем, что должно определять ее эффективность.

В рамках рассматриваемого направления Концепции предусмотрено несколько мероприятий, которые носят чисто методический характер. Тем не менее план предусматривает мероприятия по профилактике рецидивной преступности несовершеннолетних, среди которых можно назвать: разработку примерного порядка взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонару-

шений несовершеннолетних по вопросам оказания помощи в трудовом и бытовом устройстве, а также иных видов помощи несовершеннолетним, освобожденным из учреждений уголовно-исполнительной системы либо вернувшимся из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа; разработку и реализацию комплексных социально-психологических программ, направленных на реабилитацию и ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей, в том числе состоящих на учете в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Представляется, что разработка вышеперечисленного порядка и комплексных социально-педагогических программ в качестве мероприятий по созданию эффективной модели профилактики включены в план обоснованно. Однако главную проблему разработка «порядка взаимодействия» устранить не может.

Полагаем, что такой проблемой можно считать следующее: действующим федеральным законодательством вопросы оказания социальной помощи осужденным несовершеннолетним, освобожденным из воспитательных колоний, и осужденным без изоляции от общества, должным образом не урегулированы. Это направление деятельности целиком зависит от понимания проблемы на региональном уровне и желания региональных властей ею заниматься.

Однако не вызывает сомнения и мировая правоохранительная практика подтверждает тот факт, «что одним из основных условий общей профилактики повторной преступности является целенаправленная социальная опека в отношении всех категорий правонарушителей. При этом необходимо комплексное воздействие программных мероприятий, предусматривающих оказание им правовой, социальной, психолого-педагогической, медицинской и иной помощи. Президентом Российской Федерации были даны соответствующие поручения от 25 февраля 2009 г. № Пр-444 о создании системы социальной реабилитации лиц, отбывших наказание в виде лише-

ния свободы, в части разработки, принятия и реализации региональных программ. Соответствующие поручения давались и на заседаниях Правительственной комиссии, направлялись соответствующие информационные материалы об опыте работы в субъектах Российской Федерации в данном направлении»¹.

Однако, как показывает обобщение региональной профилактической практики, в ней также отсутствует единообразие. Так, «в ряде регионов Российской Федерации реализуются самостоятельные программы по социальной адаптации осужденных, а в отдельных субъектах указанные мероприятия включены в программы профилактики правонарушений и обеспечения общественного порядка»².

При этом, как отмечается в годовом отчете о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2017 г., «в рамках государственных программ субъектов Российской Федерации продолжена реализация мер по улучшению социального положения лиц, освободившихся из мест лишения свободы, их адаптации и трудоустройству, что способствовало восстановлению прав на жилье данной категории лиц. Зарегистрированы по прежнему месту жительства или обеспечены жильем 350,1 тыс. таких граждан. По информации субъектов Российской Федерации, получили рабочие места около 69,7 тыс. условно осужденных и свыше 65,5 тыс. освободившихся из мест лишения свободы»³.

Отметим, что на территории ряда субъектов Российской Федерации приняты и действуют региональные законы, нормативные правовые акты, многочисленные межведомственные положения, направленные на осуществление мер по защите, восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, в том числе осужденных несовершеннолетних, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы, и несовершеннолетних, освобождающихся из мест лишения свободы.

Анализ ответов населения 81 субъекта Российской Федерации о мерах по

социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних позволил выявить эффективный опыт, такой как: создание межведомственных консилиумов, «Служб пробации» при межрайонных уголовно-исполнительных инспекциях области; применение технологии работы «куратор случая»; организация skype-общения воспитанников с родителями; разработка психологами по результатам диагностики несовершеннолетних осужденных рекомендаций инспекторскому составу по индивидуализации процесса исполнения наказания; работа «Школ по подготовке осужденных к освобождению»; работа Попечительских советов, общественных воспитателей, социально-психологических консультативных пунктов и т.д.⁴

Однако обратим внимание на то, что по-прежнему «вопросы соблюдения прав несовершеннолетних детей, содержащихся в местах лишения свободы, также требуют участия детского правозащитника. Актуальными для данной категории детей являются вопросы социализации после освобождения из воспитательной колонии, жилищные проблемы, так как часть из них воспитывалась в детских учреждениях»⁵. Это позволяет нам сделать следующий вывод: хотя и можно согласиться с тем, что этот пробел на федеральном уровне стремятся восполнить субъекты Российской Федерации, которые по поручению Президента РФ принимают соответствующие законы субъектов Российской Федерации, утверждают региональные программы⁶, однако этого явно недостаточно. Рамочный закон «О государственной поддержке несовершеннолетних, осужденных за совершение преступления в несовершеннолетнем возрасте, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и отбывающих наказание, не связанное с лишением свободы», необходимо принять незамедлительно. Мы видим, что в настоящее время в отдельных регионах имеется положительная практика внедрения мер социально-педагогической реабилитации осужденных несовершеннолетних, эта практика уже обобщена, выде-

лены в наибольшей степени зарекомендовавшие себя меры, которые должны найти отражение в тексте предлагаемого к принятию закона.

¹ Обзор «О ходе реализации региональных программ профилактики правонарушений в субъектах Российской Федерации». URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_text/temp/1411644152_110/1_2014_.pdf (дата обращения: 28.01.2019).

² Там же.

³ Государственная программа РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности. Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2017 год». URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> (дата обращения: 28.01.2019).

⁴ Методические рекомендации по межведомственному взаимодействию органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по вопросам оказания помощи осужденным несовершеннолетним, отбывающим наказания, не связанные с лишением свободы, и несовершеннолетним, освобождающимся из мест лишения свободы / под ред. Н.В. Сероштановой. М., 2016. С. 74.

⁵ Зябрева Л.М. О соблюдении прав и законных интересов ребенка в Новосибирской области. Новосибирск, 2017. С.115–116.

⁶ Ольховик Н.В. Рецидивная преступность условно осужденных и ее предупреждение : аналитический обзор. Томск, 2011. С. 32.

Клейменов М.П.,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

МОДЕЛИ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

С криминологической точки зрения имеет большое значение анализ угроз коррупции для национальной безопасности. М.О. Изотов справедливо полагает, что коррупция оказывает негативное влияние на систему социальных связей и отношений. Коррупционные действия при этом продолжают видоизменяться, усложняться, интегрироваться в структуру социума, а отрицательный эффект их воздействия еще интенсивнее препятствует нормальному общественному развитию. Коррупция подрывает демократические преобразования современного российского общества, приводит к резкому социальному расслоению и криминализации социума, к глубокому кризису нравственно-правового индивидуального и общественного сознания, поэтому она может быть отнесена к одному из самых опасных явлений, представляющих угрозу национальной безопасности государства.¹ Таким образом, в основу систематизации структуры коррупционной преступности могут быть положены угрозы национальной безопасности (их харак-

тер и степень). В этом отношении выделяются типы (модели) коррупционной преступности:

- приватизация (криминализация) государства;
- слияние власти и бизнеса;
- злоупотребление должностными и служебными полномочиями;
- посредничество во взяточничестве как вид криминального бизнеса;
- «Басманное правосудие».

Первая модель – *приватизация (криминализация) государства* – становится в полной мере очевидной, когда легальная власть целеустремленно и системно используется для достижения криминальных целей. Она получила свое воплощение в деле В. Гайзера – бывшего главы Республики Коми, привлеченного к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)». По данным следствия, преступное сообщество, в которое входили обвиняемые, было создано в 2006 г. Им руководили бывшие главы республики В. Гай-

зер и В. Торлопов, а также заместитель Гайзера А. Чернов и предприниматели А. Зарубин и В. Веселов. Руководители и участники сообщества совершали преступления, направленные на хищения бюджетных и внебюджетных средств, завладение высокорентабельными предприятиями региона либо установление контроля над ними с целью незаконного обогащения. В результате действий Гайзера и остальных обвиняемых (всего 16 человек) Республике Коми был причинен ущерб на сумму 3,5 млрд рублей². Общественная опасность такой модели заключается в подмене государственного управления корпоративным (мафиозно-криминальным). Происходит, по выражению В.С. Овчинского, огосударствление мафии.³ Это очень тревожная тенденция, которая имеет глобальный характер в современных условиях постмодерна: суверенное государство все чаще преобразуется в государство-корпорацию. Внутри страны такая корпорация начинает приватизировать властные функции государства, направляя их на решение в первую очередь своекорыстных задач. Соответственно отношение к занимаемой территории и населению – утилитарное. Не исключено, что корпорация-государство будет стремиться избавляться от социальных обязательств перед «нерентабельным» населением, а по возможности – и от него самого.⁴

Вторая модель – *слияние власти и бизнеса* – в качестве типичного выражения воплощена в незаконном участии в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ). Фактическая распространенность такого явления достаточно очевидна на любом уровне власти. Между тем Президент РФ В.В. Путин заявляет о необходимости жесткого разграничения власти и бизнеса. Выступая на форуме «Деловая Россия» в мае 2015 г., он отметил, что предприниматели, приходящие во власть, должны полностью отказываться от своего бизнеса, а те, кто переходит из властных структур в ряды предпринимателей, не должны создавать «запасных аэродромов».⁵

Злоупотребление должностными и служебными полномочиями. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» сказано: «обратить внимание судов на направленность уголовной ответственности за преступления против интересов государственной службы на обеспечение защиты граждан от коррупции и других общественно опасных деяний, совершенных должностными лицами по службе. Лица, злоупотребляющие должностными полномочиями либо превышающие свои должностные полномочия, посягают на регламентированную нормативными правовыми актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации, в результате чего существенно нарушаются права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства»⁶.

Однако модель злоупотребления должностными и служебными полномочиями не сводится к преступлениям, предусмотренным ст. 285 и 286 УК РФ. Она включает в себя вымогательство взятки, провокацию взятки или коммерческого подкупа, оказание покровительства предпринимателям («крышевания»), совершение сотрудниками правоохранительных органов преступных деяний с использованием служебных полномочий в интересах организованных преступных групп и преступных сообществ, иные преступления, в которых должностные и служебные полномочия используют с корыстной целью. Злободневность такой модели подтверждается словами Президента РФ В.В. Путина: «Государство должно создать равные условия для всех предпринимателей, а также стабильные законы, чтобы никто не пытался «крышевать» малый и средний бизнес и не вымогал взятки»⁷.

Посредничество во взяточничестве как вид криминального бизнеса. В послании Президента РФ Федеральному собранию Российской Федерации сказано: «Фактически сформировался и такой вид преступного промысла, как посредничество во взяточничестве. Вокруг судов и других государственных органов, все это отлично знают, вьются множество проходимцев, заверяющих, что они знают, как решить любое дело, кому и сколько для этого "занести"»⁸. «Посредничество во взяточничестве часто выступает видом криминального предпринимательства, способом обеспечения наиболее прибыльного бизнеса, разновидностью профессионального криминального менеджмента», — пишет А.И. Долгова.⁹ «Сложился слой богатых людей, делающих на посредничестве во взяточничестве (в правоохранительной деятельности, системе госзакупок, медицине, образовании и ряде других коррупционных областей) целые состояния, избравших посреднические услуги своеобразным видом бизнеса», — отмечают А.П. Кузнецов и Б.В. Сидоров.¹⁰ Таким образом, данная модель коррупции существует и требует самостоятельного анализа.

«Басманное правосудие» — понятие, введенное журналистами, которое используют для характеристики отличающейся низкой степенью независимости судебных органов в принятии решений, постановлений, удобных для властей, но идущих вразрез с законностью. Данный термин используется в юридической периодике как характеристика в целом правовой системы, обслуживающей интересы финансовой и промышленной олигархии.¹¹

Рассматриваемые модели выстроены по степени общественной опасности угроз: от большей к меньшей.

Бытовая коррупция, на наш взгляд, значимой угрозы для национальной безопасности не представляет. В то же время такой вид коррупции обладает наиболее высокими показателями уголовно-правового риска — вероятностью субъекта быть привлеченным к уголов-

ной ответственности за коррупционное правонарушение.

В частности, в уголовно-правовой практике выделяется группа «вне риска». Криминальную психологию представителей этой группы определяет осознание полной личной безнаказанности, вседозволенности. Обретение соответствующего должностного статуса обеспечивает им положение «над законом».¹² Таким образом, категория уголовно-правового риска может быть использована для дифференциации коррупционной преступности, в массиве которой выделяются виды с различными значениями уголовно-правового риска: низкими, средними и высокими. Эти значения устанавливаются при анализе как конструктивных особенностей уголовно-правовых норм антикоррупционной направленности, так и практики их применения.

¹ Изотов М.О. Коррупция в современной России: социокультурные основания и формы проявления : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2015. С. 10.

² СК установил два факта получения взяток руководством Коми почти на 200 млн рублей. URL: <http://www.tass.ru>.

³ Овчинский В.С. Российская организованная преступность (мафия) как форма организации социальной жизни. URL: <http://www.zpu-journal.ru>.

⁴ Харин А. Корпорация-государство как альтернатива современному государству // Власть. 2012. № 9. С. 76-79.

⁵ Слияние бизнеса и власти душит конкуренцию. URL: <http://www.fedpress.ru>.

⁶ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 // Российская газета. 2009. 30 окт.

⁷ Соловьева О. Президент опять призывает не кошмарить бизнес. URL: http://www.ng.ru.economics/2015-04-08/1_business.htm.

⁸ Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 30.11.2010 // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Долгова А. Проблема криминологической обусловленности уголовного законодательства о коррупционных преступлениях // Уголовное право. 2013. № 5. С. 63.

¹⁰ Кузнецов А.П., Сидоров Б.В. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления // Уголовное право /

под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан.
СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Дойников И.В. Некоторые методологические проблемы постсоветского периода российского государства и права // Административное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 68-79;

Кабышев С.В. Реализация Конституции как фактор устойчивого и прогрессивного развития страны // Lex russica. 2014. № 6. С. 666-673.

¹² Клейменов М.П. Уголовно-правовое прогнозирование : дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 1992. С. 136-137.

Рябинин Н.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ЗАПРЕТ ДАРЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ – ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ ИЛИ ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Запрет дарения предусмотрен статьей 575 ГК РФ. В содержание данной статьи включены четыре случая запрета дарения, имеющих разные задачи, функции и цели, а также адресованных особым дарителям и одаряемым.

Рассмотрим сущность и содержание гражданско-правового запрета, предусмотренного пп. 3 п. 1 ст. 575 ГК РФ, запрещающего дарение лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России (далее – должностные лица) в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Особое внимание обратим на цели законодательного закрепления, место и роль указанного запрета в противодействии коррупции в современной России.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» коррупция представляет собой системное явление, которое в законодательстве связывается со злоупотреблением служебным положением, дачей или получением взятки, злоупотреблением полномочиями, коммерческим подкупом либо иным незаконным использованием физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государ-

ства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Из приведенного легального определения коррупции видно, что безвозмездная передача (получение) имущества (дарение) должностным лицам является одним из наиболее распространенных проявлений коррупции. Подобные действия (дача и получение взятки) запрещены УК РФ, и за их совершение предусмотрена уголовная ответственность.

Гражданское законодательство содержит общее правило, согласно которому любая сделка, в том числе и дарение, совершенная с целью заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна, и в случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом (ст. 169 ГК РФ). Для чего же законодатель в ст. 575 ГК РФ еще раз предусматривает запрет дарения, в чем его регулятивный и охранительный смысл?

Для ответа на поставленный вопрос рассмотрим содержание гражданско-правового запрета дарения должностным лицам. Так, в соответствии с буквальным толкованием пп. 3 п. 1 ст. 575

ГК РФ должностные лица в процессе исполнения ими их должностных (служебных) обязанностей, а также в связи с их должностным положением запрещено дарить и принимать подарки. Согласно данному запрету одаряемым не может быть должностное лицо, если подарок связан с его профессиональной деятельностью. В содержании данного запрета имеются два исключения.

Первое исключение предусмотрено п. 2 ст. 575 ГК РФ и связано с возможностью получения должностными лицами подарков в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями. В этом случае действия должностного лица, связанные с получением подарка, регламентируются подзаконными актами:

– постановлением Правительства Российской Федерации от 9 января 2014 г. № 10 «О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации»;

– приказом МВД России от 1 июня 2017 г. № 334 «Об утверждении Порядка сообщения в системе МВД России о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением служебных (должностных) обязанностей, его сдачи, оценки и реализации (выкупа)».

Второе исключение из запрета дарения должностным лицам предусмотрено в первом абзаце п. 1 ст. 575 ГК РФ и предусматривает возможность получения должностными лицами в связи с их служебной деятельностью обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей. Учитывая, что данное исключение содержит оценочный термин «обычный» подарок и на

практике вызывает больше всего разногласий, рассмотрим его более подробно.

Сразу отметим неправильное восприятие отдельными авторами подобного исключения как возможности должностного лица получать любые подарки, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей. «Часто в массовом сознании взятка ассоциируется с денежными купюрами, однако подарок должностному лицу, от которого зависит принятие решений, также может считаться взяткой, если его стоимость превышает оговоренную законом сумму. Так, во Франции предельная стоимость подарка, который не может считаться взяткой, составляет 35 евро, в Великобритании – 140 фунтов стерлингов (250\$), в США – 50\$, в России – не должна превышать 3 тысяч рублей»¹. Указанная позиция противоречит целям гражданского, уголовного и антикоррупционного законодательства и не учитывает одну из важных составляющих рассматриваемого исключения – «обычность» подарка.

Что же представляет собой «обычный» подарок?

Частично согласимся с позицией С.А. Киракосян и А.В. Власова о том, что «под "обычным" подарком следует понимать привычный, свойственный кому-либо, всегдашний, обыкновенный, ничем не выделяющийся среди остальных подарков. ... К обычным подаркам следует относить «привычные» объекты материального мира, не изъятые и не ограниченные в обороте и в силу своей незначительности не представляющие собой особой ценности, имеющие "символическое" значение как для дарителя, так и для одаряемого и возможность в дальнейшем использовать такой подарок в личных, бытовых целях. ... Коробка конфет, букет цветов, алкогольная продукция, книги, различные сувениры ... именно эти подарки чаще всего делают благодарные пациенты и ученики своим врачам и учителям, именно ими обмениваются коммерческие организации»².

Мы полагаем, что для того чтобы признать подарок «обычным», он, с учетом сложившихся в конкретных жизненных ситуациях правил поведения

(обычаев), должен обладать следующими характеристиками.

1. «Обычные» даритель и одаряемый. «Обычность» сторон договора в данном случае предполагает наличие между ними определенного рода отношений. Доверительных, приятельских, дружеских, уважительных и иных подобных отношений, возникших в результате их взаимодействия в служебной и внеслужебной сферах жизнедеятельности. О подобных отношениях может свидетельствовать взаимность совершения дарения в отношении друг друга. Однозначно, не могут считаться «обычными» малознакомые или не знакомые ранее даритель и одаряемый. «Дарение по любому поводу подарка сторонними лицами сотруднику Следственного комитета РФ, прокурору, судье, сотруднику органов внутренних дел в связи с их служебной деятельностью во всех случаях будет являться недопустимым».³

2. «Обычные» основания дарения. К таким основаниям можно отнести как личные (день рождения, рождение ребенка, свадьба) и общепринятые (Новый год, День защитника Отечества, Международный женский день), так и служебные (День сотрудника органов внутренних дел, День юриста, научная конференция) праздники.

«Ст. 575 ГК РФ распространяется на случаи вручения подарков, связанных с исполнением должностных обязанностей, со стороны сослуживцев и коллег по службе либо руководства и коллективов организаций, учреждений и ведомств, в которых работают соответствующие государственные служащие, по поводу их юбилеев, выхода на пенсию, большого стажа работы, особые заслуги и в честь других наиболее важных событий, то есть на очень узкую сферу отношений фидуциарного характера, но не касается ситуаций дарения со стороны иных лиц».⁴

3. «Обычная» цель. Традиционная законная цель дарения – безвозмездная передача вещей, имущества и прочего в собственность одаряемому, несвязанная со встречным предоставлением от ода-

ряемого дарителю. Именно поэтому, совершая дарение, даритель не может требовать от одаряемого совершения (либо не совершения) каких-либо действий, обусловленных сделанным подарком.

«Бесспорно, в договоре дарения мотивы, как ни в каком другом гражданско-правовом договоре, имеют ключевое значение для правильности квалификации возникающих между сторонами правоотношений. Мотивы в договоре имеют нравственную природу (благодарность, выражение симпатии, заботы, любви) и идеально характеризуют не только моральное, но и правовое поведение дарителя. Через оценку мотивов можно судить о действительном желании дарителя увеличить имущество одаряемого, не получая за это никаких материальных выгод, компенсации и иного встречного предоставления»⁵.

Отметим, что для признания подарка «обычным» необходимо одновременное наличие у него всех указанных выше характеристик. Несмотря на то, что на практике лишь единичные случаи дарения будут соответствовать обозначенным характеристикам (например, традиционное дарение подарков в служебном коллективе на день рождения, Новый год), мы полагаем, данная ситуация вполне логична и обоснована, если учесть, что она представляет собой исключение из общего гражданско-правового запрета.

Наличие оценочных и абстрактных характеристик в содержании рассматриваемого гражданско-правового запрета указывает на то, что при возникновении спора об «обычности» подарка лишь суд в установленном законом порядке, рассматривая вопрос о недействительности сделки дарения, исходя из условий конкретной жизненной ситуации, может признать или не признать подарок «обычным».

Относительно стоимостного ограничения подарка (тремя тысячами рублей) считаем, что подобное ограничение должно иметь место, однако в качестве альтернативы неизменной суммы мы можем предложить введение более динамичного критерия оценки стоимо-

сти, обусловленного уровнем инфляции и доходами населения в государстве (например, введение суммы, кратной величине прожиточного минимума).

Также следует отметить, что запрета принимать подарки должностным лицам не в связи с исполнением ими их должностных (служебных) обязанностей, а также не в связи с их должностным положением не существует.

На основании изложенного можно сделать вывод, что существующий в гражданско-правовом законодательстве запрет дарения (пп. 3 п. 1 ст. 575 ГК РФ), адресованный должностным лицам, имеет право на существование. Осуществляя информационную общеправовую функцию, данный запрет, в качестве основной, имеет цель разграничения правомерных действий, направленных на дарение имущества, и противоправного поведения, противо-

речащего антикоррупционному законодательству, и в, качестве исключения, допускает обусловленное объективной необходимостью и непротиворечащее антикоррупционному законодательству получение «обычных» подарков должностными лицами, исполняющими свои служебные обязанности.

¹ Полномочия органов, учреждений и организаций, осуществляющих противодействие коррупции в Российской Федерации : наглядное пособие с комментариями. М. : ВНИИ МВД России, 2018. С. 36.

² Киракосян С.А., Власова А.В. Запрет дарения и его пределы в российском гражданском праве // Юридический мир. 2016. № 7. С. 34-38.

³ Гацко М.Ф. Государственная политика в области противодействия коррупции. Ногинск, 2017. С. 51.

⁴ Корсаков К.В., Сажаева М.А. К вопросу о разграничении понятий «подарок» и «взятка» // Российская юстиция. 2018. № 2. С. 60-62.

⁵ Киракосян С.А., Власова А.В. Указ. раб. С. 34-38.

Прозументов Л.М.,

доктор юридических наук, профессор

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ПОНЯТИЕ НАРКОТИЗМА В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Понятие наркотизма в криминологической науке не получило однозначного толкования. В частности, немало исследователей отождествляют термины «наркотизм» и «наркомания».

Представляется, что данные понятия не следует отождествлять, поскольку наркомания — это прежде всего явление медицинское. Так, в ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах» указывается, что наркомания — заболевание, обусловленное зависимостью от наркотического средства или психотропного вещества. Больной наркоманией — лицо, которому по результатам медицинского освидетельствования, проведенного в соответствии с названным законом, поставлен диагноз «наркомания». В медицинской литературе наркомания рассматривается исключительно как болезнь.¹

При анализе наркомании сторонники вышеназванного подхода, как правило, не рассматривают аспекты, связанные с социально-правовой характеристикой незаконного оборота наркотиков, что является необходимым условием для познания закономерностей и сущности такого явления, как наркотизм, в целях его последующего предупреждения.

Большинство исследователей термин «наркотизм» употребляют для обозначения социального явления, связанного с умышленным потреблением наркотических средств без назначения врача, а также представляющего собой совокупность опасных для общества противоправных действий, выражающихся в незаконных операциях с наркотическими средствами (над которыми установлен специальный международный и внутригосударственный контроль).

Между тем одни исследователи, давая определение «наркотизма», отождествляют его исключительно с незаконным оборотом наркотиков.² Другие сводят наркотизм к одному из его негативных последствий – наркомании.³ Третьи – к тождественным понятиям: правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.⁴

Интересным представляется определение наркотизма, сформулированное Р.М. Булатовым и А.В. Шеслером. Исследователи акцентировали внимание на том, что наркомания – явление медицинское и представляет собой совокупность актов незаконного потребления и распространения наркотических средств.⁵ Очевидно, что в этом определении не хватает указания на немедицинский характер употребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Кроме того, в приведенном определении отсутствует указание на негативные социальные последствия наркотизма. А незаконные действия с наркотическими средствами и психотропными веществами, по существу, сведены только к их распространению.

Немало исследователей под наркотизмом понимают явление социального порядка, представляющего собой совокупность опасных для общества противоправных действий, выражающихся в умышленном потреблении наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, незаконных операциях с ними, склонение других лиц к немедицинскому употреблению этих средств, создание условий, способствующих поступлению в незаконный оборот. По нашему мнению, вряд ли уместно включать в определение условия, способствующие поступлению наркосредств в незаконный оборот. Кроме того, при таком понимании наркотизма отсутствует один из важных признаков употребления наркотиков – незаконность этих действий, которая предусмотрена ст. 6.8, 6.9.1, 6.13, 6.16, 6.16.1 КоАП РФ.

Некоторые исследователи определяют наркотизм как негативное социальное явление, поразившее различные

сферы жизни общества, отличающееся высокой степенью опасности. Содержание этого явления заключается в приобщении к потреблению наркотических средств и психотропных веществ отдельных групп населения, которое способствует заболеванию наркоманией. По мнению сторонников данной позиции, формой проявления наркотизма является совокупность связанных с наркотиками общественно опасных действий, образующих самостоятельный вид преступности, под которой понимается «наркотическая преступность»⁶. По нашему мнению, выделение только одной формы проявления наркотизма – наркотической преступности – является явно недостаточным.

Своеобразным представляется подход к определению «наркотизма» Л.И. Романовой, которая считает, что наркотизм представляет собой криминальное негативное социально-правовое и уголовно наказуемое явление, связанное с незаконным оборотом наркотиков, имеющее свои характеристики, причины и условия распространения, закономерности и особенности развития в той или иной стране либо в отдельных регионах конкретного государства в определенный исторический период.⁷ В данном подходе наркотизм рассматривается как криминальное явление. Однако отметим, что не всякий незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов влечет уголовную ответственность. Как мы уже отметили, в действующем КоАП РФ предусмотрена и административная ответственность за эти действия. В определении, предложенном Л.И. Романовой, отсутствует указание на незаконное немедицинское (т.е. без назначения врача) употребление наркотических средств. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ – это их потребление без назначения врача. Кроме того, исследователь вводит в понятие наркотизма географические особенности распространения и разви-

тия. Представляется, что эти характеристики не могут рассматриваться как сущностные, поскольку не раскрывают содержания данного явления. В более поздней работе Л.И. Романова дала другое определение понятию наркотизма: «криминальное негативное социально-правовое явление, связанное с незаконным оборотом наркотиков, имеющее свои характеристики, причины и условия возникновения и распространения, закономерности развития в той или иной стране либо в отдельных регионах конкретного государства в определенный исторический период времени»⁸. Отметим, что именно Л.И. Романова ввела в научный оборот криминологическое понятие «криминальный наркотизм», под которым понимаются преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, предусмотренные в действующем УК РФ.

По нашему мнению, под наркотизмом следует понимать общественно опасное социально-правовое явление, состоящее в незаконном немедицинском (без назначения врача) употребле-

нии наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов частью населения и в незаконном их обороте, влекущих негативные медицинские и социальные последствия.

¹ Лазарев Н.В. Общее учение о наркотиках и наркозе : пять публичных лекций. Л.: Медицина, 1958. С. 124-127; Стрельчук И.В. Клиника и лечение наркомании. М.: Медгид, 1956. С. 346-348.

² Смитиенко В.В. Преступление против здоровья населения. Омск, 1972. С. 24-25.

³ Гасанов Э.Г. Наркотизм: тенденции и меры преодоления. М. : ЮрИнфор, 1997. С. 25-26.

⁴ Панов С.Л. Криминологическая характеристика и предупреждение наркотизма среди несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск : Омская академия МВД РФ, 1998. С. 9.

⁵ Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Казань: РИЦ «Школа», 1999. С. 3.

⁶ Майоров А.А., Малинин В.Б. Наркотики: преступность и преступления. СПб.: Пресс, 2002. С. 10.

⁷ Романова Л.И. Наркомания и наркотизм. СПб.: Пресс, 2003. С. 12-13.

⁸ Криминологическая и уголовно-правовая характеристика наркотизма. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2005. С. 5-6.

Рубцова М.В.

Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Незаконный оборот наркотиков остается одной из наиболее острых проблем. В России проблема смертельно опасной зависимости разрастается в геометрической прогрессии. Так, из всего числа героиновых наркоманов 20% приходится на нашу страну, и это не самые страшные цифры. Система поставок наркотиков и сбыта до конечного потребителя в России отличается от других стран, прежде всего, дешевизной услуг. В странах Европы ни один уважающий себя наркоторговец не станет связываться с преступной деятельностью на доход менее 20% от продажи. Европейский чиновник не рискнет своей должностью, связываясь со взятками.¹

Несмотря на снижение показателей в 2016 году, обусловленное в основном организационно-штатными изменениями в структуре правоохранительных органов, осуществляющих противодействие наркопреступности, в 2017 году вновь отмечается ее рост. В сложившейся ситуации даже небольшое увеличение показателя (на 3,7%) свидетельствует об отсутствии положительной тенденции в динамике данного вида преступности и доказывает правильность вывода об уменьшении количества зарегистрированных преступлений исключительно за счет реорганизации органов ФСКН России и МВД России. Следует подчеркнуть, что увеличение

количества преступлений, связанных со сбытом наркотиков (на 8,5%), обеспечило общий рост особо тяжких преступлений в структуре преступности в 2017 году. Вместе с тем проведенные криминологические исследования показывают, что ежегодно доля сбытчиков от всех выявленных лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, не превышает одной четвертой (в 2017 г. – 18,3%). Это свидетельствует о недостатках работы правоохранительных органов, сосредоточенных в основном на выявлении наиболее простых преступлений в данной сфере. В связи с этим приоритетом в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков должна стать борьба с организованными формами наркопреступности. Статистически установлено, что около 10% всех подростков в современной России, достигшие возраста 8 лет и до 14 летнего возраста, употребляют наркотики. А среди молодежи наркоманов гораздо больше. В одной лишь студенческой среде коэффициент постоянно употребляющих наркотические средства или психотропные вещества стремится к 30%, не говоря уже обо всей молодежи. В целом по Российской Федерации наркотики употребляют не менее 10 млн человек. На долю одной лишь Москвы выпадает ужасающее число употребляющих наркотики – 350 000 человек. К тому же число наркозависимых по всей стране стремительно увеличивается. Огромную угрозу для безопасности общества представляет также и такой вид преступности, как организованная преступность. По оценкам криминологов, существенная часть организованной преступности состоит из группировок, которые объединяются по национальному признаку. Сами ученые даже склонны недооценивать криминогенное значение тех негативных факторов, которые имеют место в сфере экономики. Тем не менее несомненным остается тот факт, что за последние годы тенденция материалистического объяснения преступности значительно усиливается. У большинства жителей российского государства со-

храняется довольно стереотипное мышление относительно формы, методов и средств, которые используются правоохранительными органами страны, в том числе и теми органами, которые преимущественно занимаются профилактикой преступности. Вследствие этого, в частности, население в большинстве скептически относится к предостережениям, рекомендациям и прогнозам ученых-криминологов. У отдельных слоев населения данная методика вызывает скорее раздражение, чем восхищение.²

Сохраняются системные недостатки противодействия транснациональной организованной преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков. Незаконный оборот наркотиков остается одной из наиболее острых проблем преступности. Вследствие структурных изменений в правоохранительной сфере в 2016 году резко снизилось количество зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Если в 2015 году зарегистрированы 236 939 рассматриваемых преступлений, то в 2016 году – 201 165, что на 15,1% меньше. При этом криминологические и социологические исследования не подтверждают динамику снижения наркопреступности. Так, согласно данным опроса, проведенного ВЦИОМ, 78% россиян в настоящее время считают незаконный оборот серьезной проблемой и одобряют введение уголовной ответственности за употребление наркотиков, а более половины (52%) респондентов полагают, что в последние годы людей, употребляющих наркотики, в России стало больше. Скорее, необходимо вести речь о том, что в свете кадровых перестановок упущена из виду часть преступлений, перешедших в состав латентной преступности. Подтверждением этого тезиса можно считать увеличение количества выявленных наркопреступлений в 2017 году на 3,7% (208 681) при общем снижении преступности на 4,7%. Более того, увеличение количества преступлений, связанных со сбытом наркотиков, на 8,5% детерминирует общий рост числа особо тяжких преступлений в

структуре преступности в 2017 году. Так, из всех выявленных особо тяжких преступлений 73,9% (84 074 из 113 712) составляют особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (в 2016 г. — 71,0%, в 2015 г. — 73,4%). В структуре наркопреступности следует отметить тенденцию увеличения доли сбыта в числе выявленных преступлений. Так, по сравнению с 2016 годом на 8,5% увеличилось число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, также возрос их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 49,2% в 2016 году до 51,5% в 2017 году. Между тем из 107 446 выявленных в 2017 году преступлений данного вида расследованы лишь 26 858, что составляет четверть всего массива. Проведенный анализ показал, что в последние несколько лет почти половина зарегистрированных наркопреступлений связаны с хранением или перевозкой наркотиков без цели сбыта (45,0% — в 2017 году). Таким образом, фактически половина преступлений не относятся к организованной преступности, к уголовной ответственности привлекаются рядовые наркопотребители. Анализ статистических показателей, в том числе суммарный удельный вес групповых преступлений, связанных со сбытом наркотиков (а он не превышает половины расследованных преступлений — 41,6%), свидетельствует о системных просчетах в противодействии как организованному сбыту, так и организованной наркопреступности в целом. В частности, в 2017 году расследованы всего 624 (2,3%) преступления, совершенных в составе преступного сообщества.³

В некоторых странах с наркобизнесом пытаются бороться, вводя смертную казнь за распространение наркотических веществ. Однако стандарты гуманизма, к которым стремится наше общество, этого не позволяют. Кроме того, такой подход не предотвратит судебных ошибок, так как всегда есть

опасность, что будет убит невиновный; лучше сохранить жизни виновному, чем незаслуженно казнить невинного. Российские правоохранительные органы ежегодно арестовывают сотни мелких торговцев и самих наркоманов, изымают какую-то долю наркопоставок в страну, но глобально проблема не решена и будет нерешенной еще много лет. К тому же количество людей, страдающих от наркотической зависимости, точно так же, как и от алкоголизма, ежегодно только увеличивается. Статистические данные базируются на двух источниках: данных правоохранительных органов об изъятии запрещенных веществ и задержании наркоторговцев и показаниях медработников, занимающихся лечением наркоманов. Специалисты уверены, что статистика по стране занижена как минимум вдвое. Между тем профилактика проблемы наркомании в России является фактором, который при правильном подходе может привести к снижению количества людей, решивших попробовать наркотики. В учебных заведениях школьникам и студентам уже давно читают лекции о вреде наркотических веществ, показывают документальные и художественные фильмы, отражающие настоящую жизнь наркозависимых людей. Тем не менее подобный подход не дает совершенно никаких гарантий. Искоренять проблему наркомании возможно сегодня только совместными усилиями общества и государства. Если в будущем количество наркоманов будет увеличиваться, то это станет катастрофой для страны.

¹ URL: <http://vashnarkolog.com/narco-faq/narkomaniya-v-rossii> (дата обращения: 05.02.2019).

² URL: <http://advokat55.com/pochemu-rastet-prestupnost-v-rf-2018/> (дата обращения: 12.11.2018).

³ Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2017 год : информационно-аналитическая записка / под общ. ред. ректора Университета прокуратуры Российской Федерации докт. юрид. наук, проф. О.С. Капинус. М. : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 20, 21.

Бучаков С.А.

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Козловская М.Г.

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ,
МИГРАЦИИ И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Транснациональная организованная преступность, связанная с незаконной миграцией, выражается прежде всего в совокупности наркопреступлений (табл. 1).

Таблица 1

Структура и динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, за совершение которых осуждены в России иностранцы и лица без гражданства в 2013-2017 гг. (абс.)

Статьи УК РФ	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
228	2166	2462	2422	2094	1972
228.1	2113	1465	1425	1610	1533
228.2	0	2	0	0	0
228.3	0	1	3	1	4
228.4	0	0	0	0	1
229	5	11	4	0	4
229.1	327	282	188	164	155
230	2	1	2	0	2
232	14	30	3	30	18
233	0	1	0	0	0
Всего осужденных	140726	119181	116371	105352	103868

Как видим, преступникам-иностранцам и лицам без гражданства чаще всего вменяются три статьи УК РФ: ст. 228 «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества»; ст. 228.1 «Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества»; ст. 229.1 «Контрабанда наркотических

средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ». Особенностью рассматриваемых преступлений является более заметная активность иностранных граждан государств дальнего зарубежья (в сравнении с криминологическими группами иных преступных деяний). По всем показателям таблицы наблюдается их снижение, что вынуждает прибегнуть к более детальному анализу рассматриваемого явления (табл. 2).

Таблица 2

Структура и динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных в СФО иностранцами и лицами без гражданства, в 2013-2017 гг. (абс./%)

Преступления, совершенные	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
в составе группы	40/10,5	47/15,9	63/20,0	76/35,0	70/29,3
в составе организованной группы или ОПС	60/15,7	7/2,4	47/15,9	8/3,6	42/17,6
гражданами Азербайджана	93/24,4	46/15,6	31/9,8	17/7,8	14/5,8
гражданами Казахстана	67/17,6	65/22,1	72/22,8	51/23,5	89/37,2
гражданами Кыргызстана	34/8,9	11/3,7	25/7,9	11/5,1	9/3,7
гражданами Таджикистана	69/18,1	39/13,3	59/18,7	44/20,3	21/8,7
гражданами Узбекистана	13/3,4	40/13,6	32/10,1	16/7,4	31/12,9
гражданами Украины	13/3,4	16/5,4	18/5,7	16/7,4	34/14,2
Всего	381/100,0	294/100,0	315/100,0	217/100,0	239/100,0

При рассмотрении таблицы следует учесть, что в ней представлены не все регистрируемые показатели, а только наиболее значимые. Поэтому их сумма не будет равна 100%.

Во-первых, характерна низкая выявляемость групповой и организованной преступности незаконных мигрантов, связанной с незаконным оборотом наркотиков. Между тем, очевидно, что участие в таком обороте не может осуществляться в одиночку. Следовательно, профессионализм сотрудников, участвующих в раскрытии и расследовании наркопреступлений, не является удовлетворительным.

Во-вторых, обращает на себя внимание позитивная динамика участия в незаконном обороте наркотиков граждан Азербайджана и негативная – граждан Украины, что может быть объяснено состоянием политической и экономической ситуации в этих государствах: в одном она улучшается, а в другом ухудшается. Что касается граждан Казахстана, то их сравнительно высокая актив-

ность в рассматриваемом направлении обусловлена наличием общей границы Республики Казахстан с Российской Федерацией, которая плохо оборудована.¹

Участие незаконных мигрантов в наркотрафике известно давно и наблюдается во всем мире.² С одной стороны, наркодельцы встраиваются в миграционные потоки (не случайно эти потоки часто совпадают). При этом мигранты используются как для транспортировки наркотических средств, так и для создания новых зон их распространения. С другой стороны, мигранты – это «пушечное мясо» для наркоторговцев: в мире очень много нищих людей, готовых рисковать за относительно небольшие деньги, соглашаясь принять участие в наркотрафике.

¹ Калиновский И. Груз под рентген // Рос газета. 2007. 15 мая.

² Migrants in Bulgaria: Riots, Drug Trafficking and Deportation. URL: <http://www.gatesofvienna.net>; Mexico on Drug Trafficking and Migrant Smuggling Essay. URL: <http://www.graduateway.com>.

Берестов А.А.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ,
СВЯЗАННОЙ С ХИЩЕНИЕМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Характеристика преступности, связанной с хищением наркотических средств и психотропных веществ, несомненно, связана с обращением к общественной опасности данной преступности, которая рассматривается в качестве основной предпосылки криминализации.¹ Общественная опасность в уголовно-правовой науке рассмотрена в качестве механизма теории криминализации. Такая позиция была высказана Г.А. Злобиным, который стержнем теории криминализации видит способ, механизм, с помощью которого осуществляется «перелив» общественной опасности в нормы уголовного права.²

Общественную опасность хищения наркотических средств и психотропных веществ, безусловно, необходимо рассматривать в качестве основного фактора установления уголовно-правового запрета. В подтверждение этого наиболее убедительна, на наш взгляд, позиция А.И. Марцева: «Общественная опасность первична по отношению к признаку формальной запрещенности преступления, а признак запрещенности, в свою очередь, вторичен по отношению к общественной опасности»³.

Общественную опасность можно определить как свойство каждого преступления в отдельности и всех преступлений, вместе взятых, производить в обществе существенные отрицательные социальные изменения. Общественную опасность хищения наркотических средств и психотропных можно проанализировать через вредоносность и прецедентность⁴, через содержание юридических признаков, входящих в составы преступлений, предусмотренных ст. 229 УК РФ, а также через ряд других факторов. Проанализируем факторы, образующие общественную опасность.

Вредоносность любого преступления заключается в его способности по-

рождать негативные для общества последствия.⁵ Вредоносность наркопреступности указывает на способность преступления порождать социально негативные последствия и определяется тем, что наносит реальный вред отношениям, обеспечивающие национальную безопасность и здоровье населения.⁶

Вредоносность возможно рассмотреть через три аспекта: медицинский, социальный и психологический.

Медицинский аспект вредоносности заключается в таком последствии, как наркомания – заболевание, которое влечет целый комплекс негативных изменений в организме человека: истощение нервной системы, ослабление и потерю иммунитета, утрату половых функций, нарушение обмена веществ, преждевременное старение организма, психические аномалии, рождение неполноценных детей, общее ухудшение генофонда нации и т.д.⁷

Начинающаяся с функциональных нарушений наркомания приобретает прочное основание. У наркомана развивается толерантность, то есть адаптация организма к наркотическим средствам, которая побуждает увеличивать дозу принимаемого вещества и переходить на более «тяжелые» наркотики. В дальнейшем развивается психическая зависимость, то есть болезненное стремление человека к постоянному употреблению наркотиков и психическая зависимость – перестройка всей жизнедеятельности в связи с систематическим употреблением наркотических средств.⁸

Все это становится причиной отравления организма и появления различных заболеваний. В настоящее время средства массовой информации выработали такое понятие, как «профессиональные» болезни наркозависимых. В первую очередь к таким болезням относится СПИД. Это смертельно опасная

инфекция — каждый второй больной умирает в течение года, максимальная продолжительность жизни наркомана при этом заболевании составляет 5-7 лет. Это вполне понятно, ведь групповое применение нестерилизованных шприцев и игл к ним, а также введение наркотика через недезинфицированную кожу, использование для введения нестерильного продукта, часто получаемого из загрязненных полуфабрикатов, — все это чревато заражением не только вирусом СПИДа, но и возбудителями других заболеваний (сифилиса, вирусного гепатита, гноеродных инфекций).⁹

Социальный аспект вредоносности заключается в самых разнообразных последствиях, которые наступают для общества. Подавляющее большинство наркоманов — это люди в социально активном возрасте, которые теряют способности к позитивной деятельности (создание семьи, служба в Вооруженных силах, производственная деятельность).¹⁰ Наркоманы пытаются доказать нормальность своего образа жизни, активно его пропагандируют, чем способствуют расширенному воспроизводству многочисленной социальной среды себе подобных. Для данной категории людей нет понятий добра и зла, справедливость утрачивает свою сущность, наркоман готов идти на любую ложь, его поведение в состоянии наркотической зависимости в большей степени обусловлено наркотическими интересами, в меньшей — нравственными критериями. Содержание и направленность наркоманской субкультуры позволяют говорить о ней как об антисистеме и явлении крайне негативном.¹¹

Психологический аспект общественной опасности наркопреступности связан с ведением наркоманом дезадаптивного образа жизни. Происходит разрушение естественных механизмов оценки личностью окружающего мира, а также моральная и физическая деградация личности. Последствия употребления наркотиков приводит к усилению пассивности, лени, безразличию к своему внешнему виду, к бесплодному фантазированию, к прогрессирующему

снижению умственных способностей, к общему безволию и апатии.¹²

Прецедентность наркопреступности — источник, который, в свою очередь, выступает в роли причины совершения новых общественно опасных деяний: «преступность сама в определенной мере создает почву, на которой вырастают ее новые побеги»¹³.

Прецедентность преступности, связанной с хищением наркотических средств и психотропных веществ, свидетельствует об угрозе совершения данных преступлений в будущем и обладает свойством человеческой практики, способностью к повторяемости.¹⁴

Так, в 2012 г. были зарегистрированы 219 000 наркопреступлений, в 2013 г. — 231 500, в 2014 г. — 254 700, в 2015 г. — 236 900, в 2016 г. — 201 200, а в 2017 г. — 208 700.¹⁵

Хищения наркотических средств и психотропных веществ опасны не только потому, что в результате них у виновного появляется наркотическое средство и возможность его потребления в будущем не только им самим, но и иными лицами под влиянием распространенности в определенной социальной среде. В юридической литературе обращено внимание на то, что каждый наркоман в течение года приобщает к этому пороку более 15 человек.¹⁶

Полагаем, что общественная опасность наркопреступности не может ограничиваться только вредоносностью и прецедентностью, поскольку в качестве социальных последствий выступают и психологические последствия.

Негативная динамика наркопреступности приводит к тому, что у населения появляется обостренное чувство страха, а это, несомненно, вносит изменения и в условия жизнедеятельности общества. Приведенное суждение убедительно доказано в работах А.И. Марцева: «Именно общественная опасность заставляет людей прятаться в социальный панцирь, чтобы не подвергнуться преступному посягательству»¹⁷.

Психологические последствия наркопреступности оказывают ощутимое негативное морально-психологическое

воздействие на граждан, порождают беспокойство и неуверенность в будущем. Как следствие этого появляется неверие людей в способность государства защитить своих граждан.

Подводя итог, следует отметить, что общественная опасность хищений наркотических средств и психотропных веществ характеризуется вредноносностью (способность преступления порождать социально негативные последствия), прецедентностью (возможность дальнейшего существования наркотизма в стране и поддержание его развития) и психологическими последствиями (страх населения, переживание).

¹ Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 49.

² Злобин Г.А. Основания уголовно-правового запрета. М., 1982. С. 203.

³ Марцев А.И. Некоторые вопросы методологии уголовно-правовых исследований // Актуальные проблемы теории уголовного права и правоприменительной практики. Красноярск, 1997. С. 5.

⁴ Шеслер А.В., Мальков С.М. Уголовно-правовая политика и ее реализация. Красноярск, 2002. С. 20-21.

⁵ Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть. М., 1996. С. 118, 163.

⁶ Шеслер А.В. Криминологические аспекты групповой преступности. Красноярск, 1999. С. 16.

⁷ Третьяк Н.А. Медицинские аспекты наркомании. Хабаровск, 2001. С. 74.

⁸ Там же. С. 88.

⁹ Батлер У.Э. Наркотики и ВИЧ/СПИД в России: правовое положение программ снижения вреда в России. М., 2006. С. 10.

¹⁰ Мальков С.М. Уголовная ответственность за дезертирство. Красноярск, 2010. С. 10-12.

¹¹ Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / под ред. С.Г. Березина, К.С. Лисецкого. М., 2001. С. 8.

¹² Коркина М.В., Лакосина Н.Д., Личко А.Е. Психиатрия : учебник. М., 1995. С. 225.

¹³ Бабаев М.М. Социальные последствия преступности. М., 1982. С. 49.

¹⁴ Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты : дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 27-30.

¹⁵ Основные показатели по преступности // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo.

¹⁶ Шеслер А.В., Жалыбин В.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Тюмень, 2006. С. 50.

¹⁷ Марцев А.И. Преступление как социальное явление // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Красноярск, 1998. С. 6.

Басова Ю.Ю.,

кандидат юридических наук, доцент

Крымский юридический институт (филиала)

Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Симферополь)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ПЕРЕЧНЯ УГРОЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Важную роль для практической деятельности субъектов обеспечения общественной безопасности играет определение классификации угроз общественной безопасности, которая позволяет, во-первых, более детально охарактеризовать данные угрозы, во-вторых, понять их содержание и, в-третьих, улучшить реализацию мер (организационного, финансового, кадрового, материально-технического характера и т.п.) в сфере ликвидации их негативных последствий.¹

Угрозы для общественной безопасности очень разнообразны и возникают почти во всех сферах жизнедеятельности общества. Однако заметим, что одним из дискуссионных вопросов в юридической науке является формирование полного перечня угроз общественной безопасности.² Размышляя над данной проблематикой, поставим такой вопрос: «Возможно ли создать такой перечень угроз?» Отметим, что Д.Н. Бахрах, С.Д. Хазанов еще в 1992 году задавали аналогичный вопрос только в отноше-

нии формирования перечня оснований введения чрезвычайного положения.³ А.В. Басов, продолжая исследования указанных ученых, также анализировал основания введения чрезвычайного положения.⁴

Отметим, что в международной практике нет единого подхода относительно перечня явлений, создающих угрозу обеспечению безопасности государства, в частности общественной безопасности. Ученые и практики постоянно ведут спор относительно разработки перечня данных угроз. Одни указывают на необходимость разработки и утверждения расширенного перечня обстоятельств, поэтому здесь можно обойтись общими формулировками, такими как нарушение нормальной деятельности органов государственной власти, необходимость восстановления конституционного правопорядка, массовый переход государственной границы с территорий сопредельных стран, совершение массовых террористических актов, повлекших значительную гибель людей, возникновение угрожающих явлений техногенного или природного характера и т.д.

Другие обосновывают необходимость разработки и закрепления исчерпывающего перечня угроз. Сторонники указанной позиции указывают, что закрепление такого перечня позволит ограничить возможность использования должностным лицом административного усмотрения, не допустить свободного толкования норм закона, которые определяют основания введения чрезвычайных административно-правовых режимов, для оправдания введения последних.

В то же время «закрытый» или «исчерпывающий» перечень всегда рискует поставить правоприменителей в трудную ситуацию. Так, могут возникнуть чрезвычайные ситуации (далее – ЧС), а обстоятельства, которые обусловили ее возникновение, не перечислены в законодательстве. В связи с этим В.Б. Рушайло указывает, что выход из такой ситуации только один – внесение изменений в законодательство.⁵

Можно согласиться и со сторонниками исключительного (исчерпывающего) перечня обстоятельств. При подготовке законодательства по вопросам обеспечения общественной безопасности законодатель должен проанализировать историю обеспечения общественной безопасности, зарубежный опыт применения соответствующих ограничительных мер по обеспечению общественной безопасности и на основании полученной информации предусмотреть все возможные ситуации, которые могут создать реальную или потенциальную угрозу для ее обеспечения. Например, законодатель предусмотрел закрытый перечень обстоятельств, отягчающих ответственность в УК РФ и КоАП РФ. Почему бы по такому же принципу не предусмотреть все угрозы для общественной безопасности?

Мы считаем, что следует поддерживать позицию тех ученых, которые обосновывают необходимость создания открытого перечня угроз. По нашему мнению, перечень угроз общественной безопасности должен иметь рекомендательный характер. Законодатель может перечислить наиболее характерные общественные явления и обстоятельства и ЧС. А для предотвращения свободного толкования норм закона и недопущения применения административного усмотрения и злоупотреблений со стороны органов государственной власти или должностных лиц следует осуществить официальное толкование норм закона.

Анализ научной литературы⁶, правоприменительной деятельности в сфере обеспечения общественной безопасности и действующего законодательства позволяет выделить следующие группы угроз общественной безопасности.

Во-первых, угрозы общественной безопасности в политической сфере: недостатки в работе органов государственной власти по вопросам реализации государственной политики в различных сферах жизнедеятельности государства и общества; рост уровня коррупции среди должностных лиц органов государственного управления, в частности правоохранительных органов; неспо-

способность правоохранительных органов эффективно обеспечить реализацию мер по охране общественного порядка, борьбе с преступностью; неспособность отдельных звеньев к оперативному реагированию на угрозы общественной безопасности; незаконная деятельность общественных организаций (в том числе и религиозных организаций) и др.

Во-вторых, угрозы общественной безопасности в экономической сфере: ослабление системы государственного регулирования и контроля в сфере экономики; несбалансированная экономическая политика, следствием которой является снижение социальных стандартов жизни населения; нестабильность в правовом регулировании отношений в сфере экономики, что приводит к увеличению масштабов криминализации экономики; критическое состояние основных производственных фондов в ведущих отраслях промышленности, агропромышленном комплексе, системах жизнеобеспечения населения, что приводит к увеличению расходов на содержание данных объектов за счет населения; неэффективность антимонопольной политики в сфере обеспечения населения товарами первой необходимости, контроля его качества и др.

В-третьих, угрозы общественной безопасности в социальной сфере: нарушение законных прав и интересов личности во всех сферах жизнедеятельности, неспособность государства обеспечить их надежную и эффективную реализацию и защиту; низкая эффективность системы здравоохранения и социальной защиты населения; распространение наркомании, алкоголизма, «социальных болезней»; снижение возможности получения качественного образования представителями бедных слоев общества; проявление нравственной и духовной деградации общества; рост детской и подростковой безнадзорности, беспризорности, бродяжничества, рост количества проявлений фактов экстремизма и др.

В-четвертых, к угрозам общественной безопасности в техногенной сфере относятся следующие: возникновение

большого количества ЧС техногенного характера, использование во время технологического процесса большого количества морально устаревшего и неисправного оборудования, несвоевременный ремонт и модернизация производственного оборудования, несоблюдение технологических стандартов и норм в ходе производственного процесса; нарушение правил хранения и перевозки опасных грузов, как следствие – возникновение ЧС техногенного характера, гибель и травмирование населения, а также использование значительных финансовых ресурсов для преодоления последствий такой ситуации; нарушение проектной документации при строительстве промышленных и жилых помещений и др.

В-пятых, к угрозе общественной безопасности в экологической сфере можно отнести следующие: значительное антропогенное нарушение и техногенная перегруженность территории Российской Федерации, увеличение рисков возникновения ЧС техногенного и природного характера; нерациональное использование сырьевых природных ресурсов; неразрешенность негативных социально-экологических последствий Чернобыльской катастрофы; ухудшение экологического состояния водных бассейнов, обострение проблемы трансграничных загрязнений и снижение качества воды; обострение техногенного состояния гидротехнических сооружений каскада водохранилищ; неконтролируемый ввоз в Российскую Федерацию экологически опасных технологий, веществ, материалов и трансгенных растений, возбудителей болезней, опасных для людей, животных, растений и организмов, экологически необоснованное использование генетически измененных растений, организмов, веществ и производных продуктов; опасность техногенного, в том числе ядерного и биологического, терроризма; устарелость и недостаточная эффективность комплексов по утилизации токсичных и экологически опасных отходов и т.д. Необходимо отметить, что экологические угрозы общественной

безопасности возникают в связи с обострением противоречий между развитием производства, технологий и необходимостью сохранения пригодной среды для проживания общества.

Отметим, что, несмотря на быстрые темпы глобализации отношений между государствами, а следовательно, и появление новых угроз для общественной безопасности, главная угроза ее обеспечения находится внутри государства, а именно: внутренние проблемы социально-экономического, политического, миграционного, техногенного и природного характера. Следует отметить, что к указанным выше угрозам общественной безопасности относятся не только ЧС, но и другие негативные явления, которые, к сожалению, в законодательстве четко не определены, но создают угрозу для ее обеспечения.

¹ Басова Ю.Ю. Теоретические аспекты и правовые подходы к определению понятия общественной безопасности // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 36-42; Ба-

сова Ю.Ю. К вопросу о системе общественной безопасности // Проблемы обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности в современных условиях : сборник материалов научно-практической конференции (г. Симферополь, 22 сентября 2016 г.) / под общ. ред. Н.Н. Колюки. Симферополь : Ариал, 2016. С. 224-230.

² Басова Ю.Ю. К вопросу о системе общественной безопасности // Успехи современной науки и образования. 2017. № 3. Т. 5. С. 145-150.

³ Бахрах Д.Н., Хазанов С.Д. Правовой режим чрезвычайного положения. Екатеринбург: Свердловский юридический институт, 1992. С. 14.

⁴ Басов А.В. Административно-правовой режим надзвичайного стану : дис. ... канд. юрид. наук. Х., 2006. С. 83-89.

⁵ Там же. С. 83-89; Рушайло В.Б. Административно-правовые режимы : монография. М. : Цит-М, 2000. С. 60.

⁶ Рушайло В.Б. Указ. раб.; Гушин В.В. Правовые и организационные основы обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации при чрезвычайных ситуациях : дис. ... докт. юрид. наук. М., 1998. Давитадзе М.Д. Теоретические, организационные и правовые основы деятельности органов внутренних дел в условиях межнациональных конфликтов : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000.

Бочарникова Л.Н.,

кандидат юридических наук, доцент

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Лебеденко К.Е.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

ИЗГОТОВЛЕНИЕ, ХРАНЕНИЕ, ПЕРЕВОЗКА ИЛИ СБЫТ ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕГ ИЛИ ЦЕННЫХ БУМАГ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Экономическая система страны для качественной реализации государственных интересов нуждается в экономической безопасности. Именно экономика, на наш взгляд, является движущей силой государства, так как экономическая составляющая страны и есть надежный фундамент каждого политического образования. Однако на данную, наиболее важную систему приходится большая доля посягательств со стороны организаций и других стран. Эта своеобразная «ахиллесова пята» и создает некоторые угрозы экономической безопасности.

При описании такого явления, как экономическая безопасность, следует уделить внимание определению данного понятия. В Указе Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» определяется, что «экономическая безопасность» — состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации

стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. В свою очередь, «угроза экономической безопасности» – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере.¹

Непосредственную угрозу экономической безопасности представляют экономические преступления. Содержащиеся в УК РФ нормы об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности ориентированы на защиту свободы предпринимательской деятельности и разнообразие ее организационно-правовых форм, защиту предпринимательства от недобросовестной конкуренции и монополизма, охрану прав потребителей товаров и услуг, защиту финансовых интересов государства. Преступлениями в сфере экономической деятельности являются предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, складывающиеся по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг.

Ниже представлена динамика экономических преступлений за период с 2011 по 2017 годы.²

На представленной диаграмме видно, что совершение экономических преступлений значительно сократилось.

Однако для российского государства данная статистика не является утешительной и представляет большую угрозу экономической безопасности.

Одним из наиболее опасных экономических преступлений, рассматриваемым нами, является изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ).

Предметом данного преступления являются поддельные деньги и ценные бумаги. Преступление считается оконченным, если с целью сбыта изготовлен хотя бы один денежный знак или ценная бумага.

«Сбыт поддельных денег или ценных бумаг состоит в использовании их в качестве средства платежа при оплате товаров и услуг, размене, дарении, даче взаймы, продаже. Уголовной ответственности за сбыт поддельных денег, ценных бумаг и иностранной валюты подлежат не только лица, занимающиеся их изготовлением или сбытом, но и лица, в силу стечения обстоятельств ставшие обладателями поддельных денег или ценных бумаг, сознающее это и, тем не менее, использующие их как подлинные»³.

За январь-август 2018 года правоохранительными органами выявлены 13 886 преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ.⁴

За 2017 год в банковской системе России были обнаружены 45 313 под-

дельных денежных знака Банка России, тогда как годом ранее – 61 046. Такие данные приводит Центральный банк Российской Федерации, отмечая, что за прошедший год количество подделок снизилось на 25%. За первые три месяца 2018 года в банковской системе России были обнаружены 8418 поддельных денежных знаков Банка России, что почти на треть меньше, чем за аналогичный период 2017 года (12 447). Среди выявленных за I квартал 2018 года подделок больше всего пятидесятирублевых банкнот (5743), далее идут поддельные банкноты номиналом 1 тысяча рублей (2428). Меньше всего выявлено поддельных банкнот номиналом 10 рублей (одна). Кроме того, были выявлены пять поддельных монет номиналом 10 рублей, 21 поддельная монета номиналом 5 рублей и одна поддельная монета номиналом 2 рубля.

Поддельных банкнот иностранных государств за I квартал 2018 года было выявлено 869 штук. Из них в январе – 586 подделок, в феврале и марте – 178 и 105 соответственно. Подавляющее большинство поддельных банкнот (815) составили доллары США. Также были обнаружены поддельные евро (50 банкнот) и китайские юани (четыре купюры).

Прежде всего, фальшивомонетничество с негативной стороны влияет на уровень инфляции и ведет к обесцениванию денег, что порождает повышение цен и причиняет вред финансовой системе страны, а в некоторых случаях

может привести к дефолту государств и отдельных субъектов.

Раскрытие и расследование этого вида преступлений относится к числу наиболее сложных, так как такого рода преступления совершаются, как правило, организованными преступными группами, а применение высокотехнологичных технических средств затрудняет выявление поддельных денежных знаков в обороте. В основном поступление в Российскую Федерацию поддельных денег происходит из других государств, и выявить точку их отправки в страну невозможно, так как их дальнейшим распространением занимаются преступники-одиночки, лица, сотрудничающие с преступными группами по договору.

Выявленные факты фальшивомонетничества подрывают экономические и финансовые основы страны. При этом зачастую уголовной ответственности подлежат сбытчики поддельных денег, тогда как изготовители остаются в тени.

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 13.05.2018 № 208.

² Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/>.

³ О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 (ред. от 06.02.2007).

⁴ По данным официального сайта МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/14468708/>.

Мартыненко С.В.

Центр по противодействию экстремизму
Главного управления МВД России по Красноярскому краю

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ЕЕ ПРОФИЛАКТИКА

В настоящее время проблема борьбы с экстремистскими проявлениями среди населения различных стран, в том числе Российской Федерации, становится все более актуальной.¹ Начиная с 2000-х годов борьба с экстремизмом в

России находится в приоритете среди задач, связанных с обеспечением безопасности законности конституционного строя и безопасности территориальной целостности, а также общественного спокойствия населения, функции по

обеспечению которых ложатся на правоохранительные органы и органы местного самоуправления.

Подтверждением может послужить Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в котором в первую очередь дается понятие экстремистской деятельности (экстремизму), а также определяются правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности и устанавливается ответственность за ее осуществление.

Сложившаяся ситуация означает, что действующая в стране система противодействия преступности становится эффективнее. Вместе с тем она оказалась не в полной мере готова к новым угрозам, которые несет в себе преступность в современный период.²

Законодатель определяет основные задачи в борьбе с экстремизмом: профилактика, предупреждение, пресечение, выявление и раскрытие правонарушений и преступлений экстремистской направленности, но по причине прогрессивной изменчивости личностей их совершаемых, а также способов и разновидностей правонарушений и преступлений экстремистской направленности, указанные задачи являются разносторонними и трудновыполнимыми. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что отсутствует «шаблон», по которому зачастую действуют сотрудники правоохранительных органов, осуществляя деятельность по снижению уровня преступности.

Безусловно, совершение преступлений именно экстремистской направленности прямо связано с появлением и стремительным развитием всемирной системы объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации – Интернетом. У населения появилась возможность знакомиться с новостными лентами о ситуации не только на территории субъекта проживания, но также страны и мира в целом. Помимо сбора и передачи новостного контента, Интернет обладает уникальной способностью хранить в себе иные данные, с

которыми можно ознакомиться, находясь в любой точке мира. При этом отсутствие в настоящее время надлежащего контроля, а также невозможность его осуществления в силу огромного масштаба распространения Всемирной сети и постоянной гибкости, изменчивости современных технологий не всегда позволяют увидеть объективную картину происходящего. Таким образом, потенциальные правонарушители и преступники в своих целях используют интернет-пространство, в котором в искаженном виде выкладывают информационные материалы, а зачастую и вовсе размещают лживые сведения, например об исторических событиях и происходящем в настоящем времени.

К сожалению, значительная часть населения в силу неграмотности и незнания истории своей страны, а также отсутствия действительной информации о какой-либо ситуации, происходящей в городе или регионе, поддаются провокационной информационной атаке, что в дальнейшем накапливает негатив на действующую власть и происходящие события во многих жизненно важных отраслях и сферах: медицине, образовании, экологии, политике и др., с последующим всплеском эмоций, перетекающих в реальные действия, выходящие за рамки правового закона.³

Практика показывает, что совершают правонарушения и преступления экстремистской направленности лица в возрасте от 16 до 29 лет. В соответствии с постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 1993 г. № 5090-1 «Об основных направлениях молодежной политики в Российской Федерации» к категории молодежи в России относятся граждане от 14 до 30 лет. Однако в ближайшее время по причине увеличения продолжительности жизни населения планируется закрепить нормативно-правовыми актами верхний возрастной уровень молодежи до 35 лет.

Что примечательно, результаты исследований показывают, что именно эта категория населения – молодежь – в целом аполитична. В выборах федераль-

ного уровня участвуют менее половины молодых россиян и лишь 30% молодых граждан в возрасте до 35 лет интересуются политикой. Но есть и обратная сторона: согласно изученному анализу выражение и формирование мнений, выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной, культурной жизни страны, вопросам внешней политики и информирование избирателей о своей деятельности в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования происходит по инициативе и с участием именно молодежи.

Неоднократные социологические опросы участников митингов, проводимых как по согласованию с органами местного самоуправления, так и в нарушении отдельных положений Федерального закона от 19 июля 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» показывают, что 90% респондентов из числа молодежи сообщили о том, что узнали о планируемом массовом скоплении граждан из сети Интернет и пришли принять участие по причине отсутствия занятости. Причем участников массовых скоплений граждан не пугают плохие погодные условия, не самые удобные места проведения мероприятий, и их, как правило, не интересует, кто руководит и выступает с громкоговорителем для собравшейся толпы.

Стоит согласиться с выводом о неадекватной организованности у населения проводимых досугов и свободного времени, а также отсутствием желания получать саморазвитие таких в авторитетных сферах деятельности, как образование, наука, культура, здравоохранение, спорт и иные.⁴ Эти обстоятельства также способствуют приобщению молодежи к потреблению наркотических средств или психотропных веществ, которые вызывают зависимость и причиняют физический и психический вред здоровью человека. В связи с этим устранять пробелы в организации досуга необходимо с самого юного возраста — школьного, когда у личности еще не сформировался внутренний (духовный)

мир, отсутствует взрослое понимание действительности и серьезности происходящего в окружающем социуме.

В настоящее время все чаще можно увидеть подростков, проводящих свободное время за персональными компьютерами, а не играющими на уличных площадках в контактные игры (футбол, хоккей и т.д.). Со стороны родителей отследить полностью весь сеанс посещения интернет-ресурсов практически невозможно по причине стремительного развития высокотехнологичных программ, позволяющих «взлопать» даже самые надежные настройки и пароли.

У молодежи появляется возможность погрузиться в виртуальный мир, окружающий на первый взгляд интересным и захватывающим воображением. Происходит подмена реальной действительности виртуальной, что купирует чувство самосохранения и снижает способность к адекватному поведению в социальной реальности.⁵ Сами того не подозревая, пользователи сети Интернет становятся жертвами сообществ деструктивного толка или вербовки в экстремистские организации. Многие такие подростки впоследствии сами размещают материалы экстремистской направленности по причине своей приверженности к крайним взглядам или радикальной идеологии.

Согласно ст. 21 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь, при этом повышенное внимание проявляют к отличающимся высокой степенью организованности неформальным объединениям националистов, организациям футбольных болельщиков, активно вовлекая их членов в свои ряды, провоцируя на совершение преступлений экстремистской направленности, в том числе в ходе проведения спортивных и культурных мероприятий.

Функция блокировки доступа к интернет-контенту, на котором размещена информация, запрещенная к публично-

му распространению на территории Российской Федерации, вместе с другими службами ложится на плечи МВД России, а в частности является одной из приоритетных задач Центров по противодействию экстремизму. Данное направление регламентирует Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Согласно п. 15.1 данного закона создан единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Указанный реестр периодически пополняется материалами, представленными в Роскомнадзор России правоохранительными органами.

На практике подобные материалы чаще всего встречаются в социальных сетях («ВКонтакте», «Facebook», «Одноклассники», «Twitter», «Instagram» и др.), которыми пользуется основная масса населения, в том числе молодежь. В некоторых странах, например в Китае, на государственном уровне введен запрет на пользование социальными сетями, что в какой-то мере минимизирует совершение преступлений в интернет-пространстве.

Для снижения уровня совершаемых преступлений экстремистской направленности на территории Российской Федерации необходим комплексный подход к данной проблеме, в соответствии с которым необходимо:

1) на постоянной основе проводить занятия в учебных заведениях среднего, среднего специального и высшего образования с разъяснением последствий,

наступающих за совершение экстремистских правонарушений и преступлений;

2) упростить процедуру блокировки интернет-ресурсов с сомнительным содержанием экстремистской направленности;

3) через родительское воспитание отгородить от бесконтрольного проведения времени за персональными компьютерами и лоббировать у молодежи авторитеты в основополагающих сферах деятельности;

4) через Министерство культуры и спорта Российской Федерации занять свободное досуговое время молодежи проведением культурно-массовых и спортивных мероприятий.

---

¹ Тепляшин П.В. Противодействие идеологии молодежного терроризма в информационно-телекоммуникационных сетях // Современные системы безопасности – Антитеррор : материалы конгрессной части XIII Всероссийского специализированного форума / отв. ред. С.В. Гапонов. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017. С. 226-230.

² Шеслер А.В. Уголовно-правовая политика : учебное пособие. 2-е изд. Новокузнецк, 2018. С. 78.

³ Мальков С.М., Шеслер А.В., Тепляшин П.В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политики Российской Федерации : монография. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. С. 67.

⁴ Невирко Д.Д., Рожков С.П., Мальков С.М. Преступность в Сибирском федеральном округе: общероссийские и региональные тенденции // Уголовное право. 2006. № 4. С. 118.

⁵ Тепляшин П.В. Криминологические аспекты идеологии молодежного терроризма в информационно-телекоммуникационных сетях // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы : сборник научных статей всероссийской научно-практической конференции с международным участием : в 2 ч. / под общ. ред. С.А. Куценко. Новосибирск : Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017. Ч. 1. С. 208-212.

Тесленко А.В.,

кандидат юридических наук
Управление по борьбе с картелями ФАС России,
РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ БОРЬБЫ С КАРТЕЛЯМИ (ст. 178 УК РФ)

Ежегодно Федеральная антимонопольная служба России (ФАС России) и ее территориальные органы выносят несколько сотен решений по делам о картелях, количество привлеченных к административной ответственности юридических лиц достигает полутора тысяч, а сумма административных штрафов – 3 миллиардов рублей. Несмотря на приоритетность охраны конституционно гарантированных прав и свобод, очевидную общественную опасность картельных соглашений и иных посягательств на интересы конкуренции, пристальное внимание к указанным вопросам первых лиц государства¹, а также научного сообщества несоразмерность мер противодействия картелям, предпринимаемых антимонопольным органом в административно-правовом порядке, по сравнению с уголовно-правовыми мерами остается очевидной (табл.).

При этом отсутствие практики привлечения к уголовной ответственности

по статье 178 УК РФ обусловлено, по мнению специалистов ФАС России, в частности, несовершенством формулировки диспозиции части 1 статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, некорректной с точки зрения антимонопольного законодательства. Понятие, признаки картеля, а также исчерпывающий перечень последствий установлен частью 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции и не содержит в себе признак ограничения конкуренции, вместе с тем иные антиконкурентные соглашения, установление которых требует доказывание ограничения конкуренции в настоящее время, не криминализованы. По нашему мнению, сказанное обуславливает необходимость исключения из диспозиции статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации упоминания признака ограничения конкуренции как не соответствующего антимонопольному законодательству Российской Федерации.

Таблица²

Год	Практика ФАС России		Практика МВД России	
	Принято решений о нарушении части 1 статьи 11 Федерального закона «О защите конкуренции»	Кол-во дел, возбужденных по статье 14.32 КоАП РФ	Возбуждено уголовных дел по статье 178 УК РФ	Направлено уголовных дел в суд
2011	187	1394	13	4
2012	75	1537	5	1
2013	148	1231	9	0
2014	173	1438	6	1
2015	219	1411	1	0
2016	267	1246	2	0
2017	288	1851	8	0
1 полу- годие 2018	162	512	8	1

Исполнителем (соисполнителем) исследуемого состава преступления является физическое лицо, наделенное управленческими функциями (функциями должностного лица), уполномоченное на заключение соответствующих соглашений (контрактов) от имени хозяйствующего субъекта в силу служебного положения (генеральный директор) или по специальному полномочию (иное должностное лицо, наделенное соответствующими полномочиями).³ При этом согласимся с устоявшейся в юридической литературе точкой зрения в отношении действий исполнителя (соисполнителя) ограничения конкуренции, высказанной П. С. Яни: «Содеянное всегда будет охватываться не первой, а второй частью статьи по признаку использования служебного положения»⁴. Таким образом, излишним, на наш взгляд, в ст. 178 УК РФ является такой квалифицирующий признак, как совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения.

В качестве квалифицирующего признака в ст. 178 УК РФ предлагается ввести совершение данного преступления лицом, выполняющим функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа в коммерческой или иной организации, а также лицом, распоряжающимся более чем 50% общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства).

Необходимо также отметить, что участники картеля часто обладают всеми признаками организованной группы: картель действует годами, они составляют устойчивую группу лиц, которые заранее объединяются для совершения преступления – заключения картеля и участия в нем (например, проводят встречи, на которых обсуждают условия раздела между компаниями лотов госзакупок, в которых они будут принимать участие в течение следующего года: определяют, какие лоты какая из компаний будет выигрывать, какие будут подавать

ценовые предложения при участии в торгах). Таким образом, обоснованно введение такого квалифицирующего признака, как совершение преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, организованной группой.

Криминализацию картеля и возможность привлечения к ответственности (и освобождения от ответственности) за данное преступление следует рассматривать в общем контексте системы борьбы с антиконкурентными соглашениями. Один из элементов данной системы – признанное эффективным практически во всех зарубежных юрисдикциях положение об освобождении от ответственности лица, первым сообщившего о заключении антиконкурентного соглашения. При этом цель положений об освобождении от ответственности – способствовать выявлению и раскрытию картелей, а также их разоблачению. Требование возмещения вреда для первого признавшегося в картеле в настоящее время создает правовую неопределенность для заявителя: не ясно, какой вред должен возместить явившийся с повинной участник картеля – причиненный им лично, хозяйствующим субъектом, который он представляет, или всеми компаниями, заключившими картель. В этих целях предлагается предусмотреть в примечании к статье 178 УК РФ основание освобождения от уголовной ответственности лица, первым сообщившего о преступлении, при условии, если такое лицо первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный им ущерб или иным образом загладило причиненный им вред и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

В то же время реализации принципа экономии уголовной репрессии должно служить увеличение размеров ущерба и дохода, необходимых для привлечения виновных в заключении ограничивающих конкуренцию соглашений к уголовной ответственности. Учитывая изложенные и целый ряд иных аргумен-

тов, ФАС России разработан и направлен в Правительство РФ законопроект о внесении изменений в УК РФ⁵, предусматривающий в том числе:

– приведение диспозиции ст. 178 УК РФ в соответствие с определением картеля, указанным в законе о защите конкуренции;

– закрепление отдельных, квалифицированных составов преступлений для картелей на торгах и антиконкурентных соглашений организаторов торгов и (или) заказчиков с участниками этих торгов;

– введение в уголовный закон особо квалифицированных составов в статью об ограничивающих конкуренцию соглашениях – для лиц, использующих свое положение в коммерческих и иных организациях, для участников картелей, причинивших особо крупный ущерб или позволивших извлечь доход в особо крупном размере;

– введение в уголовный закон положения о том, что лицо, первым признавшееся в заключении картеля (участии в нем), освобождается от уголовной ответственности при условии возмещения причиненного только этим лицом ущерба (или если данное лицо загладило причиненный им вред).

Полагаем, что предлагаемые меры по реформированию ст. 178 УК РФ будут способствовать гармонизации законодательства в части противодействия одной из угроз национальной безопасности и «раковой опухоли» отечественной экономики – картелям.

¹ «Более жестокого наказания, чем нарушение антимонопольного законодательства, можно было представить себе только за государственную измену и за убийство. Я хочу, чтобы все это тоже слышали» – В.В. Путин на заседании Госсовета по вопросу развития конкуренции

05.04.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57205> (дата обращения: 18.10.2018); «Нормы уголовного права должны жестко действовать в отношении преступлений против интересов граждан, общества, экономических свобод. Это посягательство на собственность и средства граждан, рейдерские захваты, нарушение конкуренции, уклонение от уплаты налогов и разворовывание бюджетных средств» – Послание Президента Федеральному Собранию 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 11.11.2018).

² По данным Управления по борьбе с картелями ФАС России.

³ В некоторых случаях исполнителем может быть признано и физическое лицо, не являющееся руководителем хозяйствующего субъекта и не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя. Так, «суды отмечают, что участники торгов должны рассматриваться в качестве хозяйствующих субъектов. Это применимо и к физическим лицам, осуществляющим профессиональную и иную деятельность, приносящую доход» (подр.: Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. М. : Юстицинформ, 2018. С. 93).

⁴ Яни П.С. Проблемы уголовно-правовой охраны экономики от недобросовестной конкуренции // Российская юстиция, 2010. № 11. С. 26.

⁵ О необходимости модернизации действующей уголовно-правовой нормы см., например: Соловьева О.А. Ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ) – миф или реальность в практике применения (теоретический аспект) // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. 2018. № 1. Т. 9. URL: brj-bguer.ru (дата обращения: 20.10.2018); Журавлев С.Ю., Малютина О.А. Некоторые аспекты выявления и раскрытия картельных соглашений // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1. С. 35; Шишко И.В., Деревягина О.Е. Преступное ограничение конкуренции (часть 1 статьи 178 УК РФ): признаки объективной стороны // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 558; Артюшенко Д.В. Комментарий к статье «Проблемы расследования преступлений, предусмотренных статьей 178 «Ограничение конкуренции» Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российское конкурентное право и политика. 2018. № 13. С.68-70.

Пестерева Ю.С.,

кандидат юридических наук, доцент
Омская юридическая академия (г. Омск)

Чекмезова Е.И.,

кандидат юридических наук, доцент
Омская юридическая академия

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИСТЯЗАНИЙ НА ЛИЧНОСТНО-МИКРОСРЕДОВОМ УРОВНЕ

Проблема предупреждения преступности является одной из ключевых в мировой криминологической теории и имеет давнюю историю.

Не вдаваясь в теоретические и понятийные дискуссии, мы рассмотрим предупреждение истязаний на личностно-микросредовом уровне. Здесь можно выделить несколько направлений. Установлено, что в подавляющем большинстве случаев совершению преступлений предшествовал конфликт, средняя продолжительность которого составила 1,5 года.¹ Естественно, что в течение такого продолжительного периода времени конфликт не мог не проявляться вовне и оставаться незаметным для окружающих, в первую очередь для лиц, обязанных осуществлять раннюю профилактику. Значительное число потерпевших (около 37%) обращались в органы полиции в связи с аморальным или противоправным поведением виновных, однако эффективные меры воздействия, как правило, не принимались, что способствовало ухудшению взаимоотношений между виновным и потерпевшим.

Естественно, что эффективность предупреждения истязаний во многом зависит от своевременного реагирования на внутрисемейный конфликт, или аморальное поведение семейного дебошира. В связи с исследуемыми проблемами участковым уполномоченным полиции был задан вопрос²: «На каком этапе семейного конфликта необходимо внешнее вмешательство с целью предотвращения истязания?» 49% респондентов считают, что такое вмешательство необходимо, когда к жертве применяется психическое насилие, 28% – на стадии применения к жертве физическо-

го насилия и 23% опрошенных считают, что реагировать необходимо только с момента, когда сам потерпевший обращается в правоохранительные органы. Необходимо отметить, что виктимологическая профилактика по-прежнему находится на достаточно низком уровне.

Показательным, на наш взгляд, является анализ такого процессуального документа, как представление о принятии мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений. Во-первых, необходимо отметить, что анализ выявил формальный, «запоздывающий» характер документа. Во-вторых, обнаружено, что в качестве основных недостатков в деятельности участковых уполномоченных полиции называется одно и то же: плохой надзор за лицами, систематически употребляющими спиртные напитки, отсутствие профилактических бесед с указанными лицами, несвоевременное выявление неблагополучных семей и несвоевременное реагирование на заявления граждан. По заявлениям со стороны потерпевших об избиениях работники полиции зачастую ограничивались мимолетными беседами.³

Отдельные участковые уполномоченные считают, что не стоит «влезать» в семейно-бытовые конфликты, так как, во-первых, высока вероятность того, что участники помирятся и потерпевший заберет заявление о преступлении, во-вторых, внешнее вмешательство может только усугубить ситуацию. Эти взгляды базируются на стереотипах, преодолеть которые хоть и сложно, но необходимо, так как установлено, что в каждом четвертом случае непресеченное истязание заканчивается убийством,

в каждом втором – причинением тяжкого вреда здоровью. Складывается ощущение, что для некоторых сотрудников полиции неприкосновенность частной жизни является более приоритетной сферой, чем личная неприкосновенность. Это, в частности, подтверждают материалы проведенного исследования. Так на вопрос: «Имея информацию о криминогенной семье и принимая решение о вмешательстве, с Вашей точки зрения, чему необходимо отдавать приоритет?» – 25,9% участковых уполномоченных ответили, что приоритет необходимо отдавать неприкосновенности частной жизни; 51,6% – неприкосновенности личности и 22,5% затруднились с ответом. Видимо, семья представляется отдельным сотрудникам правоохранительных органов закрытым институтом, который исключительно сам должен решать стоящие перед ним проблемы.

На наш взгляд, ухудшить конфликтную ситуацию, сложившуюся в семейно-бытовых отношениях, могут только непродуманные, формальные и бессистемные действия участковых уполномоченных и иных субъектов предупреждения. Так считают и большинство опрошенных сотрудников полиции: 38,9% участковых полагают, что результаты грамотного вмешательства во внутрисемейные конфликты следует признать безусловно положительными; 48,3% – скорее положительными, 11,2% – скорее отрицательными и 1,6% – безусловно отрицательными.

Мы полагаем, что существует необходимость в повышении общей квалификации субъектов первичной профилактики, прежде всего в направлении психолого-педагогического образования. Эти выводы вытекают из результатов опроса: 67,8% участковых уполномоченных полиции признали, что испытывают необходимость в дополнительных знаниях в сфере педагогике и психологии.

В целях повышения качества криминологической профилактики и своевременного предупреждения истязаний необходимо расширить круг источников, позволяющих выявить криминогенные конфликты и их участников. В

настоящее время источники информации, из которых черпается информация о криминогенных семьях, а также о лицах, проявляющих агрессивные наклонности, характеризуются крайней узостью (обращение потерпевших, сведения, предоставляемые школой, информация бюро судебно-медицинских экспертиз, информация от участковых детских врачей). При этом необходимо отметить, что для 72% участковых уполномоченных полиции обращение потерпевших – это единственный источник. Обращение потерпевшего в полицию, как мы понимаем, говорит о том, что конфликт вышел на пик и насилие уже применяется против жертвы; естественно, говорить в подобных ситуациях о ранней профилактике не приходится. Более целесообразным является выявление криминогенных факторов на более ранних стадиях. Например, важно получить информацию о потенциальных потерпевших, которые подвергаются лишь психологическому воздействию и моральным унижениям, характерным для первоначального этапа истязаний.

С нашей точки зрения, для раннего предупреждения истязаний необходимо расширить круг источников о криминогенных семьях, а также о лицах, склонных к применению насилия в быту. Особое внимание следует уделить такому источнику, как школа. Весьма полезная информация может быть получена от детских участковых врачей, которым довольно часто приходится общаться с различного рода семьями, в том числе с неблагополучными. Неблагоприятная семейная обстановка оказывает влияние на ребенка и не остается незамеченной специалистом, который за ним постоянно наблюдает.

Нам представляется, что необходимо повышенное внимание и срочное вмешательство в тех случаях, когда получены сведения о семейных или бытовых ссорах, скандалах, драках по вине лиц, ранее судимых за насильственные преступления, так как известно, что такие лица «в семейно-бытовых конфликтах гораздо чаще, чем ранее не суди-

мые, совершают тяжкие насильственные преступления»⁴.

¹ В основу исследований положены материалы 311 уголовных дел об истязании, рассмотренных судами Российской Федерации (Архангельская, Астраханская, Омская и Свердловская области, Республика Бурятия) в 2007-2015 гг.

² Были опрошены 68 участковых уполномоченных полиции в г. Омске и Омской области.

³ Средний возраст участковых уполномоченных полиции в г. Омске составил 32 года, средний стаж работы по специальности – 5,6 лет. При этом стаж работы по специальности до 5 лет имеют 45,1% участковых, от 5 до 10 лет – 40,4%, от 10 лет и выше – 14,5%.

⁴ Чечель Г.И. Жестокий способ совершения преступлений против личности: уголовно-правовое и криминологическое исследование. Нальчик : Ставропольское книжное издательство, 1991. С. 153.

Шерстяных А.С.,

кандидат технических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В 2016 г. Указом Президента была утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, в которой одной из основных информационных угроз признано «увеличение масштабов компьютерной преступности, прежде всего в кредитно-финансовой сфере, а также числа преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, при обработке персональных данных с использованием информационных технологий»¹.

С каждым годом Интернет становится все более необходимым элементом повседневной жизни обычного человека. На это не могут не отреагировать всевозможные мошенники, стремящиеся улучшить свое материальное положение за счет доверчивых граждан. Количество преступлений, совершенных с использованием интернет-технологий, увеличивается во всем мире и в России в частности. Например, в 2016 г. конфиденциальные сведения 3 миллиардов аккаунтов Yahoo были украдены злоумышленниками. Эта утечка персональных данных до сих пор считается одной из самых масштабных и резонансных. В 2017 г. данные 412 миллионов пользователей «взросло-

го» сервиса FriendFinder были похищены в результате хакерской атаки.

В России в последние годы количество преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий, неуклонно растет: в 2013 г. таких преступлений было зарегистрировано 11 тысяч, в 2014 г. – 44 тысячи, а в 2017 г. – уже 90 тысяч.

По сведениям, опубликованным Генеральной прокуратурой Российской Федерации, за январь-сентябрь 2018 г. были зарегистрированы 121 247 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, или в сфере компьютерной информации, что на 33% больше, чем за весь 2017 г. При этом доля таких преступлений в общем количестве зарегистрированных за девять месяцев 2018 г. преступлений составляет 8,1% (против 4,4% в 2017 г.).² Причем реальное количество таких преступлений гораздо больше. Например, когда злоумышленники воруют какой-нибудь «навороченный» объект в популярной сетевой игре или похищают логины или пароли от кошельков с криптовалютой, пострадавшие не всегда заявляют в полицию о совершенном преступлении и, следовательно, по ним не возбуждаются уголовные дела.

Жертвами кибермошенников являются как различные кампании, так и

обычные пользователи Интернета, причем последних гораздо больше, поскольку рядовые пользователи, в отличие от сотрудников службы информационной безопасности крупных компаний, не знакомы с методами социальной инженерии и не могут им достойно противостоять.

Одним из самых распространенных методов мошенничества является фишинг (англ. phishing, от fishing – рыбная ловля, выуживание и password – пароль) – вид интернет-мошенничества, целью которого является получение различных идентификационных данных пользователей (логинов, паролей, номеров кредитных карт и пр.). Техника фишинга заключается в следующем: пользователю отправляют ссылку на якобы официальную страницу какого-либо ресурса, причем ссылка будет выглядеть очень правдоподобно и, на первый взгляд, узнаваема пользователем. Только в адресе может быть одна или несколько лишних букв. Перейдя по этой ссылке, пользователь попадет не на оригинальный сайт, а на очень похожий сайт мошенников, на котором его попросят ввести конфиденциальную информацию, после чего перенаправят на подлинный сайт организации.

Иногда злоумышленники могут прикрываться не известной пользователю компанией, а рекламировать свою. Например, в 2018 г. появились несколько тождественных друг другу сайтов «Активный гражданин». На этих сайтах пользователям предлагалось поучаствовать в некотором опросе, естественно, не безвозмездно: участникам было обещано вознаграждение в размере 65 тысяч рублей. После прохождения опроса пользователям предлагалось создать новый аккаунт, с помощью которого они смогут получить обещанные деньги, заплатив за активацию 170 рублей. Понятно, что никто из них обещанных денег не получил.

Часто злоумышленники играют на таких чувствах жертвы, как желание заработать, выполняя небольшую и несложную работу либо обеспокоенность за свои сбережения (прикидываясь сотрудниками банка).

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся примы социальной инженерии, используемые злоумышленниками, чтобы привлечь потенциальную жертву:

- организация рассылок электронных писем о выигрыше различных денежных или ценных призов, при этом для получения выигрыша нужно заплатить небольшую сумму, мотивируя это требование транспортными издержками или налоговой ставкой;

- рассылка рекламной информации о достаточно низких ценах в несуществующем интернет-магазине, однако при заказе требуется небольшая предоплата (для того, чтобы обмануть как можно большее количество клиентов, через непродолжительное время интернет-ресурс закрывается и открывается новый);

- создание поддельных сайтов по продаже авиабилетов онлайн, при этом обман выясняется только при посадке на самолет;

- фишинговые рассылки от имени банка о том, что обнаружены подозрительные или мошеннические действия пользователя с вашими учетными данными, и служба безопасности банка рекомендует незамедлительно войти в свой аккаунт и обновить конфиденциальную информацию (такая тактика может быть эффективной, поскольку большинство пользователей переживает за сохранность своих денежных средств, что заставляет их перейти по ссылке и ввести учетные данные);

- с приходом облачных технологий в повседневную жизнь, мошенники начали охотиться за учетными данными для входа в облачные хранилища данных, поскольку на таких сервисах многие хранят различную конфиденциальную информацию (например, резервные копии служебной информации, личные фотографии и видео, логины и пароли к другим интернет-сервисам).

Способы защиты от подобного рода мошенничества достаточно просты и в целом представляют собой одну рекомендацию – будьте бдительны:

- внимательно проверьте URL-адрес, который содержится в письме, на

правильность написания (вам должны насторожить незначительные отличия);

– старайтесь всегда использовать только безопасные https-соединения (URL-адрес без буквы s не гарантирует вам безопасности, скорее наоборот, вам предлагают вводить персональные данные, не защитив передачу данных);

– при получении писем с различными вложенными файлами или ссылками для немедленного перехода рекомендуем связаться с отправителем и подтвердить у него отправку полученного письма);

– для работы с онлайн-банком не рекомендуется использовать открытые Wi-Fi сети (поскольку подключиться к незащищенному соединению для злоумышленников не составит труда);

– старайтесь чаще менять учетные данные от различных сервисов, особенно тех, к которым привязаны кредитные или банковские карты;

– при переводе денег на благотворительность не поленитесь найти в Интернете информацию о фонде или личности, которым хотите перевести пожертвование;

– должны настораживать просьбы о переводе небольшой суммы денег для оформления или получения крупного выигрыша;

– никогда не переводите денег на незнакомые номера телефонов и не перезванивайте по сомнительным номерам, с которых приходят смс от «банков», «страховых компаний» или от лица близкого человека.

При этом всегда имейте в виду, что злоумышленники постараются ввести вас в состояние стресса, в котором вам будет весьма сложно принять объективное и продуманное решение. В случае, если вы чувствуете с их стороны прессинг, старайтесь не совершать поспешных действий, а отложите его на некоторое время.

---

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646.

² Генпрокуратура сообщила почти о двукратном росте числа киберпреступлений в Российской Федерации в 2018 году // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/5733551> (дата обращения: 17.01.2019).

Пальчик М.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИСВОЕНИЯ ИЛИ РАСТРАТЫ

Согласно общепризнанной в криминологии классификации¹ преступление, предусмотренное ст. 160 УК РФ относится к такому виду преступности, как корыстная. Следует при этом отметить, что все корыстные преступления по характеру преступного поведения дифференцированы на корыстно-насильственные и на собственно корыстные преступления. Не вызывает сомнения с учетом способов хищения, предусмотренных ст. 160 УК РФ, что присвоение и растрата являются разновидностью последних.

В рамках криминологической характеристики любого вида преступности всегда в первую очередь актуальны ее количественно-качественные показа-

тели. Что касается состояния присвоения или растраты, то, по данным ГИАЦ МВД России, количество зарегистрированных заявлений по факту совершения этих преступлений сокращается: 2010 г. – 44 894 преступлений, 2011 г. – 34 256, 2012 г. – 30 651, 2013 г. – 28 049, 2014 г. – 20 526, 2015 г. – 19 494, 2016 г. – 17 633, 2017 г. – 13 419, 11 месяцев 2018 г. – 14 539 преступлений.² На региональном уровне фактически находят отражение общероссийские тенденции. Так, в г. Красноярске и Красноярском крае, по сведениям ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю, количество зарегистрированных заявлений по факту присвоения или

растраты в 2009 г. составило 2817, возбуждено уголовных дел 1999; в 2010 г. – 1696 и 752 соответственно; в 2011 г. – 1155 и 339; в 2012 г. – 1002 и 259; в 2013 г. – 1157 и 338; в 2014 г. – 989 и 303; в 2015 г. – 1137 и 357; в 2016 г. – 1048 и 339; в 2017 г. – 1006 и 292; за 2018 г. возбуждены 233 уголовных дела.³ В 2004 г. по отношению к 2009 г. рост присвоений или растрат составил 35,1%, а в 2018 г. по отношению к 2009 г. – 13,1%. Таким образом, с 2009 г. фиксируется определенное снижение количества возбужденных уголовных дел по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, в связи с развитием информа-

ционных технологий, высокого уровня образования лиц, совершающих данное преступное деяние.

Вместе с тем анализ квалифицированных составов ст. 160 УК РФ, а именно ч. 2 ст. 160 УК РФ (совершение группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба) и ч. 4 ст. 160 УК РФ (совершенных организованной группой либо в особо крупном размере), позволяет сделать вывод о том, что в Красноярском крае имеет место быть незначительное распространение совершения присвоения или растраты группой лиц по предварительному сговору (табл.1).

Таблица 1

Количество квалифицированных преступлений, предусмотренных ст. 160 УК РФ, совершенных в г. Красноярске и Красноярском крае, 2009-2018 гг.

Квалифицирующие признаки ст. 160 УК РФ	Годы									
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	9 месяцев 2018
совершенное группой лиц по предварительному сговору	216	14	17	5	7	10	6	56	6	6
совершенное организованной группой	3	0	1	1	0	0	0	0	1	0

Показатели исследуемого деяния позволяют предположить, что официальная статистика не отражает в полной мере реальную картину рассматриваемого вида преступления, и можно предположить, что в последние годы стабильно формируется такая негативная тенденция, как повышение уровня латентности соответствующих деяний.

При рассмотрении некоторых черт криминологической характеристики личности преступника наиболее целесообразна общая криминологическая характеристика личности, а именно: социально-демографические данные; социально-ролевые признаки; нравственно-психологические особенности; уголовно-правовые признаки. В соответствии с указанным можно сказать о некоторых особенностях личности лица, совершившего присвоение или растрату,

опираясь на официальные статистические сведения, предоставленные ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю за период с 2010 г. по 2018 г.

Проанализировав социально-демографические и социально-ролевые особенности личности преступника, совершившего присвоение или растрату, а именно характеристики пола, возраста, социального положения, образования, рода занятий, семейного положения, а также других показателей, можно сказать следующее: присвоение или растрата – это преступление, совершаемое чаще всего лицами мужского пола – 57,12%, удельный вес лиц женского пола – 42,9% (табл. 2). Впрочем, заметим, что не во всех видах корыстных преступлений лица женского пола являются непосредственными исполнителями. В связи со спецификой преступного дея-

ния, которое определяется вверенностью имущества, характеристика личности преступника по полу не имеет сущест-

венных отличий. Присвоение и растрата в равной степени совершается как лицами мужского пола, так и женского.

Таблица 2

Соотношение количества мужчин и женщин, совершивших преступление, предусмотренное ст. 160 УК РФ, в г. Красноярске и Красноярском крае, 2010-2018 гг.

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	9 месяцев 2018 г.
Мужчин	250	180	193	202	224	255	226	243	135
Женщин	217	163	134	157	158	189	197	131	86

В прямой обусловленной связи с вышеизложенным находится то, что потерпевшими от присвоения или растраты выступают в преобладающем количестве случаев юридические лица – 56,8%. В то же время для лиц, совершивших присвоение или растрату, характерно преобладание лиц среднего возраста 25-40 лет (53,7%). Что касается образовательного уровня, то полученные данные свидетельствуют о том, что в основном рассматриваемые преступления совершаются лицами, имеющими среднее специальное (80,9%) либо высшее (19,1%) образование.

По сведениям ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю, в зависимости от социального положения преступника анализируемой сферы преступной деятельности подавляющее большинство преступников были трудоустроены (в том числе служащие) – 64,22%, без постоянного источника дохода (в том числе безработные) – 35,77%. Такие данные не вызывают сомнения, поскольку способ совершаемых форм хищения как раз и предполагает наличие у виновного статуса участника трудового или гражданско-правового договора.

Что касается уголовно-правовых признаков личности преступника, совершившего присвоение или растрату, то можно отметить следующие особенности. Обращает на себя тот факт, что более половины таких лиц ранее совершали преступления. Кроме этого необ-

ходимо учитывать и достаточно высокий удельный вес лиц, судимых два и более раза (51,3%).

Проведенный анализ 120 приговоров по ст. 160 УК РФ позволил констатировать, что в большинстве случаев присвоение или растрату совершают лица, имеющие судимость за такие ранее совершенные корыстные преступления, как кража или грабеж.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сформулировать следующий вывод о том, что, лица, совершившие присвоение или растрату, – это лица как мужского, так и женского пола, среднего возраста, имеющие среднее-специальное и высшее образование, трудоустроенные или осуществляющие деятельность по гражданско-правовым договорам, при этом некоторые имеют в прошлом судимость именно за совершение корыстных преступлений.

Личность преступника, совершившего рассматриваемое корыстное преступление, свидетельствует о высокой общественной опасности преступного деяния и должна быть учтена при планировании профилактической работы правоохранительными органами.

¹ Сведения предоставлены ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю.

² Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/14696015/>.

³ Сведения предоставлены ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю.

Винокуров В.Н.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ПРИРОДА МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

По мнению ряда авторов, деяние, не являющееся по закону преступлением, не может содержать в себе признаки состава преступления. Каждый из признаков состава преступления несет в себе «заряд» общественной опасности, определяет ее содержание. Малозначительное деяние не является общественно опасным именно в силу отсутствия признаков, ее определяющих, т.е. отсутствия признаков состава преступления. Это подтверждается и тем, что Верховный Суд РФ неоднократно в своих решениях указывал на то, что деяние не повлекло существенный вред объекту, охраняемому уголовным законом, и оно в силу малозначительности не представляет общественной опасности, и возбужденное уголовное дело подлежит прекращению за отсутствием состава преступления.¹

Данное утверждение базируется на положении о том, что деяние является противоправным, если оно общественно опасно, и, соответственно, раз деяние общественно опасно, то оно и противоправно.² Однако это положение не всегда действует. Так, ослепление водителей автомобилей, пилотов самолетов лазером общественно опасно и распространено достаточно давно, но преступлением, предусмотренным ст. 267.1 УК РФ, стало только после 3 апреля 2018 г.

Более обоснованным является мнение о том, что малозначительное деяние – это деяние, формально запрещенное УК РФ, т.е. содержащее все признаки состава преступления, но по содержанию не являющееся общественно опас-

ным. При этом малозначительное деяние не является административным правонарушением, потому что формально оно содержит признаки деяния, предусмотренного или формально запрещенного УК РФ. Если в деянии содержатся признаки административного правонарушения, то оно не может содержать признаков состава преступления, предусмотренного УК РФ, соответственно, не может идти речь о малозначительности.³

Не всякое деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ, может быть общественно опасным. Общественная опасность – это свойство преступления, а не состава, который лишь отражает это свойство, но не обладает им.⁴ Наличие состава преступления – это вопрос права, а общественной опасности – факта. Суды часто смешивают два основания прекращения уголовного преследования в связи с малозначительностью деяния и связи с отсутствием состава преступления. Так, г. первоначально была осуждена по ч. 1 ст. 330 УК РФ за то, что самовольно, вопреки установленному порядку, вынесла личное имущество И. из общих комнат и, заменив входную дверь квартиры, лишила И. возможности пользоваться общими комнатами в квартире, тем самым захватив полезную площадь размером 8,2 кв.м, причинив, по мнению суда, существенный вред И. В суде выяснили, что г. неоднократно просила И. вынести свои вещи, так как собиралась делать ремонт, но И. отказалась это сделать. Как отмечено в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 января 2006 г. № 20-д05-15, имеющимися в деле доказательствами установлено, что г. совершила действия хотя формально и содержащие признаки самоуправства, но в силу *малозначи-*

тельности не представляющие общественной опасности, так как она не причинила существенный вред потерпевшей И. Поэтому в силу п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ приговор суда подлежит отмене *за отсутствием в действиях состава преступления*. Но, как обоснованно отмечает А.В. Иванчин, отсутствие существенного вреда означает отсутствие состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК РФ. Малозначительные деяния соответствуют составу преступления, поэтому обоснованно мнение указанного автора дополнить ст. 24 УПК РФ таким основанием отказа в возбуждении уголовного преследования или его прекращения, как «малозначительность деяния». Это позволит вести статистический учет распространенности совершения малозначительности деяний.⁵

Ряд авторов вообще предлагают отказаться от понятия малозначительности деяния, поскольку грань малозначительности определяется субъективным мнением правоприменителя и расплывчата, вследствие чего многие деяния, обладающие общественной опасностью, остаются за рамками уголовно-правового реагирования.⁶

Действительно, часто суды очень широко применяют положения ч. 2 ст. 14 УК РФ, даже когда уголовное преследование можно прекратить на основании ст. 75, 76 УК РФ. Так, Р., будучи осведомленной о необходимости в 5-дневный срок известить орган, осуществляющий выплату пенсии, о наличии обстоятельств, влекущих прекращение компенсационных выплат, не исполнила данную обязанность, продолжая их получать, необоснованно получив 3871 рубль, за что мировым судом осуждена по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ. Постановлением Президиума Ивановского областного суда от 6 октября 2017 г. № 44у-25/17 уголовное дело в отношении Р. было прекращено в силу малозначительности деяния. Такой вывод президиум сделал на основании незначительного размера причиненного ущерба, его возмещения в полном объеме после выявления факта переплаты компенсационных выплат до возбуждения

уголовного дела, заявления потерпевшей стороны о прекращении уголовного дела. В приведенном примере речь должна идти не о малозначительности деяния, а о прекращении уголовного преследования на основании ст. 76 УК РФ. При решении вопроса о малозначительности следует учитывать мотив и цель деяния, т.е. обстоятельства, проявившиеся в действии, в то время как поведение лица до и после деяния (раскаяние, добровольное возмещение ущерба, образ жизни, семейное положение и т.д.) учитываться не должно.

В качестве обоснования необходимости наличия в уголовном законодательстве института малозначительности можно привести следующий пример. Так, у Б. при пересечении таможенной границы в аэропорту «Шереметьево» на дне кармана ее рюкзака обнаружили гашиш массой 0,06 грамм. За совершение указанных действий Б. была осуждена по ч. 2 ст. 188 УК РФ к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком на 2 года. Московский городской суд определением от 18 февраля 2011 г. по делу № 44у-33/11 прекратил уголовное дело, указав следующее. Учитывая массу гашиша, перемещенного через таможенную границу (значительный размер гашиша при его хранении (ч. 1 ст. 228 УК РФ), сбыте (ч. 3 ст. 228.1 УК РФ) и контрабанде (ч. 2 ст. 229.1 УК РФ) – свыше 2 грамм – *примечание автора*), отсутствие вредных последствий и признание Б. своей вины, действия Б. хотя формально и содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 188 УК РФ, но в силу малозначительности не представляют общественной опасности. Данное решение представляется обоснованным, поскольку употребление 0,06 грамма гашиша не способно оказать воздействие на организм человека. При этом административной ответственности за контрабанду наркотических средств нет. В то же время перемещение через таможенную границу иных наркотических средств, например JWH-196, 0,05 грамма которого уже составляет значительный размер, является преступлением.

Таким образом, несмотря на то, что прекращение уголовного преследования или отказ него вследствие отсутствия состава преступления или малозначительности деяния являются реабилитирующими обстоятельствами, их следует разграничивать.

Во-первых, непрекращение уголовного преследования вследствие малозначительности деяния не может рассматриваться как ошибка правоприменителя, поскольку малозначительность — это оценочное понятие.

Во-вторых, наличие малозначительности деяния позволяет не привлекать виновного к уголовной ответственности или освободить от нее за совершение деяния, формально содержащего при-

знаки преступлений небольшой и средней тяжести, и без последующего позитивного поведения лица.

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. М., 2010. С. 32-33.

² Рагозина И.Г., Бражников В.В. Квалификация при малозначительности деяния: вопросы теории и практики // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1. С. 43.

³ Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли /под ред. Н. А. Лопашенко. СПб., 2009. С. 240.

⁴ Курс Советского уголовного права (Часть Общая). Л., 1968. С. 259.

⁵ Иванчин А.В. Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об обосновании уголовной ответственности и малозначительности // Lex russica. 2015. № 6. С. 24.

⁶ Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности. М., 2014. С. 65.

Фисенко Д.Ю.,

кандидат юридических наук
Омская академия МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Возвращение в российское уголовное законодательство института административной преюдиции на сегодняшний день является, пожалуй, одной из наиболее обсуждаемых тем в доктрине уголовного права. Несмотря на то, что составы преступлений, в основе законодательной конструкции которых лежит административная преюдиция, уже стали вполне привычным явлением, на страницах юридической литературы сторонники¹ и противники² рассматриваемого института продолжают вести дискуссии относительно обоснованности введения административной преюдиции в уголовный закон.

Несмотря на важность дискуссий относительно целесообразности института административной преюдиции в уголовном законе, все же более значимыми представляются проблемы, возникающие при квалификации уже существующих в УК РФ преюдициальных составов преступлений, обусловленные несоблюдением правил юридической

техники и отсутствием системного подхода законодателя при их конструировании. Рассмотрим более детально некоторые из них.

Во-первых, необходимо констатировать отсутствие единых критериев и подходов к криминализации преступлений с административной преюдицией.

Действующий уголовный закон содержит немало составов преступлений с административной преюдицией, например ст. 116.1, 151.1, 158.1, 154, 212.1, 264.1, 180, ч. 2 ст. 314.1 УК РФ и другие. Однако следует отметить, что, несмотря на то что в каждой из перечисленных выше норм содержится преюдиционный элемент, все они существенно отличаются друг от друга по юридической конструкции. В одних составах преступлений указанный преюдиционный элемент сформулирован законодателем через признаки субъекта преступления, в связи с чем условием наступления уголовной ответственности является повторное совершение

деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1, 158.1 и 264.1 УК РФ). В других составах административная преюдиция вводится законодателем через признаки объективной стороны посредством указания на неоднократность совершения деяния как условие наступления уголовной ответственности (ст. 151.1, 154, 157, 180, 212.1, 314.1 УК РФ). При этом практически в каждой норме неоднократность трактуется по-разному.

Например, согласно примечанию к ст. 212.1 УК РФ под нарушением установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, совершенным лицом *неоднократно*, признается нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это *лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней*.

Исходя из примечания к ст. 314.1 УК РФ, *неоднократным* несоблюдением лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничения или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, признается несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничения или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, при условии, что это *лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года*.

В соответствии с п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобре-

тательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» *неоднократность* по смыслу ч. 1 ст. 180 УК РФ предполагает *совершение лицом двух и более деяний*, состоящих в незаконном использовании товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров. При этом может иметь место как неоднократное использование одного и того же средства индивидуализации товара (услуги), так и одновременное использование двух или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации на одной единице товара.³ Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в ст. 180 УК РФ речь идет о фактической неоднократности в отличие от ст. 212, 314 УК РФ, где говорится о юридической неоднократности.

Таким образом, очевидна непоследовательность законодателя в нормативном оформлении норм, содержащих элемент административной преюдиции. Отсутствие единообразия и системного подхода при конструировании составов преступлений с административной преюдицией ставит перед правоприменителями ряд сложных проблем, связанных с определением начального и конечного времени исчисления срока привлечения к административной ответственности, различным подходом к толкованию неоднократности как обязательного условия привлечения к уголовной ответственности для отдельных преюдиционных составов преступлений и т.д. Данные проблемы существенно осложняют доказывание и расследование по таким уголовным делам, а значит, снижают результативность и эффективность уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией в целом.

Во-вторых, существует проблема определения характера и степени общественной опасности преступлений с административной преюдицией.

Возвращение института административной преюдиции в уголовное законодательство было направлено, прежде всего, на гуманизацию уголовной ре-

прессии. Более того, как отмечается в юридической литературе, широкое использование института административной преюдиции в уголовном законе выступает в качестве промежуточного шага на пути к введению в уголовное законодательство концепции уголовного проступка.⁴ В связи с этим следует обратить внимание на некоторую непоследовательность законодателя в этом вопросе. Так, если составы преступлений с административной преюдицией являются своеобразным «промежуточным звеном» между административным правонарушением и преступлением, то характер и степень общественной опасности таких деяний не может быть высокой. Соответственно такие составы преступлений могут быть отнесены к категории преступлений небольшой тяжести, не более.

В целом данное положение справедливо по отношению ко многим преюдиционным составам преступлений: ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1, 264.1, ч. 2 ст. 314 УК РФ и другие. Между тем вызывает вопросы обоснованность применения за совершение преступлений с административной преюдицией наказания в виде лишения свободы на определенный срок. К примеру, санкции ст. 116.1, 151.1 УК РФ не предусматривают наказание в виде лишения свободы, в то время как санкция ст. 158.1 УК РФ позволяет назначить виновному лицу наказание в виде лишения свободы на срок до одного года. Общеизвестно, что санкция уголовно-правовой нормы является непосредственным отражением характера и степени общественной опасности конкретного преступного деяния. Таким образом, несмотря на то что формально все приведенные выше преступления являются преступлениями небольшой тяжести, с точки зрения законодателя, повторное нанесение побоев лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за побои, является менее общественно опасным деянием, чем повторное мелкое хищение чужого имущества на сумму менее 2500 рублей, лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за мелкое

хищение. Такой вывод законодателя относительно разной общественной опасности данных деяний представляется весьма спорным.

Кроме того, анализ УК РФ свидетельствует о том, что некоторые составы преступлений с административной преюдицией явно не соответствуют идеи «экономии мер уголовной репрессии». Например, преступление, предусмотренное ст. 212.1 УК РФ наряду со штрафом, обязательными работами, исправительными работами, предусматривает весьма строгие виды наказаний — принудительные работы на срок до пяти лет, а также лишение свободы на срок до пяти лет, то есть данное преступление отнесено законодателем к преступлениям средней тяжести, наряду с умышленным причинением средней тяжести вреда здоровью, совершенного при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 112 УК РФ), понуждением к действиям сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 133 УК РФ), неправомерным завладением автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ), применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ) и т.д.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что для того чтобы административная преюдиция смогла стать эффективным средством противодействия преступности, необходимо устранить существующие на законодательном уровне фундаментальные проблемы института административной преюдиции в уголовном праве.

Прежде всего необходима унификация законодательной техники при конструировании преюдиционных норм в уголовном законе, то есть все составы преступлений с административной преюдицией должны обладать единой, однообразной законодательной конструкцией.

Кроме того, так как преступления с административной преюдицией являются своеобразным «промежуточным звеном» между административным правонарушением и преступлением, то они

должны быть отнесены не более чем к категории преступлений небольшой тяжести. При этом санкции составов преступлений с административной преюдицией могут содержать наказание в виде лишения свободы на определенный срок лишь в исключительных случаях. Например, в ст. 264.1 УК РФ наличие данного вида наказания представляется целесообразным, поскольку в силу специфики самого преступления иногда только наказание, связанное с изоляцией виновного лица от общества, способно обеспечить достижение целей наказания, обозначенных в ст. 43 УК РФ.

¹ См., напр.: Концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2014. С. 58; Семькина О.И. Современные тенденции развития уголовного законодательства о преступлениях экономической направленности (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного

законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 2. С. 327-339; Устинова Т.Д. Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 103.

² См., напр.: Мамхягов З.З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2015. № 8. С. 72-74; Тарбагаев А.Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. 1992. № 2. С. 62-64; Шемякин Д.В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15. С. 45-47.

³ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Коробеев А.И., Ширшов А.А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 69-70.

Коваль А.В.

Тюменский государственный университет

ГЛАВА ОРГАНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК СУБЪЕКТ ДОЛЖНОСТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Квалифицирующим признаком ряда должностных преступлений является совершение преступления главой органа местного самоуправления (ч. 2 ст. 285, ч. 2 ст. 286, ч. 4 ст. 290 УК РФ).

Ни уголовный закон, ни законодательство о местном самоуправлении и муниципальной службе не содержат определения понятия «глава органа местного самоуправления». В соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ под главой органа местного самоуправления «следует понимать только главу муниципального образования – высшее должностное лицо муниципального образования, наделенное уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения»¹. Между тем значение этого квалифицирующего признака целиком определяется бланкетным правовым содержанием

– нормами муниципального права. При этом следует исходить из нескольких принципиальных положений Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»:

– органами местного самоуправления являются избираемые непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов местного значения (ст. 2);

– структуру органов местного самоуправления составляют представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), контрольно-

счетный орган муниципального образования, иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения (ст. 34);

- организацию деятельности представительного органа муниципального образования в соответствии с уставом муниципального образования осуществляет глава муниципального образования, а в случае если указанное должностное лицо исполняет полномочия главы местной администрации – председатель представительного органа муниципального образования, избираемый этим органом из своего состава (ч. 14 ст. 35);

- глава муниципального образования является высшим должностным лицом муниципального образования, исполняет полномочия председателя представительного органа муниципального образования либо возглавляет местную администрацию (ст. 36);

- местной администрацией руководит глава местной администрации на принципах единоначалия, главой местной администрации является глава муниципального образования либо лицо, назначаемое на должность главы местной администрации по контракту, заключаемому по результатам конкурса на замещение указанной должности на срок полномочий, определяемый уставом муниципального образования (ст. 37);

- избирательная комиссия муниципального образования является муниципальным органом, который не входит в структуру органов местного самоуправления (ч. 2 ст. 39).

В соответствии с ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» контрольно-счетный орган муниципального образования образуется в составе председателя и аппарата контрольно-счетного органа.

Из приведенных положений законодательных актов муниципального права

следует, что в числе органов местного самоуправления значатся только два органа, руководители которых именуются «главами» (что соответствует наименованию рассматриваемого квалифицирующего признака). Это глава муниципального образования и глава местной администрации. В соответствии с законодательством о муниципальной службе обе должности относятся к категории высших должностей муниципальной службы и с учетом квалификационных требований для их замещения соответствуют высшим должностям государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации. Например, в соответствии со ст. 6 Закона Тюменской области «О муниципальной службе в Тюменской области» высшие должности муниципальной службы соответствуют высшим должностям государственной гражданской службы Тюменской области.²

Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ необоснованно сузил понимание рассматриваемого квалифицирующего признака, приравняв его исключительно к главе муниципального образования. В действительности *понятие «глава органа местного самоуправления» как квалифицирующий признак должностных преступлений, в том числе взяточничества, распространяется только на главу муниципального образования и главу местной администрации*, что не всегда учитывается в теории уголовного права и судебной практике.

Наблюдается как узкое толкование соответствующего особо квалифицирующего признака, отождествляющее «главу органа местного самоуправления» исключительно с главой муниципального образования³ (сегодня это является нормой в соответствии с критикой позиции Пленума Верховного Суда РФ) или руководителем исполнительно-распорядительного органа муниципального образования⁴, так и, чаще всего, широкое его понимание, когда наряду с главами муниципального образования и местной администрации к указанному признаку причисляют иных руководителей муниципальных органов.

Например, А.В. Хабаров к понятию «глава органа местного самоуправления» относит председателя представительного органа местного самоуправления, если таковой предусмотрен уставом муниципального образования.⁵

Аналогичную ошибку допустили суды первой и кассационной инстанции, признавая виновным Жгилева, который занимал должность главы администрации Юковской волости Всеволожского района Ленинградской области, в получении взятки главой органа местного самоуправления: не учли того обстоятельства, что администрация волости является территориальным структурным подразделением администрации муниципального образования на правах юридического лица и подотчетна главе муниципального образования. В то же время согласно Уставу муниципального образования Всеволожский район Ленинградской области всеми полномочиями по решению вопросов местного значения, за исключением тех, которые отнесены Уставом к компетенции собрания представителей муниципального образования, обладает глава муниципального образования, т.е. глава администрации Всеволожского района. Таким образом, Жгилев являлся должностным лицом, а не главой органа местного самоуправления администрации муниципального образования «Всеволожский район Ленинградской области», что повлекло исключение соответствующего квалифицирующего признака из обвинения в суде надзорной инстанции.⁶

По другому делу Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила без изменения приговор суда первой инстанции, в соответствии с которым Х. признан виновным в том, что, являясь должностным лицом – главой органа местного самоуправления, получил взятку. В кассационной жалобе адвокат приводил доводы о том, что Х. является лишь главой администрации и назначается на должность представительным органом муниципального района, то есть указанная должность не является выборной. Контракт с главой администрации заключается главой адми-

нистрации района. Таким образом, по мнению защиты, Х. не является главой органа местного самоуправления. Однако, как отметил суд кассационной инстанции, судом бесспорно установлено, что Х. занимал должность главы администрации Духовницкого района Саратовской области и в соответствии с Законами Саратовской области «О муниципальной службе в Саратовской области» и «О муниципальных должностях в органах местного самоуправления в Саратовской области» являлся не только главой исполнительного органа местного самоуправления, но и занимал высшую муниципальную должность муниципальной службы (согласно разделу 3 Реестра муниципальных должностей муниципальной службы в Саратовской области).⁷

Думается, что существующая позиция законодателя, а именно распространение особо квалифицирующего признака «глава органа местного самоуправления» только на главу муниципального образования и главу местной администрации, а также ограничительное толкование Пленума Верховного Суда РФ, ущербны с точки зрения дифференциации уголовной ответственности за взяточничество в зависимости от значимости должностного положения взяткополучателя. Формально законодатель необоснованно ограничил основание более строгой ответственности за получение взятки тех руководителей органов местного самоуправления, занимаемые должности которых именуется не «глава», а, скажем, «председатель» или «руководитель». Например, как отмечалось выше, в тех случаях, когда глава муниципального образования исполняет полномочия главы местной администрации, деятельностью представительного органа муниципального образования руководит председатель, избираемый этим органом из своего состава. Контрольно-счетный орган муниципального образования также возглавляет не «глава», а «председатель». Разумеется, какое-либо иное в отличие от «главы» наименование высшей должности в том или ином органе местного самоуправления не может влиять,

а тем более умалять значимость и авторитет служебного положения руководителя этого органа по сравнению с главой муниципального образования или главой местной администрации. Поэтому все руководители органов местного самоуправления имеют схожий муниципальный статус, определяемый значимостью и авторитетом занимаемой должности муниципальной службы, что обосновывает распространение на них единой меры более строгой уголовной ответственности за получение взятки.

На этом основании уместной будет замена квалифицирующего признака «глава органа местного самоуправления» на «*руководитель органа местного самоуправления*». В такой редакции квалифицирующее обстоятельство получения взятки будет распространяться на всех взяточников-руководителей органов местного самоуправления, на что уже обращалось внимание в литературе по уголовному праву и даже депутатами Государственной Думы РФ.⁸

⁸ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о

превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

² О муниципальной службе в Тюменской области : Закон Тюменской области от 05.07.2007 № 10 // СПС КонсультантПлюс.

³ Аснис А.Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России. Проблемы законодательного закрепления и правоприменения. М., 2005. С. 96.

⁴ Получение взятки муниципальным служащим: уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 145, 152.

⁵ Хабаров А.В. Противодействие коррупции в сфере публичного управления : учебное пособие. Тюмень, 2007. С. 46.

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 10. С. 16.

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 30.11.2006 № 32-о06-55 // СПС КонсультантПлюс.

⁸ Получение взятки муниципальным служащим: уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография / А.Я. Казаков [и др.]. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 145. Авторы предлагают ограничить круг муниципальных должностных лиц как субъектов получения взятки с особым статусом, «руководителями органов муниципальных образований с населением свыше 250 тыс. человек».

Дизер О.А.

Омская академия МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Как показывает практика, провокация – многоплановое уголовно-правовое явление, требующее широкого подхода к рассмотрению. Отдельного упоминания заслуживает ст. 304 УК РФ «Провокация взятки либо коммерческого подкупа». Содержание диспозиции указанной статьи, а также ее место в структуре Особенной части УК РФ позволяют сделать однозначный вывод о том, что термин «провокация» употреблен законодателем ошибочно, не в соответствии с его уголовно-правовым и общеупотребительным смыслом. Так как следствием провокации является не только совершение преступления спровоцирован-

ным, но и привлечение его к уголовной ответственности (цель провокации – ее конструктивный признак), мы можем говорить о повышенной общественной опасности роли провокатора по сравнению с соучастниками. Учитывая это, а также практическую неприменимость действующей ст. 304 УК РФ, законодатель мог бы переосмыслить свой подход к регулированию явления провокации преступления, предусмотрев провокацию преступления в качестве самостоятельного состава преступления.

В настоящее время отсутствуют более или менее приемлемые уголовно-правовые средства противодействия

провокационной деятельности, а единственная норма, устанавливающая уголовную ответственность за провокацию преступления, не является приемлемым уголовно-правовым средством противодействия провокационным действиям.

Чтобы понять такое уголовно-правовое явление, как провокация преступления, обратимся к мнению исследователей, изучающих данную проблему. Так, С. Радачинский формулирует доктринальное понятие провокации преступления как умышленной односторонней деятельности виновного, направленной на моделирование такого поведения другого лица, которое имело бы все внешние признаки преступления с целью дискредитации, шантажа либо создания искусственных доказательств обвинения.¹

В.Д. Иванов определил провокацию преступления как искусственное создание условий для совершения преступления конкретным лицом с целью последующего его изобличения в содеянном. Ученый определяет общественную опасность провокационной деятельности тем, что лицо, выступающее в роли провокатора, своим активным поведением не только возбуждает решимость у других лиц совершить преступление либо подталкивает их к этому, но и организует его совершение. При этом внешне провокатор демонстрирует свое поведение как общественно полезное, направленное на оказание помощи правоприменительным органам в изобличении лиц, совершивших преступление. Но объективно он сам определяет и направляет деятельность исполнителя, выступая в роли подстрекателя, организатора или пособника.²

Критикуя практику использования провокации, Ф.Г. Бурчак писал о ней так: «И должностное лицо, и частное лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления, с точки зрения советского права должны рассматриваться как подстрекатели, со всеми вытекающими отсюда последствиями»³.

Однако подстрекательство к преступлению близко по смыслу провокации преступления, но это лишь частич-

но совпадающие понятия. Мотивы, которыми руководствуется подстрекатель, на квалификацию содеянного им, как правило, не влияют. Его прямой умысел включает в себя склонение другого лица к совершению соответствующего преступления, то есть охватывает конечную цель подстрекателя, а также способ ее достижения, и в уголовно-правовом смысле ограничен этими рамками. Прямой умысел провокатора шире, он имеет конечной целью неблагоприятные последствия для склоняемого к преступлению лица, и само склонение при этом – лишь способ ее достижения. Провоцируемое преступление является, по сути, промежуточной целью, поэтому уголовно-правовая оценка содеянного в данном случае охватывает мотивы, которыми руководствовался провокатор, и конечную цель, к которой он стремится. Его вина по отношению к вреду, причиненному спровоцированным преступлением, может быть как умышленной, так и неосторожной.

Таким образом, провокация и подстрекательство различаются по объективным и субъективным признакам. Подстрекательство характеризуется склонением другого лица к совершению желаемого для подстрекателя преступления. Провокация преступления характеризуется более сложным содержанием, которое состоит из двух элементов – провокации и подстрекательства к совершению преступления. Цель провокатора – передать лицо правоохранительным органам и привлечь к уголовной ответственности либо впоследствии шантажировать его, а для этого необходимо побудить его совершить преступление.

Особый интерес представляют выводы С. Радачинского, формулирующего условия так называемой правомерной провокации при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Прежде всего, это наличие опасности, угрожающей правоохраняемым интересам: осуществление акта правомерной провокации должно быть направлено на ее предотвращение.

Необходимо отметить, что при проведении оперативно-розыскных меро-

приятый соответствующими органами выявлялись многочисленные ошибки, в том числе отмечались и недопустимые с точки зрения соблюдения законности провокации на совершение преступлений.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 14 постановления от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23 октября 2010 г. № 31) разъяснил, что результаты оперативно-розыскных мероприятий только тогда могут быть положены в основу приговора, когда они получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ. Этот умысел должен сформироваться у виновного независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений.

Опираясь на действующее законодательство и существующие точки зрения на проблему правомерной провокации при проведении оперативно-розыскных мероприятий, можно понимать, что использование негласных сотрудников даже при раскрытии преступлений в сфере наркобизнеса не должно основываться на использовании доказательств, полученных в результате провокации, так как не было других оснований полагать, что преступление было совершено при других обстоятельствах. Использование доказательств, добытых в результате провокации, может подорвать справедливость суда.

Европейский Суд по правам человека исключает провокацию в случае, если объект специального расследования был готов и согласен совершить преступление и без вмешательства негласных агентов.

Провокация же будет иметь место, когда в отношении лица совершаются действия со стороны правоохранительных органов в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления, и лицо заведомо не совершало действия, свидетельствующие о его согласии совершить преступление.

Анализируя вышесказанное, можно сформулировать понятие провокации преступления следующим образом. Это умышленная односторонняя деятельность виновного, направленная на имитацию такого поведения другого лица, которое имело бы все внешние признаки преступления с целью «изобличения», шантажа либо создания искусственных доказательств обвинения.

Подводя итог, очевидно, что проблема провокации преступлений не может быть разрешена принятием одного нормативного акта или акта судебного толкования. Одним из вариантов решения сложившейся ситуации в части устранения проблемы разночтений, связанных с таким явлением, как провокация преступления, полагаем может быть рассмотрение данного вопроса на законодательном уровне. И, учитывая имеющиеся теоретические наработки по данной теме, считаем необходимым расширить границы ответственности за провокацию, обозначив в названии и диспозиции ст. 304 УК РФ не только взятку или коммерческий подкуп, но и другие преступления, противодействие которым осуществляется с помощью проведения оперативно-розыскных мероприятий. Предложенные меры будут способствовать более эффективной защите прав человека и основных свобод.

¹ Радачинский С. Юридическая природа провокации преступления // Уголовное право. 2008. № 1. С. 59-63.

² Иванов В.Д. Правовые последствия оперативно-розыскного эксперимента // Северный Кавказ: борьба с преступностью. Ростов-на-Дону : РВШ МВД России, 1997. С. 86.

³ Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1970. С. 128.

Рогова Е.В.,

доктор юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОТ НАКАЗАНИЯ

В случаях, когда несовершеннолетним совершено преступление, возникает вопрос о его привлечении к уголовной ответственности. Действующим уголовным законом Российской Федерации предусмотрены два варианта решения данного вопроса. Во-первых, это привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности (ст. 87 УК РФ) и назначение ему наказания (ст. 88, 89 УК РФ). А во-вторых, это освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности (ст. 90, 91 УК РФ) и наказания (ст. 92, 93 УК РФ).

В условиях гуманизации уголовной политики Российской Федерации значение приобретают институты освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и от наказания. Учитывая особенности личности несовершеннолетних правонарушителей, характер их преступного поведения, особенности правового статуса, действующий уголовный закон исходит из возможности достижения целей уголовной ответственности прежде всего путем применения специальных, менее жестких мер уголовно-правового характера, среди которых особое место занимают названные институты.

Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних выступает проявлением таких принципов, как гуманизм, справедливость, экономия уголовной репрессии. Социальное же значение освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности состоит в том, что государство принимает решение не реализовывать свое право применения к несовершеннолетнему лицу, виновному в совершении преступления, мер, связанных с негативным воздействием на его правовой статус, оказывает подростку доверие и

рассчитывает в будущем на его законопослушное поведение.

Особенно значимо применение института освобождения от уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних, когда имеется реальная возможность воздействия на них без применения мер уголовной репрессии, возможность исправления несовершеннолетних без кардинального изменения условий их жизни (проживание в семье, которая может оказать положительное воздействие на подростка, сохранение места учебы, работы, позитивного окружения и т.п.).

Учитывая указанные и иные обстоятельства, уголовным законом предусмотрена возможность освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности *с применением принудительных мер воспитательного воздействия*. Иными словами, в отдельных ситуациях меры уголовной ответственности целесообразно заменить мерами воспитательного воздействия.

Институт освобождения от наказания также обусловлен гуманным отношением к несовершеннолетним осужденным. Гуманность закона при решении вопроса об освобождении несовершеннолетнего от наказания состоит в том, что закон не устанавливает препятствий к освобождению от наказания в зависимости от числа ранее совершенных несовершеннолетним преступлений небольшой, средней тяжести или тяжкого преступления. Однако если несовершеннолетний ранее совершал преступления и к нему применялись принудительные меры воспитательного воздействия, которые не повлияли на его исправление, суд может принять во внимание данный факт при решении вопроса об освобождении от наказания.

Верховный Суд РФ в п. 31 постановления Пленума от 1 февраля 2011 г. № 1 ориентировал суды на приоритетное применение принудительных мер воспитательного воздействия во всех случаях, когда исправление несовершеннолетнего возможно без применения наказания.¹ В нем указано, что суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90 УК РФ.

По мнению высшего законодательного органа Российской Федерации, принудительные меры воспитательного воздействия должны стать реальной альтернативой уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, что соответствует основным положениям международных нормативных актов в области защиты прав несовершеннолетних.

Рассматривая институт освобождения несовершеннолетних от наказания с практической точки зрения, необходимо выделить общие черты и отличия с институтом освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности. *Общее между двумя этими институтами* заключается в том, что в обоих случаях виновный перестает подвергаться мерам государственного принуждения, предусмотренным УК РФ. При этом освобождение как от уголовной ответственности, так и от уголовного наказания возможно только при наличии конкретных условий, указанных в уголовном законе.

Между изучаемыми институтами имеются и существенные отличия, которые состоят, во-первых, в том, что освобождение от уголовной ответственности в основном связано с совершением преступлений небольшой и средней тяжести, а освобождение от наказания этим критерием жестко не связано. Например, освобождение несовершеннолетнего от наказания с помещением его в специальное учебно-воспитательное

учреждение закрытого типа применимо при совершении преступлений средней тяжести и тяжких преступлений. Во-вторых, от уголовной ответственности несовершеннолетний может быть освобожден на любой стадии уголовного судопроизводства (обвиняемый, подсудимый, осужденный); от наказания — только несовершеннолетний, в отношении которого состоялся обвинительный приговор с назначением наказания (п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1). В-третьих, следует обратить внимание на то, что в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации от уголовной ответственности несовершеннолетний может быть освобожден не только судом, но и следователем, органом дознания с согласия прокурора (ст. 25, 28 УПК РФ), а от наказания лицо освобождается только по решению суда.

Необходимо также отметить, что при освобождении от наказания виновный освобождается от необходимости реально претерпеть негативные последствия, связанные именно с содержанием наказания. От иных негативных последствий, сопряженных с уголовной ответственностью, он не освобождается.

Освобождение несовершеннолетнего от наказания является одной из форм реализации уголовной ответственности, при которой суд, постановляя приговор, дает отрицательную оценку поведения виновного, но полагает возможным освободить несовершеннолетнего от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Как уже отмечалось, при решении вопроса об освобождении несовершеннолетнего от наказания закон не ставит препятствий освобождению от наказания в зависимости от числа ранее совершенных несовершеннолетним преступлений небольшой, средней тяжести или тяжкого преступления. Кроме того, освобождение несовершеннолетнего от наказания по основаниям, указанным в ст. 92 УК РФ, является безусловным, т.е. такое освобождение в последующем не может быть отменено.

Кроме того, особенностью освобождения несовершеннолетних от наказания, согласно ч. 2 ст. 92 УК РФ, является то, что несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, может быть освобожден судом от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется как принудительная мера воспитательного воздействия в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода.

Анализируемая мера, применяется только при освобождении от наказания в виде лишения свободы, в то время как иные принудительные меры воспитательного воздействия, предусмотренные в действующем законодательстве (ст. 90, 92 УК РФ), могут применяться как при освобождении от уголовной ответственности, так и при освобождении от уголовного наказания

---

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

Тебиев Р.Р.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В свете продолжающейся политики России, направленной на гуманизацию уголовного законодательства, Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» УК РФ дополнен принципиально новым видом освобождения от уголовной ответственности, обладающим особой правовой природой (ст. 76.2 УК РФ). Особенность его заключается в том, что одновременно с освобождением от уголовной ответственности виновному лицу назначается такая мера уголовно-правового характера, как судебный штраф. Кроме того, УК РФ и УПК РФ были дополнены соответствующими главами и частями, регламентирующими порядок применения данной меры уголовно-правового характера.

Появление нового института в уголовном судопроизводстве озадачило не только ученых, пытающихся определить правовую природу и место судебного штрафа в системе мер уголовно-правового характера, но и практиков, столкнувшихся с рядом вопросов, обусловленных как отсутствием четко выработанного механизма реализации данного института, так и сложностями в применении отдельных его норм. Нередко изменения в законодательстве, затрагивающие права и свободы человека и гражданина (а в уголовном судопроизводстве они затрагиваются наиболее существенно), изначально содержат различного рода вопросы, требующие дополнительных разъяснений.

С учетом специфики уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотиков данное нововведение приобретает особое значение. Усиливает внимание к проблеме и статистика числа привлеченных к уголовной ответственности за наркопреступления.¹ Так, в 2017 году

число лиц, в отношении которых вступили в законную силу обвинительные приговоры, составило 697,5 тыс., из них 102,3 тыс. человек — за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Как видим, цифры внушительные. Ввиду огромного количества лиц, осужденных за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, любые изменения, которые так или иначе затрагивают данную категорию уголовных дел, должны быть детально регламентированы и не вызывать спорных вопросов.

В контексте актуальности обозначенного вопроса необходимо отметить мнение известного ученого-процессуалиста А.П. Рыжакова, который говорит о том, что «процедура рассмотрения о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа законодателем в ст. 446.2 УПК РФ досконально не прописана, но, безусловно, оно рассматривается не в рамках общих правил судебного разбирательства. Скорее всего, процедура судебного заседания в этом случае будет аналогична той, что предусмотрена для рассмотрения иных ходатайств органов предварительного расследования (об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и т.п.)»².

Согласно ст. 76.2 УК РФ условиями освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа являются: впервые совершенное лицом преступление небольшой или средней тяжести, возмещение ущерба или иным образом заглаживание причиненного вреда. Среди составов преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с назначением судебного штрафа может быть прекращено уголовное преследование по ч. 1 ст. 228, ст. 228.2, ст. 228.3, ч. 1 ст. 228.4, ч. 1 ст. 230, ч. 1 ст. 231, ч. 1 ст. 232, ст. 233, ч. 1 ст. 234, ч. 1 ст. 234.1 УК РФ.

Само содержание условия освобождения от уголовной ответственности «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести» не вызывает серьезных вопросов, фактически означая то, что уже на досу-

дебной стадии уголовного судопроизводства установлена и в полной мере доказана вина лица, совершившего преступление. Кроме того, постановление Пленума Верховного Суда РФ разъясняет, кто считается лицом, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести³, в частности: лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено; лицо, предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу, и т.д. При этом, говоря, что лицо совершило преступление, мы фактически подразумеваем, что виновность лица установлена и доказана.

При расследовании обозначенной категории уголовных дел вопросами, которыми задается дознаватель (именно ему подследственны данные дела), являются: имеет ли он право возбуждать ходатайство о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа; если да, то каковы пределы доказывания; нужно ли выполнять весь комплекс следственных действий, затрачивая на это значительное время и ресурсы или можно ограничиться минимально необходимым набором следственных действий, при выполнении которых в уголовном деле будут доказательства, позволяющие констатировать факт совершения определенным лицом преступления.

Специфика расследования уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотиков требует проведения целого комплекса следственных действий: 1) судебных экспертиз: физико-химической — по изъятым веществам (несмотря на наличие в материалах предварительной проверки справки о первоначальном исследовании этих же веществ), по смывам с ладоней и пальцев рук задержанного с наркотическим средством лица; наркологической — по определению наличия у задержанного заболевания наркоманией, его возможного принудительного лечения; 2) проверки показаний на месте, где проверяются ранее данные показания, более точно устанавливается место преступ-

ления; 3) допросов в качестве свидетелей понятых, которые участвовали при изъятии наркотических средств; 4) других следственных действий, например осмотра предметов.

Представляется, что для установления вины можно и нужно ограничиться лишь минимально необходимым набором следственных действий, никакой необходимости в проведении всего комплекса нет.

Как правило, в материалах проверки сообщения о преступлении уже имеются результаты исследования, проведенного специалистом относительно изъятых наркотических средств. То есть факт того, что это вещество является наркотическим и оно запрещено в свободном обороте на территории Российской Федерации, установлен до возбуждения уголовного дела. Показания понятых, участвовавших при изъятии наркотического средства, будут идентичны между собой, а потому полагаем возможным ограничиться допросом одного понятого. Кроме того, считаем правильным отказаться от проведения проверки показаний на месте по рассматриваемой категории уголовных дел, если по таким делам дознавателем принимается решение о возбуждении перед прокурором ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа. В совокупности с признаками показаниями подозреваемого, которые фактически являются одним из условий применения указанной меры уголовно-правового характера, вина лица будет в полной мере доказана, а время, силы и ресурсы должностного лица

экономлены. В уголовном деле и в материалах, представленных в суд, будут: а) материалы предварительной проверки: документ, отражающий факт изъятия наркотического средства у конкретного лица (протокол личного досмотра), объяснения задержанного и понятых, присутствовавших при изъятии, справка об исследовании вещества, рапорт должностного лица об обнаружении признаков преступления; б) минимально необходимый объем следственных действий: протоколы допроса подозреваемого, одного понятого и должностного лица, производившего изъятие, а также осмотр предметов с последующим признанием их в качестве вещественных доказательств (по аналогии с производством дознания в сокращенной форме).

Таким образом, при правильном подходе к применению указанного института должностное лицо может извлечь максимальную выгоду, что выражается в проведении минимально необходимого набора следственных действий по рассматриваемой категории уголовных дел и, соответственно, более ускоренном их расследовании.

---

¹ Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/Statisticheskiy_obzor_po_sudimosti_2017.pdf (дата обращения: 20.01.2019).

² Рыжаков А.П. Прекращение уголовного дела: новое основание : учебное пособие. 2016. С. 6.

³ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 // СПС КонсультантПлюс.

Майорова Л.В.,

кандидат юридических наук, доцент

Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Плошкина Я.М.,

кандидат юридических наук, доцент

Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ВОЗМЕЩЕНИЕМ УЩЕРБА

Современное российское уголовно-процессуальное законодательство, определяющее особенности досудебного производства по уголовным делам в случае возмещения ущерба, часто подвергалось изменениям. Это связано со стремлением законодателя к достижению компромисса, с одной стороны, достижения в экономии ресурсов при осуществлении правосудия, способствованию возмещения ущерба, а с другой – нарушением принципа неотвратимости ответственности.

Очередные изменения связаны с принятием 27 декабря 2018 года Федерального закона № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 533-ФЗ).

Указанным законом расширяются основания освобождения от уголовной ответственности. Взамен освобождению от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности появилось основание освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ) за счет расширения перечня преступлений, содержащихся в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, уголовные дела по которым подлежат прекращению при условии возмещения ущерба, причиненного гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, а лица, впервые совершившие данные преступления, освобождаются от уголовной ответственности. До принятия Федерального закона № 533-ФЗ по данному основанию освобождались от уголовной ответственно-

сти лица, совершившие преступления из списка ст. 76.1 УК РФ, только в сфере экономической деятельности. После принятия Федерального закона № 533-ФЗ освободить от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба возможно не только за совершение ряда преступлений в сфере экономической деятельности, но и преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина (присвоения авторства (плагиата) – ч. 1 ст. 146 УК РФ, нарушения изобретательских и патентных прав – ч. 1 ст. 147 УК РФ) и ряда преступлений против собственности (в частности мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (чч. 5-7 ст. 159 УК РФ), присвоения или растраты (ч. 1 ст. 160 УК РФ), причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ч. 1 ст. 165 УК РФ), а также преступлений небольшой тяжести, сопряженных с мошенническими действиями в сфере кредитования, при получении выплат, с использованием электронных средств платежа, в сфере страхования, в сфере компьютерной информации (ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.3, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6 УК РФ).

Какова практическая значимость указанных изменений? Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ введенные в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ составы преступлений редко применяются на практике. Так, за первое полугодие 2018 г. число осужденных лиц за присвоение авторства (плагиата) (ч. 1 ст. 146 УК РФ) – 1 человек, нарушение изобретательских и

патентных прав (ч. 1 ст. 147 УК РФ) – 1 человек; присвоение или растрату (ч. 1 ст. 160 УК РФ) – 1133; причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ч. 1 ст. 165 УК РФ) – 5 человек; за квалифицированные виды мошенничества (ч. 5–7 ст. 159, ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.3, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6 УК РФ) – 1674 человек. В то время как за общеуголовное мошенничество (чч. 1-4 ст. 159 УК РФ), которое чаще всего вменяется, однако не предусмотрено Федеральным законом № 533-ФЗ, были осуждены за первое полугодие 2018 г. 8219 человек.¹ Учитывая, что введенные в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ составы преступлений нечасто применяются на практике, проблематично будет достичь заявленные в пояснительной записке к законопроекту цели: «дальнейшее формирование благоприятного делового климата в стране, сокращение рисков ведения предпринимательской деятельности, а также создание дополнительных гарантий защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования»².

Кроме того, расширение оснований освобождения от уголовной ответственности усугубило имеющуюся проблему, связанную с конкуренцией несколько законных оснований освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76.1 и 76.2 УК РФ). Особо остро конкуренция проявляется между ст. 76.1 и 76.2 УК РФ, которые содержат не только позитивное постпреступное поведение виновного, но и реальные штрафные санкции, поскольку предполагают не только возмещение причиненного ущерба, но и перечисление в федеральный бюджет определенной денежной суммы.³ В силу п. 15.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» частичное выполнение условий, предусмотренных ст. 76.1 УК РФ, лицом, совершившим преступление небольшой или средней тяжести в сфере

предпринимательской и иной экономической деятельности, может быть достаточным для освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 75, 76 или 76.2 УК РФ, при условии выполнения содержащихся в указанных нормах требований. Получается, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести в сфере экономической деятельности, без выплаты, к примеру, двукратного возмещения в федеральный бюджет может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Как отмечают некоторые исследователи, подобный подход не согласуется с логикой законодателя, закрепившего в главе 11 УК РФ специальные виды освобождения от уголовной ответственности.⁴ В связи с этим ряд исследователей полагают недопустимым применение ст. 76.2 УК РФ к составам преступлений, содержащимся в ст. 76.1 УК РФ.⁵ Однако, на наш взгляд, это не соответствует п. 15.1 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором не предусмотрено каких-либо исключений в отношении преступлений в сфере экономической деятельности.

Если до указанных изменений в УК РФ конкуренция норм возникала при совершении лицом преступления небольшой или средней тяжести только в сфере экономической деятельности, то принятие Федерального закона № 533-ФЗ привело к увеличению случаев конкуренции норм за счет расширения преступлений: не только преступления в сфере экономической деятельности, но и ряд преступлений против собственности и конституционных прав и свобод человека и гражданина. Рассматриваемый закон фактически установил новый вид освобождения от уголовной ответственности – в связи с возмещением ущерба независимо уже от классификации преступлений по видовому объекту преступления. Вводя данные изменения, законодатель, по сути, «размывает» существующие виды освобождения от уголовной ответственности, поскольку

возмещение ущерба как условие освобождения от уголовной ответственности присутствует во всех статьях, закрепляющих основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76.1 и 76.2 УК РФ). Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести и возместившее причиненный преступлением ущерб, может выбирать исходя из конкретных обстоятельств дела различные варианты освобождения от уголовной ответственности. Например, не удалось примириться с потерпевшим, существует возможность прекратить уголовное дело в связи с назначением судебного штрафа.

Кроме того, норма, содержащаяся в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, при наличии ст. 76.2 УК РФ теряет свою значимость, поскольку для освобождения от уголовной ответственности по ч. 2 ст. 76.1 УК РФ помимо возмещения ущерба требуется перечисление денежного возмещения в федеральный бюджет в двукратном размере причиненного ущерба.⁶ При назначении же судебного штрафа требуется только возместить ущерб или иным образом загладить причиненный вред. В соответствии со ст. 104.5 УК РФ размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Если же штраф не предусмотрен соответствующей статьей Осо-

бенной части УК РФ, размер судебного штрафа не может быть более двухсот пятидесяти тысяч рублей. Возникает резонный вопрос: «Зачем платить больше?» Из всего изложенного следует, что ст. 76.1 УК РФ является скорее резервным механизмом, которым можно воспользоваться, когда ясно, что следователь или судья не намерены освобождать лицо от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа.⁷

¹ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (дата обращения: 17.01.2019).

² Сопроводительные документы к проекту Федерального закона № 593998-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ», внесенному Президентом РФ в Государственную Думу ФС РФ 24.11.2018.

³ Антонов А.Г. Является ли основанием освобождения от уголовной ответственности ст. 76.2 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»)? // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 17-19; Горбань А.В. Уголовно-правовое воздействие сегодня: возможные альтернативы // Российский следователь. 2018. № 10. С. 34-37.

⁴ Горбань А.В. Указ. раб.

⁵ Лобанова Л.В., Мкртчян С.М. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2016. № 6 С. 111-121.

⁶ Саркисян А. Об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением вреда. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ob-osvobozhdenii-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-v-svyazi-s-vozmeshcheniem-ushcherba/> (дата обращения: 04.12.2018).

⁷ Там же.

Ужахов А.С.

Сунженский районный суд Республики Ингушетия

Цели применения наказания по уголовному законодательству России

Предупреждение совершения новых преступлений является одной из целей применения уголовного наказания, наряду с восстановлением социальной справедливости и исправлением осужденного (ч. 2 ст. 43 УК РФ), и активно изучается в юридической литературе.¹

Основа профилактического подхода к применению наказания также имеет

место в ч. 1 ст. 2 УК РФ, согласно которой к задачам данного нормативного правового акта относятся, помимо прочего, предупреждение преступлений. Это отчасти конкретизируется в ст. 98 УК РФ, где целями применения принудительных мер медицинского характера являются излечение отдельных категорий лиц, в том числе осужденных при

отбывании уголовных наказаний, или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ (это же в общих чертах подтверждается и в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»).

В то же время цели наказания, определенные в ч. 2 ст. 43 УК РФ, не всегда надлежаще закреплены в других положениях уголовного законодательства. С учетом того, что теоретически применение наказаний охватывает как назначение, так и исполнение наказаний, получается, что предупреждение преступлений должно быть ориентировано на соответствующие правовые институты. Однако в нормах уголовного законодательства это соответствующим образом не предусмотрено.

Так, в УК РФ предупреждение совершения новых преступлений не упоминается в принципах уголовного права, не предусмотрено достижение этой цели в нормах, касающихся общих вопросов назначения наказания (говорится только в ч. 1 ст. 60 УК РФ, что более строгий вид наказания назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания – прим. авт.), в том числе при применении условного осуждения, при досрочном освобождении от наказания и др.

В целом же в уголовном законе отсутствует нормативное закрепление подхода, требующего при назначении наказания максимально учитывать необходимость достижения целей наказания (что вряд ли обоснованно – прим. авт.), и только в ч. 3 ст. 60 УК РФ лишь указывается, что при назначении наказания учитываются различные обстоятельства, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного (но и здесь отсутствует даже упоминание о необходимости предупреждения совершения новых преступлений – прим. авт.).

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 22 декабря 2015 г.

№ 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» также, к сожалению, отмечает, что по ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания судам надлежит учитывать влияние назначенного наказания, помимо прочего, на исправление осужденного (абз. 3 п. 27) без упоминания предупреждения совершения новых преступлений. В абз. 1 п. 27 данного постановления также имеет место подход, определенный ч. 1 ст. 60 УК РФ, относительно назначения более строгого вида наказания.

В этой же главе уголовного закона исправление осужденных упоминается в ст. 73 и 74 УК РФ при применении института условного осуждения, не относящегося к наказаниям.

В то же время представляется, что эффективное предупреждение совершения нового преступления возможно только в случае, когда осужденному назначено справедливое наказание, требующее необходимости достижения и рассматриваемой цели наказания при его назначении.

В связи с этим следует поддержать подход Пленума Верховного Суда РФ, который в постановлении от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» увязывает в п. 1 назначение вида исправительного учреждения с достижением целей наказания, несмотря на то, что ст. 58 УК РФ подобного положения не содержит.

В гл. 9 УК РФ, в которой перечислены и в целом раскрывается содержание всех наказаний, одна из целей – исправление осужденного (но не предупреждение совершения новых преступлений – прим. авт.), также упоминается (кроме ст. 43) только в ч. 2 ст. 53.1 при назначении принудительных работ.

В этом случае не ясно, почему же законодатель упоминает только эту цель при назначении лишь одного вида наказания – принудительных работ? Можно ли тогда говорить о том, что при назначении подавляющего большинства наказаний (штрафа, обязательных работ, исправительных работ, лишения

свободы на определенный срок и др.) не планируется достижение всех целей, указанных в ч. 2 ст. 43 УК РФ? Ответа на данный вопрос в законе нет.

Анализ положений гл. 12 и 13 УК РФ, посвященных досрочным видам освобождения от наказания, показывает, что применение их подавляющего большинства не увязано законом с достижением целей наказания. Так, ни в одном из таких видов не предусмотрено, что они реализуются для предупреждения совершения новых преступлений, и лишь исправление осужденных указывается при условно-досрочном освобождении (ч. 1 ст. 79 УК РФ), а также при решении вопроса о сокращении срока отсрочки отбывания наказания и об освобождении осужденного от отбывания наказания (ч. 4 ст. 82 УК РФ).

Подобная неопределенная позиция находит отражение и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», где о предупреждении совершения новых преступлений не говорится ни слова (аналогичная ситуация имеет место в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» – прим. авт.), в отличие от исправления, в частности, в п. 1, согласно которому условно-досрочное освобождение может быть применено только к тем осужденным, которые для своего исправления не нуждаются в полном отбывании назначенного судом наказания. При этом сами по себе цели применения уголовного наказания упоминаются лишь единожды безотносительно к условно-досрочному освобождению – согласно п. 4 постановления от 21 апреля 2009 г. № 8, в отношении лица, отбывающего содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы, по ч. 1 ст. 80 УК РФ основанием замены оставшейся не отбытой части наказания более мягким видом наказания является поведение осужден-

ного в контексте достижения именно целей наказания (без конкретизации – прим. авт.).

В процессе назначения наказания (или вместо него – прим. авт.) также применяются такие институты, как, например, условное осуждение (ст. 73 и 74 УК РФ), принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90-92 УК РФ), принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ), конфискация имущества (гл. 15.1 УК РФ), судебный штраф (гл. 15.2 УК РФ).

Однако по уголовному законодательству предупреждение совершения новых преступлений предусматривается только в отношении принудительных мер медицинского характера (ст. 98 УК РФ). При этом целью условного осуждения и принудительных мер воспитательного воздействия выступает только исправление осужденного, а цели конфискации имущества и судебного штрафа вообще в уголовном законодательстве не закреплены.

Таким образом, по уголовному закону получается, что частично назначение отдельных наказаний и досрочное освобождение от некоторых из них должно ориентироваться на достижение исправления осужденного, в то время как подавляющее большинство указанных уголовно-правовых институтов вообще не связано с достижением целей наказания (данный подход представляется ошибочным – прим. авт.). Думается, что законодателю следовало бы или сразу обозначить, что назначение наказаний и досрочное освобождение от них должно осуществляться для достижения всех целей наказания, или в каждой конкретной норме закона конкретизировать, какие цели должны достигаться при их применении.

---

¹ Зубкова В.И. Роль уголовного наказания в предупреждении преступлений // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 1. Т. 12. С. 27-30; Мальцев В.В., Стрилец О.В., Канубриков В.А. Предупреждение преступлений как цель криминологической деятельности и уголовного наказания // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2 (21). С. 135-141; Орлов В.Н. Специальное (частное) предупреждение престу-

плений как цель уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества//

Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2007. № 1. С. 102-106.

Степашин В.М.,

кандидат юридических наук, доцент
Омский государственный университет имени Ф.М.Достоевского

ПАРАМЕТРЫ СТРОГОСТИ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ

В перечне ст. 44 УК РФ законодателем недостаточно строго соблюден принцип расположения видов наказаний в зависимости от их строгости. В юридической литературе последних лет на это обстоятельство также неоднократно обращалось внимание. Еще в начале прошлого века Я. Эстрин критиковал систему наказаний за то, что сама «лестница наказаний, их общее расположение ... создает представление, будто они сгруппированы в порядке убывающей тяжести, но *этот* порядок далеко не выдержан»¹. Более того, отмечается большая строгость некоторых уголовно-правовых мер по сравнению с уголовным наказанием.

Все правила применения наказания (назначения наказания, замены наказания более строгим, освобождения от отбывания наказания) исходят из презумпции бесспорной и точной классификации наказаний по их строгости. Действующее уголовное законодательство не признает обязательным учет содержания уголовных наказаний при применении их судами: правоприменитель учитывает лишь место того или иного вида наказания в перечне, предусмотренном ст. 44 УК РФ. Механическое применение этих правил способно исказить принципы назначения наказания при формальном, отметим, соблюдении закона. Например, применение вместо штрафа обязательных либо исправительных работ, ограничения свободы может повлечь не ужесточение наказания, а существенное его смягчение.

Дифференциация отдельных видов наказания по их свойствам вызывает наибольшие затруднения у судей: в хо-

де диссертационного исследования М.В. Кирюшкина многие респонденты даже отказались отвечать на вопросы анкеты.² Аналогичны результаты анкетирования, проведенного нами: почти у 7% опрошенных вопрос о соответствии расположения наказаний в перечне ст. 44 УК РФ их сравнительной тяжести вызвал затруднения. В то же время большинство практических работников согласилось с тем, что этот принцип соблюден не в полной мере (54,29%) либо не соблюден вовсе (11,43%).

Как представляется, разрешить выявленную проблему возможно следующими способами: 1) путем реконструкции системы наказаний; 2) путем конкретизации правил о применении наказания.

Однако первый подход как способ решения рассматриваемой проблемы не может быть реализован в принципе. Построение четко ранжированного перечня наказаний в зависимости от их репрессивности исключено, поскольку:

1) *количественные и качественные показатели репрессивности большинства видов наказания вариативны.* Нельзя, например, сопоставить штраф и лишение свободы, не учитывая их, соответственно, размер и срок. Если большая строгость двадцати лет лишения свободы по сравнению со штрафом в размере пяти тысяч рублей очевидна, то сопоставление двух месяцев лишения свободы и полумиллиардного штрафа — нет. Качественные показатели значительной части видов наказания (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свобо-

ды, лишение свободы и др.) существенно разнятся. Очевидно, например, что отбывание лишения свободы в колонии-поселении и в тюрьме по существу не просто разные подвиды лишения свободы, а разные виды наказаний;

2) возможность изменения качества и (или) количества репрессии не может быть в полной мере учтена при оценке строгости наказаний (например, замены одного вида наказания на другой при реализации правил назначения наказания, об освобождении от отбывания наказания, замены наказания на более строгое вследствие злостного уклонения от его отбывания и т.д.);

3) необходимо учесть обусловленность применения других мер уголовной ответственности (условного осуждения, отсрочки отбывания наказания) предварительным назначением конкретных видов наказания, что вряд ли достижимо;

4) *восприятие наказания осужденным чрезвычайно индивидуально и не может быть в полной мере учтено при ранжировании наказаний*. Как справедливо отмечает Н.В. Щедрин, восприятие карательных обременений зависит от многих индивидуальных качеств субъекта и объекта: возраста, пола, образования, социального статуса³;

5) невозможно в полной мере учесть специфику применения наказания по кругу лиц, в частности, ограничения, препятствующие назначению конкретного вида наказания (например, невозможность назначения обязательных работ беременным женщинам), а также его исполнению (например, обязательное освобождение от отбывания наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части военнослужащего в связи с заболеванием, не являющимся тяжелым, но препятствующим несению военной службы).

Второй подход предполагает уточнение, детализацию общих начал назначения наказания и правил применения отдельных положений УК РФ о применении наказания. Учет фактической строгости конкретного наказания применительно к конкретному осужденно-

му за конкретное преступление возможен исключительно при назначении индивидуализированного наказания, при этом окончательная оценка репрессивности наказания может существенно отличаться от законодательно установленной в ст. 44 УК РФ. Формальный учет лишь места того или иного вида наказания в «лестнице наказаний» явно недостаточен.

В связи с этим представляется необходимым внести изменения и дополнения в ч. 3 ст. 60 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также содержание назначаемого наказания и его влияние на исправление осужденного и на условия жизни его семьи».

Иногда считается весьма сложным соотносить наказания с разным содержанием карательного потенциала, однако в основе любой классификации наказаний находится именно *содержание карательных элементов*, базисные правоограничения.

Уголовно-правовая репрессия не абстрактна, она характеризуется определенностью, которая может быть конкретизирована в следующих параметрах, *обуславливающих ее строгость*: а) качество; б) интенсивность; в) количество; г) универсальность репрессии; д) условность репрессии.

Качество репрессии – минимальная совокупность правоограничений, т.е. лишений и ограничений конкретных прав и свобод, присущих общему правовому статусу человека и гражданина, и возлагаемых на виновное лицо конкретных специальных обязанностей. При ранжировании видов наказаний в перечне ст. 44 УК РФ и санкциях норм Особенной части УК РФ используется только этот показатель.

Интенсивность репрессии – степень ограничения или лишения прав, либо/и их вариативность. Различия в интенсивности репрессивного воздействия в действующем уголовном законе обу-

словлены тем, что *одна и та же мера уголовно-правового воздействия может*: 1) предусматривать *разную степень ограничения одного и того же права либо однородных прав* (лишение права занимать определенные должности, лишение свободы); 2) предусматривать лишение (ограничение) *разных, хотя и однородных прав* (лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград); 3) предусматривать лишение (ограничение) *разных, хотя и однородных комплексов прав* (исправительные работы); 4) *помимо минимальной совокупности правоограничений, которые определяют качественный показатель репрессии, включать и дополнительные ограничения (лишения) прав*, предусмотренные как уголовным, так и уголовно-исполнительным законодательством (условное осуждение, ограничение свободы, лишение свободы). Благодаря различной интенсивности репрессии некоторые меры уголовно-правового воздействия могут делиться на подвиды, существенно отличающиеся по репрессивности.

Количество репрессии – продолжительность и/или размер уголовно-правового репрессивного воздействия. Этот показатель должен в полной мере учитываться при сопоставлении не только мер наказания одного вида, но и определении репрессивности разных мер уголовно-правового воздействия.

Универсальность репрессии характеризуется самой возможностью применения конкретных мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим преступления. Для большинства мер ответственности установлены существенные ограничения в их применении, которые выражаются: 1) в запрете их назначения отдельным категориям лиц (обязательные, исправительные и принудительные работы) либо 2) в запрете их применения при определенных

обстоятельствах (лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград). Как правило, подобные ограничения обусловлены соображениями гуманности и/или спецификой порядка исполнения наказания. Запрет назначения наиболее мягких мер уголовно-правового воздействия должен иметь тщательное обоснование, поскольку из арсенала возможных репрессивных мер исключаются наиболее щадящие, а суд вынужден применять необоснованно строгую меру воздействия. Этот феномен предлагается именовать эффектом мнимой экономии репрессии.

Другой стороной универсальности выступает возможность назначения вида наказания, не предусмотренного санкцией нормы Особенной части УК РФ.

Условность репрессии означает возможность изменения качества, количества и (или) интенсивности репрессии в зависимости от соблюдения осужденным режима отбывания соответствующей меры, включая замену назначенной меры государственного принуждения более строгой.

О строгости репрессии свидетельствует учет *всей совокупности* названных параметров. Эти же параметры могут служить критериями сравнительной строгости репрессивных мер, относящихся как к одной подсистеме (разных видов наказания), так и к разным (наказания и других мер ответственности).

---

¹ Эстрин А.Я. О наказании по Уголовному кодексу и Руководящим началам // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 24-25. С. 3-4.

² Кирюшкин М.В. Социальная обусловленность наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 25.

³ Щедрин Н.В. О «теории относительности» уголовного наказания и ее экспериментальной проверке (статья) // Преступление и наказание в современном мире : тезисы 14 международной Балтийской конференции (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена. 24-26 июня 2011 г.). СПб., 2011. С. 134-139.

Кузьменкова С.В.,

кандидат юридических наук
Центр повышения квалификации руководящих
работников и специалистов МВД Республики Беларусь (г. Минск)

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ ОБЩИХ НАЧАЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ АРЕСТА

Достижение целей уголовной ответственности осуществляется именно путем избрания судом обоснованного и справедливого наказания на основе строгого соблюдения требований общих начал назначения наказания, закрепленных в ст. 62 УК Республики Беларусь (далее – УК РБ). Данные требования воплощаются в двух базовых принципах наказуемости преступления и преступника – законности и индивидуализации наказания, соблюдение которых при назначении наказания является для виновного практически воплощением справедливости уголовного закона и уголовной ответственности.

Начиная с 2001 г. арест занял существенное место в системе применяемых судами Республики Беларусь наказаний за совершение нетяжких преступлений. Так, уже в 2002 г. к аресту были осуждены 4780 человек, или 8,9% от общего числа осужденных к иным видам наказания и мерам уголовной ответственности. В числе осужденных к аресту 1791 человек осуждены за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности, 1555 – за совершение менее тяжких преступлений, 1343 – за совершение тяжких преступлений и 42 – за совершение особо тяжких преступлений. В 2005 г. к аресту были осуждены 8322 человека (10,7%), из них за совершение тяжкого преступления – 16, а за совершение особо тяжкого преступления – 4 человека. Уровень применения ареста в 2010 г. достиг 15% (9217 чел.). В последние пять лет (2013-2017 гг.) уровень применения ареста оставался стабильно высоким: в 2013 г. – 18% (6926 чел.); 2014 г. – 18% (7312 чел.); 2015 г. – 16,4% (7126 чел.); 2016 г. – 16,2% (7266 чел.); в 2017 г. – 16,6% (7177

чел.). В среднем в пределах от 55 до 65% арест назначался судами за совершение менее тяжких преступлений, то есть чаще, чем за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Таким образом, арест стал стабильно значимым и востребованным наказанием преступников, совершивших нетяжкие преступления, что усиливает важность правильной правовой оценки уголовно-правовой и криминологической сущности данного наказания.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РБ (Общие начала назначения наказания) суд назначает наказание с учетом положений Общей части УК РБ в пределах, установленных статьей Особенной части, предусматривающей ответственность за совершенное преступление. Именно в этом заключено одно из фундаментальных положений общих начал назначения любого наказания – положение о соблюдении требования законности избрания наказания, которое предусмотрено уголовным законом за совершение преступления. При назначении наказания требование законности обязывает суд соблюдать иные положения, нормы-принципы Общей части УК РБ, относящиеся к дифференциации преступлений и уголовной ответственности за их совершение на основе индивидуального и целевого подхода к назначению наказания.

А.В. Шидловский справедливо отмечает, что наказание в виде ареста может быть законным, но несправедливым, если оно назначено без учета принципов личной виновной ответственности и индивидуализации наказания.¹ Истинно законным может быть только справедливое наказание, а именно назначенное с соблюдением всех

принципов, сформулированных в ст. 3 УК РФ и при соблюдении всех требований, обусловленных принципом индивидуализации наказания. Данный принцип считается «той основой, которая обеспечивает принятие справедливого решения в отношении виновного в каждом конкретном случае с учетом всех необходимых обстоятельств»². Именно справедливость при назначении наказания способна обеспечить осознание осужденным своей вины и позволит ему оценить назначенное ему наказание за совершенное преступление как должное, что очень важно в плане достижения целей уголовной ответственности посредством применения наказания, в том числе ареста. Наказание только тогда осознается преступником, когда воспринимается им как собственное наказание за причиненное им зло другим.

При назначении наказания в виде ареста суд должен учитывать положения ч. 1 ст. 54 УК РФ, согласно которым арест состоит в содержании осужденного в условиях строгой изоляции и устанавливается на срок от одного до трех месяцев, в отношении несовершеннолетних – от одного до двух месяцев (ст. 114 УК РФ).

Предусмотренный срок является предельным для ареста. В связи с этим в санкциях статей Особенной части УК РФ максимальные и минимальные сроки ареста не указываются.

Таким образом, общие начала назначения наказания являются нормами организационными, они призваны способствовать реализации уголовно-правовых санкций на дифференцированной и индивидуальной основе при определении конкретного наказания в точном соответствии с уголовным законом.³

Вместе с тем, как правильно отмечает В.М. Хомич, пределы индивидуализации уголовной ответственности зависят от уровня дифференциации преступлений по характеру и степени их опасности и соответственно наказаний и иных мер уголовной ответственности, которые могут быть назначены за совершение конкретных преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ.⁴

В Особенной части УК РФ достаточно подробно дифференцирована уголовная ответственность с установлением соответствующих санкций, основанных на альтернативности применения различных по строгости наказаний за совершение конкретных преступлений. При этом принцип дифференциации уголовной ответственности в санкциях осуществляется на основе классификационной тяжести преступлений по характеру базовых объективных и субъективных признаков уголовной противоправности соответствующих преступлений, а индивидуализация наказания (уголовной ответственности) для конкретного лица, совершившего преступление, разрешается на уровне установления общих правил назначения наказания.⁵

Таким образом, санкция раскрывает правовой смысл уголовного наказания, указывая на его вид и размер, выполняя одновременно роль меры уголовной ответственности, реализуемой в форме осуждения лица к уголовному наказанию с его отбыванием.

Наказание в виде ареста, по общему правилу, может применяться судом в случаях, предусмотренных санкцией статьи Особенной части УК РФ, которая предусматривает ответственность за совершенное преступление. Арест может применяться к лицу, совершившему преступление, в порядке назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом за данное преступление (ст. 70 УК РФ), а также в порядке замены неотбытой части наказания более мягким наказанием (ст. 91 УК РФ). Тем не менее согласно базовому правилу, определяющему возможность применения ареста в качестве наказания, суд может применить данное наказание, если оно предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК РФ, устанавливающей ответственность за совершенное преступление.

В связи с этим возникает вопрос: «За совершение каких преступлений должен быть предусмотрен и предусматривается арест? Этот вопрос имеет существенное значение, поскольку как применение наказания, так и его установление в санк-

циях статей должно отвечать положениям Общей части УК РБ: соответствовать характеру общественной опасности деяния и характеру виновности, быть оптимально соразмерным для достижения целей уголовной ответственности, позволять суду дифференцированно назначать арест в качестве единственно правильного наказания.

Полагается, что наказание арестом должно быть предусмотрено в санкциях статей Особенной части УК РБ, предусматривающих ответственность за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и менее тяжкие преступления, которые по характеру деяния и его мотивации могут совершаться вследствие сознаваемого или неосознаваемого, но безответственного отношения лица к требованиям безопасного проявления собственной свободы поведения в обществе. Так, наказание в виде ареста должно применяться при следующих условиях, относящихся к характеристике преступления и совершившего его лица: а) совершенное преступление не относится к категории тяжкого; б) по отношению к социальному окружению лицо психологически предрасположено к девиантному пове-

дению, которое носит импульсивно-ситуационный характер и в основном обусловлено отсутствием категорично-значимой ответной реакции на его поведение со стороны социального окружения; в) степень антиобщественной направленности и опыт усвоения криминальной субкультуры у лица, совершившего преступление, незначительны; г) правонарушитель не подвергался ранее изоляции в качестве наказания за совершенное преступление или иное правонарушение.

¹ Шидловский А.В. Назначение наказания по уголовному праву Беларуси. Минск : Белорусский государственный университет, 2015. С. 116.

² Иванов А.А. Цели юридической ответственности, ее функции и принципы // Государство и право. 2003. № 6. С. 68.

³ Становский М.Н. Назначение наказания. СПб.: Пресс, 1999. С. 8.

⁴ Хомич В.М. Кризис лишения свободы и проблемы формирования либеральной уголовной политики // Криминология: вчера, сегодня, завтра : труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. Бишкек, 2003. С. 50.

⁵ Хомич В.М. Уголовно-правовая оценка тяжести совершенного преступления и дифференциации мер уголовной ответственности // Право и демократия: сборник научных трудов / Белорусский государственный университет. Минск, 2003. Вып. 14. С. 241.

Леонтьева Ю.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Овчинко О.А.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ОТСРОЧКА ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ (СТ. 82.1 УК РФ): ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Любая уголовно-правовая норма не является произвольным актом законодателя, она всегда предопределена большим количеством факторов, образующих предпосылки такого решения. Введение нормы об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией обусловлено, с одной стороны, стратегическими задачами государственной антинаркотической политики, в частности

такой из них, как сокращение спроса на наркотики, с другой — соображениями о недостаточной эффективности уголовно-правового воздействия на больных наркоманией лицо в ситуации реального отбывания им лишения свободы.

Цель отсрочки отбывания наказания заключается в том, что она позволяет лицу, признанному больным наркоманией, которому впервые назначено на-

казание в виде лишения свободы за совершение преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, не связанное с их незаконным сбытом, не нести бремя уголовного наказания за совершенные противоправные действия, при условии добровольного курса лечения, медицинской и социальной реабилитации.

Вместе с тем, введя в уголовный закон отсрочку отбывания наказания лицу, больному наркоманией, законодатель не конкретизировал основания ее применения, хотя при этом достаточно четко обрисовал условия, при которых она может быть применена.

В толковом словаре русского языка основание раскрывается как процесс действия по глаголу «основать», «основывать», соответственно, одно из значений слова «основание» – причина, достаточный повод, оправдывающий что-либо. Понятие «условие» раскрывается как «обязательные обстоятельства, предпосылки, определяющие, обуславливающие существование или осуществление чего-либо».

Отталкиваясь от указанного, полагаем, что фактическим основанием этого вида отсрочки следует выделить внутреннее убеждение суда о возможности достижения целей уголовного наказания в отношении больных наркоманией лиц без реального его исполнения. Под юридическим (формальным) основанием следует понимать указание на применение отсрочки в приговоре суда.

Условиями применения отсрочки наказания лицам, больным наркоманией, следует определить:

- совершение лицом определенных преступлений – предусмотренных частями первыми ст. 228, 231 и ст. 233 УК РФ;
- впервые назначение наказание в виде лишения свободы за их совершение;
- признание осужденного больным наркоманией в установленном порядке;
- выраженное осужденным желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию.

Отсрочка может быть применена судом до окончания лечения и меди-

цинской и социальной реабилитации, но не более чем на пять лет.

Казалось бы, государством сделан важный и очень нужный шаг в сторону избавления страны от наркомании. Однако так ли это на самом деле?

Анализ статистических данных свидетельствует, что удельный вес лиц, к которым была применена отсрочка отбывания наказания, в 2015 г. – первом полугодии 2018 г. устойчиво составлял 0,12-0,15% от общего количества лиц, осужденных к лишению свободы за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков.¹ Всего за этот период она была применена к 225 лицам.

Констатируем при этом устойчивый рост в этой категории осужденных удельного веса лиц, которым наказание назначено условно, – 1,6% в 2015 г., 7,9% – в первом полугодии 2018 г. Хотя нельзя не отметить, что обязанность пройти курс лечения и (или) реабилитации при назначении условного осуждения также возлагалась на осужденных в весьма незначительном объеме²: в 2015 г. – на 3464 (2,9%), в 2016 г. – на 2493 (2,3%), в 2017 г. – на 2836 (2,8%) осужденных. Но даже эти цифры в 15-20 раз больше, чем применение ст. 82.1 УК РФ.

Почему же «не работает», казалось бы, такая своевременная и актуальная норма? Ведь ее принятие в 2011 г. аргументировалось не только состоянием криминогенной обстановки, но и ее соответствием международным конвенциям и опытом работы подобных институтов в зарубежных странах.

Причин этому, на наш взгляд, несколько. Здесь и ограниченный перечень деяний, при совершении которых может быть применена ст. 82.1 УК РФ, и конкуренция данной нормы с условным осуждением, в которой определено «проигрывает» норма об отсрочке, и ряд иных моментов.

Наличие ограниченного количества составов, при совершении которых возможно применение ст. 82.1 УК РФ, обосновывалось тем, что «соответствующие посягательства, как правило, совершаются больным наркоманией лицом в целях обеспечения личного по-

требления наркотиков»³. Однако объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 233 УК РФ, выражается либо в незаконной выдаче, либо незаконной подделке рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ. И в первом случае деяние может быть совершено только специальным субъектом. Логично предположить, что это альтернативное деяние автоматически «выпадает» из указанного перечня. Вызывает закономерный вопрос обоснованность существования в уголовном законе нормы, направленной на разрешение ситуации в отношении даже не трех, а двух с половиной составов.

Более того, все три преступления относятся к категории небольшой тяжести, в случае их совершения впервые положения ст. 82.1 УК РФ вступают в конкуренцию с другими нормами об освобождении от уголовной ответственности и от наказания. Такие лица могут быть освобождены от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), осуждены условно (ст. 73 УК РФ), к несовершеннолетним могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90, 92 УК РФ).

Применение отсрочки требует добровольного желания лица пройти лечение и медицинскую и социальную реабилитацию, однако лечение лиц, страдающих наркоманией, и их реабилитация занимают около двух лет и не менее двух лет должна составлять ремиссия. Следовательно, с момента предоставления отсрочки до освобождения от наказания осужденный находится под контролем уголовно-исполнительной инспекции не менее четырех лет. А если осужденный откажется от добровольного лечения от наркомании и ему назначат наказание, не связанное с лишением свободы, контроль за ним прекратится гораздо раньше. Простая математика не способствует добровольному изъятию желания, требующемуся для применения отсрочки.

Если ко всему указанному прибавить, что коммерческие центры в боль-

шинстве своем не имеют права оказывать лечение от наркомании, условия в государственных центрах не всегда способствуют стремлению попасть туда, а также стоимость коммерческой реабилитации и явно недостаточное количество государственных центров, оказывающих такие услуги, становится совершенно очевидным, что, если государство считает необходимым лечение и реабилитацию таких лиц, требуется создание достаточно широкой сети государственных лечебных и реабилитационных учреждений и разработка механизма оказания в них услуг по решению суда.

Кроме указанного следует отметить, что формулировка ч. 1 ст. 82.1 УК РФ указывает на совершение «преступления, предусмотренного ...», то есть буквальное толкование данной нормы приводит к выводу о том, что при назначении наказания по совокупности преступлений или приговоров по правилам, предусмотренным ст. 69 и 70 УК РФ, рассматриваемый вид отсрочки отбывания наказания не может быть применен даже в случае совершения деяний, указанных в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ.

Возможность освобождения от отбывания наказания лица, употребляющего наркотические средства, существует в законодательстве многих стран, хотя и обозначается разными терминами: приостановление наказания с испытанием в Германии, отложение назначения наказания и отсрочка исполнения наказания в Бельгии, отсрочка назначения наказания во Франции, условное осуждение в Швейцарии, Швеции. Различные виды отсрочки, как бы они ни назывались, предполагают возложение каких-либо обязательств на лицо, к которому они применены. Например, законодательством Германии предусмотрена возможность освобождения от реального отбывания срока наказания лица, употребляющего наркотики, в случае согласия на добровольное лечение при условном осуждении или на период отсрочки. Во Франции – принудительное лечение осужденных в качестве альтернативы реальному отбыванию наказа-

ния, а в Дании прохождение курса лечения от наркомании предусмотрено в качестве обязанности, возлагаемой осужденному на период испытательного срока отсрочки. Однако возможность отсрочки лицу, больному наркоманией, предусмотрена как часть общей практики условного осуждения или испытательного срока отсрочки. Право применять нормы, в соответствии с которыми отбывание наказания приостанавливается, в ряде стран предоставляется не только суду. Такие возможности относятся к компетенции прокуроров в Австрии, Бельгии, Голландии, Португалии, Финляндии, Франции и ряде других стран, тюремной администрации – в Дании, префектов – в Италии.

Совершенно очевидно, что введение ст. 82.1 в УК РФ было шагом политическим, а не социально обусловленным. Полагаем, наличие этой нормы в УК РФ противоречит общим принципам российского права, поскольку фактически регламентирует не повторяющуюся общую ситуацию, а нечто, отдаленно на-

поминающее казус, регламентация какового в законе не свойственна российскому праву. Считаем целесообразным исключение нормы, предусмотренной ст. 82.1, из УК РФ и расширение практики возложения обязанности пройти лечение и реабилитационные мероприятия при назначении условного наказания, что, на наш взгляд, более соответствует и целям уголовного закона, и сложившейся наркоситуации в стране, и требованиям назначения в каждом случае справедливого наказания.

---

¹ Здесь и далее: сведения по форме № 6-МВ-НОН «Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ» Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

² Прохорова М.Л., Полтавец В.В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Наркоконтроль. 2018. № 3.

³ Кобзева Е.В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Законность. 2012. № 6. С. 51.

Сурихин П. Л.,

кандидат юридических наук, доцент

Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

СИСТЕМНАЯ ОШИБКА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ

На первый взгляд УК РФ содержит все необходимые нормы для того, чтобы охранять общественные отношения, позволяющие развиваться государству, обществу и человеку. В нем определено, что есть преступление и их конкретные виды, какое наказание возможно за их совершение, а когда допустимо освобождение от него. Правоприменительная практика в своей массе строго придерживается положений УК РФ. Тем не менее при прочих равных условиях одни нормы УК РФ эффективны – обеспечивают охрану требуемых общественных отношений, а другие нет; решения судов по одним преступлениям имеют превентивный эффект, а по другим создают ощущение безнаказанности.

У каждой уголовно-правовой нормы есть достаточно точные и строгие гипотеза, диспозиция, санкция; определены правила назначения наказания и освобождения от него; существует сложившаяся судебная практика, но динамика преступности даже на фоне общего снижения ее состояния весьма разнонаправлена либо остается стабильной по отдельным видам преступлений. Как принято говорить – в комплексе причин этого явления есть и уголовно-правовая составляющая. Да, есть, но она несколько сложнее, чем ее традиционное представление в виде несовершенства норм закона или практики его применения. Закон и практика постоянно и интенсивно совершенствуются, но их эф-

фективность в плане решения задач УК РФ остается перманентно искомой.

Причиной сформулированной проблемы следует назвать системную ошибку, вложенную в нормы уголовного права, а как следствие, и в практику его применения. Сложность современного поиска и устранения этой причины заключается в том, что она не имеет описания в тексте закона или теоретических источниках, в буквальном смысле ее там нет. Системная ошибка в уголовном праве это отсутствующее должное свойство нормы (совокупности ее элементов: гипотезы, диспозиции, санкции), характерное только норме, но не какому-либо ее элементу отдельно взятому.

Системную ошибку в уголовном праве невозможно сегодня обнаружить по причине того, что в одноименной науке исследуются, как правило, отдельно взятые элементы нормы: гипотеза – Общая часть уголовного права или даже отдельные ее институты, нормы; диспозиция нормы Особенной части в отрыве от санкции – наказания; санкция – отдельные виды наказания или система наказаний как таковая в отрыве от диспозиций норм Особенной части.

Стоит справедливо отметить при этом, что ряд ученых представляют уголовное право как систему и ведут исследования в этом направлении, но недостаточно уделяют внимание обозначенной проблеме.¹ Системную ошибку в уголовном праве можно увидеть только в том случае, если анализировать уголовно-правовую норму как систему, и она будет (ошибка) – отсутствие системного эффекта (эмерджентности²) – что непосредственно в уголовном праве проявляется в необеспечении охраны общественных отношений.

Можно подумать, что эмерджентность складывается из пустоты, а системная ошибка в уголовном праве есть отсутствие этой пустоты. Это не так или почти не так. Эмерджентность – это новое свойство совокупности элементов, объединившихся для достижения общей цели, не характерное отдельно взятому элементу или какой-либо их части, способное обеспечить желаемый

результат. Цель объединяет необходимые элементы, становится для них общей, «отталкивает» ненужные или они самоудаляются, формирует структуру, управление элементами. Так происходит до тех пор, пока эта «незрелая» совокупность не обретет эмерджентность и не перерастет таким образом в систему.

Именно совокупность: самой цели, элементов, их качества, структуры взаимодействия, управления процессами функционирования отдельных элементов их частей и целого порождает свойство эмерджентности, если она оптимальна, и тем самым создает условие для достижения поставленной цели. Либо совокупность не оптимальна, а формальна, и не имеет такого эффекта. Обратите внимание на то, что это две внешне совершенно идентичные ситуации, но по существу принципиально разные – одна «рабочая», другая нет.

Изложенное требует пояснения в преломлении на уголовно-правовую материю. Рассмотрим конкретные примеры системных ошибок в уголовном праве или, правильно будет сказать, один большой, сложный пример, поскольку только так можно увидеть отсутствие эмерджентности. Положим в основу ситуацию – немедицинское потребление наркотиков.

УК РФ содержит ст. 228, которая запрещает незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков без цели сбыта. Вопрос: «А с какой целью? Что этим хотел сказать законодатель в диспозиции статьи?» Вероятно, предполагается, что все эти действия должны быть совершенны в интересах исполнителя, исполнителем для себя, т.е. незаконно приобрел себе наркотик, незаконно хранит наркотик для себя и т.д. Другими словами, субъект данного преступления – реальный участник немедицинского потребления наркотиков либо потенциальный. В этом случае: почему прямо не указана цель альтернативных действий, предусмотренных в диспозиции; почему не предусмотрено собственно «потребление»; почему установлен минимальный объем наркотика? И вообще, в чем за-

ключается общественная опасность данного преступления: в значительном весе наркотика или в причинении вреда здоровью населения посредством немедицинского потребления наркотиков его конкретными членами и, таким образом, в целом общественной безопасности? Очевидно, что размер наркотика здесь никакого значения не имеет. А при таких обстоятельствах диспозиция нормы обеспечивает поставленную перед ней задачу охраны общественной безопасности (ст. 2 УК РФ)? Нет, не обеспечивает – эмерджентность уголовно-правовой нормы отсутствует.

Далее допустим, что привлекли наркомана к уголовной ответственности, суд должен определить наказание. Санкция в нашем случае предусматривает альтернативу видов наказаний: штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение либо лишение свободы. Какое из перечисленных наказаний может исключить немедицинское потребление наркотика осужденным наркоманом? Учитывая личность подсудимого, можно предположить, что только лишение свободы при условии идеального его исполнения, но практически даже данный вид наказания не сможет этому препятствовать. В таком случае обеспечивает ли санкция нормы реализацию поставленных перед ней частных задач в виде охраны медицинского потребления наркотиков, здоровья населения и общую задачу – охрана общественной безопасности (ст. 2 УК РФ)? Ответ – весьма условно, а вероятно, что не обеспечивает, тем самым лишает норму эмерджентности.

Более того, существующая система уголовных наказаний предусматривает адекватное эффективное наказание за преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ? Из предусмотренных ст. 44 УК РФ это, наверное, только смертная казнь, но ее применение по данному преступлению недопустимо законом (ч. 1 ст. 59 УК РФ) и фактически запрещено даже в законных случаях. Стоит также признать, что в нашем случае смертная казнь нарушает принцип экономики уголовно-правовой репрессии.

Таким образом, даже сама так называемая «система наказаний» не эмерджентна, не позволяет решать задачи, предусмотренные ст. 2 УК РФ, блокируя решение задач нормами Особенной части УК РФ.

Предположим, подсудимый наркоман, что называется, оказался хорошим человеком, который оступился в жизни, но способен и желает исправиться без привлечения к уголовной ответственности или применения к нему наказания.

Соответственно в плане анализа представляют интерес две нормы УК РФ. Первая предусмотрена примечанием к ст. 228 УК РФ, вторая – ст. 82.1. Сдал наркотики – освободили от уголовной ответственности; согласился отказаться от немедицинского потребления наркотиков (будущего участия в незаконном обороте наркотиков без цели сбыта) – освободили от наказания за совершенное преступление. Ситуации вполне стандартные для освобождения от уголовной ответственности или наказания и формально не отличаются от других схожих, например: освобождение от уголовной ответственности за факт добровольной сдачи оружия (примечание к ст. 222 УК РФ) или освобождение от наказания беременной женщины (ст. 82 УК РФ).

Тем не менее законодатель не берет во внимание, что наркоман – особый преступник, практически не способный отказаться от потребления наркотиков и, как следствие, от совершения преступлений. В силу таких обстоятельств нормы, изложенные в примечании к ст. 228 УК РФ и в ст. 82¹, не эмерджентны, не позволяют решить задачу ни предупреждения преступлений, ни охраны общественной безопасности (ч. 1 ст. 2 УК РФ), хотя прямо для этого предназначены (ч. 2 ст. 2 УК РФ).

Если обобщить, то в итоге мы имеем ситуацию, когда УК РФ предусматривает уголовную ответственность за преступление, виновные привлекаются к уголовной ответственности, но продолжают совершать данное преступление. И нет этому конца. Системная ошибка не позволяет норме охранять общественное отношение.

Предваряя общий вывод по работе, следует акцентировать, что анализ прямо касался в целом уголовно-правовых отношений, обусловленных уголовно-правовыми нормами на предмет системной ошибки. Частная ситуация с немедицинским потреблением наркотиков использовалась только в качестве примера. Выявленная проблема характерна и для многих других неэффективных норм уголовного права.

Таким образом, системная ошибка в уголовном праве — это уголовно-правовая норма, не обладающая эмерджентностью, не создающая совокупностью своих элементов нового свойства, благодаря которому становится достижима непосредственная цель, охрана конкретного общественного отношения,

и вышестоящие, наиболее общие. Такая ошибка обусловлена механистическим представлением о норме уголовного права или даже ее части как обособленной самодостаточной единице при ее законодательном конструировании, а также при последующем применении и совершенствовании.

¹ См., напр.: Бойко А.И. Системная среда уголовного права : автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. М., 2008; Денисова А.В. Системная среда уголовного права: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. М., 2018; Понятовская Т.Г. Проблема качества уголовно-правовой охраны // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2011. № 3. С. 83-86.

² Гайдес М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ). С. 25. URL: <http://www.хаос.ru>; Анохин П.К. Очерки по теории функциональных систем. М., 1975. С. 25.

Перетолчин А.П.

Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Человечество сталкивается с мошенничеством на протяжении всей своей истории. Уголовным законом Российской Федерации мошенничество определяется как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Обман, или ложь, введение в заблуждение, искажение истины — все эти понятия подвергаются философскому анализу в трудах многих мыслителей различных эпох. В ряде философских исследований просматривается тенденция интерпретации лжи как неотъемлемой составляющей человеческой жизни. Об этом, в частности, говорит Д.И. Дубровский: «Ложь проникла во все сферы человеческого бытия, человеческий мир не только создает для лжи беспристрастные возможности, но и имеет ложь одним из своих начал, нет такого вида социальной деятельности, где бы ни встречался обман»¹.

Ложь — уникальный феномен социальной действительности и социокуль-

турных традиций. В связи с этим феномен обмана следует рассматривать не только в этическом, социологическом, психологическом плане, но и в правовой плоскости, через призму обусловленности противодействия тому или иному явлению.

В юридической науке при возникновении вопроса о социальной обусловленности правовой нормы принято говорить об определении критериев криминализации или декриминализации того или иного деяния, то есть социальной обусловленности уголовно-правового запрета.²

Основное внимание при исследовании проблем социальной обусловленности уголовно-правовых мер противодействия мошенничеству возлагается на решение ключевой проблемы соответствия существующей уголовно-правовой нормы реальному положению дел, социальной опасности преступного деяния, совершаемого путем обмана или злоупотребления доверием.³

Исходя из положений УК РФ, родовым объектом мошенничества с использованием электронных средств платежа являются отношения в сфере экономики, видовым выступает собственность безотносительно ее форм.

Статья 8 Конституции РФ гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности. В соответствии с ее ст. 35 право частной собственности охраняется законом. Мошенничество представляет непосредственную угрозу для реализации вышеупомянутых конституционных положений.

Вопросы борьбы с экономической преступностью, в том числе с различного рода мошенническими действиями, становятся все более актуальными. Мошенничество приобретает все большие масштабы и проявляется в новых и своеобразных формах.

По количеству зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений в год мошенничество уступает только краже. Так, в соответствии с отчетом ГИАЦ МВД России о состоянии преступности в России за 2017 год зарегистрированы 2 058 476 преступлений. Из них 1 161 241 (52,2%) составляют хищения чужого имущества. Более 19% от общего числа преступлений против собственности составляет мошенничество. При этом в отличие от других видов преступлений данной категории число мошеннических деяний продолжает расти (+6,6% в сравнении с аналогичным периодом 2016 года, +10,8% в сравнении с 2015 годом). Раскрыто в прошлом году немногим более четверти мошенничеств (56 178).⁴ Кроме того, большая часть преступлений данной категории остается латентными, что существенно искажает представление о действительном состоянии, динамике, структуре, тенденциях развития отдельных видов преступлений, о величине и характере ущерба.⁵

Объем несанкционированных операций с использованием электронных средств платежа за прошедшие три года

остается на стабильно высоком уровне: 1147 млн рублей в 2015 году; 1075,4 млн рублей в 2016 году и 961 млн рублей в 2017 году. Однако в последние несколько лет наметилась тенденция значительного роста объема ущерба от указанных преступных деяний посредством сети Интернет и устройств мобильной связи (CNP-транзакции): 2015 год – 569,8 млн руб.; 2016 год – 714,9 млн руб.; 2017 год – 726,4 млн руб. Подобный характер тренда может быть обусловлен смещением вектора интересов пользователей и провайдеров услуг в сторону сети Интернет в рамках повышения доступности платежных услуг, вследствие чего вектор интересов злоумышленников (поступательно за вектором интересов пользователей и провайдеров услуг) смещается от банкоматов и организаций торговли в сторону CNP-транзакций. При этом, по данным Центрального Банка России, доля несанкционированных операций с использованием электронных средств платежа, о которых отсутствуют сведения о направлении информации в правоохранительные органы, или соответствующая информация не направлялась, составляет 97%.⁶

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Управления «К» МВД России, число преступлений, совершенных при помощи компьютерных и телекоммуникационных технологий, в России в первом полугодии 2018 года в сравнении с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 50,06% (80 127 преступлений за 6 месяцев 2018 года, 39 993 – аналогичный период 2017 года). В видовом соотношении статистические данные свидетельствуют, что самая большая доля, а именно 37% из числа всех совершенных за этот период компьютерных преступлений, приходится на мошенничество с использованием электронных средств платежа. По данным вышеуказанных ведомств, в первом полугодии количество таких мошенничеств в сравнении с прошлым годом увеличилось в 7 раз.⁷

Уровень грамотности россиян в сфере информационной безопасности позволяет мошенникам из года в год

успешно использовать информационные технологии и средства связи в сочетании с приемами так называемой социальной инженерии (злонамеренное введение в заблуждение путем обмана или злоупотребления доверием) для хищения денежных средств с личных счетов или банковских счетов работодателей. Так, по данным Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Департамента информационной безопасности Банка России (ФинЦЕРТ Банка России), в 2017 году мошенники похитили у физических лиц более 1 миллиарда рублей.⁸

В настоящее время все чаще расчет по сделкам осуществляется депозитными или кредитными пластиковыми картами либо бесконтактным способом оплаты, а равно с помощью мобильных устройств с заранее установленным специализированным программным обеспечением.

Современной тенденцией является усовершенствование форм и видов хищений, предметом которых выступают электронные средства платежа. В данной сфере мошенничество приобретает все более разнообразные и высокотехнологичные формы и виды. Законодатель порой не всегда успевает своевременно отреагировать, отразив их в криминализации соответствующих норм.

До недавнего времени ст. 159.3 УК РФ устанавливала ответственность за мошенничество с использованием платежных карт. 23 апреля 2018 года Президент России Владимир Путин подписал Федеральный закон № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», предусматривающий изменение наименования ст. 159.3 УК РФ и изложение ее названия в следующей редакции: «Мошенничество с использованием электронных средств платежа».

Данные законодательные изменения связаны со стремлением государства усилить борьбу с современными проявлениями мошенничества, характерными для современного общества с рыночной моделью деятельности, потребления и соответствует актуальной тенденции

криминализации деяний в данной сфере, наряду с либерализацией уголовной ответственности за отдельные составы преступлений в сфере экономики.⁹

По мнению законодателя, такое нововведение обосновано тем, что достаточно часто совершению подобных преступлений предшествует длительная, тщательная подготовка, включающая в себя ряд деяний, выявление которых представляется непростой задачей, равно как и доказывание преступности данных действий. Преступления совершаются, как правило, лицами, имеющими специальные знания, навыки. Введение более широкого определения способа совершения мошенничества позволяет частично устранить проблемы, связанные со спецификой способа совершения данного преступления – использование удаленного доступа к банковскому счету, а также электронному кошельку при помощи современных технических средств и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Внесение поправок говорит о том, что государство признает высокую общественную опасность подобных деяний.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что обоснованность криминализации мошенничества с использованием электронных средств платежа не вызывает сомнений, растущее с каждым годом число преступлений данной направленности обуславливает необходимость применения, в том числе и законодательных, уголовно-правовых мер, направленных на защиту интересов общества и государства, прав человека, обеспечение сохранности его собственности как одного из ключевых институтов права.

¹ Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: РЭИ, 1994. С. 22.

² Кудрявцев В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., Юрист, 1995. С.3.

³ Тураев М.-А.В. Социально-экономическая обусловленность дифференциации уголовной ответственности за мошенничество в уголовном законодательстве России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 297.

⁴ Отчет ГИАЦ МВД России о состоянии преступности в России за январь-декабрь 2017 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 27.09.2018). С. 4–5.

⁵ Рогова Е.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 2 (77). С. 38.

⁶ Обзор несанкционированных переводов денежных средств за 2017 год (ФинЦЕРТ Банка России). URL: http://www.cbr.ru/statichtml/file/14435/survey_transfers_17.pdf (дата обращения: 26.12.2018).

⁷ Российская газета. 2018. № 196 (7659).

⁸ Отчет Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Департамента информационной безопасности Банка России (ФинЦЕРТ Банка России) 01.09.2017 – 31.08.2018. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/50959/survey_0917_0818.pdf (дата обращения: 17.12.2018). С. 20.

⁹ Рогова Е.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 2 (77). С. 38.

Бархатова Е.Н.,

кандидат юридических наук
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

**ОТГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА, СОПРЯЖЕННОГО С ПРЕДНАМЕРЕННЫМ
НЕИСПОЛНЕНИЕМ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА,
ОТ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ
И (ИЛИ) ИНОГО ИМУЩЕСТВА**

Особый интерес в вопросе отграничения мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательства, от смежных составов преступлений вызывает ст. 172.2 УК РФ «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества». В данной статье речь, по сути, идет о так называемых финансовых пирамидах.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, состоит в привлечении денежных средств или иного имущества физических и (или) юридических лиц в крупном размере (т.е. согласно примечанию к ст. 170.2 УК РФ на сумму свыше 2 млн 250 тыс. руб.). При этом денежные средства или имущество лиц, привлеченные позже, используются в качестве оплаты процентов с «вкладов» лицам, привлеченным ранее. Поскольку организация, осуществляющая такое привлечение средств, не имеет другого источника существования, кроме как вклады привлеченных физических или юридических лиц, разумеется, лица, привлеченные в организацию позднее,

некоторое время находятся «в проигрыше», не получая выплат с вложенных средств. Привлеченные денежные средства или иное имущество не используются в качестве инвестиций, а также не участвуют в иной законной предпринимательской деятельности. Иными словами, происходит некое «перераспределение денежных средств и имущества» между лицами-участниками. Деяние опасно тем, что лица, осуществившие вклад последними, рискуют остаться без прибыли в случае, если организатору привлечения средств не удастся больше никого привлечь. Как правило, лица, чьи средства привлекаются в подобную организацию, не осведомлены об источниках их будущей прибыли. Осведомленность возникает на более поздних этапах, когда первые вовлеченные в организацию лица получают постоянную и возрастающую прибыль.

Объектом преступления выступают нормальные экономические отношения, заключающиеся в получении прибыли от законного оборота денежных средств и имущества (купли-продажи, инвестиций). В данной ситуации заранее предполагается наличие потерпевшей сто-

роны, когда система «изживает» себя, т.е. «верхушка пирамиды» получит прибыль за счет «нижнего слоя», который обречен на потерю своих средств. Кроме того, в результате подобных действий не извлекается прибыль для организации в целом, соответственно, не уплачиваются налоги в бюджет Российской Федерации. Подобная организация существует как некий «паразитирующий организм» в экономическом пространстве нашего государства.

Однако стоит отметить, что умыслом субъекта преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, не охватывается безвозмездное завладение чужим имуществом. Затраты возмещаются в течение определенного времени, и субъект преступления рассчитывает на то, что ему удастся осуществлять свою деятельность длительное время, привлекая вкладчиков и обеспечивая их соответствующей прибылью, извлекая, разумеется, определенный доход и для себя.

Данная деятельность не регистрируется в качестве предпринимательской, а потому является незаконной даже в рамках гражданско-правовых отношений.

Субъектом подобной деятельности может выступать любое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

Таким образом, организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества отличается от мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, в первую очередь по объекту преступления. В первом случае преступление посягает на нормальную экономическую деятельность в части получения доходов от инвестиций. Во втором случае объектом преступления выступают отношения собственности.

Объективная сторона рассматриваемых преступлений схожа. В обоих случаях имеет место неисполнение (полное или частичное) обязательств по договору (относительно ст. 172.2 УК РФ – в отношении последних вкладчиков). Однако и здесь имеются существенные различия. Так, если речь идет о мошен-

ничестве в сфере предпринимательской деятельности, то предполагается, что сама деятельность осуществляется на законных основаниях, однако в рамках данной законной деятельности возникают выходящие за рамки правового поля отношения. Организация привлечения средств в смысле ст. 172.2 УК РФ, как уже было указано выше, сама по себе незаконна, хотя по внешним признакам и схожа с нормальной предпринимательской деятельностью. Отличие этих видов деятельности состоит в том, что в первом случае в результате определенных действий извлекается прибыль для организации (за счет определенных трудовых затрат), а во втором – организация ничего не производит и не извлекает прибыль, общую для организации. Затраты не окупаются, доход сверх расхода не извлекается. Именно потому, что последний вид деятельности не относится к предпринимательской, в случае, когда умысел лица изначально направлен на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием под видом привлечения денежных средств или иного имущества граждан или юридических лиц для целей инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности, которую фактически не осуществляло, Пленум Верховного Суда РФ рекомендует квалифицировать подобное деяние как простое мошенничество (чч. 1-4 ст. 159 УК РФ), но не как мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

Исходя из разъяснений Пленума, можно сделать вывод о том, что рассматриваемые преступления отличаются также по субъективной стороне. Разумеется, и первое, и второе деяние совершаются с прямым умыслом, однако направленность умысла и цель различны. При мошенничестве умысел направлен на завладение чужим имуществом, при привлечении денежных средств – на неправомерное перераспределение данного имущества между привлекаемыми участниками и извлечение за счет данных действий прибыли.

Кроме того, из различий, касающихся объективной стороны (отсутствия составляющего предпринимательскую деятельность извлечения прибыли, а также законных оснований), вытекают и различия в субъекте преступления. Как уже указывалось, субъектом организации привлечения денежных средств может выступать любое лицо, достигшее шестнадцати лет, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя и не являющееся представителем юридического лица, поскольку осуществляемая им деятельность по су-

ти предпринимательской не является. Сторонами же договорных обязательств, речь о которых идет в чч. 5-7 ст. 159 УК РФ, могут быть только индивидуальные предприниматели и юридические лица.

Таким образом, при квалификации деяния необходимо акцентировать внимание на особенностях конструкции нормы, ориентироваться на разъяснения и рекомендации Пленума Верховного Суда РФ, учитывать особенности всех элементов каждого состава преступления и анализировать сложившуюся судебную практику.

Шинкевич Д.В.,

кандидат юридических наук
Главное следственное управление Главного управления МВД России
по Красноярскому краю

Кушкина О.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ФАКТОВ ХИЩЕНИЯ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА И ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Изменения уголовного закона, устанавливающего ответственность за хищение с использованием электронных средств платежа, на первый взгляд, выглядит достаточно обоснованным, хотя бы потому что в последнее время широкое распространение в следственной практике получили случаи хищений с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации (платежных карт и иных технических устройств). Действительно, широкое внедрение автоматизированных систем обработки и хранения информации, включая электронные финансовые средства, — неотъемлемая составляющая современной мировой экономики. Но наряду с удобствами у высоких технологий есть и обратная сторона: с каждым годом увеличивается число киберпреступлений. При этом объектами преступных посягательств все чаще становятся денежные средства обычных граждан.

С января по ноябрь 2018 г. правоохранительными органами Российской Федерации зарегистрированы 156 307 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, расследованы 38 773. Ущерб от преступлений составил 491,8 млрд рублей, что на 36,7% больше аналогичного показателя прошлого года. По данным официальной статистики за 2018 г., только на обслуживаемой территории МУ МВД России «Красноярское» зарегистрированы 389 преступлений, квалифицированных по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, из них раскрыты 59, а по сей день остаются неочевидными 215.¹

Полагаем, что изменение редакции ст. 159.3 УК РФ было продиктовано также наличием пробелов уголовного закона, предусматривающего ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа.

Дело в том, что первоначальная редакция ст. 159.3 УК РФ содержала ответственность только в отношении одного из возможных видов электронных средств платежа (платежных карт), что не позволяло в полной мере обеспечить уголовно-правовую охрану собственности граждан и юридических лиц. В соответствии с Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» электронное средство платежа – средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств. В связи с чем установление уголовной ответственности не только в отношении платежных карт, но и иных электронных носителей и технических средств, безусловно, является положительным качеством дополнений уголовного закона.

Вместе с тем анализ изменений уголовной ответственности за хищения с банковского счета или в отношении электронных денежных средств свидетельствует о возникших проблемах в уголовно-правовой оценке содеянного. В частности, возникает вопрос: «По каким критериям необходимо отграничивать кражу и мошенничество электронных денег и средств с банковского счета? Какое принять решение следователю при квалификации преступного деяния на стадии возбуждения уголовного дела?»

Анализ практики расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ показал, что с момента внесения Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации изменений, предусматривающих повышенную уголовную ответственность за кражу чужого имущества с банковского счета, а равно электронных денежных средств, в органах

предварительного следствия края сложилась неоднозначная практика квалификации указанного преступления.

Принимая решение о привлечении лица в качестве обвиняемого и направляя уголовное дело прокурору для передачи в суд, следователи квалифицировали по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ следующие общественно опасные деяния.

1. Хищение денежных средств потерпевшего, который под влиянием обмана самостоятельно передает преступнику свои персональные данные и номера расчетных счетов, банковских карт, коды и прочие данные, после чего помимо воли потерпевшего (тайно для последнего) происходит изъятие денежных средств с его счета (*например приходит сообщение: «Ваша карта заблокирована, позвоните по номеру...», или звонят, представляются сотрудниками банка, Министерства (компенсации за товар), просят передать данные паспорта, номер карты, CVC-кода (три цифры на обороте банковской карты) и даже пин-код. Потерпевший, будучи уверенным, что разговаривает с сотрудником организации, выполняет требования, после чего происходит списание денежных средств со счета, помимо воли потерпевшего. К этому же виду относится хищение при купле-продаже товаров через интернет-сайты.* В данном случае обман рассматривается как способ совершения хищения.

2. Хищение денежных средств потерпевшего, который по указанию преступника проводит ряд операций на платежном терминале (банкомате), вследствие чего со счета потерпевшего денежные средства переводятся на счет преступника в результате подключения мобильного банка, либо получения доступа в личный кабинет, либо путем непосредственного перевода, когда потерпевший по различным причинам не осознает последствия своих действий. В данном случае обман также рассматривается как способ совершения хищения.

3. Хищение денежных средств с расчетных счетов банковских карт совершено посредством их обналичивания преступником с помощью платежных

терминалов (банкоматов) (*например, преступник похитил банковскую карту, либо получил ее от потерпевшего для снятия определенной суммы (покупки), после чего, зная пин-код, снял посредством банкомата денежные средства*).

Судами Свердловского, Балахтинского, Боготольского, Назаровского районов, г. Норильска, г. Зеленогорска в 2018 году рассмотрены уголовные дела и вынесены обвинительные приговоры по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ в отношении лиц, осуществлявших переводы денежных средств со счетов потерпевших на свой счет, в том числе, посредством использования «Мобильного банка», QIWI Кошелька и прочих.

Обобщение судебно-следственной практики в других регионах Российской Федерации свидетельствует о том, что в Свердловской, Самарской, Челябинской, Кемеровской, Томской, Московской, Иркутская областях, в Пермском крае и других субъектах РФ действия преступников, похитивших денежные средства с банковского счета гражданина, квалифицируются по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В Иркутской области в первом полугодии 2018 года принимались решения о возбуждении уголовных дел по рассматриваемым ситуациям по ч. 2 ст. 158 УК РФ, однако со второго полугодия (с введением специального состава в УК РФ) практика изменилась.

Вместе с тем с ноября 2018 г. в Красноярском краевом суде при рассмотрении в апелляционном порядке ряда уголовных дел установлено нарушение норм уголовного закона при квалификации данных деяний по п. г ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Так, 18 декабря 2018 г. судебной коллегией Красноярского краевого суда по апелляционному представлению прокуратуры г. Норильска, утвердившей обвинительное заключение и поддержавшей в суде обвинение, вынесен апелляционный оправдательный приговор в отношении Голуба В.Д., осужденного судом г. Норильска по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, за хищение 1000 рублей с банковского счета Сурковой посред-

ством использования программы «Мобильный банк».²

В качестве оснований суд указал, что по смыслу закона неотъемлемым признаком объективной стороны тайного хищения чужого имущества с банковского счета является обязательное оказание незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на информационно-коммуникационные сети. В противном случае, учитывая тайный способ хищения, действия должны быть квалифицированы как кража, даже если снятие денежных средств совершено путем использования учетных данных собственника, полученных путем обмана последнего и использования его мобильного телефона, либо, как в данном случае, ошибочно подключенной услуги «Мобильный банк».

Кроме того, судебной коллегией по уголовным делам Красноярского краевого суда изменен приговор в отношении осужденного Советским районным судом г. Красноярска по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ Кудрина.³

В ходе рассмотрения в апелляционной инстанции действия Кудрина переквалифицированы на ч. 2 ст. 158 УК РФ. В апелляционном определении указано, что Кудрин осуществлял переводы денежных средств от имени Кудриной Л.И., но при этом незаконного воздействия на банковский счет потерпевшей не осуществлял, т.е. *не применял технические средства и устройства, подменяющие собой персональные платежные инструменты потерпевшей* (банковская карта, «Мобильный банк»), открывающие доступ к банковскому счету.

Примечание: 7 мая 2018 г. последний тайно взял мобильный телефон Кудриной Л.И., к абонентскому номеру которого подключена услуга «Мобильный банк» банковской карты ПАО «Сбербанк России», и произвел безналичный перевод со счета Кудриной Л.И. на свой счет 7000 рублей, тем самым похитив их и причинив потерпевшей значительный материальный ущерб.

Аналогичные судебные решения вынесены апелляционной инстанцией

по фактам совершения краж с банковских счетов граждан посредством использования банковской карты и банкомата в отношении Нарышкина – Назаровский городской суд, в отношении Курникова и Гачко – ЗАТО г. Зеленогорск, в Ачинском городском суде, в Лесосибирском городском суде.

Таким образом, полагаем, что сложившаяся следственная практика привлечения к уголовной ответственности за кражу, совершенную с банковского счета, а равно электронных денежных средств по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, является соответствующей нормам уголовного законодательства.

Вышеуказанная позиция обусловлена следующим.

1. Согласно буквального толкования п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ под кражей, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ), понимается тайное изъятие денежных средств любыми способами, за исключением предусмотренных иными нормами УК РФ.

В частности, когда осуществляется тайное изъятие (снятие, перевод и проч.) денежных средств с банковского счета гражданина при помощи банковской карты, посредством программы «Мобильный банк», QIWI-переводов, Сбербанк-онлайн и проч., а также путем получения сведений от потерпевшего о его персональных данных, в частности номера банковской карты, номера счета, SVC-кода, пин-кода, путем обмана.

2. В целях привлечения к уголовной ответственности лиц, которые осуществляют хищение имущества путем незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на информационно-коммуникационные сети, в уголовном законе предусмотрена специальная ответственность по ст. 159.6 УК РФ, а в случае незаконного воздействия на банковский счет потерпевшего – по п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ.

Так, хищение чужого имущества путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе в случае хищения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, квалифицируется по ст. 159.6 УК РФ как мошенничество в сфере компьютерной информации.

3. По смыслу статьи 159.6 УК РФ иные способы хищения, не связанные с незаконным воздействием на программное обеспечение серверов, компьютеров или на информационно-коммуникационные сети, должны быть квалифицированы по ст. 158 УК РФ, в том числе в случае кражи, совершенной с банковского счета, – по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

В связи с тем, что анализ принятых следователями решений, а также вынесенных в 2018 г. районными судами и судебной коллегией по уголовным делам Красноярского краевого суда приговоров и апелляционных решений показал, что нормы уголовного закона, предусмотренные п. г ч. 3 ст. 158 и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 трактуются не единообразно, существует необходимость в дополнительном разъяснении со стороны законодателя с целью определения единого подхода к квалификации указанных преступлений на стадии возбуждения уголовного дела

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. Портал правовой статистики. URL: crimestat.ru (дата обращения: 01.02.2019).

² Апелляционный приговор Красноярского краевого суда от 18.12.2018. URL: https://kraevoy--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=11906932&delo_id=4&new=4&text_number=1.

³ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 29.11.2018 по делу № 22-7097/2018. URL: https://kraevoy--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=11936765&delo_id=4&new=4&text_number=1.

Ермаков М.Г.,

кандидат юридических наук
Омская академия МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ И ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ

Современные средства и способы доставки и оплаты товаров порождают новые способы распространения подконтрольных веществ, которыми пользуются как организованные преступные группы, так и отдельные преступные элементы по всему миру. Речь идет прежде всего о возможностях, предоставляемых сетью Интернет.

Одним из первых официальных международных документов, указавших на данную проблему, стал доклад Международного комитета по контролю над наркотиками ООН (далее - МККН) 1998 г., где отмечалось, что «использование таких новых технологий, как система "WorldWideWeb", представляет все более значительную угрозу для международных и национальных мер контроля. Наркотики и соответствующие принадлежности открыто продаются через Web-узлы»¹.

Как показали события последующих лет, МККН предвидел действительно глобальную проблему. Большая часть доклада 2011 г. была посвящена проблемам борьбы с незаконным сбытом психоактивных веществ с использованием сети Интернет. В докладе говорится, что «в течение последних нескольких лет Комитет неоднократно обращал внимание правительств на необходимость проведения совместной работы по расследованию и пресечению деятельности незаконных интернет-аптек и изъятию веществ, незаконно заказываемых через Интернет и доставляемых по почте»². Комитет отмечает, что «торговля веществами, находящимися под международным контролем, через незаконные интернет-аптеки продолжает процветать, асами аптеки пользуются все более разнообразными средствами для осуществления своей деятельности. После того как несколько поисковых интернет-серверов запрети-

ли использовать в рекламных ссылках зарегистрированные товарные знаки лекарственных препаратов, отпускаемых по рецепту врача, незаконные интернет-аптеки стали все активнее рекламировать свои веб-сайты через интернет-форумы и социальные сети»³.

Россия учла рекомендации Комитета, в ст. 228.1 УК РФ были внесены изменения, и с 1 января 2013 г. установлена ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) как квалифицированный состав незаконного сбыта, однако данное нововведение до сих пор не повлияло на оценку аналогичных действий с сильнодействующими и ядовитыми веществами.⁴

Современные способы распространения сильнодействующих и ядовитых веществ продолжают совершенствоваться. В докладе МККН 2016 г. указано, что «многие из новых психоактивных веществ, обнаруженных в Европе, были изготовлены компаниями, действующими на законных основаниях в Китае и, реже, в Индии. Эти компании через свои веб-сайты и интернет-магазины извещают о наличии у них возможностей для поставки новых психоактивных веществ в количествах от нескольких миллиграммов до сотен килограммов. Из стран-изготовителей крупные партии таких веществ отправляются в Европу морским или воздушным путем; меньшие количества доставляются покупателям напрямую экспресс-почтой и курьерскими службами»⁵.

В последнем докладе МККН (2017 год) отмечается, что «незаконные интернет-аптеки становятся все более массовым явлением, которое может вы-

звать серьезные проблемы в области здравоохранения. Продолжающийся рост доступа к Интернету во всем мире, широкая доступность онлайн-каналов связи и масштабы «глубокой сети» содействуют тому, что незаконный оборот наркотиков через Интернет, будь то через незаконные интернет-аптеки или другими средствами, становится значительной угрозой правопорядку»⁶.

Данные по России в докладе отсутствуют, однако проведенное нами исследование подтверждает отмеченную общую тенденцию к распространению сильнодействующих и ядовитых веществ с использованием сети Интернет.

Так, согласно исследованным нами приговорам по фактам незаконного распространения сильнодействующих или ядовитых веществ, такое деяние, как пересылка, во всех случаях совершалась с использованием сети Интернет, где лица договаривались, выбирали, оплачивали товар, устанавливали места встречи или способы и средства доставки товара. Источником приобретения веществ в 3,9% рассмотренных преступлений являлось получение заказов по сети Интернет, и это только те факты, которые были достоверно установлены в ходе предварительного расследования. В 55,61% случаев источник приобретения установлен не был, однако обстоятельства значительного количества указанных преступлений позволяют говорить о том, что лица так или иначе прибегали к помощи Интернета. Получение заказов по сети Интернет и контрабанда прежде всего связаны с приобретением биологически активных добавок и анаболических стероидов. Как отмечают исследователи, повышенная общественная опасность использования сети Интернет при совершении преступлений заключается в том, что «сама природа сети Интернет зачастую является благоприятной для совершения преступлений, так как такие ее свойства, как глобальность, трансграничность, анонимность пользователей, охват широкой аудитории, распределение основных узлов сети и их взаимозаменяе-

мость, создают преступникам, использующим Интернет, преимущества на всех этапах совершения преступления, а также позволяет эффективно скрываться от правоохранительных органов»⁷. Проведенные нами опросы показывали, что большинство анкетированных (85% сотрудников правоохранительных органов и 69% научных работников) также отмечают повышенную роль средств массовой информации и коммуникации как средства рекламы и считают нужным установить повышенную ответственность за совершение преступления с использованием данных средств.

В связи с вышесказанным, учитывая положения ст. 228.1 УК РФ, в целях унификации и повышения эффективности законодательства об обороте предметов, имеющих ограничения в обращении, предлагаем в качестве квалифицирующего признака включить в диспозицию ст. 234 УК РФ использование средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) как распространенные и обладающие повышенной общественной опасностью обстоятельства совершения данных преступлений.

¹ Доклад международного комитета по контролю над наркотиками ООН за 1998 г. Нью-Йорк, 1999 (извлечения) // Бабаян Э.А., Бардин Е.В., Гаевский А.В. Правовые аспекты оборота наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ и прекурсоров. Государственные и ведомственные акты. Методические материалы. Комментарии. Ответы на вопросы : в 2 ч. М., 2002. Ч. 2. С. 102.

² Доклад международного комитета по контролю над наркотиками ООН за 2011 г. Нью-Йорк, 2012. С. 48.

³ Там же. С. 49-50.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.03.2012 № 18-ФЗ.

⁵ Доклад международного комитета по контролю над наркотиками ООН за 2016 г. Нью-Йорк, 2017. С. 103.

⁶ Доклад международного комитета по контролю над наркотиками ООН за 2017 г. Вена, 2018. С. 126.

⁷ Дремлюга Р.И. Интернет-преступность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. С. 7.

Тепляшин П.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ ПО ПРИЗНАКАМ
«ПРИЧИНЕНИЕ КРУПНОГО УЩЕРБА» И «ИЗВЛЕЧЕНИЕ ДОХОДА В КРУПНОМ РАЗМЕРЕ»**

В сложившейся правоприменительной практике обнаруживается значительный объем проблемных вопросов, возникающих при уголовно-правовой оценке таких признаков состава ограничения конкуренции, как «причинение крупного ущерба» и «извлечение дохода в крупном размере».

С научных позиций уголовно-правовое толкование отмеченных признаков осложняется, с одной стороны, широтой соответствующей антимонопольной практики, с другой – крайне sporadическими случаями вынесения обвинительных приговоров по преступлению, предусмотренному ст. 178 УК РФ. В этом плане крайне актуально мнение А.В. Денисовой, которая пишет: «установление конкретной суммы ущерба или дохода именно от заключения картеля является особой проблемой в силу разнообразия форм картельного поведения»¹. Например, в части уголовно-правовой оценки ущерба, причиненного участниками антиконкурентного соглашения, которые при совместном участии в электронных аукционах без иных участников поддерживают цены на максимальном уровне путем подачи заявок с минимальным снижением максимальной (начальной) цены контракта, следует указать, что установить сумму такого ущерба, безусловно, крайне сложно, поскольку он фактически представлен не в конкретной материальной форме, а выражается в неблагоприятных для нормальной экономической конкуренции последствиях (например, в виде спада производства, росте дефицита товаров, снижении покупательской способности). Поэтому можно констатировать, что ущерб причиняется, но его установление является больше проблемой не уголовно-правового (хотя существенной проблемой выступает установление

причинно-следственной связи между вышеотмеченными действиями и наступившими последствиями – крупным ущербом), а уголовно-процессуального характера.

Вызывает научную полемику вопрос о приемлемости установления суммы ущерба путем сложения цен заключенных контрактов. Здесь требуется отметить, что объективно оценить причиненный ущерб таким образом практически невозможно, поскольку в этом случае используется так называемый подход приблизительной определенности. Ведь причиненный ущерб гражданам, организациям или государству прямо не связан с ценой контракта (которая зачастую рассматривается как право заключения контракта). При этом в аукционах может отсутствовать единообразие в определении цены контракта (например, «идущих на повышение»). Установленная на основе этого подхода сумма ущерба быстрее всего будет указываться в ответном судебном иске, а ее объективность поставлена под сомнение, что согласно ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ будет толковаться в пользу лиц, обвиняемых в совершении преступления. Следовательно, установление суммы ущерба посредством оценки заключенных контрактов (в том числе путем сложения цен контрактов) не отражает сущность уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 178 УК РФ, и поэтому не является приемлемым в квалификации преступного посягательства.

Обнаруживаются проблемы квалификации относительно содержания дохода, извлеченного в результате заключения антиконкурентного соглашения по поддержанию цены участниками картеля при совместном участии в электронных аукционах при отсутствии иных участников. Так, нельзя не постулиро-

вать наличие определенной оценочности такой категории, как «доход», поскольку она не имеет законодательного закрепления. Однако при установлении содержания данной категории рекомендуется исходить из прямой экономической выгоды, которая может быть достигнута посредством того, что, например, в результате заключения антиконкурентного соглашения хозяйствующими субъектами расходы, необходимые для производства и реализации какого-либо товара, существенно снизились, ротация состава продавцов или покупателей товара привела к изменению цены товара в сторону уменьшения (фактически — установлению монопольно низкой цены).

Также нельзя обойти вниманием проблему установления признака «извлечение дохода в крупном размере», предусмотренного диспозицией ч. 1 ст. 178 УК РФ. Предложенная на практике (например, Управлением Федеральной антимонопольной службы по Республике Тыва) методика суммирования цен заключенных контрактов представляется достаточно обоснованной. Так, использование единообразного толкования схожих признаков составов (тем более объединенных главой 22 УК РФ) и расчете дохода на основе пунктов 12 и 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» в данном случае допустимо. Это не про-

тиворечит принципу справедливости. В частности, уголовно-правовая оценка извлеченного дохода без вычета произведенных лицом расходов снижает степень общественной опасности ограничения конкуренции и тем самым может способствовать необоснованному избеганию виновными лицами уголовной ответственности. При этом такие термины, как «сопряжено» (применительно к ст. 171 УК РФ) и «повлекло» (применительно к ст. 178 УК РФ) имеют тождественное правовое содержание, что не препятствует единообразному толкованию схожих признаков составов указанных преступлений.

Таким образом, изложенные моменты демонстрируют правоприменительную сложность квалификации ограничения конкуренции по признакам «причинение крупного ущерба» и «извлечение дохода в крупном размере» и свидетельствуют о целесообразности законодательного пересмотра² конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ.

¹ Денисова А.В. Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» // Российский следователь. 2016. № 13. С. 28.

² В частности, см.: Абакумова Ю.И. Ограничение конкуренции (ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации): состояние и отдельные проблемы квалификации // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 4. С. 4-7.

Ступина С.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ТОЛКОВАНИИ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Современные социальные и криминологические реалии, которые не в полной мере учитываются при определении приоритетных направлений уголовной политики, свидетельствуют о недочетах в законодательной и право-

применительной деятельности, которые позволяют преступную деятельность трансформировать в сферу гражданских правоотношений.

Указанное особенно характерно для преступлений в сфере экономики.

Такое положение стало возможным не в один миг, а как следствие кумуляции отторжения специалистами правоохранительной сферы цивилистических начал. Заметим, что этого не лишена и законотворческая деятельность.

Зачастую криминалисты твердо убеждены, что положения гражданского законодательства для целей уголовного права должны быть использованы в несколько иной интерпретации, чем они понимаются непосредственно самим законодателем в рамках цивилистики.

Происходит то, о чем уже давно говорил И.Я. Фойницкий: «У нас в моде не обращать внимания на начала гражданского права при анализе уголовно-юридических вопросов, имеющих с ними самую тесную связь; эти начала свысока называют «тон» костями», упуская из виду, что гражданские и уголовные постановления писаны одним и те же законодателем и могут иметь своею задачею только охранение одних и тех же отношений. Ведь нельзя допустить, в самом деле, что по мысли закона одно и то же явление вызывает и не вызывает государственную охрану ввиду только того, к которому из отделений суда обратился потерпевший, нельзя думать что неправое, по закону в глазах одного суда является правым в глазах другого. Такое игнорирование начал гражданского права в высшей степени вредно отзываясь на прочности уголовно-юридической деятельности государства»¹.

Рассмотрим лишь малую часть вопросов важности всестороннего учета положений гражданского законодательства для уголовного права, и прежде всего для преступлений против собственности. Именно на примере этих преступлений наиболее ярко видны необходимость адекватного взаимодействия гражданского и уголовного права, а также воздействие норм частного права на уголовную политику, что справедливо отмечено в трудах А.Э. Жалинского, который отмечал, что «конечными последствиями взаимодействия норм уголовного (публичного) и гражданского (частного) права при регулировании сферы экономики являются: а) конкрет-

тизация предмета ведения; б) программирование юридического толкования и, следовательно, реального содержания применяемых норм, что имеет особое значение вследствие распространенной бланкетности уголовно-правовых норм; в) выявление материально-ценностного содержания норм, включая оценку явно или неявно заложенной в них общественной опасности или социальной вредности, оценку вины, т.е. того состояния психического отношения к деянию, которое конституируется как юридически значимое; г) расширение веера видов юридической ответственности; д) возникновение профилактических предпосылок соблюдения уголовно-правового запрета, когда запрет одного вида поведения сопровождается указанием на другие, разрешенные виды поведения».

Итак, что касается преступлений против собственности.

Собственность – категория двуединая (экономическая и правовая). Не вдаваясь в экономическую составляющую отношений собственности, рассмотрим некоторые аспекты правовой сущности этих отношений, которые, как полагаем, могут оказывать влияние на правильную квалификацию.

Так, в субъективном смысле право собственности определяется через триаду таких правомочий субъекта гражданских правовых отношений, как владение, пользование и распоряжение имуществом. При этом в п. 1 ст. 209 ГК РФ указывает на собственника имущества, раскрывает комплекс указанных субъективных прав собственника имущества.

Соответственно, при установлении основного объекта преступлений главы 21 УК РФ необходимо определить собственника имущества, что позволяет говорить именно о посягательстве на отношения собственности.

Закономерно возникает вопрос о квалификации в случае посягательства на чужое имущество, которое находится у потерпевшего не на праве собственности, а на ином праве законного владения. Заметим, что в ГК РФ положения о праве собственности расположены в разделе II, посвященном не только пра-

ву собственности, но и иным вещным правам.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» отмечено, что «осуществляя в соответствии со статьями 71 (пункты «в» и «о») и 76 Конституции Российской Федерации регулирование оснований возникновения и прекращения права собственности и других вещных прав, договорных и иных обязательств, оснований и последствий недействительности сделок, федеральный законодатель должен предусматривать такие способы и механизмы реализации имущественных прав, которые обеспечивали бы защиту не только собственникам, но и добросовестным приобретателям как участникам гражданского оборота».

Уголовное законодательство в равной степени должно защищать все вещные права. Как следствие, положения УК РФ о преступлениях против собственности направлены на охрану иных вещных прав, а также защиту прав добросовестного приобретателя. Понятие последнего обоснованно устанавливать из положений ст. 302 ГК РФ.

В контексте этого обращают на себя внимание разъяснения, данные, к примеру, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» о том, что потерпевшим от вымогательства может быть признан не только собственник или законный владелец, но и другой фактический обладатель имущества (например, лицо, осуществляющее охрану имущества либо имеющее к нему доступ в силу служебных обязанностей или личных отношений), которому причинен физический, имущественный или моральный вред.

Правда, с учетом изложенного по общественным отношениям, на которые

могут посягать преступления, предусмотренные главой 21 УК РФ, возникает закономерный вопрос о возможной модификации наименования рассматриваемой главы УК РФ.

Отдельного внимания заслуживают положения ГК РФ о моменте возникновения права собственности, поскольку если это право не возникло у лица, то посягательство не может нарушить права именно этого лица. Ориентир этому определен в ст. 223 ГК РФ, согласно которой прежде всего принимается во внимание момент передачи вещи, а в случаях, когда отчуждение имущества подлежит государственной регистрации — момент такой регистрации.

При этом определенную ясность для возникновения права собственности при регистрации вносят совместное постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 и Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

Дополнительно следует учитывать и положения ст. 136 ГК РФ о праве собственности на плоды, продукцию, доходы, полученные в результате использования вещи. Важно не забывать и об указании в ст. 606 ГК РФ на то, что плоды, продукция и доходы, полученные арендатором в результате использования арендованного имущества в соответствии с договором, являются его собственностью. К примеру, учет вышеуказанных положений позволяет верно квалифицировать факты неправомерного изъятия древесины именно как хищение, а не относить их к категории гражданско-правовых отношений в случае неполной передачи заказчику заготовленной по договору древесины.

Что касается предмета преступлений против собственности, традицион-

но, исходя из положений УК РФ, им выступает чужое имущество. При этом в статьях о мошенничестве также говорится и о праве на чужое имущество.

Согласно ст. 128 ГК РФ имущественные права относятся к имуществу. Соответственно, можно трактовать понятие имущества в уголовном праве по аналогии с гражданским правом, что в таком случае может поставить точку в давних спорах ученых о праве на имущество как предмете преступления и нивелировать предложения о закреплении таких прав в отдельные составы преступлений против собственности.

В контексте анализируемого представляет несомненный интерес указание Пленума Верховного Суда РФ в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» на то, что к предмету вымогательства по смыслу ст. 163 УК РФ относятся в том числе и исключительные права.

Предметом исключительных прав выступают результаты интеллектуальной деятельности или приравненные к ним средства индивидуализации.

Согласно законодательному определению вымогательства (ст. 163 УК РФ) предметом этого противоправного деяния являются: чужое имущество, право на чужое имущество, действия имущественного характера.

Как же с этим соотносятся результаты интеллектуальной деятельности, указанные в ст. 1225 ГК РФ? Только в

части того, что исключительное право является имущественным правом.

Ну и нельзя не упомянуть о таком важном термине, как ущерб, установление которого как признака объективной стороны преступлений против собственности немыслимо без его содержательной характеристики по ст. 15 ГК РФ.

Однако заметим, что в УК РФ применяется термин «ущерб», в то время как ГК РФ использует понятие «реальный ущерб».

Вместе с тем именно учет цивилистических начал при анализе понятий вреда, ущерба и убытков позволяет констатировать, что понятие «вред» по отношению к понятиям «убытки» и «ущерб» является более широким и отраслевым и в уголовном законодательстве под ущербом понимается именно реальный ущерб.

В целом можно еще много признаков составов преступлений против собственности рассматривать через призму положений гражданского законодательства, что, впрочем, актуально и для всех преступлений в сфере экономики. Именно это позволяет утверждать, что нельзя осуществить эффективную защиту личности, общества и государства без всестороннего учета начал гражданского права при анализе уголовно-правовых вопросов.

---

¹ Фойницкий И.Я. Мошенничество по действующему русскому праву. С.-Петербург, 1871. // Allpravo.Ru – 2005. URL: http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum4175/print4177.html#_ftn2.

Тулиглович М.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

«Человеческая культура в целом не только обладает памятью, но это память по преимуществу. Культура человечества – это активная память человечест-

ва, активно же введенная в современность», – так писал в «Письмах о добром и прекрасном» величайший знаток отечественной и мировой культуры ака-

демик Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906-1999).¹ Культурное наследие – материальные и духовные ценности народов, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, имеющие большое значение для сохранения и развития самобытности народов.

Значение отечественного культурного наследия уникально и многогранно. В качестве приоритетной задачи современного развития России ставится необходимость сохранения и возрождения объектов культурного наследия, преемственности лучших традиций культуры народов Российской Федерации.² В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 31 декабря 2015 г. № 683) понятие «культура» обозначена как стратегический приоритет устойчивого развития страны, необходимость сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей.

Конституцией РФ закреплено не только право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, доступ к культурным ценностям, но и обязанность граждан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44). Однако ежегодно национальная культура в связи с различными посягательствами на культурные объекты терпит значительные потери.

Основным источником угроз памятникам истории и культуры является человек. Ущерб культурному достоянию Российского государства чаще всего наносится в результате: хищений предметов истории и культуры; несанкционированного строительства; целенаправленного повреждения, разрушения и уничтожения памятников истории и культуры, расположенных на земельных участках, обладающих высокой инвестиционной привлекательностью; некачественных и непрофессиональных реконструкций и восстановлений памятников архитектуры; незаконных археологических раскопок.

Сохранение культурно-исторического потенциала страны необходимо и через сохранение культурно-исторического потенциала регионов. Современный Дальний Восток России – регион больших перспектив. Охватывает 36% территории Российской Федерации, находится в непосредственной близости от быстро растущих рынков Азиатско-Тихоокеанского региона. Из десяти субъектов Дальневосточного федерального округа Приморский край имеет особое значение. По сведениям, указанным в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (на июль 2018 г.), на территории Приморского края находятся 1508 объектов историко-культурного наследия.

Город Владивосток принадлежит к числу муниципальных образований Приморского края, наиболее богатых объектами культурного наследия. В Приморье принят Закон Приморского края «Об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Приморского края». Непосредственно вопросами, связанными с охраной объектов культурного наследия в Приморье, занимаются Управление по охране объектов культурного наследия Приморского края, Приморское территориальное управление Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия. К данной работе также привлекаются сотрудники органов МВД, ФСБ и таможенной службы.

На территории города Владивостока насчитываются более 700 объектов исторического и культурного наследия, что составляет 51,7% всех памятников истории и культуры Приморского края, из них – 15 объектов культурного наследия федерального значения, в том числе комплекс фортификационных сооружений Владивостокской крепости, насчитывающий 103 объекта, 583 памятника регионального значения и 17 выявленных объектов, представляющих историческую и культурную ценность.

По типологической принадлежности в составе общего объема памятников насчитываются: 512 объектов гражданской архитектуры, 11 объектов церковного назначения (церкви, часовни, монастыри), 72 памятника воинской славы, 103 объекта Владивостокской крепости. Обладая высокой градостроительной и исторической ценностью за счет сохранившейся планировочной структуры, архитектурных и исторических ансамблей, памятников архитектуры, истории, археологии, комплекса фортификационных сооружений Владивостокской крепости, а также уникального природного ландшафта, город Владивосток представляет историко-градостроительную ценность для мировой и отечественной культуры. Однако, по данным исследователей, эти цифры не окончательные и не отображают реальное количество памятников истории и культуры.³

Перед Российской Федерацией, государственными органами субъектов и местным самоуправлением стоит основная задача – сохранить культурное наследие своей страны, а для этого необходим надежный механизм их правовой охраны, в том числе уголовно-правовой.

Современное российское уголовное законодательство отмечает следующие виды преступных деяний, посягающих на культурные ценности:

хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ);

невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей (ст. 190 УК РФ);

уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей (ст. 243 УК РФ);

нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и

культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия (ст. 243.1 УК РФ);

незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ);

уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере (ст. 243.3. УК РФ – вступила в силу с 25 июля 2015 г.).

По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации (форма 10-а), в Российской Федерации по ст. 243 УК РФ в 2010 г. осуждены 7 чел., в 2011 г. – 2 чел., в 2012 г. – 9 чел, в 2013 г. – 6, в 2014 г. (после вступления в силу изменений) – 4, в 2015 г. – 11 (10 – по ст. 243.2. ч. 3), в 2016 г. – 15 (10 – по ст. 243.2. ч. 3), в первом полугодии 2017 г. – 0.⁴

Незначительное количество уголовных дел, поступивших в суды, отмечается и по Приморскому краю. Согласно данным статистики, за 2005-2015 гг. были возбуждены 39 уголовных дел, приостановлены – 7, прекращены по срокам давности п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (с лицом) – 1, прекращены по срокам давности п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (без лица) – 27, направлены в суд – 4.⁵ Приведенные данные свидетельствуют о том, что применение на практике конкретных норм уголовно-правовой охраны объектов культурного наследия малоэффективно.

Таким образом, предупреждение и пресечение преступлений в сфере охраны культурного наследия носят разносторонний характер. Разработка мер предупреждения и пресечения данных преступлений требует комплексного

подхода к их принятию и реализации. Для предупреждения и пресечения преступлений в сфере охраны культурного наследия необходимо продолжить реформирование системы охраны объектов культурного наследия, повышать ее эффективность, готовить соответствующих специалистов, а также обеспечить возможность их взаимодействия с ОВД. Дальнейшее изучение проблемы охраны культурного наследия актуально для последующей практической работы государства и гражданского общества в данной области.

¹ Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном (письмо № 40-41. О памяти). М., 1985. С. 45.

² Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. URL: <http://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn> (дата обращения: 27.07.2018).

³ Милежик А.В. Охрана археологических памятников на территории Дальнего Востока России : справочное пособие. ДВЮИ МВД России. Хабаровск, 2015. 100 с.

⁴ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 27.09.2018).

⁵ Усов А.В. Особенности привлечения к юридической ответственности за причинение вреда памятникам истории и культуры Российской Федерации // Вестник ДВЮИ МВД России. 2014. № 1 (26). С. 63-70; Кулажников В.В., Милежик А.В., Усов А.В. Современное состояние уголовно-правовой охраны культурного наследия на территории Приморского края // Реформа уголовного законодательства в Российской Федерации (к 20-летию Уголовного кодекса Российской Федерации) : материалы всероссийской научно-практической конференции (Владивосток, Дальневосточный юридический институт МВД России). Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2017. С. 114-121.

Салахова Ж.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Уфимский юридический институт МВД России

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Компьютерная преступность – совокупность преступлений, в которых предметом преступных посягательств является компьютерная информация. С позиций уголовного законодательства это преступления в сфере компьютерной информации. В настоящее время законодатель выделяет в УК РФ четыре общественно опасных деяния в сфере компьютерной информации: ст. 272 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, ст. 273 УК РФ – за создание, распространение и использование вредоносных программ для ЭВМ, ст. 274 УК РФ – за нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, ст. 274.1. – за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (введена Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ, вступил в силу с 1 января 2018 г.).

В 2017 году Российская Федерация столкнулась практически со всеми актуальными видами кибератак. Кибератака – это попытка внести изменения в работу компьютерных систем или сетей, вывести их из строя, разрушить, а то и уничтожить информацию или программы, которые в них хранятся или какие они передают. С каждым годом они становятся все сложнее и изощреннее. За 2017 год 85% пользователей Интернета в России подвергались вирусным или иным атакам. В то же время 33% владельцев мобильных устройств считают, что удобство постоянного нахождения в Интернете перевешивает любые угрозы безопасности, а 57% опрошенных даже не знают, что решения по обеспечению безопасности мобильных устройств существуют.

С 2013 по 2017 год число преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, увеличилось до

66 тыс. ежегодно. Это порождает необходимость повышения эффективности работы правоохранительных органов в сфере противодействия киберпреступности.

В 2017 году более 2/3 преступлений экстремистской направленности и каждое девятое преступление террористического характера были совершены с использованием Интернета.

Компьютерная преступность системно взаимосвязана с иными видами преступности. Компьютерные преступления могут совершаться совместно практически со всеми преступлениями и против всех объектов уголовно-правовой защиты. Так, исполнение многих общественно опасных деяний, например мошенничества, вымогательства, причинения значительного имущественного ущерба и даже убийства, достигается либо облегчается посредством преступных посягательств на компьютерную информацию.

Можно выделить следующие виды общественно опасных деяний, при совершении которых наиболее часто компьютерные преступления служат средством достижения общественно опасных последствий.

Общественно опасные деяния против прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов юридических лиц. Наиболее распространенным преступлением такого рода является компьютерное пиратство. Оно заключается в незаконном копировании и распространении программ для ЭВМ и баз данных, причиняя существенный вред правоотношениям, возникающим в связи с созданием, правовой охраной и использованием программ для ЭВМ и баз данных. Следует отметить, что подобного рода преступления наносят значительный ущерб экономике.

Крайне опасным явлением в России стало незаконное копирование и массовое распространение автоматизированных информационных баз данных, содержащих информацию о номерах телефонов, адресах граждан и юридических лиц, автотранспортных средств, находящихся в собственности, недвижимости и т.д. Общественная опасность таких действий заключается в наруше-

нии конституционных прав граждан, коммерческих интересов организаций. Похищенные базы данных часто используются для совершения других преступлений, например в сфере экономики.

Серьезную общественную опасность представляют действия спамеров – лиц, осуществляющих массовую рассылку различного рода информации в виде электронных сообщений людям без их согласия.

В настоящее время около 80% писем в Интернете составляет спам. По некоторым данным на одного интернет-пользователя сегодня приходится по 70 спам-сообщений в сутки.¹

Общественно опасные деяния с использованием компьютерной информации в сфере экономики. В настоящее время во всех сферы жизни человека внедрены автоматические системы, которые контролируются и программируются компьютером. Самый большой ущерб наносят различные формы хищений путем незаконного доступа в автоматизированные системы различных учреждений.

В 2000-х гг. масштабы совершения компьютерных преступлений с участием технического персонала организаций настолько возросли, что сотрудники служб безопасности дали название этому персоналу – «инсайдеры». Следует отметить, что они часто совершают преступления не только из корыстных побуждений, но и, например, из мести.

Чаще всего инсайдеры-вредители совершают действия, направленные на сбой в системе коммуникаций, остановку продаж, уничтожая программное обеспечение, отвечающее за электронную реализацию товара. Внося изменения в существующие базы данных (меняя пароли), они создают серьезные проблемы владельцам и пользователям.

Данные действия часто совершаются и в целях вредительства, и в целях вымогательства, становясь все более изощренными. В компьютер жертвы по Сети или с помощью инсайдеров внедрялись вредоносные программы, которые активировались в соответствующий момент и блокировали работу системы. Преступников можно было вычислить только в

момент, когда они звонили с требованием о переводе денег. Еще позже появились вредоносные программы, которые блокировали работу ЭВМ и самостоятельно информировали жертву о необходимости срочно перевести деньги на определенный счет. В таких случаях задержать преступников можно только при получении денег, что весьма затруднительно, если учесть возможности систем электронных платежей перевести деньги быстро и в любую точку планеты.

В конце XX – начале XXI вв. появилось большое количество новых общественно опасных явлений, в частности фишинг – мошенничество. Фишинг (англ. *fishing* – рыбная ловля, выуживание) – вид интернет-мошенничества, цель которого – получить идентификационные данные пользователей.²

В это же время появились факты и так называемого фрода, т.е. действий по незаконному использованию услуг оператора. Это неправомерное использование чужих идентификационных данных для доступа в Интернет, другие сети, базы данных. К этим действиям относятся и различные незаконные способы доступа к персональным данным пользователей (абонентов) сотовыми телефонами и их использования для получения платных услуг международной связи. Среди мошенников это называется «учредить переговорный пункт».

Появились случаи использования преступниками создаваемой ими масштабной сети так называемых зомби-компьютеров, т.е. ЭВМ третьих лиц, которые и не подозревают, что с их компьютера могут осуществляться различные рода преступления.

Обычно случаи неправомерного доступа к компьютерной информации или создания вредоносных компьютерных программ являются частью более глобальных мошеннических преступных схем, реализуемых международными преступными группами.

Таким образом, преступность в сфере компьютерной информации, будучи относительно недавно сформировавшимся видом, находится в стадии динамического и ускоренного развития.

Регулярно осуществляются атаки на российские банки, в ходе которых их сетевая инфраструктура бывает полностью парализована. Слаженные действия сотрудников Управления «К» МВД России во взаимодействии с Центробанком России позволяют предотвратить значительный материальный ущерб кредитно-финансовым учреждениям.

Преступные группы, совершающие кибератаки, отличаются высоким уровнем подготовки и технического оснащения, они хорошо законспирированы и, как правило, действуют на территории сразу нескольких регионов страны. Целью преступников все чаще становятся не клиенты банков, а непосредственно финансовые учреждения и объекты информационной инфраструктуры государства.

Однако не все преступления имеют корыстные мотивы. Отдельным направлением работы правоохранительных органов является защита детей в Сети и противодействие изготовлению и распространению детской порнографии.

К преступлениям против общественной безопасности относят также неправомерный доступ к компьютерному обеспечению деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих. Компьютерные технологии широко используются в вооруженных силах, космической отрасли, атомной энергетике, наземном, морском и воздушном транспорте и т.д.

Такие действия представляют угрозу обороноспособности любой страны, способны привести к возникновению опасных аварийных ситуаций, экологическим катастрофам, многочисленным жертвам. Кроме того, тяжкие последствия и существенный вред могут быть получены вследствие нарушения правил эксплуатации ЭВМ или их сетей, которые применяются в деятельности, имеющей повышенную опасность.

¹ URL: <http://www.wikipedia.org> (дата обращения 10.09.2018).

² URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/977065>. (дата обращения 12.09.2018).

Курсаев А.В.,

кандидат юридических наук

Договорно-правовой департамент МВД России (г. Москва)

**ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕОБОСНОВАННЫЙ ОТКАЗ В ПРИЕМЕ
НА РАБОТУ ИЛИ НЕОБОСНОВАННОЕ УВОЛЬНЕНИЕ ЛИЦА, ДОСТИГШЕГО
ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА (СТАТЬЯ 144.1 УК РФ)**

Федеральным законом от 3 октября 2018 г. № 352-ФЗ УК РФ был дополнен новым составом преступления – необоснованным отказом в приеме на работу или необоснованным увольнением лица, достигшего предпенсионного возраста (ст. 144.1).

С субъективной стороны необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста, характеризуется виной в виде прямого умысла, при котором виновный осознает, что отказывается принять на работу или увольняет лицо, достигшее предпенсионного возраста, и желает совершить такие действия. Обязательным элементом преступления является его мотив, который, исходя из содержания нормы, заключается в необоснованном отказе в приеме на работу или необоснованном увольнении с работы лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста.

Верховным Судом РФ в п. 16 постановления Пленума от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» разъяснено, что уголовная ответственность по ст. 144.1 за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста, указанного в примечании к данной статье, наступает только в случаях, когда работодатель руководствовался дискриминационным мотивом, связанным, соответственно, с достижением лицом предпенсионного возраста. В случае если трудовой договор с работником был расторгнут по его инициативе, однако по делу имеются

доказательства того, что работодатель вынудил работника подать заявление об увольнении по собственному желанию именно в связи с его предпенсионным возрастом, такие действия также образуют состав преступления, предусмотренного ст. 144.1 УК РФ.

Законодатель достижение предпенсионного возраста потерпевшим определяет в качестве мотива совершения преступления виновным лицом. Однако мотив преступления традиционно понимается в уголовно-правовой науке как обусловленное определенными потребностями и интересами побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить преступление и проявляется в нем.¹ С учетом изложенного представляется, что понимание под мотивом именно достижения предпенсионного возраста является не совсем корректным, так как в данном случае речь идет скорее о побуждающих работодателя факторах, создающих для него определенные неудобства.

Мотивом же преступления в данном случае будет не само по себе достижение предпенсионного возраста потерпевшим, а желание работодателя избежать экономически необоснованных денежных выплат и иных затрат, организационных и производственных затруднений, сопряженных с пребыванием такого работника в штате организации.

В связи с этим правильнее в диспозиции ст. 144.1 УК РФ использовать формулу не «по мотивам», а применить более корректную и удачную формулировку «в связи с достижением предпенсионного возраста», более верно характеризующую субъективную сторону рассматриваемого преступления.

Наличие мотива преступления в качестве конструктивного (обязательного)

элемента состава преступления позволяет отграничить рассматриваемое преступление от трудового или административного правонарушения, однако создает объективные сложности в доказывании состава преступления.

В частности, аналогичный по конструкции состав преступления с обязательным для квалификации деяния в качестве преступления мотивом установлен ст. 145 УК РФ (необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет). В 2017 году были возбуждены всего 2 уголовных дела по факту совершения подобного преступления, за первое полугодие 2018 года — 1 дело. Сложности доказывания состава преступления приводят к высокому коэффициенту его латентности. В 2009 году он по статье 145 УК РФ составил 15,0, из которых около 88% возможных преступлений не были заявлены потерпевшими, их родственниками или иными лицами, а около 12% были укрыты нечистоплотными сотрудниками правоохранительных органов. При этом были выявлены только 9 лиц, виновных в совершении преступления, а безнаказанными по экспертным оценкам остались не менее 170 человек.²

Указание на мотив преступления, безусловно, будет создавать определенные сложности в доказывании состава преступления по статье 144.1 УК РФ. Однако и его исключение вряд ли оправдано, так как будет означать, что любое признанное в гражданско-правовом порядке незаконным увольнение лица предпенсионного возраста будет являться преступлением. Основанием уголовно-правового запрета в данном случае является не мотив, а стремление законодателя обеспечить охрану потерпевшего ввиду его особых свойств (возраст), что и определяет общественную опасность данного деяния. Исключение данного мотива в виде стремления работодателя избавиться от такого лица будет нивелировать цели введения в уголовный закон статьи 144.1 УК РФ.

При анализе признаков состава преступления в статье 144.1 УК РФ неко-

торые авторы (например, И.М. Паршина³, С.В. Дубовиченко и В.П. Карлов⁴) полагают, что доказать в действиях или бездействии специального субъекта — работодателя наличие всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 144.1 УК РФ, будет практически невозможно. Данные авторы приходят к выводу о том, что статья 144¹ УК РФ является очередной популистской нормой, применение которой на практике будет невозможно в силу ее несовременности.

Однако мы полагаем, что проблема имеет более сложный характер. Статья 144.1 УК РФ, которой был дополнен уголовный закон, хотя и явилась следствием конъюнктурных требований времени, самим фактом конкретизации уголовно-правового запрета может способствовать более активной борьбе с криминальными случаями отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения пожилых лиц. В связи с этим нельзя отрицать позитивного начала данной уголовно-правовой нормы.

В то же время, как считают М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, ситуация, в которой «качество и культура технического оформления нормы, при котором, возможно, объективно необходимый запрет конструируется таким образом, что фактически лишает правоприменителя возможности не только применять, но и адекватно понимать содержание нормы»⁵, приводит к возникновению так называемых «мертвых» норм.

Применению статьи 144.1 УК РФ объективно будут препятствовать сложности в доказывании данного состава преступления с учетом необходимости установления его мотива, что может превратить ее в очередную «мертвую» норму уголовного закона.

Так, как отмечает Г.А. Злобин, уголовный закон, устанавливающий ответственность за определенный вид деяний, может быть практически функционален и достаточно эффективен лишь в том случае, если все предусмотренные нормой признаки состава преступления доказуемы. Это значит, что любой при-

знак состава преступления должен быть так сформулирован, чтобы факт его существования в большинстве случаев мог быть обнаружен и доказан: 1) с достаточной степенью достоверности; 2) процессуально допустимыми действиями; 3) без ущерба для морали и социально положительных межличностных связей людей. Это требование распространяется как на объективные элементы состава преступления, так и на все существенные моменты субъективной стороны преступления, доказывание которой представляет наибольшие трудности.⁶

Возможным выходом из ситуации с превращением ст. 144.1 УК РФ в «мертвую» норму является не просто исключение мотива из состава преступления, а построение данной нормы по правилам состава с административной преюдицией.

Сущность административной преюдиции состоит в признании неоднократно совершенных виновным лицом в течение определенного периода времени административных правонарушений после наложения за первое из них административной ответственности юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые последствия. Эти последствия состоят в оценке последнего из уголовно ненаказуемых правонарушений как преступления и, соответственно, возложении на правонарушителя уголовной ответственности. При этом привлечение к уголовной ответственности будет возможным лишь в том случае, если лицо совершило деяние, имея административное наказание за аналогичное правонарушение в срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию (ст. 4.6 КоАП РФ). Такой подход обусловлен тем фактом, что совершению многих видов преступлений предшествует неоднократное совершение анало-

гичных, однородных административных правонарушений.

Такое решение проблемы поддерживается и президентом Российского союза промышленников и предпринимателей А.Н. Шохиним, который предлагал «ввести принцип административной преюдиции для привлечения к уголовной ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или увольнение граждан предпенсионного возраста». «Привлечение к уголовной ответственности должно осуществляться в том случае, если лицо совершило такое деяние, имея административное наказание за аналогичное правонарушение»⁷.

Указанное предложение позволит добиться эффективного действия рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

---

¹ Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2015. С. 112

² Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М. 2013. С. 209-210.

³ Паршина И.М. Уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста: некоторые проблемы правоприменения // Проблемы формирования правового социального государства в современной России : материалы XIV всероссийской национальной научно-практической конференции (Новосибирск, 26 октября 2018 г.). Новосибирск, 2018. С. 158.

⁴ Дубовиченко С.В., Карлов В.П. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста: комментарий и критический анализ // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 4. Т. 2. С. 160, 166-169.

⁵ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2014. С. 163.

⁶ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982. С. 212.

⁷ Фейнберг А., Старостина Ю., Звездина П. Компании меняют пожилых на льготы. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/09/10/5b927f5b9a794748da8a676e>.

Максименко М.В.,

кандидат философских наук
Пермский институт ФСИН России

Петровская В.В.

Пермский институт ФСИН России

НЕЗАКОННАЯ ОХОТА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Для современного общества чрезвычайно важной является задача обеспечения такого изменения экологической ситуации и отдельных природных ресурсов, которое бы позволило последующим поколениям людей комфортно существовать в природной среде. Нарушения природоохранного законодательства могут носить планетарный масштаб и последствия, как авария на Чернобыльской АЭС, а могут быть локальными. Охранительный потенциал уголовно-правовых норм как средств защиты природы и ее компонентов и профилактики экологических правонарушений трудно переоценить. Существуют определенные трудности толкования закона и практического применения правовых норм, требующие детального исследования экологических преступлений.

Уголовно-правовые средства охраны окружающей природной среды эволюционировали на протяжении всего исторического пути отечественного правотворчества. Во времена правления Алексея Михайловича (1629-1676) были изданы 67 указов об ограничении отстрела лесного зверя. В отечественной юридической литературе высказывается мнение, что окружающая среда получила статус объекта защиты уголовно-правовыми нормами в XIX веке (Г.П. Новоселов, Н.А. Лопашенко).¹

Вступивший в законную силу с 1 января 1997 года УК РФ стал прогрессивным нормативно-правовым актом в области установления уголовной ответственности за преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны окружающей среды и отдельных ее компонентов.

Рассмотрим состав преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 258 УК РФ. Незаконная охота является одним из наиболее распространенных экологических преступлений, уступая по «популярности» незаконной добыче рыбы, которая занимает второе место среди экологических преступлений по числу осужденных, и незаконной рубке деревьев – лидеру среди экологических преступлений. Браконьерство составляет значительную долю транснациональной преступности.²

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, число осужденных за незаконную охоту в 2017 году составило 444 человека, а в 2016 – 558 человек. Таким образом, количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за незаконную охоту, в 2017 году снизилось почти на 20%. Вряд ли будет справедливым заключение о снижении количества браконьеров, однако вполне возможным представляется предположение о снижении эффективности мер по пресечению и раскрытию данного вида преступлений.

Непосредственным объектом незаконной охоты являются отношения по охране и рациональному использованию диких животных. Особенностью диспозиции ст. 258 УК РФ является ее бланкетный характер: для уяснения смысла и правильного применения нормы уголовного права необходимо обратиться к иным нормативно-правовым актам, в частности для определения понятия охоты, правил и порядка ее законного осуществления, границы между административной и уголовной ответственностью за нарушение правил охоты. К

таким нормативным актам относятся: Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире», приказ Минприроды России от 16 ноября 2010 г. № 512 «Об утверждении Правил охоты», а также нормативно-правовые акты субъектов РФ. Отдельные вопросы уголовной ответственности за незаконную охоту разъясняет постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

Предметом преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, выступают дикие животные и птицы, которые используются в целях охоты. Уничтожение или захват диких животных, содержащихся в неволе, например в зоопарке, квалифицируется как преступление против собственности. В отдельных случаях, предусмотренных экологическим законодательством, допускается даже охота на животных, занесенных в Красную книгу РФ, например с целью контроля популяции или устранения угрозы для жизни людей. Особый порядок и перечень животных и птиц для охоты предусмотрен для коренных малочисленных народов Российской Федерации, ведущих традиционный образ жизни. Данные исключения из общих правил охоты закреплены законодательно и не наносят существенного вреда экологической ситуации в той или иной местности.

Объективной стороной незаконной охоты выступает нарушение правил охоты, касающихся порядка, целей и способов ее осуществления, перечня и количества животных, мест ее проведения. Сам по себе факт нахождения лица с охотничьим ружьем в пределах охотничьего угодья должен рассматриваться как приготовление к преступлению. Приготовление к преступлению небольшой (ч. 1 ст. 258 УК РФ) и средней тяжести (ч. 2 ст. 258 УК РФ) уголовно

не наказуемо. Однако такое лицо может быть привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ.

Уголовная ответственность за незаконную охоту наступает лишь при наличии предусмотренных в ч. 1 ст. 258 УК РФ условий, к которым относятся: причинение крупного ущерба, либо использование механического транспортного средства, а равно взрывчатых веществ для охоты, либо посягательство на птиц и животных, охота на которых полностью запрещена, либо охота на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации.

Понятие крупного ущерба, причиненного незаконной охотой, является оценочным и не имеет количественных нормативных регламентаций. Верховный Суд РФ указывает, что размер ущерба определяется не только стоимостью животных, но и экологической ситуацией в конкретном месте их обитания.

Понятие механического транспортного средства не раскрывается в содержании УК РФ, но разъясняется Верховным судом: к механическим относятся транспортные средства, приводимые в движение двигателем. Также Верховный Суд РФ разъясняет, что применение механического транспортного средства при незаконной охоте осуществляется для выслеживания, преследования животных или для транспортировки туш. Если транспорт используется для доставки охотников в угодья, квалифицировать их действия как охоту с применением механического транспортного средства неправильно.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления – прямой умысел, субъект преступления – общий.

Часть 2 ст. 258 УК РФ в качестве отягчающих обстоятельств предусматривает групповой характер совершаемого деяния, что свидетельствует о его повышенной общественной опасности по ряду причин: во-первых, совместными усилиями можно достигнуть большего преступного результата, во-вторых, психологическая поддержка со-

участников является мощным инструментом формирования и укрепления решимости совершить преступление. Вменение такого квалифицирующего признака, как группа лиц по предварительному сговору, возможно лишь случае, когда все члены группы принимали непосредственное участие в реализации действий, охватываемых понятием охоты. При этом лица, осуществляющие подвоз к месту охоты и лица, помогающие сбыть добычу по заранее данному обещанию, выступают как пособники рассматриваемого преступления, а значит, не могут быть отнесены к группе лиц по предварительному сговору. Такие лица будут нести ответственность с учетом их фактического «вклада» в преступное «дело», а размер наказания может быть эквивалентен размеру наказания исполнителей преступления (предписаний по обязательному снижению размера наказания для пособников УК РФ не содержит).

Незаконная охота является преступлением небольшой (ч. 1 ст. 258 УК РФ) или средней (ч. 2 ст. 258 УК РФ) тяжести и предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием или с назначением судебного штрафа. Браконьерство является серьезной проблемой для отдельных регионов нашей страны и поэтому, на наш взгляд, требует ужесточения ответственности, а именно, увеличения максимального размера наказания в виде лишения сво-

боды за квалифицированный состав незаконной охоты до 6 лет с целью изменения категории преступления.

Охота в современном мире перестала быть средством добычи пищи и переместилась преимущественно в разряд увлечений. В связи с появлением новых технических средств и орудий ее проведения, а также сокращением численности либо полным исчезновением многих видов животных и птиц необходимость строгой регламентации охоты при невозможности или нежелании полного отказа от нее совершенно очевидна. Избранное хобби требует от охотника определенной технической подготовки (приобретение оружия, получение навыков его использования) и, соответственно, правовой грамотности (своевременного оформления всех необходимых документов для охоты). В связи с этим рассмотрение возможности ужесточения уголовной ответственности за совершение рассмотренного состава преступления представляется своевременной и необходимой профилактической мерой, которая бы позволила уголовно-правовыми средствами улучшить экологическую ситуацию в стране.

¹ Лопашенко Н.А. Экологические преступления: комментарий к главе 26 УК РФ. СПб., 2002.

² Максимов А.М. Ответственность за нарушение правил охраны охотничьих ресурсов и среды их обитания в результате незаконного осуществления хозяйственной и иной деятельности // Российский следователь. 2014. № 10. С. 27-30.

Акиев А.Р.,

кандидат юридических наук
Омская академия МВД России

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Одним из основных направлений деятельности государства является уголовно-правовая охрана несовершеннолетних, защита их законных прав и интересов, в том числе и от негативного влияния взрослых. К числу наиболее

значимых уголовно-правовых средств противодействия преступности в данной сфере следует отнести ст. 150 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение престу-

пления. Однако, несмотря на достаточно глубокую научную разработку, обширную практику применения, а также наличие разъяснений Верховного Суда РФ, проблемы квалификации и применения преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, вплоть до сегодняшних дней не теряют актуальности ни в доктрине уголовного права, ни в правоприменительной деятельности.

Из всего множества проблем, связанных с квалификацией вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, хотелось бы уделить внимание одной, представляющей наибольший научный и практический интерес. Проблема связана с влиянием возраста потерпевшего на квалификацию преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. На первый взгляд, термин «несовершеннолетний», употребляемый для характеристики возраста потерпевшего в ст. 150 УК РФ, не должен вызывать споров. Этот термин в российском праве обозначает лиц в возрасте до 18 лет. Между тем и 16-летнее лицо, достигшее общего возраста уголовной ответственности, и 13-летнее лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, — оба являются несовершеннолетними. Однако действия виновного лица, вовлекшего 16-летнего в совершение преступления, и действия виновного лица, вовлекшего в совершение 13-летнего, будут квалифицированы по-разному.

Согласно п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения.¹ При этом Верховным Судом РФ не уточнен вопрос о необходимости одновременного вменения ст. 150 УК РФ.

Следует заметить, что в ранее действовавшем разъяснении Пленума Верховного Суда СССР был дан более четкий комментарий данной ситуации: «совершеннолетний участник преступления, вовлекший в это преступление несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет, или вовлекший подростка в возрасте 14-16 лет в совершение такого преступления, за которое последний по закону не несет уголовной ответственности, должен рассматриваться, независимо от форм его участия, как исполнитель этого конкретного преступления, и его действия, кроме того, надлежит квалифицировать по статье УК, предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность»².

Несмотря на то, что обозначенная выше рекомендация утратила силу, современные суды иногда применяют именно прежний подход к квалификации ст. 150 УК РФ. Так, в 2013 г. Седельниковский районный суд Омской области признал гражданку Ш. виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 150, п. «в» ч. 2 ст. 158 и ч. 1 ст. 150 УК РФ, при этом суд в описательно-мотивировочной части своего решения указал, что в отношении несовершеннолетней отказано в возбуждении уголовного дела в связи с недостижением возраста уголовной ответственности.³ Схожее решение вынес Большереченский районный суд Омской области, согласно которому признал гражданку Б. виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, также указав при этом на недостижение возраста уголовной ответственности вовлеченной в совершение кражи несовершеннолетней.⁴

Однако в судебной практике встречаются и противоположные ситуации, когда лицам, вовлекшим малолетних в совершение умышленных преступлений, ст. 150 УК РФ не вменяется, а причиненный малолетними вред квалифицируется как причиненный взрослым путем посредственного исполнения соответствующего состава преступления.

К примеру, Пластский городской суд Челябинской области осудил гражданку К. по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ за то, что она уговорила своего малолетнего сына К.Р.В., в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказано в связи с недостижением возраста привлечения к уголовной ответственности, незаконно проникнуть в жилой дом и совершить хищение имущества, принадлежащего Г.Д.Ю. и М.М.В. В своем решении судья указал на то, что гражданка К. является «посредственным исполнителем».⁵ Аналогичным образом поступил и Кызылский городской суд Республики Тыва, который осудил ФИО2 по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ как посредственного исполнителя за совершение кражи с помощью несовершеннолетнего ребенка ФИО3, не достигшего возраста уголовной ответственности, указав при этом, что ФИО2, действуя умышленно, из корыстных побуждений, воспользовавшись тем, что хозяйка сумки отсутствует и продавцы магазина отвлечены, попросила, чтобы несовершеннолетняя ФИО3 взяла сумку из кабинета и вынесла ее.⁶

Таким образом, налицо двойственность судебной практики, обусловленная заявленной проблематикой, что, безусловно, не способствует укреплению законности, справедливости и обоснованности привлечения к уголовной ответственности по ст. 150 УК РФ.

В связи с противоречивостью судебной практики по вопросу квалификации вовлечения несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности, в совершение преступления данная проблема неоднократно поднималась и освещалась в юридической литературе. Следует констатировать, что в уголовно-правовой доктрине также отсутствует единство мнений ученых относительно необходимости вменения ст. 150 УК РФ при вовлечении в совершение преступления лица, не достигшего возраста уголовной ответственности.

Одни ученые полагают, что ст. 150 УК РФ охватывается вовлечение не только несовершеннолетних, но и лиц,

не достигших возраста уголовной ответственности.⁷ Другие считают воздействие взрослого на лицо, не достигшее 14-летнего возраста (малолетнего), юридически ничтожным.⁸ При этом последняя позиция аргументируется прежде всего тем, что лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, не является субъектом преступления, а в ст. 150 УК РФ ответственность предусмотрена за вовлечение в совершение именно преступления, а не общественно опасного деяния. Такому подходу к квалификации ст. 150 УК РФ во многом способствует ч. 1 ст. 87 УК РФ, в соответствии с которой несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет. Из анализа этой нормы можно заключить, что законодательная формулировка исключает детей, которые не достигли 14-летнего возраста (малолетних).

Однако рассматриваемая позиция имеет существенный изъян, поскольку вступает в противоречие с принципом справедливости, закрепленным в ст. 6 УК РФ. Получается, что лица, вовлекающие малолетних детей в совершение преступления, несут менее строгое наказание (только как посредственные исполнители), чем лица, вовлекающие несовершеннолетних лиц от 14 до 18 лет (по совокупности: за «основное» преступление и за преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ).

Подводя итог вышеизложенному, следует заключить, что решение рассматриваемой проблемы не сводится к признанию верным или неверным того или иного подхода к квалификации действий виновного лица, вовлекшего несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности, в преступление. Представляется, что решение анализируемой проблемы невозможно без соответствующей корректировки законодательных положений.

В связи с этим следует признать обоснованным мнение ученых, которые считают, что рассматриваемая проблема может быть решена при помощи внесения изменений в диспозицию ст. 150 УК

РФ, где необходимо криминализировать преступные действия не только в отношении несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности, но и малолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, так как вовлечение последних в совершение преступления обладает особой общественной опасностью, а малолетний возраст в уголовном законе традиционно выступает особо квалифицирующим обстоятельством.

Кроме того, в целях правильной квалификации преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, представляется также необходимым в примечании к рассматриваемой норме разъяснить значение терминов «несовершеннолетний» и «малолетний», установив четкие возрастные рамки для каждой из указанных категорий потерпевших. Так, к несовершеннолетним следует относить лиц, которым исполнилось 14 лет, но не исполнилось 18 лет, а к малолетним – лиц которым исполнилось 10 лет, но не исполнилось 14 лет. Несмотря на то, что в соответствии с ч. 1 ст. 28 ГК РФ все несовершеннолетние, не достигшие 14 лет признаются малолетними (то есть с момента рождения), представляется нецелесообразным вменение ст. 150 УК РФ в случаях вовлечения в совершение преступления лиц, не достигших 10-летнего возраста, поскольку ребенок в столь юном возрасте по своему уровню социального, нравственного, физического развития вряд ли способен правильно оценивать действия взрослого, которые направлены на приобщение его к преступной деятельности, в связи с чем действия по вовлечению в преступление не способны причинить вред нормальному нравственно-психическому развитию ребенка. Как

справедливо отмечала М.И. Блум: «если несовершеннолетний не сознает, что выполняемое им по предложению взрослого действие является недозволенным или аморальным, то отсутствует состав преступления – вовлечение в преступную деятельность»⁹.

Полагаю, что совершенствование правовой регламентации ст. 150 УК РФ с учетом указанных рекомендаций будет способствовать эффективному решению заявленной в рамках данной работы проблемы.

---

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1.

² О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.07.1963 № 6.

³ URL: <http://sudact.ru/regular/doc/IXEqhri6uM5n/> (дата обращения: 21.01.2019).

⁴ URL: <http://sudact.ru/regular/doc/EXsh1mt3ikbN/> (дата обращения: 21.01.2019).

⁵ URL: <http://sudact.ru/regular/doc/2ra83kNxssHL/> (дата обращения: 22.01.2019).

⁶ URL: <http://sudact.ru/regular/doc/CQZ6YEkslrUc/> (дата обращения: 22.01.2019).

⁷ Курс уголовного права. Общая часть : учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2004. Т. 1: Учение о преступлении С. 400-401; Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Л.Л. Кругликова. М., 1999. С. 166.

⁸ Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений / В.Ф. Воробьев [и др.]. Воронеж: ВИ МВД РФ, 2001. С. 44; Коровин Е.П., Бавсун М.В., Попов П.В. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Вестник ОмЮА. 2015. № 2 (27). С. 57.

⁹ Блум М.И. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность и пьянство // Вопросы эффективности уголовно-правовых мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Рига, 1971. С. 174.

Ульянова В.В.,

кандидат юридических наук, доцент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, совершенствование правового регулирования предупреждения терроризма и экстремизма отнесено к числу главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности.

В связи с этим с 2013 г. российское уголовное законодательство в части уголовной ответственности за преступления террористической направленности постоянно совершенствуется.

Так, Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» УК РФ дополнен нормами, предусматривающими ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3), организацию террористического сообщества и участие в нем (статья 205.4), а также за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5).

После дополнения уголовного закона новыми составами преступлений террористической направленности в 2014 г. Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» значительно ужесточилось уголовное наказание и усилились иные меры уголовно-правового характера за их совершение. В частности, за совершение преступлений террористической направленности увеличены максимальные сроки лишения свободы с 25 до 30 лет при назначении наказаний по совокупности преступлений, с 30 до 35 лет – по совокуп-

ности приговоров (ч. 5 ст. 56 УК РФ), исключена возможность назначения наказания ниже низшего предела или назначения более мягкого вида наказания либо неприменения дополнительного вида наказания, предусмотренного в качестве обязательного (ч. 3 ст. 64 УК РФ), а также отменены сроки давности привлечения к уголовной ответственности (ч. 5 ст. 78 УК РФ).

Кроме того, Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ внесены изменения в диспозицию уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 205 УК РФ, в соответствии с которыми существенно расширена цель террористического акта. Теперь этот конструктивный признак субъективной стороны рассматриваемого состава преступления сформулирован как «дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений». Эти изменения позволили разрешить существующую в юридической литературе дискуссию о месте ст. 205 УК РФ в структуре уголовного закона. Поскольку в целом под дестабилизацией подразумевается нарушение привычного образа жизни, равномерности и постоянства каких-либо процессов, величин, свойств и т.п., а также действие, направленное против порядка и устойчивого состояния (например, в обществе, стране)¹, то совершение террористического акта в целях нарушения нормального функционирования органов власти причиняет вред общественным отношениям, которые находятся в одной плоскости с непосредственным объектом данного преступления, а именно общественными отношениями, обеспечивающими общественную безопасность.

Усилена уголовная ответственность для организаторов финансирования

терроризма и преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.3, чч. 3-4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ. Совершение данных действий теперь предусмотрено в качестве самостоятельной формы содействия террористической деятельности и образует окончанный состав преступления (ч. 4 ст. 205.1 УК РФ).

Подобная пенализация преступлений террористической направленности влечет за собой нарушение принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ, а также противоречит общим началам назначения наказания (ст. 60 УК РФ) и правилам назначения наказания за преступления, совершенные в соучастии (ст. 67 УК РФ).

В связи с этим еще более странными видятся изменения, внесенные в ст. 205.1 УК РФ Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ, которые были направлены на дифференциацию уголовной ответственности и усиление наказания за действия, предусмотренные ч. 1 этой нормы.

Дальнейшее совершенствование уголовной ответственности за преступления террористической направленности связано с принятием Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности».

Безусловными новеллами уголовного закона следует признать криминализацию несообщения о преступлении (ст. 205.6 УК РФ) и акта международного терроризма (ст. 361 УК РФ).

Статья 361 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также за угро-

зу совершения этих действий. Следовательно, объективная сторона акта международного терроризма имеет определенное сходство с объективной стороной террористического акта, предусмотренного ст. 205 УК РФ. Однако отличительным объективным признаком акта международного терроризма является место его совершения – вне пределов территории Российской Федерации.

Часть 2 ст. 361 УК РФ до внесения в нее изменений Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ предусматривала уголовную ответственность за финансирование акта международного терроризма либо вовлечение в его совершение. Подобная редакция данной уголовно-правовой нормы создавала конкуренцию с нормой ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, которая в ранее действующей редакции предусматривала в качестве самостоятельной формы содействия террористической деятельности действия по склонению, вербовке или иному вовлечению лица в совершение акта международного терроризма. В соответствии с указанными изменениями конкуренция этих уголовно-правовых норм была устранена, а ч. 2 ст. 361 УК РФ стала предусматривать уголовную ответственность не только за финансирование акта международного терроризма и вовлечение в его совершение, но и за склонение, вербовку, вооружение или подготовку лица в целях совершения данного преступления. При этом ссылка на ст. 361 УК РФ из ч. 1 ст. 205.1 УК РФ была исключена.

Следующие изменения, которые коснулись уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления террористической направленности, связаны с принятием Федеральных законов от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» и от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

В частности, на основании Федерального закона от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ были внесены изменения в ч. 1 ст. 205.2 УК РФ, направленные на криминализацию пропаганды терроризма. При этом определение пропаганды терроризма было введено в примечание к ст. 205.2 УК РФ, под ним, как уже было отмечено выше, понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

Изменения, внесенные в уголовное законодательство Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ, были направлены на усиление уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ). Вместе с тем они коснулись совершенствования уголовной ответственности за террористический акт (ст. 205 УК РФ).

Анализ изменений норм об ответственности за преступления террористической направленности позволяет сде-

лать следующие выводы. Во-первых, бесспорно, что предложенные изменения, в том числе введение новых запретов (ст. 205.3-205.6, 361 УК РФ), позволили создать дополнительные меры противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности Российской Федерации, а также повысить эффективность существующей системы выявления, предупреждения и пресечения террористических актов и иных форм террористической деятельности. Во-вторых, отдельные корректировки уголовного закона связаны с необходимостью более полного учета требований международных документов в сфере противодействия терроризму. Вместе с тем рассматриваемые новеллы уголовного закона не всегда имели обдуманый, последовательный и системный характер, что, несомненно, отразилось на эффективности принимаемых государством уголовно-правовых мер борьбы с терроризмом и, вероятно, потребует дальнейшего совершенствования уголовного законодательства.

¹ Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО, 2006.

Креховец А.В.,

кандидат юридических наук
Нижегородская академия МВД России

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ

Вопросы квалификации преступлений, совершаемых с применением насилия, на протяжении длительного времени остаются в плоскости одних из наиболее дискуссионных в теории уголовного права и на практике. Возникновение сложностей обусловлено, в первую очередь, тесной конкуренцией уголовно-правовых норм, подлежащих применению в подобных случаях. Дело в том, что насилие, выраженное, к примеру, в виде побоев или причинения различной степени тяжести вреда здоровью, подлежит квалификации по самостоятельным составам преступлений — ст. 116,

111, 112, 115 УК РФ и др. Следовательно, в тех случаях, когда в процессе совершения того или иного преступления присутствует факт применения насилия, перед правоприменителем встает непростая задача правильно квалифицировать содеянное: основная уголовно-правовая норма может поглотить составы преступлений, предусматривающие ответственность за применение насилия, либо быть вменена виновному лицу с ними в совокупности.

Действующему российскому уголовному закону известны следующие варианты обозначения насилия: насилие

(без дополнительных характеристик), насилие, не опасное для жизни и здоровья и насилие, опасное для жизни и здоровья. Кроме того, некоторые составы преступлений, помимо самого факта применения насилия, дополнены и угрозой его применения.

Правильная квалификация любого насильственного преступления напрямую зависит от единообразного понимания содержания данных категорий. И если ответ на вопрос: что следует понимать под насилием опасным для жизни и здоровья и насилием не опасным для жизни и здоровья, был дан в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», то вопрос: что следует относить к неконкретизированному виду насилия, на сегодняшний день остается довольно спорным.

Уголовно-правовой доктриной выработано негласное правило квалификации случаев применения в процессе совершения преступления неконкретизированного вида насилия, в основе которого лежит анализ санкций: если срок лишения свободы в санкции уголовно-правовой нормы, включающей применение насилия, не превышает трех лет, то насилие в ней представляет собой любые варианты причинения физической боли потерпевшему, включая причинение легкого вреда здоровью. Если срок лишения свободы составляет от трех лет до восьми, то в объем такого насилия входит причинение вреда здоровью средней тяжести и тяжкого. Если же срок лишения свободы в санкции более восьми лет, то причинение тяжкого вреда здоровью требует отдельной уголовно-правовой оценки: либо это квалифицированный (особо квалифицированный) состав (...то же деяние, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью), либо дополнительная квалификация по ст. 111 УК РФ.

Рассмотрим теоретические подходы по данной проблематике.

Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев на примере ч. 3 ст. 150 УК РФ, предусматривающей ответст-

венность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, совершенного с применением насилия или угрозой его применения, указывает, что случаи причинения несовершеннолетнему легкого вреда здоровью, вреда здоровью средней тяжести либо тяжкого вреда в случае его вовлечения в совершения преступления должны быть квалифицированы по совокупности ч. 3 ст. 150 УК РФ и, соответственно, ст. 111, 112, 115 УК РФ.¹

Другой известный российский ученый Г.А. Есаков в том же преступном деянии (ч. 3 ст. 150 УК РФ) рекомендует усматривать совокупность лишь в случае причинения тяжкого вреда здоровью, то есть только со ст. 111 УК РФ. Статьи 112 и ст. 115 УК РФ, по мнению Г.А. Есакова, охватываются ч. 3 ст. 150 УК РФ.²

Далее обратим внимание на то, как разрешают подобные ситуации судебные органы. Так, Ульяновским областным судом в итоговой справке за 2012 год по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или угрозой его применения по этому же составу преступления – ч. 3 ст. 150 УК РФ, закреплено следующее правило: если в процессе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления к последнему было применено насилие, в результате которого был причинен вред здоровью средней тяжести либо тяжкий вред, содеянное следует квалифицировать по совокупности со ст. 112 или ст. 111 УК РФ соответственно. Получается, что, по мнению судебного органа, основной статьей (ч. 2 ст. 150 УК РФ) охватывается лишь причинение легкого вреда здоровью.³

Проведенный анализ еще раз обнажает существующие проблемы и подтверждает необходимость внесения изменений в действующее российское уголовное законодательство. На основании вышеизложенного в целях унификации теоретических взглядов и следственно-судебных решений по вопросу квалификации фактов применения насилия в процессе совершения преступлений считаем необходимым

правило квалификации таких преступлений закрепить в ст. 17 УК РФ, дополнив ее частью четвертой в следующей редакции: «4. Если способ совершения преступления образует самостоятельное преступление и предусматривает менее строгое наказание, чем специально предусмотренная статья Особенной части настоящего Кодекса, то совокупность преступлений отсутствует. Если способ совершения преступления образует самостоятельное преступление и предусматривает более строгое наказание, чем специально предусмотренная статья Особенной части настоящего Кодекса,

квалификация осуществляется по правилам совокупности преступлений».

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 4 т. Особенная часть. Разделы VII-VIII (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. Юрайт, 2017. Т. 2. С. 212.

² Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 234.

³ Справка по результатам изучения судебной практики по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или угрозой его применения. URL: [http://uloblsud.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2605_\(дата обращения 10.12.2018\)](http://uloblsud.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2605_(дата обращения 10.12.2018)).

Бельский А.Е.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ НАСИЛИЯ, НЕ ОПАСНОГО ДЛЯ ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЯ, ПРИ ЗАХВАТЕ ЗАЛОЖНИКА

Под насилием, не опасным для жизни или здоровья, при захвате заложника следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.).¹

По мнению некоторых ученых, в частности Н.А. Беляева и Б.В. Здравомыслова, под насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, принято понимать действия, которые не создали угрозу для жизни и не причинили реального вреда здоровью потерпевшего, не вызвали стойкую, хотя бы и кратковременную утрату трудоспособности, но были сопряжены с причинением физической боли с нанесением побоев или с ограничением свободы потерпевшего.² При этом следует обратить особое внимание на цель применения насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего. Она заключается в облегчении для преступника самого захвата и (или) непосредственно удержания заложника. Если насилие применяется для других целей, например в качестве мес-

ти за оказанное сопротивление при захвате, для пресечения нежелательного поведения заложника, при невыполнении требований преступников органами власти или гражданами, то такое насилие нельзя рассматривать как способ захвата заложника, оно требует квалификации по совокупности ст. 206 и 116 УК РФ.

При совершении захвата заложника нередко может иметь место и психическое насилие. Под психическим насилием в общем виде следует понимать воздействие преступника на сознание и волю другого человека без применения физической силы с целью подчинить себе поведение жертвы, т.е. воздействие на психику человека, выражающееся в запугивании его применением физического насилия.³ Угроза может быть выражена в различных формах: словесно «убью», «зарезу», «посажу на пику» и т.д., жестами, демонстрацией оружия или иных предметов, применение которых может быть опасно для жизни или здоровья потерпевшего.

Угроза при психическом насилии должна быть реальной (преступник может осуществить ее немедленно, а не в

будущем), т.е. должна содержать в себе действительную опасность. Только такая угроза по степени интенсивности воздействия на заложника способна запугать и вынудить его к выполнению требований нападающего лица. Угроза должна быть наличной, создающей опасность немедленного применения насилия.

До сознания заложников угроза немедленным применением насилия может быть доведена различными способами: словесно, жестами, демонстрацией оружия; она может быть внушена ему и самой обстановкой совершенного нападения. Однако независимо от способа ее выражения угроза должна быть такой, которая даст понять лицу, подвергшемуся нападению, что ему грозит немедленная и неминуемая расправа, если оно не подчинится требованиям нападающего и попытается воспрепятствовать выполнению требований преступника.

Психическое насилие состоит в угрозе, т.е. запугивании потерпевшего применением к нему физического или психического насилия. Для признания угрозы психическим насилием необходимо наличие признаков, взятых в совокупности. Признаки делятся на два вида: общие и особенные.

Общие признаки необходимы для любой группы:

1) адресность угрозы применения насилия. При этом угроза может иметь место как в отношении самого заложника, так и других лиц;

2) факт запугивания потерпевшего применением физического насилия (но не другим воздействием, например причинением имущественного ущерба, уничтожением или повреждением имущества и др.), т.е. реальность угрозы;

3) действительность угрозы, т.е. необходимо руководствоваться субъективным критерием со стороны заложника и преступника. Потерпевший должен воспринимать угрозу как реально осуществимую, равнозначную физическому насилию, а виновный должен это осознавать.

Особенные признаки характеризуют угрозу как элемент конкретного состава преступления:

1) момент предполагаемой осуществимости угрозы, при этом она должна быть наличной, т.е. преступник должен угрожать немедленным применением насилия, и способной причинить физическую боль или побои;

2) интенсивность психического насилия дает возможность определить конкретные последствия в результате применения физического насилия.

Наличие этих признаков угрозы характеризует ее общественную опасность и противоправность и свидетельствует об осознании как преступником, так и заложником возможности причинения вреда (немедленно или в будущем), осознании отсутствия обстоятельств, исключающих наступление ответственности (например, при крайней необходимости).

Л.В. Сердюк к числу способов психического воздействия на потерпевшего относит «применение одурманивающих веществ, нарушающих только психическую деятельность и не влияющих на физическое состояние»⁴, а также электронную стимуляцию мозга, при которой «физическое воздействие на тело человека выступает лишь как способ насильственного... влияния на его психику», «метод непосредственного воздействия на мозг без причинения при этом физического вреда»⁵.

В зависимости от того, каким способом и насколько конкретизированно выражается угроза, она может носить определенный или неопределенный характер. Демонстрация оружия всегда носит определенный характер, аналогична и демонстрация предметов, используемых в качестве оружия (макеты, если они воспринимаются как настоящее оружие).

Словесная угроза может носить как определенный характер, т.е. когда преступник точно называет вред, которым он грозит: «убью», «застрелю», «выколю глаза», так и неопределенный характер, если не видно, каким по интенсивности насилием угрожает преступник: «пожалеешь, что мама на свет родила», «покалечу хуже трамвая» и т.п.

Угроза, выраженная в форме жестов, может быть как определенной, так и нет, равно как и угроза действиями.

В науке уголовного права существует мнение, что угроза причинением вреда исчерпывает понятие психического насилия.⁶ А многие авторы еще более сужают данную категорию до угрозы применения физического насилия.⁷ Такая узкая трактовка психического насилия вряд ли оправданна. Нельзя не учитывать, что современные криминологические реалии характеризуются порой весьма неординарными формами преступных посягательств, в том числе насильственных. И общие черты преступного насилия в полной мере относятся не только к разного рода угрозам, но присущи и другим способам противоправного психического воздействия на человека.

Психическое насилие может быть выражено не только в высказываниях, но и в характерных ругательствах, жестах, однако обстоятельства и обстановка должны убеждать потерпевшего в реальности угрозы⁸, например место захвата заложников (школа, больница,

общественный транспорт), количество и вооруженность преступников, факты уже совершенных ими преступлений (убийства, причинение вреда здоровью, уничтожение или повреждение имущества), характер выдвигаемых преступниками требований.

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29.

² Уголовное право: Особенная часть / под ред. Н.А. Беляева. СПб., 1995. Ч. 1. С. 167.

³ Марцев А.И. Ответственность за разбой // Российский юридический журнал. 1994. № 2. С. 182.

⁴ Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем. Волгоград, 1981. С. 9.

⁵ Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2002. С. 19, 24, 32.

⁶ Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. Омск, 1978. С. 6; Базаров Р.А. Уголовно-правовая характеристика насилия // Проблемы обеспечения личной безопасности граждан. М., 1995. С. 44.

⁷ Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969. С. 3, 32.

⁸ Яни П.С. Мошенничество и иные преступления против собственности: уголовная ответственность. М., 2002. С. 50.

Жукова Ю.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Социальная обусловленность уголовной ответственности за общественно опасные деяния предполагает выяснение совокупности различных факторов.¹ Одним из таких факторов выступает историческая закономерность появления как самих общественно опасных деяний, так и соответствующих уголовно-правовых норм, регулирующих противодействие этим деяниям.

Исторически сложилось так, что в большинстве стран мира во все времена вождение в состоянии опьянения считалось очень серьезным противоправным

деянием. В разных странах наказание за данное деяние было различным: от штрафа (величина, которого может зависеть от степени опьянения, вида транспортного средства и наступивших последствий), лишения водительских прав и до лишения свободы.

Первые известные попытки упорядочить городское движение были приняты еще в Древнем Риме Гаем Юлием Цезарем. Первыми правилами дорожного движения, введенными Юлием Цезарем в 50-х гг. до н.э., запрещалось ездить на частных колесни-

цах по улицам Древнего Рима в рабочее время, а иногородним предписывалось оставлять свои транспортные средства за городской чертой и передвигаться пешком или в наемном паланкине – своеобразном такси того времени.

Регулировать дорожное движение в Великобритании начали в XIX веке, в связи с этим издавались соответствующие указы и правила. Впервые в Лондоне 10 сентября 1897 г. был оштрафован на 25 шиллингов 25-летний лондонский таксист Джордж Смит после того, как он в состоянии алкогольного опьянения, которое засвидетельствовал участковый врач, въехал на автомобиле в препятствие (стену).

Изучение исторических документов показало, что оборот крепких спиртных напитков в России стал регулироваться в 1862 г.,² первый автомобиль отечественного производства был сконструирован инженерами Е.А. Яковлевым и П. А. Фрезе в 1896 г., датой рождения российских правил дорожного движения считают 11 сентября 1896 г., однако первые правила, регулирующие передачу управления транспортом лицу, находящемуся в состоянии опьянения, появились именно в 1864 г.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. (далее – Устав о наказаниях)³ включал ст. 123, которая по содержанию сочетала одновременно признаки состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ (только без общественно опасных последствий), и признаки состава административного правонарушения, относящиеся к ст. 12.8 КоАП РФ; за отступление от данной нормы наступала ответственность в виде ареста не свыше 7 дней или денежное взыскание не свыше 25 руб. за: «неосмотрительную или непомѣрно скорую ѣзду въ городахъ и селеніяхъ, а также за порученіе управленія лошадьми лицу неспособному или пьяному».

В ст. 74 Устава о наказаниях устанавливалась ответственность за правонарушения, аналогичные указанным в ст. 268 УК РФ. Диспозиция нормы предъявляла следующие требования:

«за несоблюденіе правил, установленныхъ для ѣзды обозами по шоссе и другимъ дорогамъ, виновные въ томъ извозчики подвергаются: денежному взысканію не свыше тридцати копѣекъ за каждую повозку». Между статьями обнаруживается сходство, отличие между ними лишь в том, что в ст. 74 не предусматривалось наступление общественно опасных последствий.

Важно отметить, что ст. 123 и 74-76 располагались в разных главах, таким образом, статьи разграничивались по объекту посягательства, а также в них предпринималась попытка дифференцирования ответственности в зависимости от социальной значимости норм, обеспечивающих безопасность движения. Так, за «переездъ, переходъ, или перетаскиваніе чего либо чрезъ желѣзную дорогу въ то время, когда это не дозволено, виновные подвергаются: денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей».

По мере увеличения производства автомобилей и строительства дорог законодательство все более детально регламентировало правила дорожного движения.

Прием признания определенных правонарушений преступлениями стал использоваться еще в первые годы советской власти. В законодательстве России повторность (неоднократность) использовалась в первые годы советской власти до принятия УК РСФСР 1922 г. Так, в п. 10 Декрета ВЦИК от 20 марта 1920 г. «О революционных военных железнодорожных трибуналах» определялась подсудность дел этим трибуналом, в числе других были указаны дела об умышленном неисполнении железнодорожными служащими служебных обязанностей (саботаж), а также и за явно небрежное к ним отношение в случаях, имеющих для транспорта важные последствия, или при повторении упущений после двукратного взыскания в дисциплинарном порядке.

Самым убедительным доводом существования административной преюдиции в уголовном законодательстве советского периода является включение

ст. 211.1 УК РСФСР 1960 г.: «лица, управляющие транспортным средством и находящиеся в состоянии опьянения, подлежали уголовной ответственности за совершенное повторно (в течение года) действие в случаях:

- лишения их водительских прав за управление транспортным средством в состоянии опьянения;

- применения мер административного наказания к лицам, не имевшим прав, за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Наказывалось такое лицо лишением свободы на срок до 1 года, или исправительными работами на срок до 2 лет, или штрафом в размере трех минимальных месячных размеров оплаты труда, с лишением водителя права управления транспортным средством на срок от 3 до 5 лет;

- если лицо имело судимость за преступление, предусмотренное ст. 211.1 УК РСФСР, такой виновный лишался свободы на срок до 3 лет с лишением водителя права управления транспортным средством на срок до 5 лет, и его действия квалифицировались по ч. 2 ст. 211.1 УК РСФСР.

Практика применения указанной меры ответственности также регулировалась постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 октября 1969 г. № 50 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушениями безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их угоном (ст. 211-212.1 УК РСФСР).

Таким образом, на протяжении всей истории формирования данных статей дифференцирование ответственности наблюдается не только в зависимости от социальной значимости различных норм, но и при выборе приоритета за квалифицирующим признаком (ч. 2 ст. 211.1 УК РСФСР), в котором содержалась имеющаяся у виновного лица судимость.

Присутствие административной преюдиции прослеживается в период 1959-1962 гг. в УК республик СССР. Так, «в качестве обязательного призна-

ка отдельных составов преступлений предусматривалось совершение соответствующего правонарушения лицом повторно, систематически или в виде промысла, а также повторно после применения к лицу за такое же нарушение мер общественного, дисциплинарного или административного воздействия. Практика использования в качестве средства частичной декриминализации либо криминализации повторности (неоднократности) правонарушения, совершения его систематически либо в виде промысла сохранилась в УК РФ 1996 г. и большинства действующих УК государств-участников СНГ и Балтии»⁴.

Таким образом, первые нормы, связанные с административной преюдицией в сфере безопасности транспорта, появились задолго до введения в УК РФ статьи 264.1 УК РФ. Данный исторический факт преемственности и глубочайших традиций нельзя игнорировать уважаемым ученым, которые высказываются против административной преюдиции в уголовном законодательстве.

Однако в соответствии с п. 2 ст. 2 Закона РФ от 24 декабря 1992 г. № 4217-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» статья была декриминализована⁵ из УК РСФСР 1960 г., а после 1996 г. из Уголовного кодекса РФ были исключены все составы преступлений, предусматривающие административную преюдицию.

Включение в уголовное законодательство, а затем исключение из него административной преюдиции разделило научный мир на две «коалиции». Одни ученые активно поддерживают административную преюдицию в уголовном праве, другие, наоборот, явно критикуют существование этой и иных форм повторности.

25 мая 2011 г. в Казани проходил международный семинар «Административная преюдиция: за и против», на котором выступили представители двух противоположных аппозиций профессор В.П. Малков и профессор Н.А. Лопашенко.

В работах Н.Ю. Акининой, А.А. Берндта, М.В. Бавсуна, В.П. Малкова, А.З. Рыбака и других ученых⁶ институт административной преюдиции аргументированно и последовательно поддерживается.

Административную преюдицию в 2009 г. поддержал лидер государства Д.А. Медведев, который в своем послании Президента РФ Федеральному собранию РФ отметил, что «в уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения»⁷.

Профессор Н.А. Лопашенко высказывает не менее обоснованное, но отрицательное отношение к применению института административной преюдиции. Данную точку зрения поддерживают А.И. Коробеев, А.А. Ширшов.⁸

Несмотря на научные споры, в 2014 г. Федеральным законом от 31 декабря № 528-ФЗ о внесении изменений в УК РФ ст. 264.1 УК РФ была криминализована в уголовном законодательстве.

Статистические данные⁹ указывают на социальную ценность данной нормы, ее появление положительно сказалось за период 2014-2018 гг. на фактическом состоянии регулируемых общественных отношений в области обеспечения безопасности дорожного движения и на создании многих участников дорожного движения.

В заключение необходимо сделать следующие выводы.

1. Вопросы обеспечения безопасности дорожного движения имеют глубокие исторические корни, появление уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения зародилось еще в 50 г. до н.э. На протяжении многих столетий законодательство негативно относилось к лицам, которые управляют транспортными средствами в состоянии опьянения. Это связано с тем, что государство с большой ответственностью относилось к проблеме обеспечения общественной безопасности.

2. В уголовном законодательстве развивалась, трансформировалась и закреплялась административная преюдиция, которую можно охарактеризовать как установление повышенной ответственности за повторное совершение административного правонарушения.

3. Административная преюдиция охватывает свойства (качества) лица, осуществляющего повторно управление транспортным средством в состоянии опьянения, характеризующиеся устойчивостью антисоциальной установки личности и являющиеся в последующем источником преступного поведения.

¹ Тоболкин П.С.. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск: Ср.-Уральск. кн. изд-во, 1983. 176 с.

² Положение о питейном сборе, высочайше утвержденное 4 июля 1861 года, с присовокуплением высочайше утвержденного 20 марта 1862 года правил о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе и судопроизводстве по сим делам. Москва : Тип. Ал. Семёна, 1862. 160 с.

³ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Санктпетербургъ. Типография Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, № 5, 1867.

⁴ Малкова В.П. Административная и дисциплинарная преюдиция как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве. // Пробелы в российском законодательстве. Вып. 2. Изд. дом «Юр-ВАК», 2008. С. 195.

⁵ Шеслер А.В. Криминализация и декриминализация как направления правотворческой политики // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 136-141.

⁶ Акинина Н.Ю., Берндт А.А. Институт административной преюдиции в уголовном кодексе Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. 2017. Вып. 1 (44). С. 83-86; Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 2; Малков В.П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 61. Рыбак А.З. Административная преюдиция в уголовном праве // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2015. № 2. С. 116-121.

⁷ Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному собранию Российской Федерации. 12.11.2009. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979> (дата обращения: 31.01.2019).

⁸ Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 70; Коробеев А.И., Ширшов А.А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 70.

⁹ Официальные данные Государственной инспекции дорожного движения Министерства внутренних дел РФ и Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел РФ. URL: [http://www.lgai.ru/521338-](http://www.lgai.ru/521338-statistika-dtp-v-rossii-za-yanvar-sentyabr-2018-goda.html)

[statistika-dtp-v-rossii-za-yanvar-sentyabr-2018-goda.html](http://www.lgai.ru/521338-statistika-dtp-v-rossii-za-yanvar-sentyabr-2018-goda.html); http://old2.gibdd.ru/stat/analiz_ns.pdf; <http://www.lgai.ru/autonews/520130-gibdd-opublikovala-godovuyu-statistiku-dtp-za-2017-god.html>; Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 № 1-р «Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288413/29ae80d4126afbe29d49bcf357ffd9c22be36b51.

Семенюк Е.В.

Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ В УСТАНОВЛЕНИИ ПОВТОРНОСТИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 264.1 УК РФ

Квалификация преступления, а именно установление тождества между диспозицией нормы уголовного права и совершенным деянием со всеми характеризующими его признаками, несомненно, является одним из основных этапов в процессе привлечения виновного лица к уголовной ответственности.

Статья 264.1 УК РФ была введена в действие с 1 июня 2015 г. и уже успела получить неоднозначные оценки различных научных деятелей в актуальности ее применения. Одним из самых спорных остается вопрос применения административной преюдиции как в уголовном праве вообще, так и конкретно на примере данной правовой нормы. Как считает Е.А. Герасимова, институт административной преюдиции обладает недостатками, выраженными в социальной и уголовно-правовой сферах. В социальном контексте административная преюдиция искусственно снижает способности современного человека познавать общественную опасность соответствующего деяния без предварительного административно-правового упрека. С позиции уголовного права административная преюдиция становится барьером для прямого уголовно-правового воздействия на сознание и волю правоисполнителя, обязанного воздерживаться от совершения преступления.¹

Другие же считают, что данных мер для противодействия преступным посягательствам на безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств вообще недостаточно.²

Несмотря на полемику о полезности данной уголовно-правовой нормы, стоит отметить регулярное увеличение количества выявляемых фактов управления транспортным средством в состоянии опьянения повторно. Только по результатам 2018 г. на территории Иркутской области сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения выявлены 2530 фактов, что на 430 больше, чем по итогам 2017 г.³ Это говорит не только о востребованности данной нормы, но и о важности отработанного и адаптированного к каждой территории алгоритма действий по квалификации признаков вышеуказанного деяния для госавтоинспекторов, так как именно они выявляют правонарушителей и в дальнейшем проводят первоочередные действия по сбору материала.

Наиболее проблемным моментом при осуществлении квалификации данного состава преступления является установление наличия повторности совершенного деяния. Согласно ст. 264.1 УК РФ под данную категорию подпадают лица, подвергнутые административному наказанию за управление

транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, либо имеющие судимость за совершение преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264, либо статьи 264.1 УК РФ.

Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания (вступление в законную силу регулируется ст. 31.1 КоАП РФ) и до истечения 1 года со дня окончания исполнения данного постановления.

Лицами, имеющими судимость, в порядке статьи 86 УК РФ считаются:

- условно осужденные, у которых не истек испытательный срок;
- осужденные к таким видам наказаний, как штраф, обязательные или принудительные работы, у которых еще не истек один год после исполнения наказания;
- осужденные к реальному лишению свободы, у которых не истекло трех лет после отбытия наказания.

Исходя из этого, важно отметить, что процесс установления повторности является сложным, так как для его осуществления может потребоваться продолжительный период времени, например в таких ситуациях, когда отсутствует информация о вступлении в законную силу решения по предыдущему факту управления транспортным средством в состоянии опьянения или в отношении нарушителя уже исполнено наказание или наказание исполнено частично и истек довольно продолжительный период времени. Как быть в таких ситуациях – разберемся поподробнее.

Одной из основных проблем в установлении наличия повторности является отсутствие информации в базах данных ГИБДД о вступившем в законную силу решении по предыдущему факту управления транспортным средством в состоянии опьянения. Данная ситуация может

возникнуть как из-за задержек в предоставлении сведений от судебных органов, так и из-за несвоевременного внесения данных сотрудниками полиции. Также имеют место ситуации, когда в связи с техническими неполадками информационных баз сведения о водителе нет возможности получить вообще.

В этих случаях сотрудниками ГИБДД собирается административный материал для привлечения нарушителя по статье 12.8 или 12.26 КоАП РФ. Далее, при первой же возможности, информация запрашивается в соответствующих органах, либо сверяется с информационной базой. И если факт повторности имеет место быть, то протокол об административном правонарушении прекращается, а материал формируется для передачи по подследственности.

Один из таких спорных случаев произошел в городе Ч. 18 апреля 2018 г., за управление транспортным средством в состоянии опьянения в отношении гр. А был составлен административный материал по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ. Мировой судья судебного участка рассмотрел материал 5 мая 2018 г. и признал виновность гр. А, после чего копия приговора была направлена в адрес подразделения ГИБДД почтой. 18 июня 2018 г. гр. А вновь был задержан сотрудниками ГИБДД с признаками опьянения, на этот момент сведения о предыдущем факте в базах данных отсутствовали. Копия приговора по первоначальному случаю поступила в адрес ГИБДД 25 июня 2018 г. Административный материал по второму случаю был направлен для рассмотрения мировому судье судебного участка, и впоследствии принято решение о привлечении к ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ. В результате нарушитель гр. А получил не уголовное, а более мягкое административное наказание.⁴

Далее рассмотрим ситуации, в которых по имеющимся фактам привлечения к административной ответственности за нетрезвое вождение наказание в отношении водителя исполнено полностью или частично. Состав преступления по ст. 264.1 УК РФ имеет место быть:

– в случаях истечения одного года после окончания срока лишения права управления, но отсутствии оплаты административного штрафа, либо в течение одного года после его оплаты;

– при истечении более трех лет со дня вступления в законную силу решения судебного органа, но непредоставлении нарушителем в органы ГИБДД водительского удостоверения либо заявления об его утере/утрате, так как срок лишения может быть начат только с момента сдачи прав в соответствующий орган;

– в ситуациях неполучения водительского удостоверения после окончания срока лишения права управления еще в течение года, либо более года, если отсутствует оплата административного штрафа или не истекло одного года с момента его исполнения;

– в случаях, когда нарушитель еще несет свое наказание (лишен права управления на определенный срок) и еще в течение года после исполнения;

Отдельного обсуждения заслуживают факты, когда водитель-нарушитель уже был привлечен к уголовной ответственности в порядке чч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ или ст. 264.1 УК РФ. В

этих случаях лицо будет привлечено к ответственности за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения, если имеется вступивший в законную силу приговор суда, течет срок наказания, а также если судимость за данное преступление еще не погашена.

Рассмотрев вышеперечисленные случаи, следует отметить, что действительно, в ходе осуществления ежедневного контроля за безопасностью дорожного движения для сотрудника Госавтоинспекции может возникнуть множество различных спорных ситуаций, в которых далеко не всегда налицо можно установить факт повторности управления транспортным средством в состоянии опьянения.

¹ Герасимова Е.А. Проблемы использования института административной преюдиции в уголовном праве / Е.А. Герасимова // Вестник Самарской государственной юридической академии. 2014. № 6. С. 178-182.

² Бохан А.П., Бондарев С.П. К вопросу о совершенствовании диспозиций статей 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2017. № 4. С. 26-29.

³ По информации УГИБДД ГУ МВД России по Иркутской области.

⁴ По информации УГИБДД ГУ МВД России по Иркутской области.

Григорян Н.Г.

Санкт-Петербургский университет МВД России

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Являясь наиболее распространенной и опасной формой коррупции, занимая лидирующие позиции среди преступлений по степени латентности, взяточничество, в частности такая его форма, как получение взятки, считается трудно раскрываемым и доказуемым преступлением, что в значительной степени связано с взаимосвязанностью интересов взяткополучателя и взяткодателя, которые заинтересованы в том, чтобы факт получения-дачи взятки не получил огласки.

Согласно официальной статистике Информационного центра полиции Республики Армения, в период за 2012-2013 годы были выявлены 92 факта взяточничества, из которых: дача взятки – 79, получение взятки – 9, посредничество во взяточничестве – 4. В период за 2014-2015 годы были выявлены 116 фактов взяточничества, из которых: дача взятки – 103, получение взятки – 12, посредничество во взяточничестве – 1. За 2016 год были выявлены 55 фактов взяточничества, из которых: дача взят-

ки – 42, получение взятки – 13, посредничество во взяточничестве – 0. За 2017 год были выявлены 118 факта взяточничества, из которых: дача взятки – 59, получение взятки – 46, посредничество во взяточничестве – 13. За 9 месяцев 2018 года были выявлены 160 факта взяточничества, из которых: дача взятки – 73, получение взятки – 83, посредничество во взяточничестве – 4.¹

Думается, что статистика по результатам выявления и расследования взяточничества не соответствует реалиям нашей действительности, так как, исходя из социологических исследований ученых-правоведов, уровень его латентности достигает 95%.²

В соответствии с исследованием международной организации «Transparency International»³, целью которой является борьба с коррупцией и исследование уровня коррупции по всему миру путем выявления индекса восприятия коррупции в государственном секторе различных стран, в 2014 году Республика Армения занимала 94 место из 175 стран, в 2015 году – 95 место из 168 стран, а в 2016 году – 113 место из 176, то есть являлась одной из наиболее коррумпированных стран мира.

Индекс восприятия коррупции в 2014 году составлял 37 из 100 возможных, в 2015 году – 35 из 100 возможных, в 2016 году – 36 из 100 возможных, а в 2017 году – 35 из 100 возможных, причем чем ближе данный показатель к нулю, тем коррумпированнее страна.

Обеспечение своевременного раскрытия взяточничества требует осуществления комплекса мер, в том числе и на законодательном уровне.

В юридической литературе принято считать, что поощрительные нормы, являясь эффективным средством раскрытия преступлений, стимулируют определенные формы позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление, таким образом повышая коэффициент раскрываемости взяточничества.

В целях более эффективной борьбы со взяточничеством, для уменьшения преступной связи между взяткодателем

и взяткополучателем и для повышения раскрываемости данной категории преступлений законодатель предусмотрел поощрительные нормы, дающие возможность освобождения от уголовной ответственности за определенное посткриминальное поведение.

Согласно п. 4 ст. 312 Уголовного кодекса Республики Армения (далее – УК) лицо, давшее взятку, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно, до того как об этом стало известно правоохранным органам, но не позже чем через три дня после совершения преступления, добровольно сообщило о даче взятки органам уголовного преследования и содействовало раскрытию преступления.

Таким образом, лицо, давшее взятку, согласно п. 4 ст. 312 УК освобождается от уголовной ответственности в случае одновременного наличия следующих четырех условий.

1. Имело место вымогательство взятки. Описание вымогательства взятки было дано в пункте 24 решении Кассационного суда РА от 15.08.2014 по уголовному делу ЕЦС /0002/01/13. Так, вымогательство взятки имеет место в тех случаях, когда должностное лицо требует взятку и это требование сопровождается угрозой, в частности: в случае отказа от дачи взятки о нарушении прав и законных интересов лица или поставление человека в такие условия, что он вынужден дать взятку для предотвращения возможных угроз его правам и охраняемым законом интересам.

2. Лицо, давшее взятку, до того как об этом стало известно правоохранным органам, добровольно сообщило о даче взятки органам уголовного преследования. Это означает, что человек идет на этот шаг не принудительно, а по собственному желанию, осознавая, что соответствующим органам не известно о даче взятки. Не может рассматриваться добровольным сообщение, которое было дано в связи с тем, что правоохранным органам стало известно об этом факте.

3. Лицо, давшее взятку, сообщило о даче взятки не позже чем через три дня

после совершения преступления. Закон предусматривает временное ограничение, исходя из криминологических и процессуальных соображений. Прежде всего, ограничение во времени позволяет на более ранней стадии предотвращать коррупционную деятельность должностного лица. Кроме того, позднее сообщение о даче взятки значительно снижает возможности доказывания факта получения взятки.

4. Лицо, давшее взятку, содействовало раскрытию преступления. Содействие раскрытию преступления подразумевает, например, истинное и полное свидетельствование об обстоятельствах, которые подлежат доказыванию по уголовному делу, раскрытие других участников взяточничества, предоставление документации или фактических данных, имеющих существенное значение для дела, представление документов или возможных источников их приобретения и т.д.

Прогрессивность данной уголовно-правовой нормы, разумеется, не вызывает сомнений, но мы считаем, что законодателю следовало быть более последовательным, обозначив основы освобождения от уголовной ответственности не только для взяткодателя, но и для взятокополучателя и посредника во взяточничестве. На наш взгляд, такое регулирование вопроса не вытекает из принципа равенства перед законом, так как один из трех фигурантов коррупционной сделки – взяткодатель, приобретает привилегированное положение в сравнении с взятокополучателем и посредником.

Часть третья статьи 37 Конвенции ООН против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31.10.2003, гласит: «Каждое Государство-участник рассматривает вопрос о том, чтобы предусмотреть возможность, в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства, предоставления иммунитета от уголовного преследования лицу, которое существенным образом сотрудничает в расследовании или уголовном преследовании в связи с каким-либо преступлением, признанным таковым в соответствии с настоящей Конвенцией».

Очевидно, что в данной международной уголовно-правовой норме речь идет о любом участнике коррупционной сделки – о взяткодателе, о взятокополучателе и о посреднике во взяточничестве. Однако закрепленная в УК поощрительная норма касается только взяткодателя.

В качестве положительного примера можно привести примечание к статье 291.1 УК РФ, согласно которому «лицо, являющееся посредником во взяточничестве, освобождается от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления активно способствовало раскрытию и (или) пресечению преступления и добровольно сообщило органу, имеющему право возбудить уголовное дело, о посредничестве во взяточничестве».

По нашему мнению, важным приоритетом антикоррупционной политики должно стать законодательное расширение возможностей освобождения от уголовной ответственности лиц, сотрудничающих в борьбе с коррупционными преступлениями. Другими словами, наряду с карательным методом уголовного права должен широко применяться и поощрительный метод, что, в свою очередь, будет способствовать реализации принципа экономии уголовной репрессии.

Как справедливо отмечает Р.М. Мелтонян, ограничивать сферу уголовно-правовых исследований только понятиями наказания и норм, его регламентирующих, не может быть признано достаточным⁴. Возросшие требования и задачи успешной борьбы со взяточничеством требуют применения и иных средств арсенала уголовно-правовой борьбы, в частности поощрительных уголовно-правовых норм.

Следует согласиться с мнением профессора Б.В. Волженкина о том, что «интересы борьбы с коррупцией требуют доведения до логического конца идеи, закрепленной в примечании к статье 291 УК РФ, об освобождении от уголовной ответственности лиц, давших взятку и добровольно заявивших о содеянном. Последовательно проводя эту важную идею деятельного раскаяния, следует,

безусловно, распространить данное правило на посредников во взяточничестве и на всех других лиц, являвшихся соучастниками в даче и получении взятки, в том числе и на взяткополучателя»⁵.

На наш взгляд, в случае возможности применения поощрительной нормы, дающей возможность освобождения субъекта получения взятки и посредника во взяточничестве от уголовной ответственности, повысится раскрываемость связанных с данным преступлением иных преступлений, таких как дача взятки и посредничество во взяточничестве. То есть создается дополнительная

возможность повышения раскрываемости столь латентных преступлений.

---

¹ Официальный сайт Полиции Республики Армения. URL: <http://www.police.am/> (дата обращения: 10.12.2018).

² Sargsyan G. The Problems of Bribery Response. School of the Prosecutor's Office SNCO, 2012. P. 4.

³ URL: file:///C:/Users/Portable/Downloads/2017_CPI_Brochure_EN.PDF (дата обращения: 10.12.2018).

⁴ Мелтонян Р.М. Поощрительные нормы Уголовного кодекса Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань. 1999, С. 1.

⁵ Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963-2007 гг.). СПб., 2008. С. 427-428.

Хилюта В.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
(Республика Беларусь)

Иная личная заинтересованность как деконструктивный признак должностных злоупотреблений

Иная личная заинтересованность как мотив должностного преступления выражает стремление субъекта за счет использования своих служебных возможностей извлечь выгоду определенного характера, достичь конкретного результата. В данном случае интерес представляют собой те сугубо индивидуальные устремления личности, которые затем конкретизируются путем обозначения конечной цели, ради которой виновный идет на риск и совершает преступление.¹

В действительности же чиновник, грубо нарушающий акты законодательства, регламентирующие его служебную деятельность, и при этом ссылающийся на ведомственный или государственный интерес, лукавит. Как отмечает В.Н. Борков, за этим часто стоит личная асоциальная заинтересованность.² В таком ключе вполне резонно можно будет замечать, что благотворное влияние на деятельность служебного аппарата отражает интересы всех субъектов правоотношений. Поэтому установление лишь факта нарушения должностным лицом

своих обязанностей по службе не может расцениваться как совершение преступления в интересах службы, выявлять и доказывать необходимо конкретный мотив совершения преступления.

Следовательно, совершая должностное преступление из личной заинтересованности, виновное лицо преследует цель получить (извлечь) различные виды выгод и преимущества как для себя, так и для других лиц, в судьбе или деятельности которых он заинтересован. Именно через эту призму мы и должны подходить к вопросу оценки действий лиц, совершающих злоупотребления в интересах службы (ложно понятых, узковедомственных и т.д.), поскольку за такими интересами нередко стоит личная заинтересованность низменного характера (стремление уйти от ответственности за допущенные ошибки и недостатки в работе, получить поддержку со стороны влиятельных лиц, тщеславие и т.д.), либо же наоборот – ничего не стоит. Установить и доказать данный факт – прерогатива органов следствия и суда, а не механистиче-

ского наложения известного трафарета в виде определенных словосочетаний.

Тем не менее следует констатировать тот факт, что в сегодняшних условиях такой признак, как «иная личная заинтересованность», понимается зачастую судебно-следственной практикой расширительно, именно как заинтересованность субъекта в совершении определенных действий и наступлении выгодных (или желаемых) для этого лица последствий (каждый сознательный и волевой акт всегда носит личный субъективный характер³). Однако такое толкование уголовного закона не всегда оправданно.

Представляется, что совершение должностных злоупотреблений по таким мотивам, как повышение своей деловой репутации, обеспечение нормальной работы предприятия, сохранение стабильной заработной платы, желание получить кредит с целью выплаты заработной платы сотрудникам предприятия, повышение статистических показателей раскрываемости преступлений и др., никак не могут быть соотнесены с таким признаком, как «иная личная заинтересованность». Это такие мотивы, которые больше свойственны не преступлению, а правонарушению.

Многогранность и разносторонность толкования элементов понятия «иная личная заинтересованность» фактически дают правоприменительным органам возможность перевести служебный проступок в категорию коррупционного преступления. Фактически, при желании, можно любую заинтересованность индивида охарактеризовать как личную. И связано это с тем, что иная личная заинтересованность всегда имеет негативное содержание. Однако иной подоплеку такое поведение просто не может иметь.

В то же время наличие личной заинтересованности вовсе может не способствовать повышенной опасности такого должностного злоупотребления. Акцентирование внимания на подобных уголовных делах порождает в обществе чувство несправедливости, подавляет всяческую инициативу со стороны ру-

ководящих лиц субъектов хозяйствования, поскольку любая оплошность должностного лица может быть истолкована как служебное преступление. Более того, освещение таких ситуаций в СМИ имеет неоднозначную оценку, порой способствует нагнетанию негативной обстановки и отрицательно сказывается на имидже государства в целом.

Анализ правоприменительной практики по данному вопросу заставляет прийти к выводу о крайне высокой степени оценочности понятия «иная личная заинтересованность» и невозможности отграничения служебного преступления от дисциплинарного проступка. Однако разве может наличие личной заинтересованности свидетельствовать о повышенной общественной опасности должностных злоупотреблений? Причем именно таких злоупотреблений, которые являются преступлениями, а не правонарушениями либо проступками. В этом случае признак «иная личная заинтересованность» является неотягчающим, а, скорее, смягчающим вину обстоятельством. Формальное понимание данного признака приводит только к расширению мер уголовной репрессии.

Сами по себе стремления человека к карьерному росту, представления в нужном ракурсе результатов своей деятельности, получение поддержки влиятельных лиц при решении конкретных дел, оказание содействия подчиненному по службе или коллеге вряд ли представляют такую общественную опасность, которая свойственна преступлению.

Содержащееся сегодня толкование иной личной заинтересованности в постановлении Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424-428 УК)» не в должной мере раскрывает данное понятие, потому как, исходя из имеющегося определения, невозможно отграничить иную личную заинтересованность от ложно понятых интересов службы, четко соотнести иную личную заинтересованность с низменными побуждениями и ответить на вопрос: является ли мотив

ложно понятым интересам службы личным или нет. Очевидно, что иная личная заинтересованность не отражает в полной мере того отрицательного оттенка, которым обладают иные низменные побуждения. Отсюда и непонимание ситуации, невозможность разграничения по этому основанию служебного преступления и проступка.

Проблема соотношения мотивов поведения должностного лица и дальнейшая субъективная оценка следственной ситуации не позволяют ответить и на вопрос о том, чем конкретно руководствуется должностное лицо – ложно понятыми интересами службы или иной личной заинтересованностью, – когда путем различных злоупотреблений создает видимость благополучия на возглавляемом им предприятии (учреждении, организации), заведомо зная, что его действия противоречат интересам службы. Понятно, что за любым предприятием всегда стоит конкретный человек, и потому действия в интересах предприятия всегда с известной степенью условности могут быть соотнесены с интересами личности.

В контексте обозначенной проблемы возникает и иного рода вопрос. Почему, например, когда мы ведем речь о взяточничестве, то уголовный закон четко и однозначно говорит о том, что предметом взятки не может быть получение выгоды неимущественного характера. Такие действия составляют должностной проступок, если не содержат в себе признаков иных противоправных деяний. Почему же тогда получение выгоды неимущественного характера в составах должностных злоупотреблений (ст. 424-426 УК Беларуси) образует преступление? Представляется, что подход к разрешению указанных проблем должен быть одинаковым. Корыстные должностные злоупотребления более опасны, нежели некорыстные, поэтому сегодня есть все основания перевести злоупотребление властью или служебными полномочиями, совершен-

ное из иной личной заинтересованности (а равно такое же бездействие должностного лица, превышение власти или служебных полномочий), в разряд административных правонарушений и установить за это административную ответственность.

Многие могут нам возразить, и основной аргумент будет сводиться к тому, что проще в самом законе дать исчерпывающий перечень типичных ситуаций или иных характеристик, которые будут расшифровывать значение такого понятия, как «иная личная заинтересованность». Однако, во-первых, сама правоприменительная практика показывает, что до сих пор этого не произошло и четких критериев не выработано, а во-вторых, невозможность такого шага обусловлена тем, что в настоящее время в обществе не сформировалась окончательная оценка о должных стандартах служебного поведения, какие побуждения считать низменными и т.д., поскольку моральные и нравственные критерии сегодня оказались крайне размытыми и весьма изменчивыми по причине происходящих социально-экономических и культурных трансформаций. Соответственно, пока на законодательном уровне перечень таких низменных побуждений, составляющих суть иной личной заинтересованности, будет отсутствовать, мы будем иметь дело с произвольными и оценочными суждениями по этому поводу и вытекающими отсюда расширительными или ограничительными аспектами правоприменительного толкования.

---

¹ Динека В.И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России (уголовно-правовой и криминологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2000. С. 38.

² Борков В.Н. Должностные преступления: квалификация, система и содержание уголовно-правовых запретов. Омск, 2010. С. 95-100.

³ Тарасова Е.В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего положения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12. 00.08. СПб., 1999. С. 17.

Матвеев И.В.

Новосибирский государственный университет экономики и управления

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Субъективная сторона злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) характеризуется лишь умышленной виной. Данное преступление совершается субъектом с осознанием того, что он использует свои полномочия вопреки интересам службы, предвидит наступление общественно-опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства и желает наступления данных последствий, либо не желает, но сознательно допускает, либо относится к ним безразлично.¹ В некоторых случаях размер и характер вреда позволяет установить содержание вины преступления, потому как «всестороннее, объективное исследование преступного вреда позволяет наиболее полно и точно установить и другие признаки состава преступления, например форму и вид вины...»².

В научной литературе имеются несколько точек зрения относительно видов умысла на совершение данного преступления. Так, одни авторы полагают, что указание законодателя в статье Особенной части на мотив и цель преступного деяния означает, что это преступление может быть совершено только с прямым умыслом.³ Тем самым указание на цели в качестве конструктивного признака в составе преступления — злоупотребления должностными полномочиями — свидетельствует о прямом умысле лица, совершающего данный вид преступления.

Данная точка зрения относительно совершения злоупотребления должностными полномочиями представляется ошибочным, так как, соглашаясь с С.В. Изосимовым, «учитывая то, что данное преступление по конструкции объективной стороны является материальным, в нем необходимо учитывать

психическое отношение лица не только к выполнению деяния (действия или бездействия), но и к наступившим общественно опасным последствиям»⁴. Если по отношению к деянию допускается возможность конкретизации его в субъективной сфере виновного, то по отношению к последствиям, которые часто носят оценочный характер, умысел, как правило, неконкретизирован. Значит, что если по отношению к деянию виновный действует с прямым умыслом (на то указывает наличие цели), то по отношению к последствиям в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства допустимо наличие косвенного умысла.

Таким образом, интеллектуальный момент вины данного состава преступления заключается в том, что лицо осознает, что использует свои должностные полномочия вопреки интересам службы, предвидит возможность или неизбежность наступления последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства и желает их наступления или сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично.

Вопрос о том, с какой формой вины совершается преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 285 УК РФ, т.е. злоупотребление должностными полномочиями, повлекшее за собой тяжкие последствия, представляется важным в практическом смысле. Как квалифицировать деяния, если лицо совершает действия, охватывающие основной состав злоупотребления должностными полномочиями, и в отношении тяжкого последствия, например смерти человека, у него имеется прямой умысел? Варианта квалификации два: либо как квалифицированный состав, т.е. ч. 3 ст. 285 УК

РФ, либо по совокупности преступлений ч. 3 ст. 285 и ч. 1 ст. 105 УК РФ. Стоит согласиться с О.О. Кравченко о том, что «последствия, наступившие в результате неправомерных действий виновного, наличествует независимо от того, носят ли они характер тяжких или таковыми не являются»⁵. Соответственно, в данном случае деяние будет квалифицировано по совокупности преступлений ч. 3 ст. 285 и ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Обязательным признаком субъективной стороны преступления является мотив – корыстная или иная личная заинтересованность. Тот факт, что мотивы имеют значение при квалификации данного общественного деяния, отражает следующее положение: только при наличии корысти и иной личной заинтересованности при злоупотреблении должностными полномочиями возможна уголовно-правовая оценка деяния. Если данные мотивы отсутствуют, то налицо дисциплинарный проступок.⁶

Корыстная заинтересованность выражается в том, что виновный стремится, используя свои служебные полномочия, извлечь для себя или других лиц незаконную имущественную выгоду. Так, за злоупотребление своим служебным положением из корыстных побуждений был осужден старший инспектор С., который под видом уплаты штрафа получил от задержанной гражданки Л. деньги и присвоил их.⁷

Понятием «иная личная заинтересованность» охватываются все иные противоречащие интересам службы побуждения личного характера (карьеризм, протекционизм, месть, зависть, подхалимство и т.д.) (см. п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»).

По данным Т.Б. Басовой, проводившей обобщение судебно-следственной практики по преступлениям, предусмотренным ст. 285 УК РФ, в 82,4% дел рассматриваемой категории имел место корыстный мотив, а в 17,6% – иные личные побуждения.⁸

Тем не менее на практике возникают проблемы с определением содержания мотива «иной личной заинтересованности». Согласно толкованию, предложенному И.Ф. Кильчинским, иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении извлечь выгоду неимущественного характера. Такое стремление может быть обусловлено различными побуждениями: карьеризм, протекционизм, семейственность, желание скрыть свою некомпетентность, избежать дисциплинарной ответственности за допущенные нарушения, ошибки в работе, получить поддержку со стороны влиятельных лиц, месть, зависть и т.п.⁹

Однако на практике не все так однозначно, как предлагается в толковании данной нормы. Например, возникает вопрос: можно ли признать мотивом иной личной заинтересованности ложно понятые интересы службы? Данное обстоятельство иллюстрирует следующий пример, приведенный А.В. Синельниковым.¹⁰ Определением судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 2 марта 2006 г. был отменен приговор суда первой инстанции и прекращено производство по делу по обвинению сотрудника органа внутренних дел в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, с указанием на предположительный характер вывода нижестоящего суда о получении этим должностным лицом какой-либо личной выгоды в результате противоправного деяния, заключавшегося в укрытии заявления потерпевшего о краже. При этом суд кассационной инстанции, обосновывая свои выводы, отметил, что мнение суда о желании А. повысить статистические показатели работы УВД КАО г. Омска не может считаться личной заинтересованностью. Не усматривается из материалов дела и какого-либо продвижения А. по службе в результате единичного сокрытия от учета преступления. Боязнь критики и нежелание оставлять по результатам дежурства нерассмотренное сообщение о краже не является злоупотреблением должностными полномочиями, а свиде-

тельствует о наличии в действиях дисциплинарного проступка.

По мнению А.В. Синельникова, правильный подход при установлении мотива иной личной заинтересованности на практике влечет юридическую невозможность привлечения к уголовной ответственности должностных лиц, виновных в умышленном совершении некоторых противоправных деяний, обладающих повышенной общественной опасностью, если они обусловлены ложно понятыми интересами службы, что, думается, нельзя оценить иначе как пробел в уголовно-правовом регулировании. Такое положение дел ведет, по его мнению, к непоследовательности и противоречивости правоприменительной деятельности. Поэтому требуется уточнение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ того, что является «иной личной заинтересованностью» и следует ли признавать, в частности, ложно понятые интересы службы мотивом злоупотребления полномочий (при наличии последствий, предусмотренных данной статьей).

Таким образом, при рассмотрении вопросов квалификации злоупотребления должностными полномочиями по субъективной стороне значение имеет установление не только содержания вины и мотивов злоупотребления полномочиями, но и правоприменительная деятельность в отношении данных признаков.

¹ Верченко Н.И. Экономические предпосылки распространения коррупционных преступ-

лений // Актуальные проблемы уголовной политики Российской Федерации : материалы международной научно-практической конференции. Омск, 2013. С. 66-71; Корнилов А.В., Ульянова В.В. Квалификация «откатов» // Уголовное право. 2014. № 6. С. 30-35.

² Лямкина Н.И. Проблемы допроса иностранных граждан в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 16-1. С. 129.

³ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр «ЮрИнфоР», 2001. С. 166; Курс уголовного права. Общая часть : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. Т. I. Учение о преступлении. С. 345.

⁴ Изосимов С.В. Злоупотребление должностными полномочиями: проблемы законодательного определения и квалификации // Российский судья. 2003. № 4. С. 24.

⁵ Кравченко О.О. Злоупотребление должностными полномочиями: уголовно-правовая характеристика : монография. Владивосток: Мор. гос. университет, 2013. С. 93.

⁶ Ибрагимова Х.А. Злоупотребления должностными полномочиями в системе социальной защиты: уголовно-правовой и криминологический анализ : автореф. дис ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2002. С. 16.

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 11. С. 4.

⁸ Басова Т.Б. Мотив как обязательный признак субъективной стороны должностных преступлений // Российский судья. 2004. № 11. С. 32.

⁹ Кильчицкий И.Ф. Иная личная заинтересованность как мотив должностного преступления. Судебная практика // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 6. С. 23.

¹⁰ Синельников А.В. Иная личная заинтересованность как мотив должностного преступления // Уголовное право. 2011. № 5. С. 25.

Гордеев Р.Н.,

кандидат юридических наук, доцент

Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ЧАСТЬЮ 5 СТАТЬИ 291.1 УК РФ

Уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве», вызывает в теории уголовного права нескончаемый диспут относительно элементов и признаков, ее наполняющих, законода-

тельной конструкции, наличия отдельных (самостоятельных) составов преступлений. Одному только вопросу об уголовной ответственности посредника в простой (незначительной) взятке посвящены десятки работ.

Однако изобилие теоретических работ, посвященных проблематике посредничества во взяточничестве, не разрешает всех существующих сложностей в понимании и применении данной нормы и особенно ч. 5 ст. 291.1 УК РФ.

Юридический анализ ст. 291.1 УК РФ позволяет утверждать, что посредничество во взяточничестве включает в себя два самостоятельных состава преступления: 1) само посредничество во взяточничестве, которое предусмотрено чч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ; 2) обещание или предложение посредничества во взяточничестве, предусмотренное ч. 5 ст. 291.1 УК РФ.

Согласно абз. 1 п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (Далее – ППВС РФ № 24) обещание или предложение посредничества во взяточничестве считается оконченным преступлением с момента совершения лицом действий (бездействия), направленных на доведение до сведения взяткодателя и (или) взяткополучателя информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве.

То есть, по мнению правоприменителя, объективная сторона обещания или предложения посредничества во взяточничестве заключается в доведении до сведения взяткодателя и (или) взяткополучателя информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве.

Сообщение информации другим соучастникам о желании совершения преступления, вступление с ними в сговор, разработка и обсуждение планов будущего деяния в теории и практике уголовного права рассматривается как одна из стадий совершения преступления – приготовление к преступлению. Так, в ч. 1 ст. 30 УК РФ под приготовлением к преступлению, в частности, признаются приискание соучастников преступления и сговор на совершение преступления. То есть обещание или предложение посредничества во взяточничестве фактически является приготовлением к само-

му факту посредничества во взяточничестве – непосредственной передаче взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя или иному способствованию взяткодателя и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере.

О том, что обещание или предложение посредничества во взяточничестве является одной из стадий самого посредничества, говорит и Верховный Суд РФ в абз. 2 п. 26 ППВС РФ № 24: по смыслу закона, если лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, впоследствии совершило преступление, предусмотренное частями 1-4 статьи 291.1 УК РФ, содеянное им квалифицируется по соответствующей части этой статьи как посредничество во взяточничестве без совокупности с частью 5 статьи 291.1 УК РФ. То есть фактически стадия покушение или оконченное преступление поглощает приготовление к преступлению.

Если рассматривать обещание или предложение посредничества во взяточничестве как стадию приготовления к преступлению, предусмотренному чч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ, возникают ряд вопросов: 1) когда преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 291.1 УК РФ является оконченным составом преступления; 2) что входит в объективную сторону ч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ; 3) когда приготовление в виде обещания или предложения перерастает в посредничество во взяточничестве?

Отвечая на первый вопрос, стоит указать, что приготовление к преступлению перерастает в покушение в момент совершения действий (бездействий), непосредственно направленных на совершение преступления (ч. 3 ст. 30 УК РФ). То есть законодатель фактически говорит о начале выполнения объективной стороны задуманного. В нашем случае обещание или предложение посредничества во взяточничестве, являясь стадией приготовления, перерастет в покушение на посредничество во взяточничестве, когда лицо начнет выполнять объективную сторону чч. 1-4

ст. 291.1 УК РФ. В случае если начать выполнять объективную сторону, предусмотренную чч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ, не удалось по не зависящим от посредника обстоятельствам, но при этом посредник приискал соучастников преступления (взятополучателя, взякодателя или другого посредника) или достиг сговора (с указанными лицами) на совершение преступления, необходимо вести речь об оконченном обещании или предложении посредничества во взяточничестве, предусмотренном ч. 5 ст. 291.1 УК РФ.

Рассматривая второй вопрос (что входит в объективную сторону чч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ), стоит указать, что в диспозиции ч. 1 ст. 291.1 УК РФ говорится о двух альтернативных действиях: 1) непосредственной передаче взятки должностному лицу, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации по поручению взякодателя или взятополучателя; 2) ином способствовании взякодателю и (или) взятополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере.

При раскрытии первого действия «непосредственной передачи» можно обратиться к п. 27 ППВС РФ № 24: при отграничении непосредственной передачи взятки по поручению взякодателя (посредничество во взяточничестве) от дачи взятки должностному лицу за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого взякодателя физическое либо юридическое лицо судам следует исходить из того, что посредник передает взятку, действуя от имени и за счет имущества взякодателя. В отличие от посредника взякодатель, передающий взятку за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого им лица, использует в качестве взятки принадлежащее ему или незаконно приобретенное им имущество.

То есть объективная сторона «непосредственной передачи» заключается в действиях посредника, направленных на доставку предмета взятки от взякодателя взятополучателю. В русском язы-

ке под передачей понимаются действия по целенаправленному переходу какого-то объекта от одного субъекта к другому. Таким образом, как только предмет преступления отчуждается от одного владельца (взякодателя) в пользу другого лица (взятополучателя) через посредника, начинает выполняться объективная сторона преступления, предусмотренного чч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ. В «непосредственной передаче» появляется предмет взяточничества и существует взякодатель, посредник и взятополучатель. Соответственно, посредник, получивший предмет взятки от взякодателя, начинает выполнять объективную сторону преступления, предусмотренного чч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ.

В случаях недоведения преступления до конца по не зависящим от посредника обстоятельствам его действия необходимо квалифицировать как покушение на посредничество во взяточничестве (ч. 3 ст. 30 и ч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ). Само же деяние окончено с момента получения взятополучателем хотя бы части предмета взятки. Данный подход обозначен в абз. 2 п. 12 ППВС РФ № 24: если условленная передача ценностей не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли лиц, действия которых были непосредственно направлены на их передачу или получение, содеянное следует квалифицировать как покушение на дачу либо получение взятки, на посредничество во взяточничестве или коммерческий подкуп.

То есть объективная сторона первого действия «непосредственная передача» начинается с момента получения посредником предмета взятки от взякодателя и заканчивается его передачей лично или через другого посредника взятополучателю.

Второе действие «иное способствование» фактически может включать в себя организаторские, подстрекательские и иные пособнические действия соучастников. Например, получение родственником или близким в свою пользу предмета взятки; склонение взякодателя или взятополучателя к взяточничеству; организация и (или)

руководство процессом передачи предмета взятки и т.п. То есть фактически «иное содействие» охватывает все случаи соучастия во взяточничестве, за исключением исполнительской деятельности по получению или даче взятки и непосредственной передачи взятки посредником.

Отвечая на третий вопрос (когда приготовление в виде обещания или предложения перерастает в посредничество во взяточничестве), стоит указать, что он уже частично раскрыт при рассмотрении первого вопроса: обещание или предложение посредничества во взяточничестве, являясь стадией приготовления, перерастет в покушение на посредничество во взяточничестве, когда лицо начнет выполнять объективную сторону чч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ.

Учитывая, что при разрешении второго вопроса мы пришли к выводу об альтернативности объективной стороны посредничества во взяточничестве, поглощение приготовления стадией покушения возможно в двух вариантах.

Во-первых, когда посредничество состоит в «непосредственной передаче» предмета взятки. Так, если посредник обещает или предлагает взяткодателю или взяткополучателю доставить предмет взятки, то есть фактически приискивает соучастников или вступает с ними в сговор, но при этом не получает предмет взятки, его действия охватываются ч. 5 ст. 291.1 УК РФ. В случае если посредник получает предмет взятки от взяткодателя или другого посредника, его действия охватываются чч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ.

Во-вторых, когда посредничество состоит в «ином содействии» и заключается в оказании организаторских, подстрекательских или иных пособнических услуг, то обещание или предложение посредничества будет заключаться в самостоятельном подыскании взяткодателя или взяткополучателя, данный посредник действует в своих интересах, он не представляет интересы субъектов дачи и получения взятки. То есть фактически лицо только начало распространять информацию о готовности выступить в качестве посредника во взяточничестве. В случае если такой подстрекатель действует в интересах взяткодателя или взяткополучателя, то есть вступило с ними в сговор и начинает подыскивать вторую сторону взяточничества, его действия следует квалифицировать по ч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ.

Подводя итог, можно констатировать следующее.

1. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ) является приготовительной стадией посредничества во взяточничестве (чч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ).

2. Окончено с момента высказывания намерения взяткодателю или взяткополучателю доставить предмет взятки, либо распространения информации о готовности выступить в качестве посредника во взяточничестве.

3. В случае продолжения реализации задуманного в виде получения предмета взятки или подыскании второй стороны взяточничества приготовительная стадия поглощается стадией покушения и охватывается чч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ.

Быкова Е.Г.,

кандидат юридических наук

Второй факультет повышения квалификации Института повышения квалификации
Московской академии Следственного комитета (г. Екатеринбург)

Яшков С.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Второй факультет повышения квалификации Института повышения квалификации
Московской академии Следственного комитета (г. Екатеринбург)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ УГРОЗЫ НЕЗАКОННОГО ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В настоящее время среди сотрудников правоохранительных органов, к сожалению, существуют различные схемы нарушения конституционных прав человека для достижения собственных противоправных целей: незаконного приобретения выгод материального характера, получения интересующей субъекта посягательства информации, сведения личных счетов и т.д. Круг таких интересов является достаточно широким, поэтому следует сделать акцент лишь на некоторых ситуациях.

Так, сотрудники правоохранительных органов могут претендовать на чужое имущество, право на имущество, имущественные права (далее – предмет вымогательства) или требовать совершения в их пользу действий имущественного характера. Способы «убеждения» потерпевшего в необходимости удовлетворения незаконных требований могут быть любыми. Нередко с учетом специфики деятельности правоохранительных органов эти требования подкрепляются угрозой незаконного привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств. Если противоправная деятельность пресекается на этапе, когда высказано требование, подкрепленное указанной угрозой, то возникает вопрос о правовой оценке содеянного. На данном этапе преждевременно вести речь о должностном преступлении. Представляется, что в содеянном усматриваются признаки вымогательства.

Так, с объективной стороны преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 163 УК РФ, представляет собой требование передать предмет вымогательства или совершить действия имущественного характера с обязательным применением психического насилия к потерпевшему. Одним из видов такого насилия является угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)», данные о совершении потерпевшим или его близким аморального поступка, правонарушения относятся к сведениям, порочащим их честь, достоинство или подрывающим деловую репутацию. Преступление является наиболее тяжким видом правонарушения¹, поэтому угрозу заведомо незаконного привлечения лица к уголовной ответственности следует рассматривать как психическое насилие в процессе совершения вымогательства. Этот способ подкрепления требования передачи предмета вымогательства признан составной частью указанного состава преступления как в практике Конституционного Суда РФ², так и в судебной практике по уголовным делам³.

Бесспорно, не соответствующая действительности информация об участии потерпевшего или его близких в незаконном обороте наркотических средств сформирует у неопределенного круга лиц негативное представление относительно личности тех, кто якобы совершил содеянное.

Таким образом, при выдвижении субъектом вышеуказанных требований, подтвержденных угрозой незаконного привлечения потерпевшего или его близких к уголовной ответственности за совершение преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, содеянное надлежит оценивать по соответствующей части ст. 163 УК РФ с учетом всех квалифицирующих признаков.

Если наряду с вымогательством сотрудник правоохранительных органов осуществляет реализацию угрозы, то его действиям потребуются дополнительная правовая оценка.

В случае когда субъект, являющийся сотрудником, наделенным полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, подбрасывает наркотическое средство и документально оформляет его изъятие, содеянное образует состав преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ (фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления). Отдельно по соответствующей части ст. 228 УК РФ надлежит оценивать факт незаконного приобретения и хранения наркотического средства. О незаконном сбыте при таких условиях речи не идет, поскольку сбыт предполагает незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т.д.) другому лицу (далее – приобретателю).⁴ В сложившейся ситуации приобретатель отсутствует, т.к. потерпевший не давал в какой бы то ни было форме согласия на получение запрещенного вещества.⁵

При условии, что оперативный сотрудник инициировал передачу мате-

риалов оперативно-розыскной деятельности следователю, а последний, будучи неосведомленным о факте фальсификации, возбудил в отношении потерпевшего уголовное дело по ст. 228 УК РФ, субъекту посягательства может быть вменена не ч. 4 ст. 303 УК РФ, а соответствующая часть ст. 286 УК РФ в зависимости от наступивших общественно опасных последствий. Иными словами, если оперативный сотрудник не только выдвинул требование о передаче имущества, подкрепленное угрозой незаконного привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, но и реализовал угрозу, подкинув наркотики и инициировав возбуждение уголовного дела, то его действия следует оценивать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 163, 228 и 286 УК РФ.

Если, реализуя угрозу, высказанную в процессе вымогательства, наркотическое средство подкидывает сотрудник правоохранительных органов, не являющийся оперативным работником (к примеру, участковый уполномоченный полиции), и затем инициирует изъятие запрещенного вещества уполномоченными должностными лицами, не осведомленными об искусственном создании события преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, то содеянное субъектом посягательства надлежит оценивать наряду с соответствующей частью ст. 163 и 228 УК РФ по ст. 286 УК РФ. Субъектами преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, эти лица не являются, поэтому их действия могут быть оценены только по общей норме.

Если угроза незаконного привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств не связана с получением имущественной выгоды и высказывается по иным обстоятельствам (месть, требование раскрыть информацию, интересующую субъекта, и т.п.), то до момента реализации этой угрозы привлечь сотрудника правоохранительных органов к уголовной ответственности проблема-

точно. Однако с того момента, когда он, находясь при исполнении служебных обязанностей, подкидывает запрещенное вещество и инициирует его изъятие, содеянное надлежит оценивать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 228 и 286 УК РФ.

¹ Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 611.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Айрапетяна Ваагна Гамлетовича на нарушение его конституционных прав статьей 163 Уголовного кодекса Российской

Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 1983-О.

³ Напр.: постановление Президиума Московского городского суда от 21.09.2012 № 44у-421/12 // ИПО «Гарант»; приговор Калининского районного суда Санкт-Петербурга от 12.10.2012 по делу № 1-427-2012. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения 27.12.2018).

⁴ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14, п. 13.

⁵ Подобная позиция высказывалась высшей судебной инстанцией. См., напр., надзорное определение Верховного Суда РФ от 23.10.2013 № 16-Д13-24 // СПС КонсультантПлюс.

Гарбатович Д.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия
(г. Челябинск)

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО НЕПРЕСТУПНОГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ДЕЯНИЯ КАК СРЕДСТВО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Традиционно принято считать, что государство, реализуя уголовно-правовую политику посредством уголовного законодательства, акцентирует свое внимание на преступлении и наказании, на решении вопросов, что признавать или не признавать преступным и как наказывать за совершение преступного.

Тем не менее в руках государства имеются также иные механизмы, «рычаги» уголовно-правового характера, с помощью которых осуществляется уголовно-правовая политика. Одним из таких механизмов является регламентация посткриминального неправомерного уголовного-правового деяния.

Все посткриминальные уголовно-правовые деяния в зависимости от ответственности их установленным уголовным законом требованиям можно классифицировать на правомерные посткриминальные деяния (положительные посткриминальные поступки) и неправомерные неправомерные посткрими-

нальные уголовно-правовые деяния (отрицательные посткриминальные поступки).

В свою очередь, все посткриминальные уголовно-правовые деяния в зависимости от их целевого назначения можно разделить на две группы: 1) посткриминальные деяния общего характера – это деяния, которые совершаются лицами независимо от вида преступления, по отношению к которым они виновны; 2) посткриминальные деяния специального характера – это деяния, совершаемые лицами, которые виновны в преступлениях определенного вида.

В качестве примера к посткриминальным деяниям общего характера относятся: 1) деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ); 2) уплата судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ); 3) явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, ро-

зыску имущества, добытого в результате преступления (п. «и» ст. 61 УК РФ); 4) заключение досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 2 ст. 62 УК РФ); 5) уклонение от следствия или суда, или от уплаты судебного штрафа (ч. 3 ст. 78 УК РФ) и т.д.

Регламентация законодателем правомерных посткриминальных уголовно-правовых деяний в качестве условий освобождения лица от уголовной ответственности, наказания, сокращения сроков судимости, погашения судимости, в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, обеспечивает принципы дифференциации уголовной ответственности, индивидуализации уголовного наказания, свидетельствует о проявлении гуманизма со стороны государства при реализации уголовно-правовой политики, смягчении уголовно-правовой репрессии.

Регламентация законодателем неправомерных посткриминальных уголовно-правовых деяний в качестве условий: 1) отказа от освобождения лица от уголовной ответственности; 2) отказа от использования при назначении наказания положений УК РФ, смягчающих его назначение; 3) отмены условного осуждения; 4) отказа от освобождения лица от уголовного наказания; 5) замены назначенного наказания более жестким видом наказания, – также обеспечивает принципы дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания, но только через повышение концентрации уголовно-правовой репрессии.

Рассмотрим посткриминальные деяния специального характера, которые ориентированы законодателем на лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Положительное посткриминальное поведение в виде добровольного прохождения курса лечения от наркомании (ст. 82.1 УК РФ). Посредством регламентации отсрочки отбывания наказания больным наркоманией осужденный имеет право на совершение правомерного посткриминального уголовно-

правового поведения, а именно изъявить желание и добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию. После прохождения курса лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации осужденный может быть судом освобожден от наказания или оставшейся части наказания (ч. 1, 3 ст. 82.1 УК РФ). В указанных нормах реализуются принципы дифференциации уголовной ответственности, гуманизма, что является свидетельством смягчения уголовно-правовой репрессии.

Неправомерное посткриминальное неправомерное уголовно-правовое деяние как отказ от прохождения курса лечения от наркомании и реабилитации. Посредством регламентации случая, когда осужденный, признанный больным наркоманией, отбывание наказания которому отсрочено, отказался от прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинской реабилитации либо социальной реабилитации или уклоняется от лечения после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного, государством при проведении уголовно-правовой политики реализуется принципы дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания. В этом случае суд по представлению этого органа отменяет отсрочку отбывания наказания и направляет осужденного для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда (ч. 2 ст. 82.1 УК РФ).

Деятельное раскаяние, предусмотренное в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. Посредством регламентации примечаний к ст. 228, 228.3 УК РФ государство обязуется освободить лицо от уголовной ответственности за совершенные им преступления, предусмотренные перечисленными статьями, при условии совершения указанным лицом таких правомерных посткриминальных уголовно-правовых деяний, как добровольная сдача наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, со-

держащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, и активное содействие раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также с незаконным приобретением, хранением, перевозкой таких растений либо частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем.

В данном случае государство, реализуя уголовно-правовую политику и обеспечивая принцип гуманизма, предоставляет «компромисс» лицу, совершившему перечисленные преступления. В «обмен» на положительные посткриминальные деяния со стороны виновного лица, оно будет однозначно освобожденным от уголовной ответственности.

Указанная возможность не предоставляется лицам, виновным в таких преступлениях, как:

- незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228.1 УК РФ);
- нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ (ст. 228.2 УК РФ);
- незаконные производство, сбыт или пересылка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные сбыт или

пересылка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ (ст. 228.4 УК РФ);

- хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 229 УК РФ);

- контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229.1 УК РФ);

- склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ);

- незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (ст. 231 УК РФ);

- организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 232 УК РФ);

- незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ).

В этом проявляется обеспечение принципа дифференциации уголовной ответственности при реализации уголовно-правовой политики в зависимости от степени и характера общественной опасности преступления, связанного с наркотрафиком, и личности виновного.

Хотя, разумеется, лица, совершившие указанные преступления, при наличии всех необходимых материальных и формальных оснований, могут быть

освобождены от уголовной ответственности в соответствии с нормами Общей части УК РФ (например, в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ)).

Уголовно-правовая политика государства посредством регламентации посткриминальных уголовно-правовых деяний, обеспечивая принципы гуманизма, дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания, при предупреждении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, характеризуется:

– ужесточением уголовно-правовой репрессии в отношении лиц, виновных

в распространении наркотических средств и психотропных веществ;

– смягчением уголовно-правовой репрессии в отношении лиц, не связанных с распространением «наркотиков» и совершивших правомерные посткриминальные деяния как условие «компромисса» для освобождения от уголовной ответственности;

– смягчением уголовно-правовой репрессии в отношении лиц, не связанных с распространением «наркотиков» (ч. 1 ст. 228, ч.1 ст. 231, ст. 233 УК РФ), признанных больными наркоманией и изъявивших желание добровольно пройти курс лечения от наркомании.

Тюнин В.А.,

кандидат юридических наук

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Симферополь)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 228 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одной из стабильных составляющих преступности в Российской Федерации на протяжении последних лет начиная с конца 80-х годов прошлого века являются преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

К сожалению, «наркотическая» преступность имела стойкую динамику к увеличению. Наряду с ростом «наркотической» преступности растет число преступлений, связанных со сбытом наркотических средств и психотропных веществ. Так, в 2015 г. их число составляло 118 521 преступление из 236 939 всех зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.¹

Эффективность противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, наркосодержащих растений либо их частей зависит не только от своевременного выявления и раскрытия наркопреступлений, но также во многом и от правильной их квалификации. Су-

дебная практика указывает на множественные ошибки, совершаемые при применении уголовного закона. Детерминантами ошибок служат уникальная составляющая диспозиций уголовных норм, которые носят бланкетный характер, а также пробелы уголовного закона, которые создают его неопределенное толкование, а в особенных случаях и непоследовательная позиция высшей судебной инстанции касательно решения некоторых спорных вопросов. В связи с этим возникает необходимость изучения норм УК РФ, с помощью которого осуществляется обеспечение безопасности здоровья населения, а именно рассмотрения на примере статьи 228 УК РФ.

Путем правильной квалификации состава преступления по ст. 228 УК РФ достигаются задачи, предусмотренные ст. 2 УК РФ.

Непосредственным объектом преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ являются публичные отноше-

ния, создающие безопасность здоровья общества.

В преступлениях данной группы видовой и непосредственный объекты идентичны. Под ними подразумевается общественные отношения, связанные с созданием условий для качественного процветания здоровья населения и общественной нравственности. При этом, видя, что в сфере уголовно-правового регулирования узнается лишь часть таких отношений, которые взаимодействуют с созданием порядка обращения и использования наркотических средств и психотропных веществ, претерпевающих ущерб в результате их незаконного оборота.

В качестве дополнительного объекта мы понимаем закрепленный государством порядок законного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, заключается в незаконном получении, хранении, транспортировке, изготовлении, переработке без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в крупном размере.

Получение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» понимает как их покупку, взятие в качестве бартера за проделанный труд, услугу или за оплату долга, в обмен на различные другие товары, за получение найденного, собирание дикорастущих растений или их компонентов, в которых находятся наркотические вещества, остатков находящихся без охраны полей посевов наркосодержащих растений после завершения их уборки и т.д.

Под хранением в вышеуказанном постановлении понимаются любые умышленные действия, связанные с точным местонахождением наркотических средств или психотропных ве-

ществ при себе, если это не подразумевает перевозку или нахождение в помещении, скрытом месте, в отверстиях человеческого организма, трудовом месте, или других местах (но не связано с перевозкой наркотических средств или психотропных веществ). Временной промежуток хранения не имеет значения. Хранение медикаментов, содержащих наркотические средства, законно приобретенных физическим лицом для лечебных целей, не подпадает под ст. 228 УК РФ.

Так, законное получение образуется тогда, когда этим занимаются юридические лица, у которых имеется соответствующая лицензия, или физические лица получают наркотики для лечения болезней по рецепту в аптеках, который они получили у своего лечащего врача.

Незаконная транспортировка вещи правонарушения обозначает преднамеренные воздействия, наведенные на передвижение наркотических средств или психотропных веществ из одного пункта в другой, в том числе в границах одного и того же заселенного места, суверенно от вида транспорта и в нарушение всеобщего порядка транспортировки указанных средств и веществ, определенного законом. Противозаконная транспортировка является довершенной с момента начала транспортировки транспортного средства.

Противозаконная переработка наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов обозначает совершение в нарушение законодательства Российской Федерации намеренных действий, устремленных на рафинирование (очистку от инородных примесей) стойкой или редкой смеси, заключающей одно или несколько средств, содержащих наркотики, психотропных веществ или их аналогов, либо на увеличение в такой смеси скопления наркотического средства, психотропных веществ или их аналогов.

Для подтверждения противозаконных изготовления или переработки наркотиков или психотропных веществ суды общей юрисдикции в нужных эпизодах обязаны иметь мнение эксперта в

виде его заключения о виде обретенного снадобья или вещества, его наименовании, способе изготовления или переработки.

Предметами преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, являются: 1) наркотические средства; 2) психотропные вещества; 3) аналоги наркотических средств или психотропных веществ; 4) растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества; 5) части растений, содержащие наркотические средства или психотропные вещества. Указанные предметы преступления определяются с учетом положений Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Главным условием наступления уголовной ответственности за незаконное приобретение, хранение, транспортировку, создание или переработку противозаконных средств и веществ считается крупный (и особо крупный) их размер. Это дает возможность точно выявить признаки общественно опасного деяния, которые дают основания рассматривать содеянное как преступление.

Крупный и особо крупный размеры аналогов наркотических средств и психотропных веществ аналогичны крупному и особо крупному размерам наркотических средств и психотропных веществ, аналогами которых они являются.

Таким образом, крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ и их аналогов содержатся в Списке наркотических средств и психотропных веществ, обращение которых в Российской Федерации не дозволено в соответствии с законодательством Российской Федерации и соглашениями, за-

ключенными между Российской Федерацией и другими странами в виде договоров.

Состав данных преступлений формальный, поэтому он является окончательным с момента совершения любого из указанных деяний в диспозиции ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Можно с уверенностью сказать, что в области борьбы с наркотическими преступлениями проблема построения санкций отводится в сферу обоснования главенствующего значения социально-экономических средств. Подразумевается, что данный аспект устраняет границу между социальными или социально-экономическими и специально-правовыми возможностями влияния на социальные процессы. Воздействуя в совокупности с социально-экономическими и социально-политическими средствами на преступления в области незаконного оборота наркотиков, санкции уголовно-правовых норм претерпевают на базе учета всемирной практики постоянные модификации, которые ориентированы как в сторону усиления, так и в сторону облегчения средств уголовной ответственности и наказания за преступления в области незаконного оборота наркотиков. Это определено тем, что в связи с преобразованием отношения к наркотизму, его социальным факторам меняется и отношение к криминальным составляющим данного вопроса в целом в Российской Федерации.

---

¹ Габдрахманов Р.Л., Кужиков В.Н., Денисенко М.В. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов и запрещенных в спорте субстанций и методов, совершенных в отношении несовершеннолетних // Российский следователь. 2017. № 12. С. 25-29.

Токманцев Д.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**АКТИВНОЕ СПОСОБСТВОВАНИЕ ИЗОБЛИЧЕНИЮ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ
НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯ, КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

В соответствии с примечанием 1 к ст. 228 УК РФ одним из условий освобождения лица от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное указанной статьей, является активное способствование изобличению лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (далее – наркопреступления).

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» отсутствуют разъяснения относительно данного условия. В науке уголовного права вопрос о его содержании и значении является дискуссионным.

Одни авторы ограничивают понятие способствования изобличению лиц, совершивших преступления, выполнением виновным информационной роли – предоставлением органам дознания или следствия информации, имеющей значение для изобличения лиц, причастных к совершению наркопреступлений. Так, В.М. Гарманов под активным способствованием изобличению лиц, совершивших наркопреступления, понимает указание виновным лицом на соучастников наркопреступления и участников других наркопреступлений.¹

Другие специалисты расширяют данное понятие, включают в него любые действия, направленные на оказание правоохранительным органам помощи при сборе доказательств, под-

тверждающих виновность конкретных лиц в совершении наркопреступлений² (непосредственное участие в проведении следственных действий и (или) оперативно-розыскных мероприятий, направленных на закрепление имеющихся и получение новых изобличающих доказательств и т.п.). По мнению Л.В. Лобановой, способствование не ограничивается выполнением лицом, претендующим на снисхождение, только информационной роли, а предполагает также выполнение поисковых (розыскных) действий в отношении скрывающихся преступников.³

Полагаем, что способствование изобличению лиц, совершивших наркопреступления, может носить как информационный, так и деятельностный характер и, соответственно, выражаться в двух основных формах: 1) в форме предоставления (сообщения) изобличающей информации, т.е. сведений, которые непосредственно имеют доказательственное значение либо способствуют получению доказательств, подтверждающих виновность конкретных лиц в совершении наркопреступлений (например, сведений о месте изготовления, переработки или производства наркотических средств, культивирования наркосодержащих растений, организации или содержания наркопритонов и т.п.); 2) в форме добровольного участия в оперативно-розыскных мероприятиях и (или) в следственных действиях (например, в проверочной закупке в роли приобретателя наркотического средства; в опознании наркосбытчиков или иных наркопреступников; в очных ставках с такими лицами; в проверке показаний на месте и т.п.).

В соответствии с примечанием 1 к ст. 228 УК РФ способствование изобли-

чению лиц, совершивших наркопреступления, должно быть активным. То есть, если буквально толковать уголовный закон, в тех случаях, когда виновный хотя и способствовал изобличению лиц, совершивших наркопреступления, но не проявлял при этом активности, он не может претендовать на освобождение от уголовной ответственности.

В науке уголовного права данное положение уголовного закона оценивается критически. Специалисты отмечают, что принципиальной разницы между понятиями «способствование» и «активное способствование» нет, в связи с чем ставят под сомнение обоснованность и целесообразность использования подобной дефиниции в уголовном законе, считают, что указание на активный характер содействия в примечании 1 ст. 228 УК РФ является избыточным, так как «пассивное» (путем бездействия) содействие объективно невозможно.⁴

Считаем, что активность определяет не столько форму способствования (действие), сколько его добровольный, инициативный и деятельный характер (подчеркивает наибольшее проявление позитивной ответственности⁵); указывает на то, что виновный по собственному (свободно возникшему) желанию, т.е. не под принуждением с чье-либо стороны или воздействием непреодолимых обстоятельств, стремится оказать содействие в изобличении (доказывании виновности) лиц, совершивших наркопреступления.

Об активности содействия может свидетельствовать и степень угрозы личной безопасности виновного и его близких (опасность, которой подвергал себя и своих близких виновный, способствуя правоохранительным органам изобличению лиц, совершивших наркопреступления).

При применении примечания 1 к ст. 228 УК РФ дополнительной оценке подлежит результативность оказанного лицом содействия – привело ли содействие к фактическому получению следствием изобличающих доказательств. Это позволит отграничить реальное содействие от псевдосодействия, когда

лицо проявляет активность, но заведомо знает, что содействие не приведет к получению изобличающих доказательств, так как основано на предоставлении заведомо ложной информации.

Безусловно, бездействие со стороны правоохранительных органов может свести на нет любые попытки виновного лица изобличить лиц, совершивших наркопреступления. В подобных и иных случаях, когда по объективным причинам, вопреки воле самого субъекта, его попытки оказать реальное содействие не дали положительного результата, они также могут рассматриваться как способствование изобличению лиц, совершивших наркопреступления.⁶

Обязательным в каждом случае является документальное подтверждение факта такого содействия, например в протоколах допроса и (или) иных следственных действий, в материалах оперативно-розыскных мероприятий, проведенных с участием виновного, и т.п.

Способствование изобличению лиц, совершивших наркопреступления, тесно связано с другим указанным в примечании 1 к ст. 228 УК РФ условием – способствование раскрытию наркопреступлений. В литературе высказана точка зрения о том, что способствование раскрытию наркопреступлений охватывает (включает в себя) способствование изобличению лиц, совершивших наркопреступления⁷, является формой способствования виновного в раскрытии преступления⁸.

Поводом к отождествлению этих условий может служить разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, который в одном из постановлений («О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июня 2013 г. № 24) отмечает, что *способствованием раскрытию преступлений является совершение лицом действий, направленных на изобличение причастных к совершенному преступлению лиц и др.* Однако это толкование является вынужденным, направлено на устранение проблем применения уголовного закона, связанных с несогласованностью отдельных уголовно-

правовых норм и в частности положений примечания к ст. 291 УК РФ и п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Сопоставительный анализ, который мог бы привести правоприменителя к ошибочному выводу о том, что лицо, способствовавшее изобличению взяточполучателя, не может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с тем, что такое содействие прямо не указано в числе условий применения примечания к ст. 291 УК РФ.

Причиной отождествления рассматриваемых условий является и то, что в юридической науке понятие «раскрытие преступления» не получило однозначного определения.⁹ Выделяя криминалистический, оперативно-розыскной, процессуальный и управленческий аспекты (смыслы) этого понятия, специалисты по-разному определяют ключевые моменты раскрытия преступления, отражающие его цель, условия, субъектов, правовые средства и момент окончания.

В тех случаях, когда в законе из двух обсуждаемых вариантов позитивного постпреступного поведения к условиям освобождения от уголовной ответственности отнесен только один — способствование раскрытию преступления, в его содержание допускается включать способствование изобличению лиц, совершивших преступление. Примечание 1 к ст. 228 УК РФ к таким случаям не относится, разграничивает способствование раскрытию преступления и способствование изобличению лиц, совершивших преступление.

Способствование раскрытию преступления предполагает содействие в установлении события наркопреступления (времени, места, способа и других обстоятельств преступления) и лица, его совершившего. Такое содействие может быть оказано в тех случаях, когда наркопреступление совершено в условиях неочевидности, т.е. когда у органов предварительного расследования нет достаточных данных о личности виновного. В ситуации, когда к началу расследования наркопреступления имеется информация, прямо указывающая

на лицо, его совершившее (преступление не нуждается в раскрытии), содействующее лицо может оказать помощь лишь в изобличении (доказывании виновности) установленного лица.

Изобличение преступника — этап расследования, следующий за раскрытием преступления (начинается после установления события преступления и лица, виновного в его совершении).¹⁰ Поэтому способствование изобличению лица, совершившего наркопреступление, должно следовать за способствованием раскрытию наркопреступления в тех случаях, когда оно было совершено в условиях неочевидности.

Вопрос о значении способствования изобличению лица, совершившего наркопреступление, носит дискуссионный характер. Одни специалисты полагают, что такое содействие само по себе не освобождает виновное лицо от уголовной ответственности, является лишь обстоятельством, смягчающим наказание (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Аргументом служит то, что при перечислении условий освобождения от уголовной ответственности в примечании 1 к ст. 228 УК РФ законодатель использовал соединительный союз «и», соответственно, каждое из условий является обязательным, и только при их совокупности лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности в соответствии. Другие ученые, соглашаясь с тем, что грамматическое толкование дает основание для подобного вывода, считают, что каждое из условий должно быть самостоятельным, т.е. при выполнении любого из них лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности. Поэтому предлагают заменить в примечании 1 к ст. 228 УК РФ соединительный союз «и» разделительным союзом «или».¹¹

Способствование изобличению лиц, совершивших наркопреступление, должно рассматриваться как обязательное условие освобождения от уголовной ответственности. Замена соединительного союза «и» разделительным союзом «или» может привести к тому, что освобождению от уголовной ответственности будет подлежать лицо, которое

способствовало раскрытию преступления, но в дальнейшем отказалось изобличать установленное лицо (например, указало на соучастника в незаконном приобретении наркотического средства, но в дальнейшем отказалось давать против него изобличающие показания).

Таким образом, активное способствование изобличению лица, совершившего наркопреступление, применительно к примечанию 1 ст. 228 УК РФ является самостоятельным (по отношению к способствованию раскрытию наркопреступлений) обязательным условием освобождения от уголовной ответственности и заключается в добровольном содействии органам предварительного расследования в доказывании виновности ранее установленных лиц в совершении наркопреступлений.

¹ Гарманов В.М., Григорьев О.Г., Кривошеков Н.В. Выдача наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты) : научно-практическое пособие. Тюмень, 2011. С. 18.

² Любавина М.А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ : учебное пособие. СПб., 2016. С. 79.

³ Лобанова Л.В. Активное содействие участника группового преступления его раскрытию как основание чрезвычайного смягчения нака-

зания // Криминологический журнал. 2012. № 4. С. 43.

⁴ Николук В.В., Дочия Р.М., Шаламов В.Г. Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием: учебно-практическое пособие. М., 2002. С. 42, 46; Щербаков А.Д. Наркотики в России и США: уголовно-правовой аспект. М., 2016. С. 108.

⁵ Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. СПб. 2011. С. 584.

⁶ Антонов А.Г., Калугин А.Г. Проблемы применения норм о деятельном раскаянии : практическое пособие. Красноярск, 2002. С. 13.

⁷ Антонов А.Г. Специальное основание освобождения от уголовной ответственности при незаконном приобретении, хранении, перевозке, изготовлении, переработке наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Российский следователь. 2011. № 9. С. 13-15.

⁸ Об обстоятельствах смягчающих // Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 154.

⁹ Судницин А.Б. Раскрывать или исследовать преступление в ходе предварительного расследования? // Преемственность и новации в юридической науке : материалы научной конференции. адъюнктов и соискателей / отв. за вып. А.А. Жданов. Омск, 2008. С. 88-91.

¹⁰ Чебуренков А.А. Соотношение раскрытия и расследования преступлений // Вестник Мордовского университета. 2006. № 1. С. 30.

¹¹ Кривошеин П. Замечания по поводу примечания к статье 228 УК РФ // Уголовное право. 2006. № 2. С. 51.

Шеслер В.А.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 229 УК РФ

Законодатель раскрывает понятие субъекта преступления через описание его признаков. В ст. 19 УК РФ указано, что уголовной ответственности подлежит только физическое вменяемое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ. Уголовный закон предусматривает три возрастных категории субъектов уголовной ответственности: лица с 14 до 16 лет, лица с 16 до 18 лет, лица после достижения 18-летнего возраста. Лица до 14 лет (малолетние) уголовной ответственности не подлежат.

Лицо, достигшее к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста, признается общим субъектом преступления (ч. 1 ст. 20 УК РФ). Субъект преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, является особенным. В соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ уголовная ответственность за совершение хищения, указанного в ст. 229 УК РФ, наступает с 14 лет. (Возраст уголовной ответственности за хищение наркотиков с 14 лет, в том числе за хищение, совершенное в форме мошенничества, был ус-

тановлен еще в период действия УК РСФСР (ст. 10 УК РСФСР.) Считается, что к этому возрасту человеком приобретает социально ориентируемая управляемость поведением в ситуации выбора.¹ На то, что в 14 лет лицо обладает интеллектуальными и волевыми качествами, указывает форма вины, которая в ст. 229 УК РФ может быть только умышленной, сама природа хищения исключает возможность его совершения с косвенным умыслом или по неосторожности.²

В основе установления минимального возраста уголовной ответственности лежит значительная общественная опасность деяний, указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ.³ Значительная общественная опасность хищений наркотических средств или психотропных веществ обусловлена специфическими свойствами таких предметов и веществ — их негативным воздействием на организм человека, которое сопровождается психической и физической зависимостью.⁴

По ст. 229 УК РФ уголовная ответственность с 14 лет наступает за хищения наркотиков, совершенные в любой форме, в том числе за хищения, совершенные в форме мошенничества, присвоения или растраты. В научных исследованиях указывалось, что такой подход законодателя является непоследовательным⁵ в связи с тем, что за хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 УК РФ) уголовная ответственность наступает с 16 лет. Однако сравнивать данные хищения только по способу совершения некорректно, так как обычное имущество не обладает свойством нести опасность для здоровья населения, которое присуще наркотикам.

Возникает вопрос о корректности установлении возраста уголовной ответственности с 14 лет за хищения наркотиков, совершаемые в форме присвоения или растраты или лицом, использующим свое служебное положение. Однако к работе с наркотиками допускаются только лица, достигшие 18-летнего возраста.⁶ Маловероятной, на наш взгляд, является ситуация, когда хищение путем присвоения или растра-

ты совершит лицо, не достигшее 18-летнего возраста, допущенное к работе с наркотиками, в результате ошибки со стороны контролирующих органов. В связи с этим считаем, что оговаривать отдельно возраст, с которого наступает уголовная ответственность за хищение наркотиков в форме присвоения или растраты, или за хищение наркотиков лицом, использующим свое служебное положение, является излишним.

Заметим, что из всего массива преступлений, расположенных в главе 25 УК РФ, только по ст. 229 УК РФ уголовная ответственность наступает с 14 лет. Думается, что пониженный возраст уголовной ответственности может быть установлен для многих составов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Такие предложения высказывались в юридической литературе.⁷ Считаем снижение возраста уголовной ответственности до 14 лет за совершение наркопреступления правильным, ведь возрастной порог уголовной ответственности, например, по ст. 228 УК РФ наступает с 16 лет, что делает привлекательным вовлечение в незаконный оборот наркотиков лиц, в возрасте до 16 лет, которые не несут ответственность по этой статье УК РФ.

Подводя итоги, отметим, что к уголовной ответственности за хищение наркотиков лицо может быть привлечено по достижении 14 лет. Хищение наркотиков в форме присвоения или растраты либо лицом с использованием своего служебного положения может быть совершено только лицом, достигшим 18-летия, то есть совершеннолетним лицом. Такой подход законодателя к определению возраста уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 229 УК РФ, адекватно отражает общественную опасность таких хищений. Кроме того, данный подход согласуется с требованием об ужесточении уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, указанным в п. 21 Указа Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной анти-

наркотической политики Российской Федерации до 2020 года», в связи с чем может быть использован законодателем по отношению к другим наркопреступлениям.

¹ Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1999. С. 16-17.

² Мальков С.М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2002. С. 45, 102.

³ Шеслер А.В. Состав преступления : монография. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2016. С. 66.

⁴ Шеслер В.А. Признаки наркотического средства как предмета преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XX международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. С. 122.

⁵ Радченко Т.В. Уголовная ответственность за хищение либо вымогательство наркотических

средств или психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 132; Леонов Д.А. Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 107.

⁶ Об утверждении Правил допуска лиц к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, а также к деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ : постановление Правительства РФ от 06.08.1998 № 892, п. 4.

⁷ Шматов К.А. Уголовная ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 8; Курченко В.Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов : уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 9.

Винокуров М.В.

Прокуратура Куйбышевского района г. Иркутска

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПО УЛОЖЕНИЮ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 ГОДА

Исследование отечественного уголовного законодательства свидетельствует о том, что впервые уголовная ответственность за фальсификацию лекарственных средств была закреплена в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (далее – Уложение).

Структура Уложения имеет четко определенный, структурированный характер. Уложение разбито на несколько разделов в зависимости от объекта преступного посягательства. Нормы ответственности за преступления против здоровья населения отражены в разделе VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благополучия». Отделение восьмое указанного раздела именуется «О нарушении уставов врачебных», оно разделено на несколько глав.

Прежде всего, заниматься фармацевтической деятельностью разреша-

лось только тем лицам, которым на это предоставлено право по званию. Статьей 1079 Уложения определено: «Повивальная бабка изболеченная в лечении болезней, на пользование коих, по званию ея, законы не предоставляют ей права, равно и фармацевт изболеченный в прописывании лекарств и лечении больных, кроме лишь чрезвычайных случаев в законе определенных, подвергаются...». Таким образом, лечение и прописывание лекарств было прерогативой определенного круга лиц. Обычные граждане данным видом деятельности заниматься не могли. Настоящая норма в том числе закреплена с целью контроля качества изготовления лекарственных средств.

Дополнительный контроль действий фармацевтов осуществляли врачи и акушеры. Статьей 1087 Уложения определено: «Врач или акушер, который не донесет надлежащему начальству о за-

меченных им упущениях, беспорядках и злоупотреблениях фармацевтов, когда сии упущения или злоупотребления такого рода, что могли причинить или же действительно причинили вред больному, подвергаются...».

Третья глава отделения посвящена нарушениям правил об учреждении аптек. Данной главой закреплена ответственность за нарушение разрешительного порядка учреждения аптек (ст. 1093), самостоятельный перенос аптеки в иное место (ст. 1094), изготовление лекарственных средств вне аптеки (ст. 1095), ответственность продавцов лекарственных веществ за измельчение материалов в том числе до состояния порошка, а также изобличенные в приготовлении лекарств по рецептам врачей (ст. 1096).

Ответственность за измельчение веществ обусловлена прежде всего тем, что при измельчении с целью увеличения итогового веса вещества добавлялись более дешевые материалы. Данные действия были недопустимы, поскольку резко снижали эффективность вещества, используемого для приготовления лекарства. Ответственность же за изготовление лекарств по рецептам врачей обусловлена риском несоблюдения пропорций, подменой лекарственных веществ на более дешевые, а также выдачей таких лекарств как изготовленных иными, именитыми производителями.

Таким образом, в ст. 1096 Уложения впервые появляется ответственность за изготовление контрафактного лекарственного средства.

Четвертой главой восьмого отделения регулирована ответственность за нарушение правил о внутреннем устройстве и управлении аптек.

Статьей 1097 Уложения предусмотрена ответственность управляющих аптекой за «недостаток и худое качество назначенных законом материалов, посуды, инструментов и приборов для составления лекарств и для производства фармацевтических и нужных в фармацевтическом деле главнейших химических операций, а равно за недостаток аптекарских всякого рода весов, за неимение таксы лекарств, или списка вра-

чей, имеющих право производить врачебную практику, или Аптекарского Устава, или надлежащих шнуровых книг, за невнесение и за ошибочное или неправильное вписывание рецептов в книгу, наконец и за несоблюдение надлежащей чистоты». Наличие данной нормы свидетельствует о том, что законодатель того периода уделял большое внимание изготовлению лекарств надлежащего качества, которое невозможно без использования соответствующего оборудования и соблюдения правил изготовления.

Статья 1102 устанавливала ответственность «за принятие в аптекари, провизоры, аптекарские помощники или ученики лиц, не удостоенных к тому надлежащими учебными заведениями, или же лишенных права производить фармацевтическую практику или без аттестата об их поведении, если они уже находились в других аптеках, а равно за недонесение каждый раз о приеме и увольнении фармацевта местному медицинскому начальству и за непредставление в свое время именных списков с отметкой об их поведении, способностях и фармацевтических познаниях».

Как уже упоминалось выше, заниматься фармацевтической деятельностью могли не все желающие, а только специально обученные лица. Данный факт свидетельствует о повышенных требованиях к лицам, изготавливающим лекарства, с целью увеличения качества лекарственных средств.

Статьей 1104 Уложения предусматривалась ответственность «находящихся при аптеках фармацевтов и учеников, которые не будут исполнять в точности приказаний управляющих тех аптек относительно приготовления, хранения и отпуска лекарств». Ответственность по данной статье направлена на соответствие изготавливаемых лекарств рецептам и лечащим свойствам, отклонение от которых является изготовлением лекарственных средств ненадлежащего качества (недоброкачественных лекарственных средств).

Наиболее четко регламентирующей ответственность за фальсификацию лекарственных средств является ст. 1105

Уложения, в которой предусмотрена ответственность «за приготовление лекарств и лекарственных составов не по правилам фармацевтики, за составление лекарств из веществ не того качества или веса, какие в рецептах прописаны или из поврежденных, а равно за приготовление лекарств в нечистых или вредных здоровью сосудах, виновный в том управляющий аптекой, хотя бы от этого и не наступило никаких вредных последствий, подвергается денежному взысканию в первый раз от 5 до 10 рублей, второй от 10 до 25, в третий раз до 100 рублей».

В Уложении предусматривалась ответственность не только за фальсификацию, но и за неосторожную подмену одних лекарств другими. Так, ст. 1111 предусмотрена ответственность «за ошибочный отпуск одного лекарства вместо другого, хотя бы от сего и не последовало никакого никому вреда».

Большое внимание в то время уделялось и упаковке. Так, ст. 1110 предусмотрено: «Если же из аптеки будут отпущены по рецептам лекарства или без сигнатур, или же надлежащим образом не закупоренные, не завязанные или не запечатанные, или же без соблюдения других для отпуска лекарств предписанных правил, то управляющий подвергается...». Наличие данной нормы свидетельствует о том, что органами власти осуществлялся контроль того, чтоб содержимое лекарств соответствовало упаковке.

Фактическое значение Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года имело вплоть до 1917 го-

да. Им руководствовались правоприменители того периода развития отечественного законодательства.

Нормы об ответственности за фальсификацию лекарственных средств, указанные в Уложении, нашли отражение и в Своде Законов Российской Империи. Том XV был издан в 1885 г. и полностью посвящен уголовному праву, и именуется также Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Отличалось от Уложения только нумерацией статей, нормы ответственности за фальсификацию лекарственных средств не изменились.

Ответственность за фальсификацию лекарственных средств содержалась в разделе 8 «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» глава 1 «О преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное здравие», отделение 7 «О нарушении уставов врачебных». Группа 5 имеет идентичное наименование «Нарушение правил о приготовлении и отпуске лекарств из аптек». В данную группу вошли 9 статей, с 892 по 900.

Таким образом, анализ норм ответственности за фальсификацию лекарственных средств показал, что установленные Уложением 1845 года требования и принципы в полном объеме соответствуют современным требованиям и принципам развития уголовного и административного права и могут применяться при реформировании действующего законодательства России.

Попельницкий Е.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЕЙ 230.1 и 230.2 УК РФ

На фоне многочисленных допинг-скандалов актуальность противодействия обороту допинга не вызывает сомнений. На сегодняшний день в Российской Федерации правовое регулирование сферы спорта, особенно профес-

сионального, носит бессистемный, а иногда и противоречивый характер, и это затрудняет адекватную и своевременную реакцию на общественно опасные правонарушения, в том числе в форме уголовно-правового воздействия.

В этом отношении не являются исключением посягательства, связанные с незаконным оборотом допинга. Уголовная ответственность за преступления, связанные с допингом, уже несколько лет предусмотрена в таких странах, как Франция, Греция и др.

На основании ст. 26 «Предотвращение допинга в спорте и борьба с ним» Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 17.04.2017) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»:

– допингом в спорте признается нарушение антидопингового правила, в том числе использование или попытка использования субстанции и (или) метода, включенных в перечни субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (далее – запрещенная субстанция и (или) запрещенный метод);

– предотвращение допинга в спорте и борьба с ним осуществляются в соответствии с общероссийскими антидопинговыми правилами, утвержденными федеральным органом исполнительной власти в области физической культуры и спорта, и антидопинговыми правилами, утвержденными международными антидопинговыми организациями (далее – антидопинговые правила);

– нарушением антидопингового правила являются одно или несколько следующих нарушений:

1) использование или попытка использования спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода;

2) наличие запрещенных субстанций либо их метаболитов или маркеров в пробе, взятой в соревновательный период или во внесоревновательный период из организма спортсмена, а также из организма животного, участвующего в спортивном соревновании;

3) отказ спортсмена явиться на взятие пробы, неявка спортсмена на взятие пробы без уважительных причин после получения уведомления в соответствии с антидопинговыми правилами или уклонение иным образом спортсмена от взятия пробы;

4) нарушение требований антидопинговых правил, касающихся доступ-

ности спортсмена для взятия у него проб во вне соревновательный период, в том числе не предоставление информации о его местонахождении и его неявка для участия в тестировании;

5) фальсификация или попытка фальсификации элемента допинг-контроля;

6) обладание запрещенными субстанциями и (или) запрещенными методами;

7) распространение запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода;

8) использование или попытка использования, назначение или попытка назначения запрещенной субстанции в отношении спортсмена, либо применение или попытка применения в отношении его запрещенного метода, либо иное содействие, связанное с нарушением или попыткой нарушения антидопинговых правил.

Уголовно наказуемы следующие деяния, связанные с незаконным оборотом допинга в спортивной среде: склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ), склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230.1 УК РФ), использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230.2 УК РФ), а также незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта (ст. 234 УК РФ), контрабанда сильнодействующих веществ (ст. 226 УК РФ).

Помимо этого допинг влечет как дисциплинарную ответственность в виде дисквалификации, так и административную.

Вопросы, касающиеся химического допинга, в большей либо меньшей степени урегулированы. В то же время понятие допинга не исчерпывается химическими соединениями. Так, Приказом Минспорта РФ от 30.11.2016 № 1232 «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» (зарегистрировано в Минюсте России 26 декабря

2016 г. № 44968) предусмотрены запрещенные методы:

- 1) манипуляции с кровью и ее компонентами (M1);
- 2) химические и физические манипуляции (M2);
- 3) генный допинг (M3).

С учетом этого могут возникнуть сложности как правового, так и технического характера, связанные с реализацией норм ст. 230.1, 230.2 УК РФ.

Один из наиболее значимых вопросов: кто является спортсменом? Понятие спортсмена законодательно не определено. Какого рода активность дает такой статус? В соревнованиях какого уровня и насколько регулярно должен принимать участие спортсмен? Считаются ли спортсменами несовершеннолетние и малолетние, учащиеся в специализированных учебных заведениях, тренирующихся в спортивных школах Олимпийского резерва?

Согласно ст. 230.1 УК РФ уголовная ответственность грозит за склонение спортсмена тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Таким образом, субъект является специальным, но при этом круг таких лиц строго не определен. Входят ли в их круг члены спортивных федераций и другие спортсмены? Кроме того, если факт склонения к потреблению допинга конкретным специалистом принципиально установить и доказать представляется возможным, то доказывание факта использования в отношении спортсмена, без его ведома, запрещенных веществ (ст. 230.2 УК РФ) конкретным лицом установить и доказать представляется достаточно затруднительным.

Обращает на себя внимание и тот факт, что любые сомнения в отношении спортсмена WADA¹ трактует не в его пользу, т.е. действует презумпция виновности. В то же время в соответствии с нормами уголовного законодательства Российской Федерации в отношении нарушителей действует презумпция не-

виновности, и, следовательно, решения антидопинговой комиссии недостаточно для установления факта потребления допинга и, как следствие, возбуждения уголовного дела.

Не предусмотрена уголовная ответственность самого спортсмена, таким образом, в случае возбуждения уголовного дела по ст. 230.2 УК РФ спортсмен может признать добровольное потребление допинга, тем самым позволив истинным виновникам избежать уголовной ответственности. Возбуждение уголовного дела по ст. 230.1 УК РФ без деятельного участия самого спортсмена представляется затруднительным, а его расследование малоперспективным. Следовательно, успешное раскрытие и расследование уголовных дел, предусмотренных ст. 230.1, 230.2 УК РФ, как правило, требует конфликтной ситуации между спортсменом, тренером, врачом, или иным спортивным специалистом, что с учетом специфики таких коллективов встречается крайне редко.²

С учетом вышеизложенного можно выделить три проблемы современного антидопингового законодательства в Российской Федерации:

– не определены критерии отнесения к спортсмену и специалисту в области физической культуры и спорта, что затрудняет определение субъекта преступления.

– не во всех случаях представляется возможным доказать факт потребления конкретного запрещенного вещества, либо запрещенного метода, что создает ситуацию неопределенности, разрешаемую в рамках норм уголовного права в пользу обвиняемых, что значительно затрудняет доказывание факта применения в отношении спортсмена запрещенного вещества либо метода.

– с учетом непривлечения к уголовной ответственности самого спортсмена, раскрытие и расследование уголовных дел, предусмотренных ст. 230.1, 230.2 УК РФ, при отсутствии конфликтной ситуации внутри коллектива малоперспективно.

Возможно, в связи с данными затруднениями количество приговоров по

указанным статьям на текущий момент несопоставимо с количеством фактов дисквалификаций спортсменов различного уровня в связи с допинг-скандалами.

¹ Залесский В.Н., Дынник О.Б. Побочные эффекты действия анаболических андрогенных

стероидов у спортсменов // Спортивная медицина. 2015. № 1. С. 77-83

² Медведева А.И., Грушко А.И., Грушко Н.В. Психологические аспекты употребления допинга в спорте // Омский научный вестник. 2014. № 4 (131). С. 101-104.

Власов В.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ, ВЫЗВАННОМ
УПОТРЕБЛЕНИЕМ АЛКОГОЛЯ, НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ**

В свое время И.М. Мацкевич обращал внимание на тот факт, что по непонятным причинам из обстоятельств, отягчающих уголовное наказание (ст. 63 УК РФ), исчезло усиление ответственности за совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения. Он писал о том, что в ст. 23 УК РФ скромно говорится, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности.¹ Но реальная сложность состоит в том, что не совсем понятно, как необходимо оценивать данное состояние: из буквального содержания ст. 23 УК РФ нельзя сделать однозначный вывод о том: относится оно к отягчающим либо к смягчающим обстоятельствам. Более того, не совсем правильным следует признать то, что один и тот же фактор, увязываемый непосредственно с состоянием опьянения виновного лица, на практике может исследоваться судом с позиции различных критериев назначения наказания. Общеизвестно, что перечень отягчающих обстоятельств, содержащихся в уголовном законодательстве, является исчерпывающим и при назначении наказания суды не могут признать отягчающими никакие другие обстоятельства.

Вполне уместно вспомнить п. 10 ст. 39 УК РСФСР 1960 года, в котором

закреплялось следующее положение: «совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения. Суд вправе, в зависимости от характера преступления, не признать это обстоятельство отягчающим ответственность». Ученые, толковавшие данную правовую норму, в комментариях к Уголовному кодексу РСФСР обращали внимание на то, что «влияние состояния опьянения на совершенное лицом преступление презюмируется, поэтому суду не требуется каждый раз особо это мотивировать в приговоре. Напротив, непридание состоянию опьянения значения отягчающего обстоятельства нуждается в обосновании в приговоре суда, что нередко не делается»².

Законодатель, учитывая не только негативное отношение специалистов в области уголовного права, но и традиции уголовного законодательства советского периода, Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ в ст. 63 УК РФ ввел ч. 1.1, в соответствии с которой: «судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать обстоятельством, отягчающим наказание, совершение преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ».

Вместе с тем, несмотря на видимое сходство правовых конструкций советского и современного кодифицированных нормативных правовых актов уголовного законодательства, по рассматриваемому вопросу имеются и значительные отличия. Например, если в УК РСФСР 1960 г. было указано только одно основание для непризнания состояния опьянения в качестве отягчающего обстоятельства – характер преступления, то в ч. 1.1 ст. 63 УК РФ таких оснований гораздо больше, а именно: характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства совершения преступления и личность виновного.

Применительно к характеру и степени общественной опасности преступления суду при оценивании состояния опьянения тщательно обращать внимание на следующие аспекты: было ли состояние опьянения непосредственной причиной совершения того или иного преступления, влияние этого состояния на тяжесть наступивших негативных последствий и т.д.

Что же касается оценки судом личности виновного, то суду следует выяснить, постоянно или временно лицо употребляет алкоголь, наркотические средства или другие одурманивающие вещества, учитывать социально-демографические данные (возраст, семейное положение, отношение к семье и детям, образование, профессию, должность, место работы, материальное положение, бытовую и производственную характеристику, отношение к обучению (для учащихся), правительственные награды, почетные звания), но и психофизиологические данные и правовой статус личности. Исследуемое состояние опьянения отрицательно характеризует личность виновного, если он добровольно и осознанно употреблял алкоголь, наркотики, иные вещества, вызывающие опьянение.

Вместе с тем следует также отметить, что если буквально толковать ч. 1.1 ст. 63 УК РФ, то она собственно не относится к перечню отягчающих обстоятельств, а предполагает только возможность учета состояния опьяне-

ния при назначении уголовного наказания. Поэтому в свете вышеуказанного можно сделать вывод о том, что российский законодатель применительно к состоянию опьянения относит его не к отягчающим обстоятельствам, а к условно отягчающим обстоятельствам. Но рассматриваемое состояние может выступать в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего признака преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, и может учитываться как отрицательная характеристика личности виновного.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2018 г. № 43 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 "О практике применения судами законодательства об исполнении приговора" и от 22 декабря 2015 года № 58 "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания"» было указано, что «в соответствии с частью 11 статьи 63 УК РФ само по себе совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ, не является основанием для признания такого состояния обстоятельством, отягчающим наказание. В описательно-мотивировочной части приговора должны быть указаны мотивы, по которым суд пришел к выводу о необходимости признания указанного состояния лица в момент совершения преступления отягчающим обстоятельством».

Соответственно, после его принятия суды обязаны будут исходить из того, повлияло ли состояние алкогольного, наркотического или токсического опьянения, в котором находился обвиняемый, на его решение совершить преступление.

Многие специалисты применительно к данному постановлению Пленума Верховного Суда РФ по-разному отнеслись к трактовке его содержания. К

числу сторонников необходимо отнести тех, кто оценивают его положительно, так как речь идет о деятельности судебного сообщества и законодателей по гуманизации действующего УК РФ. К числу противников следует отнести тех, кто считают, что его принятие было пролоббировано заинтересованными субъектами, поскольку реальная ситуация после отмены более жесткой кары за преступления, совершенные в данном состоянии, будет иметь негативные правовые последствия.

В заключение нельзя не отметить того обстоятельства, что указанное выше постановление Пленума Верховного Суда РФ в первую очередь направлено на единообразие и устойчивость судебной практики.

¹ Мацкевич И.М. Алкоголь и преступность // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7. С. 844-854.

² Уголовный кодекс РФ: научно-практический комментарий / под ред. Л.Л. Кругликова и Э.С. Тенчова. Ярославль, 1994. С. 123.

Белецкий И.А.,

кандидат юридических наук
Омская академия МВД России

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАКУПКУ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В КРУПНОМ РАЗМЕРЕ БЕЗ ЦЕЛИ СБЫТА

Последние уголовно-правовые новеллы вызывают все большее непонимание среди научного сообщества, кроме того, некоторые необдуманные изменения УК РФ влекут неблагоприятные последствия для граждан в виде перспективы быть привлеченным к ответственности за деяния, не являющиеся общественно опасными.

Примером является уголовное дело, возбужденное по факту обнаружения алкогольной продукции (вина) стоимостью более ста тысяч рублей, принадлежащей обществу, которое не имеет лицензии на оборот алкогольной продукции. Цель, для которой приобреталось вино, – проведение корпоративных вечеров, посвященных юбилею компании. Директору общества предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171.3 УК РФ «Незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции», в которой установлена ответственность за *«производство, закупку (в том числе импорт), поставки (в том числе экспорт), хранение, перевозки и (или) розничную продажу этилового спирта, алкогольной продукции без соответ-*

ствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна» в размере, превышающем сто тысяч рублей.

Правовые основы производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (далее – алкогольная продукция) и ограничения потребления (распития) алкогольной продукции в РФ; отношения, связанные с производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, и отношения, связанные с потреблением (распитием) алкогольной продукции; основания и порядок лицензирования деятельности по производству и обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции определены Федеральным законом от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее – Закон № 171-ФЗ).

В соответствии с п. 16 ст. 2 Закона № 171-ФЗ под оборотом для целей закона понимается – закупка (в том числе импорт), поставки (в том числе экспорт), хранение, перевозки и розничная

продажа, на которые распространяется действие настоящего закона.

Определение понятий «закупка» и «поставка» раскрыто в ст. 506 ГК РФ, согласно которой по договору поставки поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием.

Цель договора поставки – всегда предпринимательская деятельность, то есть деятельность, направленная на получение прибыли и, соответственно, не связанная с использованием поставляемых товаров для личных, семейных, бытовых нужд.

Согласно положениям абз. 1 п. 2 ст. 18 и абз. 2-12 п. 2 ст. 18 Закона № 171-ФЗ лицензии выдаются в том числе на осуществление следующих видов деятельности:

- хранение этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции;
- закупка, хранение и поставки алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Исходя из положений ч. 2 ст. 18 Закона № 171-ФЗ следует, что получение лицензии необходимо лишь при осуществлении указанных в законе видов предпринимательской деятельности, т.е. самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (ст. 2 ГК РФ). Таким образом, лицензируемая деятельность предполагает совершение организацией цикла действий, направленных на получение прибыли: покупка/изготовление – продажа.

В силу ст. 18 Закона 171-ФЗ деятельность по хранению алкогольной продукции как самостоятельный вид деятельности относится к обороту и подлежит лицензированию. Но согласно ст. 886 ГК РФ хранение как вид дея-

тельности предусматривает заключение договора, согласно которому одна сторона обязуется хранить вещь, переданную ей другой стороной, и возвратить эту вещь в сохранности. При этом в силу ст. 892 ГК РФ право собственности к хранителю в отношении переданной на хранение вещи не переходит.

Самостоятельная деятельность по перевозке также подлежит лицензированию, но лишь в случае перевозки этилового спирта (в том числе денатурата) и нефасованной спиртосодержащей продукции с содержанием этилового спирта более 25 процентов объема готовой продукции.

По фактическим данным на складе, арендуемом организацией, хранилась алкогольная продукция, принадлежащая последней на праве собственности, что, соответственно, не может быть отнесено к хранению как к виду деятельности организации.

Кроме того, хранящаяся на складе продукция не являлась этиловым спиртом (в том числе денатуратом) и нефасованной спиртосодержащей продукцией с содержанием этилового спирта более 25 процентов объема готовой продукции, а вином. Соответственно, обязанность получать лицензию при перевозке вина также отсутствовала.

Таким образом, факт закупки и последующего хранения алкогольной продукции, не предполагающий последующую ее продажу, а преследующий иные цели, не подпадает под действие норм ст. 171.3 УК РФ.

Буквальное толкование диспозиции ч. 1 ст. 171.3 УК РФ позволяет заключить, что ответственность может наступать за отдельные действия, не представляющие собой оборота, то есть взаимосвязанных действий, направленных на получение прибыли, закупку (в том числе импорт), поставки (в том числе экспорт), хранение, перевозки, розничную продажу алкогольной продукции, совершенные в крупном размере. В частности, приобретение легальной алкогольной продукции на сумму свыше ста тысяч рублей без соответствующей лицензии образует признаки

преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 171.3 УК РФ.

Содержание исследуемой статьи УК РФ свидетельствует о том, что легальная алкогольная продукция при ее стоимости, превышающей сто тысяч рублей, предназначенная не для предпринимательских целей, становится объектом гражданских прав, ограниченным в обороте, более того, за владение которым установлена уголовная ответственность. Самый простой пример — закупка алкогольной продукции на торжественное мероприятие. Но в чем общественная опасность приобретения и хранения легальной алкогольной продукции, не предназначенной для вовле-

чения в нелегальный оборот? Вопрос риторический.

С учетом изложенного необходимо сделать вывод, что ответственность по ст. 171.3 УК РФ может наступать только за нелегальный оборот продукции, направленный на извлечение прибыли, тогда как отдельные деяния, такие как закупка, хранение алкогольной продукции в крупном размере, для целей, не связанных с предпринимательскими, состава преступления не образует. Обязательным элементом субъективной стороны названных выше деяний должна быть цель сбыта, о чем следует прямо указать в диспозиции ч. 1 ст. 171.3 УК РФ.

Астахова А.О.,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О ПРОБЛЕМАХ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 314.1 УК РФ

Восстановление государственной системы профилактики преступлений обусловило «реанимирование» института уголовной ответственности за уклонение от административного надзора — с 1 июля 2011 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена статья 314.1 «Уклонение от административного надзора»¹. С 1 января 2015 г. было изменено название указанной статьи и расширена сфера ее действия — «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений»².

Сравнительно недолгий период действия ст. 314.1. УК РФ, сложность и многоаспектность самой нормы, особенности ее юридической конструкции, отсутствие единого подхода в оценке обстоятельств, составляющих основание применения рассматриваемой статьи, вызывают определенные трудности не только на этапе квалификации общественно опасного деяния, но и на этапе производства по уголовному делу.

В связи с возникшими в судебной практике вопросами в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами уголовного закона при рассмотрении дел об уклонении от административного надзора или о неоднократном несоблюдении установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений Пленумом Верховного Суда РФ было принято постановление от 24 мая 2016 г. № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 314.1 УК РФ», в котором даны разъяснения по ряду актуальных вопросов, в частности касающихся особенностей установления признаков объективной и субъективной сторон, а также специального субъекта рассматриваемого преступления, содержания понятия места жительства или пребывания, порядка исчисления сроков давности и определения подсудности, а также других особенностей.

Однако ряд вопросов, которые вызывают затруднения в практике, не получили освещения в указанном доку-

менте. Так, не даны ответы на вопросы о том, возможна ли квалификация содеянного поднадзорным лицом по ст. 314.1 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, а также соучастия в совершении преступления и неоконченного преступления (покушение). Рассмотрим указанные проблемные моменты.

Относительно совокупности преступлений, предусмотренных ст. 314.1 УК РФ, и теория, и практика исходят из их возможности, но в только определенной ситуации. Например, когда после освобождения из мест лишения свободы поднадзорный на учет в ОВД не встал, его местонахождение удалось установить только с помощью розыскных мероприятий, в его действиях усматривается деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, – неприбытие без уважительных причин к избранному им месту жительства. Далее, если после постановки на учет поднадзорный вновь не является на регистрацию, на момент проверки отсутствует по месту жительства и самовольно выезжает за пределы населенного пункта, в его действиях также предусматриваются признаки деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ, но уже самовольного оставления места жительства.

Так, приговором Белгородского районного суда Т. осужден к лишению свободы: по ст. 314.1 УК (в редакции Федерального закона от 06 апреля 2011 г. № 66-ФЗ) за период после 13 мая 2014 г. по 03 июля 2014 г. – на срок 7 месяцев; по ст. 314.1 УК (в редакции Федерального закона от 06 апреля 2011 г. № 66-ФЗ) за период после 30 июля 2014 г. по 16 сентября 2014 г. – на срок 7 месяцев. Суд апелляционной инстанции оставил указанный приговор без изменения, указав, что, оценивая представленные доказательства, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о квалификации действий Т. по двум эпизодам преступлений, предусмотренных ст. 314.1 УК РФ³.

Далее, например, поднадзорный прибыл к месту жительства, встал на учет в органе внутренних дел, но в те-

чение определенного периода неоднократно не соблюдал установленные ему ограничения, – это деяние образует состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Если впоследствии поднадзорный самовольно оставляет место жительства с целью уклонения от административного надзора, это влечет уголовную ответственность уже по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ⁴. Если в указанной ситуации в отношении лица, которому установлен административный надзор, возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, то в силу ч. 1 ст. 9 Федерального закона об административном надзоре⁵ административный надзор за ним не прекращается. Поэтому в случае, когда после возбуждения дела лицо самовольно оставляет свое место жительства или пребывания с целью уклониться от административного надзора, эти действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, так как они не охватываются составом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ.

Вместе с тем теоретически возможна, но практически непредставима ситуация, когда действия поднадзорного лица подлежат квалификации по нескольким эпизодам деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Такая квалификация может иметь место лишь в случае, когда после возбуждения уголовного дела в связи с неоднократным несоблюдением установленных ограничений (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ) поднадзорный в период производства предварительного расследования совершит еще один «полный набор» проступков – неоднократное (не менее трех) несоблюдение лицом административных ограничений, сопряженное с совершением административного правонарушения, предусмотренного главами 6, 19 (за исключением ст. 19.24) и 20 КоАП РФ, а также ч. 7 ст. 11.5, ст. 11.9, 12.8, 12.26 КоАП РФ.

Относительно возможности квалификации деяния как покушения на преступление, то квалифицировать деяние, предусмотренное ст. 314.1 УК РФ, как неоконченное не представляется возможным, поскольку рассматриваемый

состав преступления сконструирован как формальный. В связи с этим преступление, предусмотренное ч. 314.1 УК РФ, считается оконченным в момент истечения срока, в течение которого поднадзорное лицо должно было прибыть к избранному месту жительства или пребывания и встать на учет в ОВД; либо когда поднадзорный самовольно покинул место жительства или пребывания с целью уклонения от административного надзора. Деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, будет окончено при неоднократном (не менее чем третьим) несоблюдении поднадзорным лицом административных ограничений. Предыдущие факты административных деликтов не могут быть оценены в качестве покушения на указанное преступление, поскольку сами по себе не образуют состава уголовно наказуемого деяния.

Что касается соучастия, то, по нашему мнению, применение этого института в рассматриваемой ситуации невозможно. Исходя из смысла необходимого признака соучастия, в преступлениях со специальным составом, к числу которых относится и ст. 314.1 УК РФ, специальными являются субъект (лицо, способное нарушить специальные правила), объект, а также объективная сторона (нарушение специальных обязанностей). Кроме того, особенностью такой категории преступлений является то, что специальный субъект, являясь участником специальных отношений, посягает на специальные объекты. Далее, исходя из смысла обязательного условия соучастия, установленного ст. 32 УК РФ, – совместности действий виновных лиц, соучастие предполагает совместное выполнение объективной

стороны деяния, когда действия соучастников взаимосвязаны, согласованы и дополняют друг друга. В нашем случае даже если два и более лиц одновременно уклоняются от административного надзора либо сообща не соблюдают административные ограничения), то, учитывая, что административный надзор устанавливается сугубо индивидуально, с учетом различных обстоятельств субъективного характера, каждое из поднадзорных лиц совершает объективную сторону самостоятельного преступления.

С теоретической точки зрения иной субъект (не обладающий признаками специального) в преступлении, предусмотренном ст. 314.1 УК РФ, может выступать только организатором, подстрекателем или пособником. Однако практическая составляющая подобной ситуации вызывает сомнение.

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освободившимися из мест лишения свободы» : Федеральный закон от 06.04.2011 № 66-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15, ст. 2039.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.12.2014 № 514-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1, ст. 67.

³ Апелляционное постановление Белгородского областного суда от 17.06.2015 по делу № 22-898/2015. URL: rospravosudie.com.

⁴ Сопов Д.В., Склярчук С.А. Практика применения нормы УК РФ об уклонении от административного надзора // Уголовный процесс. 2016. № 7.

⁵ Об административном надзоре за лицами, освободившимися из мест лишения свободы : Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15, ст. 2037.

Мальков С.М.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Основным критерием систематизации преступлений выступает непосредственный объект, указывающий на приоритет охраны общественных отношений, которым причиняет вред преступление, и механизм причинения вреда.¹ Кроме того, он позволяет оценить характер и степень общественной опасности, установить вредоносный характер последствий преступления и конкретизировать субъективную сторону преступлений, и в частности интеллектуальный момент вины.

На содержание объекта преступления и его учет при систематизации норм уголовного права, как отмечается в уголовно-правовой науке, нередко указывают особенности предмета преступления.² Вместе с тем уголовное законодательство, как любая система, при конструировании (система как процесс) и при его реализации (система как результат) предполагает учитывать постоянство своих действий и целенаправленность (предназначенность).³

Поэтому систематизация уголовного законодательства за преступления против военной службы, в первую очередь, должна проявляться в целенаправленном развитии и эффективности функционирования общественных отношений⁴, на что указывает содержание непосредственного объекта. Кроме того, систематизация позволит установить криминологически обоснованную дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности за преступления против военной службы.⁵

Не исключена дискуссия том, что в основе систематизации преступлений против военной службы необходимо рассматривать не объект преступления, а предмет уголовно-правового регулирования. Критику несостоятельности этой дискуссии можно встретить в

учебниках дореволюционного уголовного права.⁶ Присоединяясь к данной критике, следует указать на то, что предмет уголовно-правового регулирования не указывает ни на приоритет уголовно-правовой охраны, ни на направленность общественно опасного деяния, ни на законодательную и правоприменительную оценку общественной опасности (дифференциацию и индивидуализацию), а позволяет обратить внимание только на социальную обусловленность уголовно-правового запрета посягательств на порядок прохождения военной службы. Указанное выше еще раз позволяет доказать важность роли непосредственного объекта преступления в систематизации преступлений против военной службы.

Ценность систематизации преступлений против военной службы заключается в обусловленности наиболее важных и устойчивых функциональных связей с различными отраслями права.⁷ В частности, система преступлений против военной службы позволяет провести некую правовую идентификацию с отраслевыми системами права, например с законодательством о военной службе, административным правом, полицейским правом и др., через такие законы логики, как понятие, суждение и умозаключение.

Теоретическая ценность систематизации заключается в эффективном технико-юридическом закреплении норм о преступлениях против военной службы, их унификации, дифференциации и расположении их в определенной последовательности. Практическая ценность систематизации заключается: во-первых, в правильной квалификации преступлений против военной службы, поскольку формулирование конкретной уголовно-правовой нормы позволяет

провести отличие преступления против военной службы от непроступных деяний, иных правонарушений (административных, гражданско-правовых), дисциплинарных проступков, конкурирующих, смежных и коллизионных уголовно-правовых норм; во-вторых, в полноте, четкости и ясности содержания уголовно-правовых норм; в-третьих, в простоте и легкости для понимания правоприменителем.

При рассмотрении систематизации актуальным представляется вопрос о выделении конкретных групп преступлений против военной службы.

В связи с этим возможно выделить как уголовно-правовые, так и криминологические классификации преступлений против военной службы. В частности, в литературе можно встретить классификацию преступлений против военной службы, в основе которой лежат конкретные виды посягательства: нарушений уставных правил; самовольное оставление части или места службы; обращение с общеперсональными предметами; категории субъектов преступления: солдаты по призыву и контракту, офицеры, должностные лица.⁸

Представляет определенный интерес изучение Военно-уголовного кодекса 1903 г., принятого одновременно с Уголовным Уложением. В основу системы преступлений против военной службы в данном документе, на наш взгляд, законодателем одновременно были положены различные признаки: объект преступления, характеристика субъекта преступления, особенности выполнения управленческих функций и др.

Были закреплены следующие группы преступлений против военной службы: военная измена; совершение преступления во время похода и опасное для военного могущества; неразрешенная отлучка и побег со службы; самоизувечение и симуляция; трусость; нарушение военной дисциплины; злоупотребление служебной властью; противоправные действия против собственности; нарушение служебных обязанностей при выполнении особых служебных функций.⁹

По мнению автора, группировку преступления против военной службы необходимо проводить с учетом структуры общественного отношения как непосредственного объекта данных преступлений.

Участники общественного отношения позволяют выделить преступления против порядка пребывания на военной службе. Учитывая, что участники общественного отношения совпадают по содержанию с субъектом преступления (военнослужащими), то данные преступления следует отнести к общим преступлениям против военной службы. Предмет общественного отношения связан со свойствами предметов военного имущества либо предмета преступления. Поэтому в основе отдельных групп преступлений следует рассматривать военно-технические средства (оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, специальная техника) или военное имущество. Социальная связь как практическая деятельность военнослужащих по поводу реализации функций военной службы позволяет обратить внимание на преступления, связанные с нарушением уставных правил взаимоотношений, и посягательства на отдельные или специальные виды военной службы.

В связи с этим представляется целесообразным выделение следующих групп (видов) преступлений против военной службы:

1) общие преступления против военной службы (ст. 337, 338, 339 УК РФ);

2) преступления против военной службы, сопряженные с противодействием осуществлению обязанностей по военной службе (преступления, посягающие на установленные правила взаимоотношений между военнослужащими) (ст. 332, 333, 334, 335, 336 УК РФ);

3) преступления, посягающие на специальные виды военной службы (ст. 340, 341, 342, 343, 344 УК РФ);

4) преступления, посягающие на правила безопасности использования военно-технических средств:

— преступления против военной службы, посягающие на отношения в сфере обращения оружия, боеприпасов,

взрывчатых веществ и иных предметов, представляющие повышенную опасность (ст. 349 УК РФ);

– преступления против военной службы, посягающие на правила эксплуатации специальной техники (ст. 345, 350, 351, 352 УК РФ);

5) преступления против военной службы, посягающие на порядок сбережения военного имущества (ст. 346, 347, 348 УК РФ).

¹ Винокуров В.Н. Объект преступления: систематизация и квалификация : монография. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2011. С. 25-26; 233.

² Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 262; 267-269.

³ Гайдес М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ). М., 2005. С. 28-29.

⁴ Мелешко Н.П., Тарло Е.Г. Уголовно-правовые системы России и зарубежных стран (криминологические проблемы сравнительного правоведения, теории и законодательная и правоприменительная практика). М., 2003. С. 160.

⁵ Мальков С.М. Преступления против военной службы. М., 2015. С. 18-20.

⁶ Анциферов К.Д. Сборник статей и заметок по уголовному праву и судопроизводству. С.-Петербург, 1898. С. 540.

⁷ Баранов В.М., Поленина С.В. Система права, система и систематизация законодательства и правовой системе России. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. С. 23.

⁸ Нафиков Г.А., Микерин В.А. Комплекс мер по предупреждению воинских преступлений // Военно-юридический журнал. 2013. № 4.

⁹ Франц фон Листъ. Учебник уголовного права, Особенная часть. Раздел XI «Воинские преступления». М., 1905. С. 405-409.

Хрущев А.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ НАРУШЕНИЯ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

Объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 333-336 УК РФ, заключается в бланкетном характере. Поэтому для определения их содержания необходимо обращаться к нормативным документам не уголовно-правового характера, которые могут быть представлены как действующими законами, так и иными нормативными актами.

Бланкетный характер анализируемых преступлений обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, универсальный подход законодателя к формулированию норм уголовного закона не позволяет указать все виды допускаемых нарушений, во-вторых, перечисление наказуемых нарушений может превратить уголовный закон в свод специальных правил поведения¹, что не является обоснованным.

Преступления против военной службы, посягающие на установленные правила взаимоотношений между военнослужащими, могут совершаться как в мирное, так и в военное время. В УК

РФ предусматривается возможность наступления ответственности за преступления, совершаемые в мирное время. Ответственность за преступления, совершаемые в военное время и в боевой обстановке, определяются законодательством Российской Федерации военного времени (ч. 3 ст. 331 УК РФ).

Квалифицируя признаки объективной стороны преступлений, связанных с нарушением установленных правил взаимоотношений между военнослужащими, необходимо обратить внимание на наличие трех важнейших условий совершения данных преступлений, на которые указывают диспозиции уголовно-правовых норм, а также теория уголовного права и правоприменительная практика:

1) деяния должны совершаться во время исполнения потерпевшим обязанностей по военной службе;

2) деяния должны совершаться в связи с исполнением потерпевшим обязанностей по военной службе;

3) деяния должны посягать на законную деятельность потерпевших по осуществлению обязанностей по военной службе.

Проанализируем данные условия.

Прежде всего, обратим внимание на понятие «исполнение обязанностей по военной службе», под которым понимается выполнение военным служащим в пределах предоставленных полномочий служебной задачи, определенной полученным приказом, воинскими уставами или иными нормативными документами. Военнослужащие исполняют обязанности по военной службе при выполнении полученного приказа или должностных обязанностей, участии в боевых действиях или учениях, выполнении задач в условиях вооруженных конфликтов, несении боевого дежурства, исполнении обязанностей в составе караула или суточного наряда, нахождении на территории воинской части в служебное время, следовании к месту военной службы и обратно, нахождении в служебной командировке или на лечении, участии в ликвидации последствий стихийных бедствий, оказании помощи органам внутренних дел или другим правоохранительным органам при защите жизни, здоровья, чести и достоинства личности.²

Временем исполнения потерпевшим обязанностей по военной службе считается период фактического исполнения военным служащим конкретных служебных обязанностей, причем как общих, так и специальных, возложенных на него законами, воинскими уставами, иными нормативными документами, а также приказами или распоряжениями командиров. Для квалификации важно установить в каждом конкретном случае основания выполнения обязанностей по военной службе.

В качестве примера следует привести уголовное дело, рассмотренное военным судом Ижевского гарнизона в отношении рядового Фролова. Рядовой Фролов с целью подчинить своему влиянию и добиться беспрекословного повиновения от сослуживца более позднего призыва рядового Дерюшева

нанес ему множественные удары ногами и руками по различным частям тела, причинив потерпевшему легкий вред здоровью. Поскольку было установлено, что насилие к потерпевшему применено во время исполнения им обязанностей по военной службе (дневального по роте) и направлено на нарушение установленного порядка взаимоотношений лиц, не состоящих в отношениях подчиненности, Фролов обоснованно был привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 335 УК РФ.³

Не признаются исполняющими обязанности военной службы военным служащие, добровольно приведшие себя в состояние наркотического или токсического опьянения; совершающие предусмотренные уголовным законодательством общественно опасные деяния; совершающие самоубийство или покушение на самоубийство, если указанные действия не были вызваны болезненным состоянием или доведением до самоубийства; при нахождении вне расположения воинской части на отдыхе, в увольнении или отпуске, а также при самовольном нахождении вне расположения войсковой части или установленного за пределами войсковой части места службы, за исключением случаев нахождения в плену, в положении заложника или интернированного, иных действий, признанных судом совершенными в интересах общества и государства.⁴

При необходимости военным служащий по приказу командира обязан приступить к исполнению обязанностей военной службы в любое время, в том числе и в нерабочее. В связи с этим мы вполне согласны с мнением П.С. Яни о том, что реализация служебных полномочий во внерабочее время не противоречит нормативным актам.⁵

Следует указать, что нарушение уставных правил взаимоотношений имеет место только в момент исполнения военным служащими обязанностей военной службы как на месте постоянной дислокации (территория воинских частей, кораблей, военных баз, аэродромов, учебных заведений, иных военных объектов), так и в других местах и за их пре-

делами (территории гражданских объектов, военные госпитали, общественный транспорт, нахождение в пешей колонне, месте проведения военных учений, месте ведения боевых действий как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами).

Нарушение правил уставных взаимоотношений возможно и в отношении лица, не выполняющего в данный момент обязанностей по военной службе. Виновный, например, может принуждать начальника или иное лицо к нарушению им обязанностей в будущем (не ставить военнослужащего в суточный наряд, караул, не включать в состав формирующейся команды и др.). В подобных случаях во время нарушения правил взаимоотношений потерпевший может и не находиться на месте службы, а пребывать вне ее пределов.⁶

Совершение преступлений в связи с исполнением потерпевшим обязанностей по военной службе означает различные формы воспрепятствования выполнению, в том числе и ненадлежащему выполнению обязанностей по военной службе. В этом случае различные виды нарушений уставных правил взаимоотношений осуществляются как в связи с выполнением конкретных действий по службе, так и на почве общей требовательности военнослужащего, например начальника или командира.

Необходимо отметить, что преступления, устанавливающие уголовную ответственность за нарушение установленных правил взаимоотношений между военнослужащими, могут совершаться в качестве мести за ранее выполненную обязанность по военной службе.

Третье условие указывает на то, что деяния должны посягать на законную

деятельность потерпевших по осуществлению обязанностей по военной службе.

Во-первых, осуществляемая деятельность военнослужащих должна соответствовать правовым предписаниям, указанным в действующих нормативных актах: законах, уставах, инструкциях, приказах, распоряжениях и др. Во-вторых, сама деятельность по реализации обязанностей по военной службе предусматривает только законные способы ее осуществления. Невозможно осуществлять служебную деятельность путем совершения преступлений и иных правонарушений. В-третьих, неправомерные действия военнослужащих нередко провоцируют ответные действия со стороны лиц, к которым затем применяется противодействие (насилие, принуждение, сопротивление, оскорбление и иные действия). В-четвертых, уголовный закон предусматривает право на необходимую оборону, в том числе от неправомерных лиц, исполняющих обязанности по военной службе.

---

¹ Красиков Ю.А. О понятии правоприменительной эффективности уголовного закона // Вестник Московского университета. 1981. № 2. С. 24.

² Сызранцев В.Г. Воинские преступления. СПб., 2002. С. 42-43.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими.

⁴ Зателепин О.К. Понятие воинских насильственных преступлений и некоторые вопросы их квалификации // Право в Вооруженных Силах. 2003. № 2. С. 1-4.

⁵ Яни П.С. Совершение должностных преступлений во внерабочее время // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 23-24.

⁶ Мальков С.М. Преступления против военной службы : монография. М., 2015. С. 98-99.

Крупин В.А.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОБРАЩЕНИЯ С ОРУЖИЕМ И ПРЕДМЕТАМИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИМИ ПОВЫШЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ

Предмет преступления, предусмотренного ст. 349 УК РФ четко обозначен в диспозиции нормы и определен конкретным перечнем: оружие, боеприпасы, радиоактивные материалы, взрывчатые вещества, иные вещества и предметы, представляющие повышенную опасность для окружающих.

Обращаясь к понятию оружия, заметим, что его толкование можно встретить в различных областях знаний, в частности в военной науке, криминалистике, гражданской обороне. Их определение нашло отражение и в действующем законодательстве об оружии. Активно исследуются вопросы толкования оружия и в военно-уголовном законодательстве.

Под огнестрельным оружием в соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оружии» понимаются предметы, предназначенные для механического поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда.

В уголовно-правовой науке одни авторы пытаются дать понятие «оружие» через установление его признаков¹, другие отстаивают позицию рассмотрения оружия через призму ограничения и изъятия из гражданского оборота, обращая особое внимание на правовой признак². Сильны позиции исследователей, определяющих оружие посредством указания на его особую предназначенность, то есть на цель.³

Перечисленные авторские позиции, к сожалению, касаются только отдельных видов предмета преступления, оставляют за границами общие признаки. Между тем установление единых признаков имеет принципиальное значение для эффективного совершенствования правоприменительной практики, поскольку подчеркивает юридические

особенности оружия как предмета преступлений.⁴ Следует отметить, что общие признаки обеспечивают единообразное понимание предмета преступления.

Исследуя общие признаки, в первую очередь обратимся к содержанию целевого признака. Цель существования оружия заключается в «поражении различных объектов». Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» указывает, что данный признак характерен не для всех предметов, а лишь для тех, которые функционально пригодны для поражения. Очевидно, что термин «пригодность» также должен выступать в качестве общего признака.

Изучение военно-справочной литературы позволило выявить еще один термин, существенно дополняющий содержание пригодности предметов, — «функциональная особенность» оружия.⁵ В основу функционального назначения оружия положены боевые возможности, именно в соответствии с ними оружие делится на виды. Содержание боевых возможностей включает такие составляющие, как конструктивные особенности оружия, принцип их действия и поражающий элемент.⁶

Сказанное позволяет обобщить существующие взгляды на признаки оружия и выделить общие и специальные признаки. Пригодность оружия, его целевой и правовой признаки относятся к общим. Функциональные особенности данного предмета образуют специальные признаки. Кроме того, при установлении оружия в смысле ст. 349 УК РФ необходимо обратить внимание на возможность признания предметом преступления сигнального оружия, предна-

значенного для подачи световых, дымовых и звуковых сигналов.⁷

Под боеприпасами понимаются «предметы, предназначенные для производства выстрела из артиллерийских орудий и стрелкового оружия всех видов, а также для бомбометания»⁸. Рассматривая особенности этого предмета преступления, Верховный Суд РФ выделяет несколько видов боеприпасов, в частности артиллерийские снаряды и мины, военно-инженерные противотанковые гранаты, боевые ракеты, авиабомбы и т.п. независимо от наличия или отсутствия у них средств для инициирования взрыва, предназначенные для поражения целей, а также все виды патронов к огнестрельному оружию независимо от калибра, изготовленные промышленным и самодельным способом.⁹

Перечень основных видов боеприпасов дается и в различных нормативных актах. Например, Правила техники безопасности при хранении, сборке и ремонте боеприпасов на артиллерийских арсеналах, базах и складах к боеприпасам относят «артиллерийские, минометные, гранатометные выстрелы и их элементы, ручные гранаты и запалы к ним, патроны к стрелковому оружию»¹⁰.

Таким образом, при классификации боеприпасов можно выделить боеприпасы: неразрывно связанные со стрелковым огнестрельным оружием (патроны, снаряды, гранаты, отстреливающиеся из гранатометов); приводимые в действие различными механизмами и устройствами (боевые ракеты, авиабомбы); использующиеся сами по себе, без применения каких-либо устройств (ручные гранаты, мины, подрывные заряды). При этом предметом ст. 349 УК РФ являются исправные боеприпасы, пригодные к использованию, т.е. к боевому применению.

Не относятся к боеприпасам те технические снаряжения, которые не предназначены для поражения: холостые патроны, имитационные учебные заряды или гранаты.

Радиоактивные материалы представляют собой радиоактивные вещества, их соединения, смеси, сплавы или изотопы, способные излучать радиа-

цию, применяются для создания оружия массового поражения и характеризуют боевые возможности данного оружия многообразием и специфическим источником опасности. К радиоактивным материалам относятся: обогащенный уран, стронций, радий, оружейный плутоний, кобальт и др.

К взрывчатым веществам относятся химические смеси или соединения, способные под влиянием внешнего воздействия (удара, трения, возжигания, электрического разряда и т.п.) к быстрому, самораспространяющемуся химическому превращению – взрыву с образованием и выделением значительного количества тепла. К наиболее распространенным взрывчатым веществам относятся: аммонит 6 ЖВ, пластит, эластид, гранулит, гранутол, порох, тротил, гремучая ртуть, красная ртуть, азид свинца, тетразен, твердое ракетное топливо. Вместе с тем существуют отдельные пиротехнические составы, которые также относятся к взрывчатым веществам, но не имеют боевого предназначения (осветительные, фотосмеси, сигнальные, имитационные и др.) и не представляют повышенной опасности. Данные вещества не являются предметом преступления.¹¹

К иным веществам или предметам, представляющим повышенную опасность для окружающих, следует отнести вещества и предметы, не охватываемые понятиями оружия, боеприпасы, радиоактивные материалы и взрывчатые вещества, существование которых уже само по себе представляет повышенную опасность для окружающих:

– вещества и предметы, которые указаны в нормах УК РФ: легковоспламеняющиеся вещества и пиротехнические изделия (ст. 218 УК), ядерные материалы (ст. 220), ядовитые вещества (ст. 234), микробиологические и биологические агенты и токсины (ст. 248 УК РФ);

– вещества и предметы, представляющие повышенную опасность ввиду их вспомогательного значения: емкости из-под горючих и взрывчатых веществ, дегазирующие вещества, баллоны со взрывоопасным газом;

– вещества и предметы, обладающие повышенной опасностью ввиду целевого назначения, например огнесмеси, предназначенные для стрельбы из огнеметных танков.

¹ Бондаренко Н.А., Дзюба В.Т. Квалификация преступлений против общественного порядка и общественной безопасности. Киев, 1990. С. 62.

² Соколов Л.Ф. Уголовный закон об оружии. Омск, 1976. С. 10.

³ Романов А.П. Борьба с хищением оружия, незаконным и небрежным обращением с ним. М., 1979. С. 12.

⁴ Корецкий Д.А. Криминальная армология – междисциплинарное учение о правовом режиме оружия // Перспективные проблемы борьбы с преступностью : учебное пособие. М., 1997.

⁵ Мурарсовский В.И., Федоров С.Л. Оружие пехоты : справочник. М., 1992. С. 15.

⁶ Мальков С.М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Красноярск, 2002. С. 61-64.

⁷ Мальков С.М. Преступления против военной службы. С. 128-130.

⁸ Большая советская энциклопедия. С. 375.

⁹ Российская газета. 2002. 19 марта.

¹⁰ Правила техники безопасности при хранении, сборке и ремонте боеприпасов на артиллерийских арсеналах, базах и складах. М., 1975. С. 3-8.

¹¹ Мальков С.М., Кац Е.А. Уголовная ответственность за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: учебное пособие. Красноярск, 2006. С. 36-37.

Скиба А.П.,

доктор юридических наук, доцент
Академия ФСИН России (г. Рязань)

**О РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТЫ АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И АНАЛИЗУ
КОЛЛИЗИЙ УГОЛОВНОГО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И РЯДА СТРАН
ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ ОСУЖДЕННОГО**

В первой половине 2017 года на базе кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России начал формироваться авторский коллектив для выявления и анализа коллизий уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного законодательства России и ряда стран (Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана). Он включает в себя российских и зарубежных исследователей, анализировавших положения соответствующих национальных законодательств, из ФСИН России (Е.В. Ермасов), Министерства юстиции Республики Азербайджан (М.Г. Гумбатов), Академии ФСИН России (А.А. Крымов, Д.А. Гришин, И.А. Давыдова, Ю.А. Кашуа, И.Н. Коробова, А.Н. Сиряков, А.П. Скиба и др.), Национального исследовательского Томского государственного университета (В.А. Уткин), Московского государст-

венного юридического университета имени О.Е. Кутафина (В.Н. Орлов), Академии МВД Республики Беларусь (Н.В. Кийко, С.И. Проценко), Академии МВД Республики Таджикистан (А.А. Абдурашидов, Р.Р. Юлдошев), Белорусского государственного университета (В.Б. Шабанов), Евразийского государственного университета имени Л.Н. Гумилева (А.Б. Скаков), Ташкентского государственного юридического университета (Н.С. Салаев), Нижегородской академии МВД Российской Федерации (А.В. Петрянин), Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Т.Ф. Минязева), Московского государственного лингвистического университета (В.А. Казакова), Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Н.Ю. Скрипченко), Ростовского института защиты предпринимателя

(Е.Н. Скорик), Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (Е.В. Нечаева), Владимирского юридического института ФСИН России (А.В. Звонов), Самарского юридического института ФСИН России (Р.З. Усев), Бурятского государственного университета (А.Н. Мяханова) и др.

В результате работы авторского коллектива было выявлено и прокомментировано более 200 коллизий уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иных отраслей законодательства России и более 150 коллизий вышеуказанных стран.

Общеизвестно, что уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное и иное законодательство имеет коллизии, изучаемые в юридической литературе¹, причем они в определенной мере имеют схожий характер в различных странах, в том числе при освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного.

Между тем разрешение коллизий законодательства при принятии решений об освобождении от отбывания наказаний в связи с болезнью осужденного важно, так как число участников соответствующего судебного заседания может быть достаточно многочисленным: осужденный и его адвокат, прокурор, представитель администрации учреждения или органа, исполняющего наказание и т.д.

Приведем некоторые из российских коллизий.

Во-первых, в ч. 1 и 2 ст. 81 УК РФ определены основания освобождения от наказания лица в связи с болезнью: наступление психического расстройства, лишаящего лицо возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими; выявление у лица иной тяжелой болезни, препятствующей отбыванию наказания.

Между тем в ч. 4 ст. 42 УИК РФ указано, что в случаях тяжелой болезни осужденного, препятствующей отбыванию исправительных работ, либо признания его инвалидом первой группы он вправе обратиться в суд с ходатайством

об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания. Однако данное основание для освобождения от отбывания наказания лица в связи с болезнью отсутствует в ст. 81 УК РФ.

Представляется, что в ст. 81 УК РФ (хотя бы исходя из ее названия – прим. авт.) должны предусматриваться все основания для освобождения лица от наказания в связи с болезнью, а также должно быть указано на то, что порядок досрочного освобождения от отбывания наказания лица в связи с болезнью определяется уголовно-исполнительным законодательством.

Аналогичная коллизия – между ч. 1 и 2 ст. 81 УК РФ и ч. 3 ст. 26 УИК РФ.

Во-вторых, в ст. 81 УК РФ описаны условия освобождения от наказания или от его дальнейшего отбывания лица, имеющего тяжелое заболевание, однако в ч. 1 ст. 398 УПК РФ говорится о возможности отсрочки исполнения наказаний по этому основанию. Указание в ст. 81 УК РФ оснований и условий отсрочки исполнения приговора в случае тяжелой болезни лица или соответствующая корректировка ст. 398 УПК РФ могут разрешить данную коллизию.

В-третьих, в ч. 5 ст. 175 УИК РФ указано три вида субъектов, которые могут обращаться в суд с ходатайством об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания в соответствии со ст. 81 УК РФ: 1) осужденный, у которого наступило психическое расстройство, препятствующее отбыванию наказания; 2) его законный представитель; 3) начальник учреждения или органа, исполняющего наказание. Однако согласно ст. 399 УПК РФ таким правом обладает лишь осужденный. Считаем, что корректировка ст. 399 УПК РФ устранил эту коллизию.

Имеют место в изучаемой области и коллизии законодательства Азербайджанской Республики (далее – АР).

Так, в соответствии со ст. 169 Кодекса по исполнению наказаний АР (далее – КИУН) «Освобождение военнослужащих от отбывания наказания» осужденные военнослужащие, отбывающие наказание в виде ограничения по военной службе,

содержания в дисциплинарной воинской части, освобождаются от неотбытой части наказания в случаях заболевания, делающего их негодными к военной службе, но при этом неотбытая часть наказания может быть заменена судом более мягким видом наказания. Однако ст. 511 УПК АР «Освобождение от отбывания наказания в силу болезни» не предусматривает возможности замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, а говорит лишь об освобождении тяжело больного осужденного от отбывания наказания.

Аналогичная коллизия – между 78.3 УК АР и ст. 511 УПК АР.

Кроме того, согласно ст. 78.3 УК АР освобождение от наказания в связи с болезнью применяется при исполнении наказания только в виде содержания в дисциплинарной воинской части. Вместе с тем в ст. 169 КИУН АР этот вид досрочного освобождения от отбывания наказания также применяется и при исполнении наказания в виде ограничения по военной службе. Более предпочтительной представляется позиция КИУН АР, что подразумевает целесообразность корректировки ст. 78.3 УК АР.

Похожая ситуация в изучаемой области – и с законодательством Республики Казахстан (далее – РК).

Так, в ч. 9 ст. 52 УИК РК предусматривается, что при признании осужденного инвалидом первой или второй группы служба пробации вносит в суд представление об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания. Однако в ст. 476 УПК РК, посвященной вопросам, подлежащим рассмотрению судом при исполнении приговора, отсутствует данное основание для освобождения от отбывания наказания.

Кроме того, в соответствии со ст. 75 УК РК лицо, у которого после совершения уголовного правонарушения наступило психическое расстройство, лишающее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, освобождается судом от наказания, лицо, отбывающее

наказание, освобождается судом от дальнейшего его отбывания, а лицо, страдающее иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, кроме пожизненного лишения свободы, освобождается судом от отбывания наказания. Однако в ч. 1 ст. 475 УПК РК предусматривается возможность отсрочки исполнения приговора, в отличие от ст. 75 УК РК.

Авторским коллективом, помимо прочего, выявлены и проанализированы коллизии законодательства Республики Таджикистан (между ст. 79 УК РТ и ст. 29.2 КИУН РТ в части регулирования оснований освобождения от наказания в связи с болезнью осужденного и др.), Республики Беларусь (например, между ст. 90 УК РБ и ст. 110 УИК РБ относительно критериев применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания), Республики Узбекистан (в частности, между ст. 47 УК РУ и ст. 145 УИК РУ в части правоограничений осужденного к ограничению по службе).

Проделанная авторским коллективом работа нашла выражение в монографии «Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий)»². В то же время очевидно, что перечень выявленных и прокомментированных коллизий не является исчерпывающим, а недостатки законодательства разных стран свидетельствуют о необходимости дальнейшей работы в данном направлении.

¹ Кашуба Ю.А. Коллизии норм Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2007. № 1. С. 15-21; Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995; Москалькова Т.Н. Преодоление коллизий в законодательстве как одно из направлений деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 20-34.

² Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий) : монография / под общ. ред. А.А. Крымова ; под науч. ред. А.П. Скибы. 3-е изд., испр. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018.

Урусов А.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Проводимая в России уголовная политика направлена на смягчение карательного воздействия на правонарушителей, которая проявляется, прежде всего, в увеличении назначения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, расширение круга оснований их применения, совершенствование регламентации их исполнения. Одним из таких видов уголовного наказания являются обязательные работы.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации удельный вес осужденных к обязательным работам постоянно увеличивается. Так, в 2014 г. к обязательным

работам осуждены 72054 чел. (11,4% от общего числа осужденных), 2015 г. – 77549 (11,7%), 2016 г. – 145369 (19,4%), 2017 г. – 131488 (18,4%), за 1 полугодие 2018 г. – 58645 (17,5%).¹ Данный факт подтверждает актуальность рассмотрения проблем, связанных с исполнением обязательных работ.

Одной из таких проблем является стремление осужденных к уклонению от отбывания уголовного наказания. Как показывает практика, каждый четвертый осужденный неоднократно нарушает порядок и условия отбывания обязательных работ, но только половине из них суд вменяет лишение свободы.

Таблица
Динамика рассмотрения федеральными судами общей юрисдикции представлений о замене обязательных работ лишением свободы²

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего рассмотрено представлений	18305	12745	26281	29568
Из них удовлетворены	11517	6865	15132	16124
% удовлетворения	63%	54%	54,5%	54,6%

Как видно из таблицы, число представлений, которые направляют уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ) на осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания обязательных работ, растет из года в год. Требования замены обязательных работ в случае злостного уклонения на более строгий вид наказания носит императивный характер, однако суды далеко не во всех случаях удовлетворяют представление УИИ о применении ч. 3 ст. 49 УК РФ к данным осужденным.

В большинстве судебных решений указывается, что применение в отношении осужденного столь суровой меры, как замена обязательных работ на лишение свободы, преждевременно, и суд считает необходимым предоставить ему возможность доказать свое исправле-

ние. Суды принимают данное решение, несмотря на то, что по месту жительства осужденные характеризуются отрицательно, злоупотребляют спиртными напитками, неоднократно не выходят на обязательные работы.

Законодатель применяет «поэтапный» подход к признанию осужденного злостно уклоняющимся от отбывания обязательных работ, т.е. нарушение порядка и условий отбывания наказания должно быть неоднократным. В случае первого нарушения осужденный признается уклоняющимся, в связи с чем в соответствии с ч. 1 ст. 29 УИК РФ УИИ предупреждает его об ответственности. При повторном нарушении порядка и условий отбывания наказания после письменного предупреждения осужден-

ный признается злостно уклоняющимся от отбывания наказания.

В научной литературе справедливо отмечается, что уголовно-исполнительное законодательство не определяет конкретные виды нарушений, за совершение которых осужденные к обязательным работам могут быть привлечены к ответственности.³ Законодательный пробел частично компенсировал Пленум Верховного Суда РФ⁴, указав ряд признаков нарушения порядка и условий отбывания наказания.

В доктрине уголовно-исполнительного права объем видов нарушений определяется по-разному, поэтому в юридической литературе рекомендуют данный перечень закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве в открытом виде.⁵

Действительно, фиксация видов нарушений имеет большое значение для нормативного регулирования исполнения уголовного наказания, т.к. неоднократное нарушение влечет обязательное изменение вида наказания. Однако в данном вопросе не все так просто.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в случае замены обязательных работ на лишение свободы применяется «льготный порядок исчисления сроков»⁶, т.е. время наказания, от которого уклонялся осужденный, засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за восемь часов обязательных работ.

Согласно ч. 2 ст. 49 УК РФ обязательные работы назначаются на срок от 60 до 480 часов. При злостном уклонении от отбывания наказания в виде обязательных работ осужденному может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 60 дней (ч. 3 ст. 49 УК РФ).

Проводя замену обязательных работ на лишение свободы, мы забываем о целях наказания, которые достигаются во время исполнения наказания. Термин «время исполнения наказания» прямо связан с двумя понятиями: срок наказания и продолжительность наказания.

Мы согласны с точкой зрения В.Н. Орлова, который считает, «что не

следует рассматривать в качестве одноименных понятий срок и продолжительность наказания. Продолжительность наказания подразумевает карательное воздействие на личность осужденного за определенный промежуток времени, и чем больше времени, тем сильнее воздействие наказания на личность»⁷.

Именно при исполнении обязательных работ данные понятия не являются одноименными. Часть 2 ст. 27 УИК РФ определяет, что время обязательных работ в течение недели, как правило, не может быть менее 12 часов. Переводя срок наказания в продолжительность карательного воздействия на осужденного, используя правило, изложенное в ч. 2 ст. 27 УИК РФ, определяем, что продолжительность обязательных работ – до 40 недель ($480 \text{ ч} / 12 \text{ ч} = 40 \text{ нед.}$), переводим недели в дни, получаем 280 дней ($40 \text{ нед.} \times 7 \text{ дн.} = 280 \text{ дн.}$), что составляет более 9 месяцев.

Заменяя обязательные работы на лишение свободы, законодатель определяет, что на осужденного будет больше мер карательного воздействия, чем при первоначально назначенном наказании. Так ли это на самом деле?

При осуществлении замены наказания сокращается продолжительность первоначального наказания в четыре раза, тем самым сокращается продолжительность исправительного и предупредительного воздействия на осужденного, время контроля и надзора за осужденным со стороны органа, исполняющего наказание. При этом условия исполнения наказания в виде лишения свободы и меры карательного воздействия не увеличиваются в равной пропорции к предыдущему наказанию.

Во-первых, срок карательного воздействия минимален (до 60 дней). Во-вторых, согласно п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ лица, осужденные за преступления небольшой и средней тяжести, а именно за данные преступления назначаются обязательные работы, отбывают лишение свободы в колониях-поселениях, т.е. в исправительном учреждении «открытого типа», где они содержатся без охраны, могут иметь свидания и полу-

чать посылки и передачи без ограничения их количества, а также с разрешения администрации колонии-поселения могут передвигаться без надзора вне колонии-поселения (ст. 129 УИК РФ). В-третьих, в течение назначенного срока (от 7 до 60 дней) сотрудники исправительного учреждения только успеют изучить личность осужденного, а на исправительное воздействие у них не останется время, так как уже с момента поступления в колонию-поселение осужденного необходимо готовить к освобождению (ст. 180 УИК РФ). Если подходить еще более тщательно, то администрации колонии-поселения не хватит времени подготовить его к освобождению (согласно ст. 180 УИК РФ при исполнении наказания в виде лишения свободы подготовка к освобождению начинается за 6 месяцев до истечения срока наказания).

Именно «льготный порядок» замены наказания приводит к тому, что осужденному удобнее отбыть более «строгое» наказание, нежели обязательные работы.

Основная причина сложившейся ситуации в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве связана с тем, что злостное уклонение от отбывания наказания в виде обязательных работ, как и других уголовных наказаний без изоляции осужденного от общества, рассматривается не как посткриминальное преступление⁸, которое вызвано новым конфликтом с законом лица, отбывающего уголовное наказание, а как уголовный проступок.⁹

Соглашаясь с мнением И.В. Дворянскова, сделаем вывод, что криминализация злостного уклонения от отбывания данного вида наказания обеспечит большую эффективность предупреждения нарушений порядка и условий отбывания обязательных работ, поскольку, во-первых, вместо замены наказания более строгим («льготный порядок») злостное уклонение будет образовывать самостоятельный состав преступления; во-вторых, новое наказание будет присоединяться к назначенному

за прежнее преступление по правилам полного или частичного сложения или поглощения более строгим менее строгим, в-третьих, злостное уклонение будет образовывать повторность преступления, т.е. будет возникать рецидив со всеми вытекающими негативными последствиями¹⁰. В связи с этим возникает необходимость изменить редакцию ст. 314 УК РФ, предусмотрев уголовную ответственность за злостное уклонение не только от обязательных работ, но и исправительных работ и ограничения свободы.

¹ Сводные статистические сведения о судебной деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014-2018 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>

² Там же.

³ Орлов В.Н. Об ответственности за нарушение порядка и условий отбывания обязательных работ и за злостное уклонение от их отбывания // Человек: преступление и наказание. 2010. Т. 1. С. 115-119.

⁴ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 59.

⁵ Напр.: Орлов В.Н. Обязательные работы как мера уголовного наказания // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 359; Осадчая Н.Г. Обязательные работы как новый вид наказаний в российском уголовном законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999. С. 169.

⁶ Дворянсков И.В. К вопросу об уголовной ответственности за злостное уклонение от обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2 (34). С. 13.

⁷ Орлов В.Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты : монография. М.: МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2011. С. 45.

⁸ Тюшнякова О. Механизм обеспечения исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы // Уголовное право. 2006. № 3. С. 89.

⁹ Напр.: Иванова С.И. Уклонение от отбывания уголовного наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004; Чорная У.В. Злостное уклонение от отбывания наказания как основание уголовной ответственности // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2. С. 38-41.

¹⁰ См.: Дворянсков И.В. Указ. соч. С. 13-14.

Андреева Ю.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет

ЭЛЕМЕНТЫ КОНТРОЛЯ ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

В теории и законодательстве уголовно-исполнительного права нередко вместо понятия «контроль за обеспечением прав человека при исполнении уголовных наказаний» употребляются как синонимы смежные с ним понятия «контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания», «контроль за деятельностью персонала учреждений и органов, исполняющих наказания» и «контроль за исполнением уголовных наказаний», что вызывает проблемы разграничения данных видов контроля между собой.

Полагаем, что отличить контроль за обеспечением прав человека при исполнении уголовных наказаний от смежных видов контроля можно по следующим элементам: объекту и предмету; подконтрольным объектам и субъектам; видам контроля; методам, способам, средствам и формам контроля; процессу осуществления контроля; механизму международного и (или) национального восстановления нарушенных прав подконтрольных объектов.

Считаем, что объектом контроля за обеспечением прав человека при исполнении уголовных наказаний является совокупность общественных отношений, возникающих по поводу фактического состояния соблюдения и в связи с нарушением прав, свобод и законных интересов осужденного при исполнении уголовных наказаний с целью устранения выявленных отклонений при помощи международных и национальных судебно-правовых и административно-правовых средств, а также учета общественного мнения.

Следовательно, предмет контроля — это фактическое состояние объекта контроля и его соответствие международным и национальным нормативным право-

вым актам в области прав человека при исполнении уголовных наказаний.

Подконтрольными объектами в обозначенном случае являются права, свободы и законные интересы осужденных, действия (бездействия) сотрудников и работников ФСИН России, территориальных органов и их подразделений.

Подконтрольными субъектами являются: ФСИН России, территориальные органы и их подразделения.

Видами контроля выступают: международный, президентский, парламентский, правительственный, других федеральных органов исполнительной власти, судебный, ведомственный и внутриведомственный, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, прокурорский надзор, иных государственных органов, общественно-государственный и негосударственный.

Думаем, что метод контроля — совокупность способов судебно-правового и административно-правового воздействия на подконтрольные объекты и учета общественного мнения для достижения целей и задач контроля.

Способ контроля — это целенаправленное действие и отдельный прием, осуществляемые для выявления фактического состояния объекта контроля, его соответствия международным и национальным нормативным правовым актам в области прав человека при исполнении уголовных наказаний и выбора средств контроля.

Средства контроля — это система установлений и процедур, с помощью которых осуществляется выявление фактического состояния объекта контроля, его соответствия международным и национальным нормативным правовым актам в области прав челове-

ка при исполнении уголовных наказаний и выбор форм контроля.

Средствами контроля являются: посещение учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания; беседы с подконтрольными лицами; подготовка заключений о фактическом состоянии и в связи с нарушением прав, свобод и законных интересов осужденного после посещения учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Считаем, что формы контроля – это способ конкретного выражения и организации контрольных действий и отдельных приемов, осуществляемые для выявления фактического состояния объекта контроля, его соответствия международным и национальным нормативным правовым актам в области прав

человека при исполнении уголовных наказаний.

Формами контроля выступают: правовая экспертиза, надзор, аудит, рассмотрение отчетов по результатам деятельности подконтрольных объектов за определенный период или по определенному вопросу, целевые контрольные проверки по отдельным жалобам, сообщениям средств массовой информации, обращениям различных судебно-следственных и иных правоохранительных органов; ревизии финансово-хозяйственной деятельности; всестороннее целевое инспектирование деятельности подконтрольных организаций по всем видам и направлениям их деятельности за определенный период.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

XXII международная научно-практическая конференция

(4–5 апреля 2019 г.)

Материалы конференции

ISBN 978-5-7889-0273-9

Часть 1

ISBN 978-5-7889-0274-6

Редакторы Ю.В. Леонтьева, О.В. Сергиенко, Е.А. Никитина.
Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой.

Подписано в печать 15 марта 2019 г.
Формат 60х84/8. Бумага типографская. Гарнитура Times, Arial Narrow.
Печать офсетная. Уч. изд. листов 22,3.
Тираж 160 экз. Заказ 83.

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии СибЮИ МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.